Библиотека журнала «Путь»

В.В.Налимов

КАНАТОХОДЕЦ

Библиотека журнала «Путь»

В.В.Налимов

КАНАТОХОДЕЦ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
1994

ББК 87
Н 23

Редактор *И. И. Блауберг*
Художник *А. Н. Дьячков*
Художественный редактор *В. К. Кузнецов*

Налимов В. В.

Н 23 Канатоходец. Воспоминания.— М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.— 456 с.

Воспоминания известного ученого и философа В. В. Налимова, автора оригинальной философской концепции, изложенной, в частности, в книгах «Вероятностная модель языка» (*1979*) и «Спонтанность сознания» (*1989*), почти полностью охватывают XX столетие. На примере одной семьи раскрывается панорама русской жизни в предреволюционный, революционный, постреволюционный периоды. Лейтмотив книги — сопротивление насилию, борьба за право оставаться самим собой.

Судьба открыла В. В. Налимову дорогу как в науку, так и в мировоззренческий эзотеризм. В течение 10 лет он был участником движения мистического анархизма в России. В книге освещено учение мистического анархизма, а также последующие события жизни автора: тюрьма, колымский лагерь, ссылка; затем — возвращение в Москву и вторичное вхождение в мир науки, переосмысление пережитого.

Воспоминания носят как философский, так и историографический характер. В приложении помещены протоколы из архивных материалов, раскрывающие мало исследованные до сих пор страницы истории мистического анархизма в России.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей и философией.

Н $\frac{0301000000}{006(01)—94}$ без объявл. **ББК 87**

ISBN 5-01-004301-7

© В. В. Налимов, 1994
© Издательская группа «Прогресс», 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания написаны как летопись века. Летопись, преломленная через лично пережитое. Поэтому здесь отдельным, частным событиям уделено много внимания, а крупные затрагиваются лишь в той степени, в какой они касались лично осмысленного. Перед вами летопись не политического деятеля, а свободного мыслителя — жившего активно и участвовавшего в сопротивлении происходящему.

Я касаюсь науки в той мере, в какой участвовал в ней сам. Касаюсь мистического анархизма — эзотерического движения, развернувшегося в России. В течение десяти лет я был связан с этим движением, хотя и стоял на первой его ступени. Касаюсь большевистского террора, поскольку сам провел около 18 лет в тюрьмах, лагерях, «вечной ссылке» или в условиях ограниченного паспортного режима. Касаюсь и моих зарубежных впечатлений — этот мир открылся для меня лишь в конце 80-х годов.

Судьба меня свела со многими яркими людьми нашего времени. Мои воспоминания можно рассматривать как фрагменты из истории русской интеллигенции XX века.

Конечно, многое из того, что здесь лишь затронуто, в ближайшее время будет подлежать детальному исследованию. История последних десятилетий оставила нам множество загадок.

Заглавие этой книги могло бы прозвучать и так: L'épave (Обломок судна после кораблекрушения), но по-русски это слишком громоздко.

Автор

Посвящается
Агнии Онисимовне Солонович

ПРОЛОГ

Лилия Богоматери

Ты, чьим легким стопам пьедесталами
Служат узкие шпили соборов,
Над зубцами дворцов, над кварталами
Осенившие каменный город!
Охрани под свистящими вьюгами,
Защити, как детей, Мадонна,
Выходящих без лат, без кольчуги,
На дорогу печали бездонной!

Д. Андреев
Песнь о Монсальвате
(незаконченная поэма, 1934—1938 гг.)

1. И стал на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные.

. . . . . .

4. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?

5. И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно...

. . . . . .

15. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя.

Откровение святого Иоанна Богослова,
§ 13

ПРЕДДВЕРИЕ[1]

Фрагменты семейной хроники в дни революционного террора, когда новые Смыслы жаждали крови

... Так идут державным шагом
Позади голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

А. Блок. Двенадцать
(январь 1918 г.)

Когда на семантическом поле возникает ураган, когда порождаются смерчи, насыщающие смыслы безудержной энергией, тогда начинается революция.

Революция — это порыв народной страсти, безудержной, раскованной, жестокой.

Революция — это жажда нового, еще никогда не бывалого. В революции романтика разрушения: вера в то, что дух разрушающий (как это полагал М. Бакунин) становится духом созидающим.

Но разрушению, даже разрушению ветхого, всегда

[1] Опубликовано под названием «Канатоходец» в журнале **Путь**, 1992, № 1, с. 242—253.

есть сопротивление. И смыслы — смыслы нового, ожесточаясь, начали жаждать крови. Кровью обагрялся и белый венчик из роз. И было еще раньше сказано:

> Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч (Мф 10,34).
>
> Но меч всегда опасен: ... ибо все, взявшие меч, мечем погибнут (Мф 26,52).

Страсть всегда мимолетна. На смену ей приходит унылое похмелье. Смыслы, стараясь устоять, костенеют в своей закрытости. Становятся идеологией. Обращаясь к силе, они стали создавать удручающую, еще никогда не виданную *власть*, обернувшуюся неизгладимой национальной трагедией.

Ветер судьбы заставил меня с детства соприкоснуться с трагичностью, порожденной осатанелыми смыслами. Не обошла она и никого из близких мне.

Моя мать — Надежда Ивановна — была врачом-хирургом. Во время гражданской войны ее мобилизовали в Красную Армию для работы в сыпнотифозном госпитале, где она и погибла от этой ужасной болезни. И ее смерть в Красной Армии не спасла ее отца — в прошлом энергичного предпринимателя — от лишения избирательных прав и высылки из родного дома. Ее брат, а впоследствии и сестра не выдержали унижения и покончили с жизнью. Сейчас, перелистывая старые семейные фотографии, я вижу, что моя мать всегда выглядела очень печальной. Было ли это предчувствие того, что она никогда не увидит своих детей взрослыми? Помню, как, будучи мальчиком, я как-то пошел с ней в госпиталь (еще в дни Первой мировой войны), где у нее должен был быть послеоперационный вечерний осмотр. Я положил почему-то свою руку в карман ее пальто. Она взяла мою руку и сказала: «Ну вот, ты скоро уже будешь совсем большой, и я смогу опереться на твою руку». Но этому не дано было свершиться.

Мой отец, Василий Петрович, — профессор, вышедший из глухой северной деревни, умер в тюрьме в 1939 году, после второго ареста.

Моя сестра, Надежда, во время Второй мировой войны была женой английского офицера — сотрудника

Королевской военной миссии. После окончания войны муж ее должен был вернуться на родину, она, естественно, была отправлена в исправительно-трудовой лагерь. После хрущевской реабилитации в Москву вернулся больной человек с надорванной психикой. Со всей присущей ей страстностью она стремилась в Англию, но напрасно. Муж-англичанин отрекся от нее, сидевшей в русском лагере.

Примечательна своей парадоксальностью история семьи моей мачехи — Ольги Федоровны. Здесь со всей отчетливостью проявляется вся нелепость семейной сопряженности противостоящих друг другу смыслов. Ее родителями были деревенские учителя, одновременно занимавшиеся сельским хозяйством с использованием рабочей силы (в революционной терминологии попросту — кулаки), но как иначе в предреволюционное время можно было бы им дать не только среднее, но и высшее образование семерым своим детям? Один из ее братьев в дни гражданской войны был белым офицером, но судьба почему-то охранила его. Другой — во время Первой мировой войны, будучи связанным (еще в школьные годы) с партией эсеров, оказался под угрозой повешения. Бежал за границу — тогда это было просто. После революции вернулся, но ему не очень понравились новые порядки, и он снова бежал: нашелся польский контрабандист, который перевез его в чемодане через границу. Был арестован в Польше как русский шпион. Потом оказался в Льеже, где получил диплом горного инженера. Работал в Бельгийском Конго. Оттуда приходили заманчивые открытки: коттедж среди пальм, негры-слуги в белых одеждах. Но душа бывшего революционера не могла смириться с колониальными порядками — он вмешался в недозволенное. Жену отравили, он оказался в Бельгии, заключенным в католический монастырь (фирма боялась разоблачений), где получил прекрасную подготовку в мистических учениях. Потом опять в России — его деятельность по открытию крупных месторождений цветных металлов в Казахстане чередуется с легким отдыхом в психиатрических лечебницах: его идеей-фикс было спасение

негров в Америке. Но вот младшая сестра из этой «вполне обыкновенной» семьи сразу после окончания гимназии оказалась следователем в ЧК в Казани. Позднее она окончила химфак МГУ и работала в ЦК партии. Но недолго. Внутренне она была необратимо надорвана. Говорили, что тогда был такой порядок: дежурный следователь должен был сам расстреливать тех, чей черед приходился на этот день, или — по другой версии — тех, чье дело он вел. Но как бы то ни было, нам — тогда еще подросткам — категорически было запрещено ее расспрашивать о чем-нибудь. А очень хотелось.

И наконец, муж одной из сестер моей мачехи — Иосиф Моисеевич Фейгель (позднее просто Павлов). Он был сначала фельдшером в том селе, откуда происходила семья мачехи. Потом — председателем губернского ЧК в Киеве. (Легко представить себе, что делалось в этом городе, который был оплотом не только утонченной интеллигенции, но и русского черносотенства.) Через некоторое время Ф. Дзержинский предлагает ему возглавить московскую ЧК. Он отказывается и поступает учиться в Институт красной профессуры. (В этом Институте, кажется, почти все были поклонниками левого коммунизма Л. Троцкого, и меня, еще подростка, он пытался вдохновить этими идеями, но напрасно, мне и тогда это казалось достаточно нелепым.) Запомнился мне один эмоционально напряженный разговор моего отца с этим родственником:

Фейгель: Я вижу, что вас должны будут скоро расстрелять.

Отец: И я это предвижу. Но вас расстреляют все же раньше, чем меня.

Предсказанное исполнилось: Фейгель был арестован раньше и погиб в лагере. Не спас и боевой орден, данный за кровавое усмирение мятежного Кронштадта. Его единственный сын погиб на войне. Он защищал не только родину, но и тех, кто так расправился с его отцом за верную службу.

Теперь мне хочется вспомнить своего крестного отца — Д. Т. Яновича. Я часто навещал его: у него была

прекрасная библиотека книг для подростков. Его квартира (в доме с памятью о Гоголе) была, как музей,— он был, как и мой отец, этнографом. Свой род он вел от знати Запорожской Сечи — украинской вольницы. Дома еще хранилось и кресло прабабушки, и боевое седло прадедушки. Страстью Яновича были анекдоты — не только непристойные, но и политические. Здесь он был непревзойденным мастером. И жизнь свою, естественно, закончил в лагере. Анекдоты, в той форме и той напряженности, которую они тогда обрели,— это, кажется, было чисто русское явление. Это — издевка из-за угла. Это — последний посильный протест. Протест опасный: за острое слово приходилось платить жизнью. Но молчать иным было невмоготу.

Но вернемся к семейной хронике. Моя первая жена — Ирина Владимировна Усова. Ее отец — дворянин и небогатый помещик, владевший имением в Курской губернии. Он получил агрономическое образование в Германии, и его страстные усилия были направлены на то, чтобы показать, как здесь, на русском черноземе, можно вести разумное, технически оснащенное хозяйствование. Не мог он перенести разрушения всего того, что считал главным делом своей жизни, и умер от сердечного приступа, бежав из своего родного дома. Его сын Алеша — еще только начинавший самостоятельную жизнь человек — был расстрелян после того, как армия Колчака уже сложила оружие. Их — офицеров — расстреляли без суда [2]: об этом с глубокой скорбью написала в письме сибирская крестьянка —

[2] Позднее, в 30-е годы, в камерах Бутырской тюрьмы, провожая уходящих в неведомое, пели два гимна: «Гимн соловчан» и романс Вертинского, посвященный женщине, оплакивающей мужа-офицера над братской могилой расстрелянных:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой.
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

хозяйка того дома, где Алеша жил, начав работать сельским учителем. Позднее, в 1947 году, была арестована и его сестра Татьяна по делу друга дома — поэта Даниила Андреева (это уже было большое «дело» — по нему было арестовано 50, а может быть, и 100 человек; подробнее к этому «делу» я вернусь позднее). Каким-то удивительным образом удалось охранить от ареста другую сестру — мою тогдашнюю жену Ирину. Их мать — Мария Васильевна — не могла пережить ареста любимой дочери и близкого ей по духу, очаровавшего ее поэта. Быть другом поэта, любя поэзию,— поэта милостью Божией,— это удивительное счастье. И все рухнуло, обернувшись кошмаром для всех. (В свое время М. В. закончила Институт благородных девиц, свободно владела немецким и французским языками. В 20-е годы окончила курсы переводчиков под руководством В. Брюсова. Профессионально переводила таких поэтов, как Рильке, Верлен, Бодлер. Потом кто-то заподозрил что-то. Ей дали для перевода антирелигиозное стихотворение. Она отказалась. На этом закончилась ее переводческая деятельность. А она жила поэзией. Могла часами обсуждать перевод какой-то одной строчки — предлагая все новые и новые варианты, проводя нескончаемые сравнения с переводами других.) Был истреблен и этот крохотный островок, остававшийся еще от дворянского прошлого России.

Вторая моя жена — Жанна Дрогалина. Ее отец был арестован в конце 30-х или в начале 40-х годов, и о нем больше ничего не известно. Мать Жанны и ее отчим —

Забросали их елками, замесили их грязью,
И пошли по домам под шумок толковать,
Что пора положить бы конец безобразью,
Что и так уже скоро мы начнем голодать.

И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне.

Москва, октябрь 1917 г.

И если этими словами мы провожали уходящих, то теперь они остаются памятью о тех, кто не вернулся из этого пути.

суровые партийцы. Дома никто и никогда не говорил о ее отце. Она услышала о нем впервые во время одной из бесед в отделе кадров. Ей был задан вопрос: «А знаете ли вы, что у вас не родной отец?» Она не знала.

А где друзья ранних лет моей юности? Если их или их семьи не затянула трясина репрессий, то они погибли во Второй мировой войне с Германией, охваченной своими демоническими силами. Здесь хочется мне вспомнить школьного друга Петю Лапшина. Он был обаятелен своей открытостью, отзывчивостью — готовностью помогать всем. Мы, его друзья, постоянно толпились в его и без того тесной квартире в одном из арбатских переулков. Постоянно ездили вместе на загородные прогулки. Нас объединяло и то, что мы были молоды, и то, что мы все были интеллигентны и понимали, в той или иной степени, всю нелепость и трагичность происходящего. И вот текущие изъятия: у Дины Кузьминой, родственницы Пети, вдруг арестовывают отца — преподавателя одного из вузов; позднее у Гали Чернушевич так же и столь же неожиданно арестовывают отца — он был главным металлургом одного из крупных московских заводов и буквально дни и ночи проводил на работе; здесь одна деталь: в ночь обыска сбежал Галин муж, оставив беременную жену без средств к существованию; Федя Виттов — его не оставляли в покое соответствующие органы: он происходил из когда-то знатных литовских дворян и был не без греха: умел и страстно любил рассказывать анекдоты — естественно, положенные ему три года он получил; и как-то совсем не надолго среди нас появилась Катя (ее фамилию я не могу вспомнить) — у нее был голос удивительного тембра, ее готовили в актрисы на большой сцене, голос придавал ей особое обаяние, и это сгубило ее: она не ответила должным образом на чьи-то притязания и исчезла. А сам Петя во время войны отказался от брони (по работе), пошел добровольцем в армию и сразу же был убит у своего пулемета.

Теперь другое воспоминание: математическое отделение физико-математического факультета Московского университета имени Покровского, 1930 год. В один

сумрачный день шепот пробежал среди нас, студентов: арестован профессор Дмитрий Федорович Егоров. Он был основателем московской математической школы. Мы слушали его лекции, учились по его учебникам. В своих общечеловеческих взглядах он, конечно, был старомоден. К тому же ранее исполнял обязанности старосты университетской церкви. А во время ареста был уже совсем старый и больной человек — в тюрьме скоро скончался. И опять хочется задать все тот же вопрос: кому и зачем была нужна его смерть?

А где мои духовные учителя, чьи имена я чту и чье дело я пытаюсь продолжать в своих работах философской направленности? Я узнал только, что они были посмертно реабилитированы много раньше, чем я. Тюремные дела тоже полны парадоксов.

А мои скитанья: арест в 26 лет. Весной 1937 года приговор Особого совещания (без суда): 5 лет исправительно-трудовых лагерей за контрреволюционную деятельность. Репрессия в разных своих проявлениях растянулась на 18 лет. В 1954 году по амнистии с меня снимается судимость. Снимается потому, что у меня в приговоре было всего-то только 5 лет! В 1960 году, наконец, реабилитация. Но и по сей день я подчас чувствую за собой плетущуюся тень с кличкой «враг народа»[3]. Со мною вместе были арестованы и многие другие — два моих, еще школьных, товарища: Юра Проферансов погиб в лагере, Ион Шаревский был расстрелян. А о «Деле» в целом я практически долго ничего не знал. В плане духовном, видимо, все погибло. Иногда мне кажется, что я только один и продолжаю в своих работах ту, начавшуюся тогда, новую для России нить философского осмысления мира с синтетических позиций, готовых впитать в себя все богатство мысли как Запада, так и Востока, не чуждаясь ни многообразия религиозных представлений, ни научных построений, ни философских изысканий.

---

[3] Геноцид имеет разные проявления. В старой России в реакционных кругах была поговорка: «Крещеный жид — все же жид».

Вот так и с реабилитированным — он все же для хранящих чистоту веры остается врагом.

Не нужно думать, что трагичность сгущалась только вокруг отдельных личностей и их окружения. Она была повсеместной. С начала 30-х годов она стала эпидемией, захватившей в той или иной мере все слои общества. Наверное, эту эпидемию можно было бы назвать робеспьеровской. Как и всякая эпидемия, она реализовывалась все же избирательно, захватывая прежде всего людей выдающихся, и особенно талантливых. В своих философски ориентированных работах я иногда обращаюсь к поэтам нашей страны недавнего прошлого. Вот как обернулась их судьба: Александр Блок — принявший русскую революцию и воспевший ее,— умирает, находясь в тяжелом нервном расстройстве, в голодном Петрограде; Николай Гумилев расстрелян в 1921 году (позднее в лагере оказывается его сын — историк Лев Гумилев[4]); Сергей Есенин — повесился; Марина Цветаева после нескончаемых унижений также вешается; Владимир Маяковский — стреляется; Николай Заболоцкий отбывает свой срок в лагере; Максимилиан Волошин умер своей смертью, но в начале 20-х годов в буйствующем Крыму он читал свое имя в списке приговоренных [5]; Даниил Андреев (я о нем упоминал выше) выходит из Владимирской тюрьмы в середине 50-х годов уже совсем больным и умирает в 1959 году; Александр Коваленский (родственник А. Блока) — выдающийся писатель и поэт, чьи произведения, кажется, безвозвратно погибли, оставшись мало кому известными,— был осужден по делу Андреева, также вышел из тюрьмы больным и вскоре умер; Осип Мандельштам — величайший мастер русского слова — умер в одном из лагерей; Александр Введенский — поэт-философ, удивительно осмысливший проблему времени, умер, будучи арестованным — у нас он до сих пор известен только как детский поэт... Похоронный список поэтов здесь, конечно, неполон. Но и он

[4] Трагизм его ареста запечатлен в знаменитой поэме его матери Анны Ахматовой — «Реквием».

[5] В его стихотворении «Дом поэта» находим такие строки:

И сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.

устрашает. Истребляющая сила была неумолима и изобретательна. Ее задачей было — порвать связь поколений, освободить дорогу новому, никак не скованному прошлым. И это, кажется, удалось...

* * *

Да, все это не более чем суровая, жестокая расплата за попытку обрести новые смыслы не личностно, а в целом для народа, для всего народа — не подготовленного к тому, чтобы вынести бремя открывшейся ему свободы. Бремя оказалось слишком тяжелым, неуютным, невыносимым. Свобода обернулась разгулом, из которого стала выкристаллизовываться несвобода, еще более суровая, чем это было раньше. Новая идеология всегда страшнее, чем старая, одряхлевшая.

Но все же были периоды междуцарствия, когда свободу не удавалось сдерживать. Вспомним Февральскую революцию. Русская Бастилия — Шлиссельбургская каторжная тюрьма пала 28 февраля без единого выстрела [6].

Можно вспомнить и 20-е годы. Кончилась гражданская война, начался нэп, и люди вздохнули с надеждой. У многих тогда еще сохранялась открытость к свободе. Была вера — удивительная вера в то, что социальную справедливость можно осуществить здесь и сейчас. Казалось, что в жизни делается что-то совершенно невиданное, неслыханное. Делается то лучшее, о чем могло мечтать человечество. Шел напряженный поиск нового во всем — в философии, в научной и религиозной мысли, в искусстве — особенно в театре, в школе — даже в обычной средней школе, в сектантстве — народном и изысканно эзотерическом, переживавшем

---

[6] Освободить каторжан пришло 12 тысяч рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов. Заключенные ничего не знали о начавшейся революции. Никто ничего не ждал. Свершилось немыслимое, сказочное. Рухнул оплот многовековой имперской власти. Перестала существовать центральная государственная тюрьма. Относящиеся сюда строки [Гернет, 1963] и сейчас нельзя читать без волнения, особенно тому, кто по личному опыту знает, что такое тюремная решетка на окне.

пору своего расцвета[7]. Соответственно росло разногласие.

Разномыслию уже тогда стала противостоять государственно узаконенная устремленность к всеохватывающему единомыслию. Сначала казалось, что это противостояние происходит где-то на периферии — в точках крайней напряженности. Но потом стало ясно, что оно становится повсеместным, затрагивая каждого из нас. Каждого из тех, кто не мог следовать беспрекословно за причудливым ходом раскрытия новой идеологии.

В школьные годы у меня был друг — Игорь Тарле. Его отец, известный меньшевик, провел все те 20-е годы то в политизоляторах, то в ссылках. Только раз я его видел где-то между двумя ссылками — он оказался проездом в Москве.

Вспоминаю Лёлю Гендельман. На исходе школьных лет познакомил меня с ней Ион Шаревский. Она была немного старше нас, но мы быстро подружились. Одно время она была непременным участником наших умных философских бесед, они и проходили чаще всего у нее дома: она одна из всех нас имела собственную комнату. Ее родителей я никогда не видел — ее отец был членом ЦК партии правых эсеров и всегда находился в ссылке. Увлекательные беседы, правда, продолжались недолго: удручающей показалась мне ее страстная приверженность к гегелиано-марксистским построениям. Позднее я узнал, что она была арестована и получила три года политизолятора за участие в каком-то меньшевистски ориентированном кружке[8].

---

[7] Иллюстрируем это хотя бы одним примером: если в 1917 г. численность евангельских христиан-баптистов составляла 250 тысяч, то к 1928 г. она составляла уже около двух миллионов [Bayley, 1987]. Это свидетельствует о том, что народ начал сам выбирать свою веру. И естественно, что выбор здесь пал прежде всего на баптистов, несущих большую духовную свободу и вместе с тем требующих большей доброты, отзывчивости и честности.

[8] И все же тогда свобода еще не была истреблена до конца. Продолжали существовать два общества помощи заключенным: «Красный крест» — меньшевистский орган (им руководил Винавер) и «Черный крест» — анархистская помощь (руководила Агния Солонович).

Я был знаком с семьей профессора Александра Петровича Нечаева — известного в то время психолога, в прошлом члена партии кадетов. Одно время я учился в Опытно-показательной школе, где он был директором. Позднее, будучи человеком непреклонных убеждений, он высылается из Москвы. Был выслан и его старший сын Модест — востоковед и теософ.

Особенно примечательный случай произошел в 26-м или, может быть, в 27-м году. В первый день Пасхи (тогда это еще был торжественный, всенародный праздник с повсеместным перезвоном колоколов) я захожу под вечер к своему школьному товарищу Сергею Знаменскому (позднее он стал архитектором и погиб на войне в саперном батальоне) и узнаю, что утром пропал его брат, которому тогда было лет 16 или чуть больше. Пропал, и все. Его искали, всюду наводили справки, но тщетно. Недели через две он появляется как ни в чем не бывало. Оказывается: утром в день исчезновения пошел к храму Христа Спасителя. Там на паперти увидел оживленную, спорящую толпу. То были сектанты разного толка. Послушав, понял, что уровень дискуссии соответствует степени его развития, и активно вмешался в обсуждение. Его, естественно, арестовали за недозволенное своемыслие и потом две недели выясняли — не является ли он чьим-нибудь тайным эмиссаром. Не найдя опасных истоков ереси, выпустили. Без последствий: тогда еще была свобода, хоть какая-то!

Узнав о случившемся с Лёлей, я разыскал «Красный крест» — две уютные комнатки где-то в центре Москвы, заваленные какими-то бумагами. Там меня встретили приветливо две незнакомые молодые женщины. Я сказал, что принес для Л. Г. деньги и книги по математике (они принадлежали, собственно, ее брату — студенту-математику, тоже репрессированному меньшевику). Мне показалось, что политизолятор это и есть самое подходящее место для изучения высшей математики философски озабоченной девушкой. У меня все приняли с благодарностью и пониманием. Никто не спросил, кто я и откуда я.

Напомню название тогдашних Централов (так назывались политизоляторы): Орловский, Ярославский, Владимирский, Суздальский, Верхне-Уральский, Челябинский. До сих пор эти названия звучат для меня грозно и в то же время романтично — в то время в Централы шли еще добровольно, из внутренней убежденности, долга, протеста. Хотели предупредить, но не были услышаны.

Но так было в 20-е годы. К 30-м годам тучи стали сгущаться — аресты подходили вплотную чуть ли не к каждому дому. В 1933 году был в первый раз арестован и мой отец, но тогда это еще удалось преодолеть. Мы знали, что происходит в деревне... Но в городе под нависшими тучами продолжала идти обычная жизнь. Люди продолжали работать, как всегда. И вот что удивительно: люди работали напряженно, с подъемом, часто даже с энтузиазмом. Так, во всяком случае, было в научных учреждениях, где приходилось работать и мне, так было и на заводах, с которыми мы были связаны. Так работали не потому, что верили в светлое будущее — в него, кажется, уже почти никто не верил. Почти никто ничего не понимал. Ведь если эпидемия, то что же понимать? Работали потому, что где-то в глубинах сознания сохраняли потенциал, заложенный еще в 20-е годы.

Сейчас, сквозь туман прошедших лет, 20-е годы представляются золотым веком русской Революции. Но и в нем была червоточинка. Разрастающаяся, расширяющаяся червоточинка.

* * *

Трудно писать воспоминания о прожитом. Опять гарью застилается душа. Пожар. Горели не леса и села, а человеческие судьбы. Горела судьба страны. Многое выгорело совсем. Начисто.

Впервые в истории человечества успешно завершается революция. Великая революция — этого нельзя не признать. Революция, обернувшаяся кровавой мистерией, — этого нельзя не видеть. Революция, подготовленная всем прошлым Европейской истории. Старая культура оказалась полностью истребленной во имя создания новой. Смыслы, долго тлевшие в подполье, наконец вышли на поверхность мировой истории и показали, на что они способны. Эксперимент, гигантский социальный эксперимент, наверное, уже можно было бы считать завершенным. Можно было бы подводить

итоги. Но нет — он продолжается. Продолжается потому, что не созрели новые смыслы, способные увлечь сразу многих[9].

Я был не только свидетелем, но и участником свершавшихся событий, пытавшимся всегда оставаться самим собой, не подчиняясь мрачной идеологии насильственного пути ко всеобщему, исторически (как нас в этом уверяли) предначертанному нам счастью.

Обо всем этом я хочу рассказать в своих горестных воспоминаниях. Рассказывая, я буду комментировать, выступая не как ученый-историк (архивы мне лишь частично доступны), а как участник событий. Это не более чем мемуары размышляющего участника, страстно желавшего понять природу человека и его предназначение.

А смыслы — суровые смыслы насильственного преображения человечества, притаившись, все еще жаждут крови. Сейчас многие думающие ищут виновных, подлежащих наказанию. А их нет. Не было зловредного заговора (во всяком случае, в ранние 20-е годы его, по-видимому, никто не ощущал), а была устремленность в новое, неизвестное. Все было, как было, и было так, как было подготовлено всей историей страны. Ныне, не забыв еще старых распрей, мы быстро приближаемся к новой — теперь уже не национальной, а планетарной катастрофе. Кто ее готовит? Наверное, все те, кто, будучи погруженным в повседневность своих забот, не ощущает ответственности за происходящее, не проявляет Заботы.

---

[9] Смысловой вакуум всегда чем-то заполняется. Появляются псевдосмыслы. И сейчас, как встарь, в нашей стране возникла тенденция к национальному обособлению. Вновь проснулся архетип племени. Могучий архетип, проходящий красной нитью по всей истории человечества. Но времена изменились — культура наших дней стоит теперь перед новыми, суровыми проблемами, которые не могут быть решены путем национального обособления. Они носят общечеловеческий характер, и решать их надо (если вообще возможно) только объединенными усилиями. Необходима совместная устремленность к новому. Будущая культура видится очень многообразной, многомерной — транснациональной. Национальное обособление — это проблема вчерашнего дня. Но это уже другая тема.

Быть может, и впрямь над нами, духовными потомками древнего Средиземноморья, тяготеет Рок — судьбы суровое звучание. Мы не сумели воспринять то, что нам было дано. Входя в храм, особенно в сумрачный — католический, я слышу горестные слова непроизнесенной молитвы: о, Боже, дай нам силу преодолеть самих себя на предстоящем нам пути!

Мы слышим набат, различаем в нем звучание слов:

Забота, Судьба, Рок.

Литература

Гернет М. Н. **История царской тюрьмы.** Том V. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ 1907—1917. М.: Юридическая литература, 1963, 340 с.

Bayley M. Y. **One Thousand Years. Stories from the History of Christianity in the USSR.** N. Y., 1987.

Часть I

РОДИТЕЛИ

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Глава I[1]

НЕПОКОРИВШИЙСЯ: ПУТЬ ИНОРОДЦА В РОССИИ

Профессор Василий Петрович Налимов в воспоминаниях сына

Язычество — утро, христианство — вечер.

В. Розанов [1992]

Передо мною встают минувшие дни. Ушедшие, как живые, выступают из тени прошлого. Я снова начинаю переживать напряжения их мыслей, боль их борьбы, силу стойкости, трагедию поражения, обернувшуюся гибелью культуры, не успевшей расцвести и созреть.

1. Введение

Недавно (7/20/III-1994 г.) исполнилось 115 лет со дня рождения моего отца. И я возвращаюсь к воспоминаниям о нем, начатым в Берлине (в перерывах между лекциями) в дни его столетнего юбилея, 15 лет назад. Мне хочется завершить эти воспоминания не только потому, что Василий Петрович был моим отцом и другом, но еще и потому, что его жизнь тесно переплелась с трагической судьбой русской интеллигенции недавнего прошлого [2].

---

[1] Опубликовано под названием «Мой отец» в журнале **Человек**, 1992, № 3, с. 93—103, и № 4, с. 63—84.

[2] В моем распоряжении оказались три архива: один, сохранившийся, несмотря на все обыски, в семье отца, другой — в Архиве Московского государственного университета; третий — Центральный архив КГБ. Много восстановлено по памяти.

Русская интеллигенция прежних дней формировалась своеобразно. Первый ее эшелон вышел из служилого, чаще всего военного дворянства; второй — из разночинцев. Про оба эти слоя говорили, что они беспочвенны — не имеют корней в своем собственном народе. В конце прошлого и начале нашего века стал выходить на поверхность третий эшелон — почвенный, идущий из самого народа: из многонародья нашей страны. Может быть, именно в этом появлении было что-то судьбинное — в русскую культуру стали входить инородцы, не прошедшие роковую для нашей страны школу азиатского деспотизма. Вирус деспотизма поразил нашу страну с давних времен. Подпитанный некоторыми европейскими идеями, он обрел специфическую евразийскую форму.

Отец — выходец из зырян (теперь коми). Он всегда подчеркивал свою иноплеменность, его выговор всегда был немного не русским. Он вошел в русскую жизнь как инородец, сохранивший любовь к своему народу, изучавший его как этнограф и всегда считавший своим внутренним долгом показать, что малые и подавленные народности несут свое миропонимание, достойное изучения, философского осмысления и уважения. Он умел это делать. Он всю жизнь боролся. Боролся со всеми, против всего, никогда не примыкая к какимнибудь политическим течениям или организациям. Боролся прежде всего во имя сохранения человеческого достоинства, безропотное повиновение считая унизительным. Это он делал естественно, как нечто само собой разумеющееся, но часто, как бы в оправдание, повторял: «Ведь мои предки — свободные охотники — никогда не были крепостными».

В дореволюционные годы его отличало противостояние великорусскому шовинизму, надменности некоторой части тогдашней интеллигенции, в том числе и кадетского толка, узости Православия с его нетерпимостью к инакомыслию. Не принял он и другую нетерпимость — жесткую и жестокую неприязнь инакомыслия в «новой» жизни.

2. Родина и характер

Отец родился в селе Вильгорт, что близ Усть-Сысольска (теперь Сыктывкар)—уездного города бывшей Вологодской губернии. Упомянем здесь, что погост Вильгорт впервые записан в писцовой книге 1585—1586 гг. Тогда в него входило 8 небольших деревень и 5 починков, где проживало 70—80 человек. В одной из этих деревень лет 300—350 тому назад начали жить Налимовы[3].

В детстве (в начале 20-х годов) я однажды побывал в этих местах—тогда они еще сохраняли свою нетронутость[4]. Добротные рубленые дома, но без дворов, без усадьбы. Рядом только сарай, а к дому прямо примыкает хлев. Все настежь—ничто никогда не запиралось. Небольшие пашни, отвоеванные у леса; созревали только рожь, ячмень, овес. Там же хилые огороды: картошка, капуста, репа, лук, табак (махорка). Это и все, что могло расти; никаких фруктовых деревьев. А кругом леса, по большей части заболоченные (для них даже был специальный термин «парма»). Тогда еще в этих местах водилась дичь: рябчики, глухари, зайцы и, конечно, белки. Осенью было много грибов, ягод—особенно брусники. Крестьянин не выходил из дома без ружья и собаки[5].

Основой хозяйства, пожалуй, были просторы заливных лугов. Я и сейчас помню эти, казавшиеся мне тогда бескрайними, поймы реки Сысолы. Буйство трав в ранней утренней росе, запрятанные в них гнезда, где охра-

---

[3] См.: С. И. Налимов. **Преображенное село.** Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1977, 79 с.

[4] Позднее там повсеместно расползлись лагеря, и это, говорят, надломило культуру народа, не подготовленного ко всему, с чем ему пришлось столкнуться: совершая побеги, заключенные нарушали традиционную неприкосновенность и без того убогой собственности. Это вызывало озлобление, которое усиливалось официальной пропагандой, предлагавшей к тому же еще и завидное обогащение за поимку беглецов. Началась охота за людьми. Кто теперь оценит общенародный моральный ущерб, нанесенный лагерной системой «перевоспитания»?

[5] Подробное описание охотничьего быта можно найти в книге

няющая их птица оставалась до последнего взмаха косы «горбуши» (косили, сгорбившись, косами с малой рукояткой — так сподручнее на кочковатых лугах). У окоема мощные кусты дикой смородины — черной и красной — с непривычно большими ягодами, сразу же набивающими оскомину. И гнус: короткую летнюю ночь надо было проводить в крохотной хатке, где по-черному топили печь против комаров и мошки. Там спали вповалку усталые мужчины и женщины, там пытался примоститься и я, но глаза не выдерживали едкого дыма, и я стремительно выскакивал на свежий воздух, а оттуда так же стремительно — назад.

Василий Петрович рассказывал, что его отец был колдун-знахарь, местный маг, владеющий астральными силами и стихиями природы. В его образе, нарисованном отцом, было что-то общее с Доном Хуаном в описаниях К. Кастанеды. Он рано умер, но память о нем сохранялась долго. И когда отец, уже профессором, заезжал иногда в родные края, то его неизменно почитали как колдуна. И в нем действительно иногда просыпался древний маг, умеющий мгновенно и безоглядно принимать решения, собирать энергию и обращать ее против противника. Это проявлялось даже в мелочных столкновениях, многочисленных для него, не переносившего оскорблений. Невысокий, крепкий, он не терпел поражений и умел побеждать... пока не столкнулся с неумолимым Роком своей Страны. Не победил, но и не дрогнул — не изменил себе, спорил и боролся.

Вспоминаются некоторые характерные случаи: (1) Москва, 1905 г., революционная настороженность: отец зачем-то вышел из дома и, переходя улицу, увидел, что на него несется казачий разъезд[6], — он заторопился, с ноги соскочила галоша, новая, только что ку-

---

Н. Д. Конакова **Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX века.** М., 1983, 247 с.

[6] Казаки тогда были вызваны в Москву, чтобы устрашать и усмирять вышедших из повиновения.

пленная... останавливается, поднимает руку и громко кричит: «Осторожно — бомба!», разъезд круто разворачивается и объезжает Василия Петровича, заезжая на тротуар, а он спокойно надевает галошу и идет своей дорогой. (2) Нижний Новгород, 1917 год, начало революции: отец, тогда преподаватель реального училища, соответственно одетый, входит в вагон трамвая, его окружает группа подгулявших парней и начинает издеваться над «буржуём», особенно распаляясь от вида «котелка»... напряжение растет, и вдруг в какой-то неуловимый момент команда пулей вылетает из вагона... того, что произошло, отец и сам не мог объяснить. (3) Вторая половина 30-х годов: он с остатками своей семьи живет на даче под Москвой и регулярно ходит купаться на Истру по тропинке, пронзающей кустарниковую заросль. Как-то он замечает, что тропинку кто-то усердно превращает в отхожее место. Такого надругательства над Природой он, естественно, выдержать не мог и послал предупреждение: «Если это не прекратится, то у злодея на заднице появятся чирьи». Не прекратилось, чирьи появились, и тропинка очистилась. (4) Плохо приходилось тем, кто, нападая, не знал, что «бомба» таки есть и взрывается, что и случилось однажды в 30-е годы на одной из конференций. Кто-то из официальных представителей, полемизируя, в качестве козырного аргумента объявил ему: «зырянская морда». В ответ взметнулась и обрушилась (как Священная Лабрис) трость Василия Петровича, который в результате многолетнего разбирательства случившегося был оправдан, а его оскорбитель — откомандирован на работу в какой-то сибирский город.

3. Становление этнографа. Экстерн и переход в другое сословие

Теперь мне хочется дать последовательное описание жизненного пути Василия Петровича.

Первоначальное образование он получил в Земском

начальном училище, затем в 2-классном Городском училище. Его способности не остались незамеченными[7]: Земство посылает его своим стипендиатом в фельдшерскую школу в Москву (1894—1897 гг.). Затем в течение 5 лет (1897—1902 гг.) он отрабатывает свою стипендию, работая фельдшером в разных уголках Зырянского края. Здесь и первое столкновение с тогдашним укладом жизни. Он — рядовой начинающий фельдшер — не просто делает положенное ему дело, а требует, в предвидении эпидемии, обеспечения медикаментами. Дело неслыханное — фельдшер требует! Начальство оскорблено, требование выполнено, отношения испорчены. И так всю жизнь.

Мне хочется здесь вспомнить эпизод столкновения с русской государственностью, связанный с фельдшерскими годами жизни отца. Ему пришлось сдавать экзамен на звание помощника аптекаря, для чего понадобилась справка о благонадежности. Копия этой справки приводится ниже (см. Приложение). С тех пор прошло почти 100 лет, но мало что изменилось — все те же справки и характеристики, удостоверяющие «поведение хорошее во всех отношениях». Революция не смогла отменить того, что было положено в основу государства Российского — архетип власти продолжал работать инвариантно к обновленным условиям.

В 1903 году Василий Петрович возвращается в Москву и работает фельдшером сначала на заводе Центрального электрического общества, потом в клиниках Московского университета (тогда не было ограничений с пропиской).

В это же время он начал публиковать статьи по этнографии зырян в журнале Этнографическое обозрение. Свежесть мысли и острота наблюдений обратили на себя внимание. Он знакомится с президентом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии профессором Д. Н. Анучи-

[7] Природа как бы была озабочена тем, чтобы вытолкнуть его в мир другой жизни: способности к интеллектуальной деятельности у него были выражены столь же отчетливо, как и неспособность к ручной работе, нужной в крестьянской жизни.

ным, секретарем Общества В. В. Богдановым и председателем Московского отделения Общества академиком В. Ф. Миллером. Они поддержали его стремление к получению высшего образования. Этому, однако, должна была предшествовать сдача экзаменов за полный курс классической гимназии[8]. А вот врачи — сослуживцы Василия Петровича — возмутились, узнав о задуманном. Как может это сделать самоучка-инородец, даже не начинавший учиться в гимназии?! «Безумная и наглая затея» — по оценке многих коллег.

А экзамен был сдан (в 1905 г.) при Лазаревском Институте восточных языков (директором которого в то время был академик В. Ф. Миллер). Вспоминая об этой эпопее, Василий Петрович говорил, что почти по всем предметам было нетрудно готовиться самостоятельно, но вот три из них были почти непреодолимы — древнегреческий, латынь и, конечно, Закон Божий. Может быть, помогло отношение экзаменаторов — интеллигентных людей, оценивших абитуриента, почувствовавших в нем будущего ученого.

Это, наверное, была самая большая и серьезная победа в жизни Василия Петровича.

Сдача экзамена за полный курс классической гимназии — это не только возможность поступить в университет, но и возможность приобщения к культуре русской интеллигенции, эзотеризм которой охранялся трудностью получения классического образования; од-

[8] В университет могли тогда поступать только лица, имеющие классическое образование. Дипломы других учебных заведений коммерческого и реального училищ - были недостаточны, хотя, казалось бы, реальное училище давало больше знаний, необходимых для обучения на таких факультетах, как физико-математический и медицинский. Но русский интеллигент, а его готовил университет, должен был, согласно традиции, прежде всего иметь базовое классическое образование. В первые послереволюционные годы еще долго шли дискуссии о том, нужно ли классическое образование в наш практический век. Решили — не нужно. И только теперь стало очевидно, что дефицит его нанес огромный ущерб современной культуре. Нарушилась преемственность культур - мы потеряли связь со своим прошлым. Я не могу себе представить, как может выглядеть серьезной та или иная средняя школа, если в ней нет хотя бы одного преподавателя с классическим образованием.

новременно это и переход в другое сословие. Таким образом, гимназия оказывалась и барьером, разграничивающим сословия,— барьером надежным, практически почти непреодолимым для выходцев из других слоев, хотя дорога и не была абсолютно перекрыта. Россия всегда была сословно структурированной страной, остается она ею и в наши дни. Раньше фельдшер не мог быть приглашенным в гости к врачу, пусть даже они вместе стояли за одним операционным столом — вместе несли ответственность. Так же, как, впрочем, сейчас уборщица не может быть приглашена в гости к профессору. Помню, в армии на кавалерийских учениях была команда: «Держать дистанцию в две лошади». Так мы держим ее и по сей день.

Переход из одного сословия в другое сопровождался часто комическими или даже трагикомическими ситуациями. Вот два таких эпизода: (1) отец перед отъездом на летние каникулы заходит к своему другу, тоже студенту, В. Синельникову, происходившему из знатной московской дворянской семьи. Тот представил его своей старенькой бабушке. Она была внимательна, расспросила Василия Петровича обо всем — и откуда он родом, и куда едет на лето, и, узнав, что в Вологодскую губернию, настойчиво просила его, когда он будет навещать генерал-губернатора, передать ему сердечный привет и что-то там еще. Ей в ее старомодной наивности казалось, что друг ее внука не может не быть вхож в губернаторскую семью родного ему края — как могло быть иначе? (2) Второй, совсем комичный эпизод произошел, когда Василий Петрович был приглашен на какое-то семейное торжество в дом Синельниковых. Он смущен — здесь все так непривычно и так парадно, а он в своей повседневной студенческой куртке. В растерянности Василий Петрович садится на ближайший свободный стул, не замечая на нем стакана с горячим чаем. Тут же на помощь бегут лакеи в ливреях, а все, в соответствии с этикетом, делают вид, что ничего не случилось (а брюки-то мокрые!). Причиной происшествия оказалась тогдашняя мода сидеть у стола, развалившись на кресле, а стакан с чаем ставить рядом на

стул. Этого студент — выходец из диких северных лесов — знать не мог; здесь и сдача экзаменов не помогла.

Само студенчество образовывало как бы некоторый транссословный слой общества. Удобно было быть студентом. Мой крестный отец — Д. Т. Янович был студентом первого курса в течение 20 лет, так и не продвинувшись дальше. Роковым для него оказался экзамен по курсу общей физики, который он, учась на физико-математическом факультете, так и не смог преодолеть.

В те годы еще сохранялся корпоративный характер университетского содружества. Десятилетиями сохранялась память о тех, кто бывал в этих стенах. Это был еще старый Московский университет, его дух и поле.

4. Студенчество

После сдачи экзаменов экстерном Василий Петрович поступает действительным студентом в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Заканчивает его в 1912 году с дипломом 1-й степени по специальности «Антропология». Завершением его образования руководил широко известный в то время профессор (позднее академик) Д. Н. Анучин — географ, антрополог и этнограф.

Студентом Василий Петрович пробыл существенно больше положенных 4-х лет, так как, с одной стороны, продолжал интенсивно заниматься научными исследованиями, с другой стороны — ему нужно было зарабатывать деньги на жизнь семьи. Он женился в середине своего студенчества (я — старший из детей, 1910 года рождения). Ему надо было оплачивать квартиру, няню и кухарку - моя мать не могла этим заниматься сама, так как тоже была студенткой. Сейчас нам, конечно, совершенно непонятно, как это студент, к тому же инородец, чисто литературной деятельностью мог обеспечивать безбедное существование своей семьи.

Василий Петрович в своей первой публикации «Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян»[9] показывает различие в миропонимании мужчин и женщин в зависимости от рода занятий. Эта работа сразу же получила отклики в Русских ведомостях и затем в Историческом вестнике. Следующая статья «Загробный мир по верованиям зырян»[10] привлекла внимание финских ученых. В 1907 году к Василию Петровичу приезжает доцент Гельсингфорсского университета доктор В. Минсикки с предложением сотрудничать в Финно-Угорском обществе. Отец становится стипендиатом этого общества — сотрудничество продолжалось в течение пяти лет. Открылась возможность экспедиций — две поездки в различные уголки Зырянского края (сбор этнографических данных и материалов по обычному праву, семейному быту и материальной культуре; антропологические измерения; записи зырянских сказок, песен и других образцов народного творчества); поездка к иньвенским пермякам, обитающим по реке Иньве и ее притоку в Соликамском уезде Пермской губернии; археологические изыскания (совместно с финским ученым Тальгреном) по рекам Волге и Каме в пределах Казанской губернии. Длительное пребывание в Финляндии (Гельсингфорс, 1908—1909 гг.) — изучение финской этнографии, финского языка и фольклора под руководством профессоров Паасонена, Спрелиуса, Сетеле; обработка своих материалов по этнографии зырян[11] и пермяков. Василий Петрович всегда относился с большим уважением к Финляндии, сохранявшей свою целостность и культуру и в те времена, когда она была лишь островком необъятной Рос-

---

[9] Опубликована в журнале **Этнографическое обозрение,** 1903, книга LVII, № 2, с. 76—86.

[10] **Этнографическое обозрение,** 1907, книга LXXII—LXXIII, № 1 –2, с. 1 -123.

[11] В финском журнале **Journal de la Société Finno-Ougrienne** (1908, XXV, № 4, с. 1—31) была опубликована на немецком языке статья «Zur frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen».

сийской империи, находясь в непосредственной близости от самого центра этой империи.

Он почему-то не раз обращал мое внимание на то, что и истоки моей жизни уходят в Финляндию.

Уже в студенческие годы Василий Петрович приобрел известность, достаточную для того, чтобы регулярно сотрудничать в таком солидном издании, как «Новый энциклопедический словарь»[12], где он работал до окончания Университета. В эти же годы для энциклопедического словаря «Гранат» им были написаны статьи «Зыряне» (т. 21) и «Калевала» (т. 23). В 1912 г. вышел второй том книги Великая Россия: географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России, в нее входят следующие статьи Василия Петровича: «Пермяки» (с. 172—192); «Башкиры» (с. 197—217); «Тептяри» (с. 218—219); «Мещеряки» (с. 193—196).

В 1907 году Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присуждает Василию Петровичу большую серебряную медаль[13]:

> ...во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах.

---

[12] В 1904 г. было закончено издание знаменитого 82-томного словаря Брокгауза и Ефрона и началось издание Нового энциклопедического словаря акционерным обществом «Издательское дело» (бывшее Брокгауз— Ефрон). Начиная с 4-го тома в списке авторов словаря неизменно значился Василий Петрович. Он готовил материалы по географии Северо-Востока России.

Здесь я не могу удержаться от того, чтобы не привести фрагмент высказывания из предисловия, опубликованного от имени Издателей в первом томе Нового словаря:

> Обновляющаяся Россия готовится вступить на новый путь созидательного научного и промышленного труда и коренных социальных реформ. Перед подрастающими поколениями встают великие задачи, их ждет необъятная работа над воплощением неиссякаемых богатств родной страны в реальные, доступные широким народным массам, ценности.

Сколь наивным оказался этот жизнерадостный прогноз! И куда девались эти «неиссякаемые богатства»?

[13] Несмотря на все обыски, медаль сохранилась.

В 1910 году то же Общество присуждает Василию Петровичу премию имени Великого князя Сергея Александровича [14] за рукописный труд под заглавием Материалы по этнографии зырян и пермяков.

Это Труд в 1234 страницы [15], печатный отзыв на который был дан А. Н. Максимовым в **Этнографическом обозрении**, 1910, т. LXXXVI—LXXXVII, № 3—4, с. 263—268. Судя по отзыву, Труд неоднороден — в нем содержатся как совсем сырые материалы, так и материалы обработанные, частично опубликованные и доложенные на заседаниях Общества. Охватывает Труд, согласно рецензии, следующие темы: терминологию родственных отношений; духовную жизнь, верования, суеверия [16]; магию *активную* (наступательную и оборонительную), *пассивную* (приметы и толкования снов), *симпатическую* (основанную на таинственной связи между целым организмом и его частями, хотя бы и совершенно отделенными от него); греховное и заразное начала (играющие большую роль в естественной философии зырян); сведения о народной медицине; обычное право (правовые нормы, регулирующие охоту и рыбную ловлю; задачи артелей, выступающих в роли кооперативов и страховых объединений против неудачного промысла); лингвистические данные и географические названия.

Автор Отзыва следующим образом характеризует Василия Петровича:

> Что касается внутренней ценности всех представленных на соискание премии материалов, то В. П. Налимов, как природ-

---

[14] Премия «в память Международных Конгрессов по антропологии и доисторической археологии и зоологического, собиравшихся в Москве в 1892 году».

[15] Труд, по-видимому, был передан Финно-Угорскому обществу, стипендиатом которого был Василий Петрович.

[16] Позднее эта тема нашла подробное освещение в книге: А. С. Сидоров. **Знахарство, колдовство и порча у народа Коми.** Л.: изд. Центросовнацмена Наркомпроса РСФСР, 1928, 185 с. Но в этой книге при описании языческого мира нет того облагораживающего мировоззренческого аспекта, который характеризует публикации Василия Петровича.

ный зырянин, с детства росший среди зырян, свободно владеющий зырянским языком и до сих пор сохранивший много личных связей с зырянами, находился в особо благоприятных условиях. Он имел возможность проникать в такие интимные стороны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден. Даже там, где даются отрывочные указания, эти указания иногда проливают новый свет на известные уже раньше факты и отношения. Записи его отличаются значительной степенью точности. Он старается передать в неизменном, по возможности, виде отзывы и суждения самих зырян по различным вопросам. Материалы представлены на русском языке, но в них почти всегда отмечено, каков зырянский термин для того или иного понятия, о котором идет речь, таких отметок очень много, и для большинства подобных терминов дается и комментарий относительно первоначального значения и образования соответствующих слов.

Сказанное выше мне хочется дополнить и своими наблюдениями. Мальчиком я много наблюдал отца за работой. Овдовев в начале 20-х годов, он выезжал в экспедиции со всеми детьми, со всем домашним скарбом. Останавливались чаще всего в какой-нибудь пустующей летом сельской школе. И тут как-то само собой отец преображался. Вся интеллигентность куда-то пропадала. Менялось выражение лица, прическа, както иначе повисали брюки, превращаясь в штаны. По селу шел такой блаженный мужичок, с местным говором. Вот он садится недалеко от плотника, следит за его работой, что-то говорит — так, ни к кому не обращаясь. Замолкает. Опять что-то говорит. Ни о чем не расспрашивает, но плотник вдруг бросает топор и вступает в беседу, долгую, непринужденную. Отец ничего не записывает вплоть до возвращения в Москву. Здесь, в деревне, он просто живет другой, естественной для него жизнью, из которой он вышел, когда пошел учиться.

Василий Петрович умел удивительно, завораживающе рассказывать. Он любил сказки. Они особенно пригодились ему в дни тюремной жизни, в длинные вечера среди сокамерников. Эти сказки остались незаписанными: здесь сохранялась (может быть, и неосознанно) традиция сакрального эзотеризма — всегда существовало знание, передаваемое только изустно-доверительно.

Но вернемся к рецензии. В ней мы читаем и такое высказывание:

> Быть может, при систематизации и обработке всего собранного В. П. Налимовым материала выяснится, что в настоящее время мы имеем дело лишь с осколками прежних верований, уже утратившими внутреннюю связь и сохранившимися лишь постольку, поскольку зыряне пользуются ими для утилитарных целей.

И в какой-то степени это, наверное, действительно было так. Несмотря на языковой барьер, происходило все же изживание прошлого миропонимания под воздействием русской культуры [17]. Василий Петрович пытался в какой-то степени реконструировать утраченную внутреннюю связь верований. В беседах со мной он любил подчеркивать близость зырянского народного сознания к природе, неотлученность от нее, существование в ней. Это находит свое выражение прежде всего в том, что величайшим грехом считалось загрязнение природы, особенно загрязнение воды — лесных ручьев и рек. Целительство связывалось с силами природы. Согласно поверьям, зырянский охотник, проведший осенью два месяца в лесном уединении (охотясь за белками), обретал особую жизненную силу. Вернувшись в деревню, он должен был передать эту силу больной женщине, уединившись с нею в бане. Примечательно отношение к женщине у пермяков, которые вместе с зырянами составляют один народ — коми [18]:

---

[17] Шел процесс христианизации. Зыряне и пермяки были крещены Стефаном Пермским еще в XIV веке. Были построены церкви, совершалось богослужение. Но воздействие христианства шло все же только по церковным каналам. Это обстоятельство интересно в плане чисто психологическом — оказывается, что миропонимание может меняться под влиянием внеязыкового воздействия (подавляющее большинство зырян плохо понимало русский язык и тем более церковнославянский, а женская часть населения чаще всего его совсем не знала — это я сам имел возможность наблюдать в начале 20-х годов во время краткого пребывания в Вильгорте).

[18] Из статьи В. И. Налимова «Пермяки» (с. 172—192) в книге **Великая Россия** (под общим руководством профессора Д. Н. Анучина), том II, **Поволжье и Приуралье.** М.: Книгоиздательство «Дело», 1912, 262 с.

Отношение пермяков к женщинам, акту деторождения связано с известными религиозными представлениями, на первый взгляд изобилующими противоречиями. Женщина считается как бы нечистой, осквернённой. Встреча с ней мужчинам приносит несчастье. Она не может пересекать им дорогу. Но, с другой стороны, женщина стоит не только выше мужчин, но и попа и чиновников, поэтому не должна кланяться им. В течение сорока дней после родов женщина стоит наравне с Богородицей, поэтому она в это время не должна ходить в церковь и молиться. Женщина, рожавшая три раза по двойне, на всю жизнь остается почитаемою...

...Женщина, позволившая себе ударить лучиной кошку, собаку, ткнуть их ногой, перед родами должна просить у обиженного животного прощения на коленях, со слезами на глазах, называя их нежными именами. Женщина, обидевшая мужа или посторонних лиц, должна у них просить прощения на коленях (с. 181—182).

Просить прощения у домашних животных — это возможно только при понимании единства и целостности мироздания!

5. Язычество против православия в понимании этнографа

Именно открытость природе позволяла язычнику прислушиваться к процессам, спонтанно протекающим в подвалах сознания. Отсюда и обращение к магии — активному воздействию на стихийные силы, связывающие людей с природой, а через нее и друг с другом. Представляется привлекательной возможность провести сопоставление магии зырян, а соответственно и их миропонимания, с тем, что написал Карлос Кастанеда в своей знаменитой серии книг, посвященных мексиканскому колдуну Дону Хуану. Но кто готов это сделать?

Проще провести некоторое, хотя бы поверхностное сопоставление с христианством.

Несомненно, что самым существенным моментом языческого мировоззрения зырян было представление о неотделимости человека от природы. Об этом в упо-

мянутой выше работе «Загробный мир...» (см. с. 36, сноску 10) Василий Петрович писал:

> Человек, по верованиям зырян, не занимает исключительного положения в природе. Не он один имеет «лов», жизнь, душу, ее имеют животные и растения (с. 17).

И дальше любопытное уточнение:

> Женщина стоит ближе к царству растительному, чем животному (с. 20—21).

Не через молитву и Церковь оздоровляется и очищается Человек, а непосредственно через природу:

> Через растения, реже через животных, зыряне избавляются от разных болезней (с. 21).
>
> Человек, который проходит мимо многих деревьев и ручьев, очищается. Свойством очищать обладают деревья и текучая вода. Очистившись, человек приобретает свойство лечить больных, а на языке зырян это означает гнать болезнь или злых духов (с. 23).

В христианстве, особенно в ветхозаветном его звучании, человек оказывается отчужденным от природы — он создан по образу и подобию Бога, и ему дана власть над природой. В Книге Бытия читаем:

> И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями], и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле (1, 28).

Этот текст вызывает сейчас острые дискуссии на Западе. Конечно, его, как и любой другой текст, можно толковать различно, даже диаметрально противоположно. Но важно другое — как он на протяжении двух тысячелетий воспринимался европейцами. Не он ли открыл дорогу Научно-техническому прогрессу, направленному на безоглядное овладение природой? И если это так, то не ответствен ли этот текст за надвигающуюся экологическую катастрофу?[19]

---

[19] С этих позиций я рассматривал эсхатологическую перспективу наших дней в своей книге: V. V. Nalimov. **Faces of Science** (ISI-Press, Philadelphia, Pa.: 1981, 297 p.), проведя сопоставление западной религиозной идеи с восточной. Там я обратил внимание на высказывание

Конечно, в западном христианстве был и Франциск Ассизский[20], для которого природа была просветленным миром, взывающим к любви. Но это было все же лишь боковое ответвление, близкое к еретическим движениям. Верно и то, что в Православном христианстве долгое время допускались языческие проявления. Вспомним хотя бы такие праздники, как Ночь накануне Ивана Купалы, Масленицу — праздник Солнца и возрождения природы, Святки — с обрядами ряженых, гаданием и пр. Но урбанизация жизни лишила Христианство этих оздоравливающих проявлений язычества.

Углубляя эту тему, можно сказать, что устремленность к беспредельному господству над природой привела к технизации культуры во всех ее проявлениях — возникло, говоря словами Хайдеггера, новое «мироустройство»[21]. И нам сейчас становится ясно, что в этом новом мироустройстве человек потерял самого себя, утратил связь с глубинными — внелогическими уровнями сознания, порождающими смысл жизни в их связи с природой, а через нее и с вселенским началом жизни. Утрата смыслов породила отчужденность человека от нового образа жизни. Отсюда многие негативные явления, охватившие современный цивилизованный мир. Отсюда и отчетливо оформившийся сейчас, особенно в США, поиск будущего через возврат к прошлому в новом его осмыслении. Широкий обществен-

---

А. Тойнби, английского историка и моралиста, также связывающего устремленность к господству над природой с Ветхозаветными истоками. В конце своей статьи (A. Toynbee. The religious background of the present environmental studies. — **International Journal of Environmental Studies,** 1972, № 3, p. 141–147) он даже говорит о том, что исцелением может быть возвращение от монотеистического мировосприятия к пантеизму, который является более древним и универсальным.

[20] О Франциске Ассизском см. статью С. Аверинцева в **Философской энциклопедии** (т. 5, 1970 г.), а также: Г. К. Честертон. Святой Франциск Ассизский. В кн.: Г. К. Честертон. **Вечный человек.** М.: Политиздат, 1991.

[21] Философское осмысление Хайдеггером технизации жизни отражено в книге: G. Seubold. **Heideggers Analyse der neuzeitlichen Technik** (Freiburg/München: Alber, 1986, 344 S.). Обстоятельный реферат этой книги дан в реферативном журнале **Общественные науки за рубежом**, серия 3: **Философия и социология**, 1988, № 3.

ный интерес к дохристианским религиям — не только к таким философски утонченным, как буддизм, но и к народным, включая шаманизм; обращение к медитации как средству духовного оздоровления; обострение интереса к изучению и даже управлению сновидениями, научный интерес к психоделикам как к средству изменения состояния сознания. Новый ренессанс.

Такое большое отступление от главной темы я сделал для того, чтобы обоснованно утверждать, что Василий Петрович в своем отношении к зырянскому язычеству опережал свое время. В наши дни его понимание язычества нашло бы новое звучание и получило бы иной отклик. Он категорически выступал против того, чтобы народное мировоззрение рассматривалось как примитивное, полагая, что за простотой и наивностью выражения можно увидеть глубину понимания, исконно присущую человеку [22]. Разве не несут высокой моральной нагрузки, скажем, такие поверья [23]:

> Ссоры, дрязги влияют, по мнению пермяков, на вырождение всей природы и человека в частности. Распри из-за земельных наделов влияют на качество урожая, хлебные злаки чахнут. Сильные же распри, сопровождающиеся неоднократным проклятием и иного рода руганью, влияют и на саму природу; красота ее меркнет (с. 180).

Разве не оказались эти слова пророческими для наших дней? Удивительным является и признание полной свободы человека. Творец мира не является его повелителем:

> Творцом вселенной, по верованиям пермяков, является Иен, существо весьма доброе, живущее на небе. Создав мир, Иен предоставляет человеку полную свободу и не вмешивается больше в дела людей. Жизнь человека и природы идет по определенному закону. Но этот закон не предрешает хода истории человечества, ни даже отдельной личности. В верованиях пермяков нет судьбы, рока. Человеку ничего заранее не

[22] Вот передо мной лежит книга: I. Paulson. **Die primitiven Seelenvorstellungen der nordenrasischen Völker** (Stockholm: States Etnografiska Museum, Monograph № 5, 1958, 407 S.). В ней даются четыре ссылки на Василия Петровича, но само название этой книги — «Первобытные представления о душе у северных народностей» — было для него совершенно неприемлемо.

[23] Цитируем по уже упоминавшейся статье «Пермяки» (с. 18).

предопределено. Вся его жизнь будет зависеть от личных действий, от тех или иных его поступков. Только в детстве его здоровье зависит от поведения матери, отца и других лиц, состоящих с ним в духовном родстве. Эти лица, обязанные охранять здоровье ребенка, несут ответственность за него (с. 177).

Эти вольнолюбивые представления существенно отличаются как от христианского Боговластия, так и от учения о карме Востока, а также от греческого представления о Роке.

К Христианству — институционализированному, с его догматизмом и агрессивностью, он относится как к религии завоевателей. Уместно задать вопрос, звучащий, правда, риторически: кто был ближе к Христу — непросветленное язычество или отяжелевшее в своем золотом облачении Православие, ставшее со времен Иосифа Волоцкого официальной идеологией русской государственности.

Разве не оказываются созвучными истинному христианству следующие слова, относящиеся к религии зырян [24]:

Человек с любовью и сердцем, стремящийся делать добро другому, достигает высшей организации своих духовных сил, известного желаемого идеала... Чем больше человек выстрадал в пользу ближнего, тем больше он приобрел сил. Силы человека растут в момент работы, творчества для других.

Богатство, материальные блага не являются ценностями, заслуживающими внимания. Богатый, не обладающий высокими качествами души, является просто существом, нуждающимся в общественном попечении, несчастным, которому не доступно самое дорогое в жизни (с. 9).

И вот что оказалось примечательным:

Смертность детей в зырянской земле меньше, чем в Норвегии и Швеции. *В этом отношении зыряне опередили весь мир* (с. 9).

Свой общественный долг Василий Петрович видел в том, чтобы возродить не только интерес, но и уважение к миропониманию малых народностей, искавших свои пути осмысления жизни, находясь в стороне от

[24] Сущность и значение этнографии. **Вестник Нижегородского университета**, 1918, № 8, с. 6—10.

той линии развития, которая шла от Афин и Иерусалима. И было что-то мессианское в том, что примерно в одно и то же время из зырянского народа вышло трое ученых: Василий Петрович Налимов, Питирим Александрович Сорокин[25] и Каллистрат Фалалеевич Жаков[26].

---

[25] П. А. Сорокин (1889—1968), отец его был русским, мать — зырянка. В **Философском энциклопедическом словаре** (М., 1983) дается такая справка:

> Лидер правого крыла партии эсеров. После февральской революции 1917 секретарь А. Ф. Керенского и главный редактор газеты «Воля народа». С 1920 профессор Петроградского университета. С 1922 в эмиграции. С 1923 в США.

С 1930 г. П. А. Сорокин — профессор Гарвардского университета, где им был организован факультет социологии.

В первый — пражский период своей эмиграционной жизни Сорокин развивал представление о том, что произойдет трагическое столкновение революции с деревней (см. интервью И. А. Голосенко газете **Молодежь Севера**, 1988, 30/IX и 2/X). Не было ли это предсказанием неизбежности процесса декрестьянизации?

В 1925 г. он издает книгу Социология и Революция, где доказывает неизбежность возрождения государственной бюрократии (в новом понимании) в постреволюционном развитии страны. Опять прогноз?

В 10—50-е годы он писал об общем кризисе культуры и разрабатывал религиозную утопию на базе «творческого альтруизма». Ранее публиковал и работы по этнографии зырян.

В США Сорокин опубликовал около 40 своих работ, в которых также находим оправдавшиеся прогнозы.

[26] К. Ф. Жаков (1866—1926) — философ, этнограф, сказочник, беллетрист; выходец из крестьянской среды, ставший профессором Психоневрологического института по кафедре логики. Поучительно и интересно его автобиографическое произведение **Сквозь строй жизни** (ч. I и II, СПб.: изд. «Грамотность», 1912, 135 и 132 с.; т. III, СПб.: изд. Борисова, 1914, 61 с.). Умер в эмиграции (некролог о нем см. в **Вестнике знания**, 1926, № 7, с. 485—486). Отметим здесь, что Василий Петрович весьма критически отозвался об одной из работ Жакова (см. в журнале **Этнографическое обозрение**, 1903, LXIII, № 3, с. 177—179, отзыв на работу Жакова «Этнографический очерк зырян» отдельную статью из журнала «Живая старина», 1901 г.).

6. В купеческом городе. Магистратура. Встреча с революцией

Но вернемся к биографическим событиям.

После окончания университета Василий Петрович работает (в 1913 году) преподавателем мужской гимназии в г. Дмитрове. С 1914 г. по осень 1918 г. он преподаватель естествознания[27] частного реального училища М. М. Милова (обладающего всеми правами казенного) в купеческом городе Нижнем Новгороде. На одной из фотографий мы видим его в официальной форме с тремя звездочками в петлице[28]; дома долго хранился форменный сюртук с прорезью для шпаги, которую он, естественно, не приобрел.

Уровень реального училища был в те времена довольно высок — достаточно сказать, что физический кабинет был полностью куплен в Германии за большие деньги. Василий Петрович был новатором. Он любил импровизировать. Однажды взял с собой на знаменитую нижегородскую ярмарку в Канавино целый класс и провел там с детьми весь день, знакомясь с иноземными купцами и рассказывая тут же ученикам о жизни и быте чужих стран, их верованиях и мифах, запечатленных на узорах ковров, орнаментах гончарных и медных изделий.

В 1916 году Василий Петрович становится магистрантом Казанского университета у профессора Б. Ф. Адлера[29]. Выдержав магистерские экзамены и прочитав две пробных лекции (1917 г.):

— «Одежда, украшения и возникновение их» (по собственному выбору)[30];

---

[27] В то время не было теперешней дифференциации дисциплин. Один и тот же преподаватель вел уроки географии, биологии и физики.

[28] Это, кажется, обозначало звание «статского советника».

[29] Получившего образование в Германии у знаменитого в то время географа Ф. Ратцеля (печально известного также своими пангерманистскими устремлениями). Позднее Адлер, естественно, погиб в лагере.

[30] Рукописный текст лекции сохранился. Там читаем: «Меня интересует *внутренняя природа, связывающая в одно целое материаль-*

— «Дюны, образование и географическое распространение их» (по предложению физико-математического факультета),—

он получает право на самостоятельное преподавание по кафедре географии и этнографии в звании приват-доцента.

Оказавшись в новом статусе, Василий Петрович сразу получает приглашение из Казанской духовной академии на чтение лекций по истории нехристианских религий, от которого отказывается. Его отталкивала атмосфера высокомерного догматического единоверия, воспринимавшаяся им как узаконенное суеверие. Он остался работать в реальном училище, оказавшись единственным доцентом среди преподавателей всего города. Возникла неприязнь и подозрительность. Все решили, что он получил звание доцента для того, чтобы двигаться по служебной лестнице и стать инспектором училищ, перейдя дорогу тем, кто давно и заслуженно мечтал об этой должности. Но отца это не интересовало. Он был далек от чиновничьих баталий. Просто это был его путь в знание.

Тем временем в стране развернулись события, изменившие все жизненные пути. В Нижнем Новгороде открылся университет (на базе какого-то высшего учебного заведения, эвакуированного из Варшавы). В 1918 году Василий Петрович избирается профессором этого университета по кафедре географии и антропологии и ра-

---

ную и духовную культуру, в частности связь одежды с религиозными воззрениями».

В тексте этой лекции хочется обратить внимание и на следующие предостерегающие слова антрополога:

> Человеческий организм представляет гармоническое целое, отдельные части которого приспособлены друг к другу и целому, согласно с законами архитектоники. Дальнейшая дифференциация отдельных частей, усиление их деятельности могут вызвать нарушение гармонично-целого, одностороннее развитие, в конечном итоге невыгодное для его существования как вида.

Не являемся ли мы сейчас свидетелями нарушения гармоничности существования человека завоеваниями техники, особенно ком-

ботает там до начала 1922 года. Одновременно (с 1919 года) он состоит профессором и Нижегородского педологического института [31].

Открытие университета в Нижнем Новгороде было крупным событием — откликом на всеобщий революционный подъем. Вот что писал в первом номере **Вестника Нижегородского университета** (10 апреля 1918 г.) его основатель профессор Д. Ф. Синицын:

> 28 марта в заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов было принято единогласно при громе аплодисментов постановление открыть в Нижнем Новгороде университет на основах проекта Д. Ф. Синицына.
>
> Так легко и просто осуществилась идея свободной Высшей Школы, построенной на широком демократическом основании. Так родился Университет, который лелеяли в своих мечтах наши лучшие представители науки и профессуры.
>
> Свободный — автономный Университет, независимый ни от какой партии, ни от какого правительства. Университет, в котором ум и душа не связывается ничем, кроме истины. Университет, в котором один повелитель — Наука и один бог — человечество.
>
> И этот Университет мы получили из рук демократии, от той ее части, которая входит в состав Советов. Здесь понято было интернациональное значение науки и ценность знания, свободного от партийных шор.
>
> К Вам, деятелям Высшей Школы, моим товарищам по работе, я обращаю свой призыв: помогите маленькой кучке людей, заброшенных в Нижнем Новгороде, поднять высоко знамя свободной науки! Помогите укрепить великое дело объединения раздираемой междоусобиями России! Идите к нам все, кто верит в науку и любит Россию. Только единение спасет нас от гибели (с. 2).

Так начиналась Великая русская революция. Увы нам, увы...

Здесь следует прервать хронологическое повествование и сказать несколько слов об отношении Василия Петровича к Революции. Он воспринимал ее как гро-

---

пьютерной? доминирования рационального (структурированного), противостоящего иррациональному, дискретного — непрерывному?

[31] В 1919 г. Василий Петрович был также избран профессором по истории и этнографии угро-финнов в Северовосточном институте в Казани. Этот институт представлялся более близким интересам Василия Петровича, чем новосозданный Нижегородский университет, но поменять место жительства в те годы было задачей непосильной.

зное, но вполне естественное явление. Он понимал, что старое должно было рухнуть, но в то же время видел всю неподготовленность страны и ее народа, особенно ее интеллигенции, к переходу в новое.

Положение Василия Петровича было вдвойне сложным. С одной стороны, он, напрягая все свои силы, входил в культуру, привлекающую его своей интеллигентностью, с другой стороны — он очень многое не мог принять в этой культуре. Входя в нее, он начинал одновременно и бороться с ней. И что существенно — культура принимала его таким, как он есть, входящим в нее, с протестом, часто с борьбой, носящей иногда комический, истерический, а иногда и трагический характер.

Разные вспоминаются эпизоды.

(1) Еще перед началом нижегородского периода жизни Василий Петрович как-то провел лето в селе Коровяковка, где моя мать тогда была земским врачом. Осенью он вернулся в Москву и отдал паспорт на очередную прописку. Городовой приходит и говорит:

— Ваше благородие, не прописывают.

— Почему?

— Не знаю.

Отец дает ему трешку и говорит:

— Пойди выясни.

Городовой вскоре возвращается:

— Все в порядке, ваше благородие.

— В чем же было дело?

— Поп-с доносик написал-с.

Все объяснилось: в Коровяковке у родителей возник конфликт с местным священником. Они не приняли его во время очередного обхода с молитвенным служением, и вот достойный результат — донос в полицию. Но трешки оказалось достаточно, чтобы усмирить чрезмерную ретивость служителей правопорядка. (Если сравнивать с нашими днями, то придется сказать: да, жизнь тогда была проще — дешевле.)

(2) Нижний Новгород — резиденция купцов-миллионеров и прислуживающей им челяди — был трудным местом для человека с независимым поведением. Его начинали травить, не впрямую, а отработан-

ным приемом, посылая омерзительные анонимные письма — не по месту работы (как теперь), а домой (так безопаснее — их ведь никому не покажут).

(3) Представьте себе осенний, дождливый день. Преподаватель, прикрываясь зонтом, подходит к дверям Училища — в это же время, брызгая на всех грязью, на пролетке, запряженной рысаком, подлетает ученик. Это обычно. Но, правда, ситуация начинала смягчаться. Вот пример. На одном из педагогических советов директор училища М. М. Милов, смущаясь, сообщает, что поступило заявление от служителя с просьбой принять его сына на бесплатное обучение. Поясняя, он говорит, что по уставу и традиции так и должно быть, но ведь у нас учатся сыновья купцов-миллионеров. Как быть? Отец (секретарь совета) предлагает: «Поставим на голосование». Большинство — за. Сын служителя сел на одну парту с сыном купца. Дело неслыханное для вельможной России.

(4) Как преподаватель естествознания, отец должен был говорить ученикам что-то о теории эволюции. Одновременно на других уроках преподаватель Закона Божия рассказывал совсем иное о происхождении жизни на Земле, опираясь на Книгу Бытия. Ученики с недоумением спрашивали: «Где же истина?» Отец отвечал: «Учитесь критически мыслить, не бойтесь многообразия точек зрения, не ищите истин». Такой ответ не прощался, он казался вызывающим. Это, может быть, и было одним из поводов писать отвратительные анонимные письма. Так тогда, еще сравнительно безобидно, оборонялась идеология.

(5) А теперь о серьезном событии. 1917 год. Собрание интеллигенции города Нижний Новгород. Обсуждается ситуация с русско-немецкой войной. Предлагается послать Керенскому телеграмму: «Война до победного конца! Единогласно». Отец встает и говорит, что он против. Шум, крики: «Предатель», «Изменник». Отец отвечает: «Я как этнограф бывал в госпиталях (где моя мать работала как врач-хирург.— *В. Н.*) и разговаривал с ранеными — они не хотят войны, не могут больше воевать. Вы роете себе могилу, остановитесь,

пока не поздно!» Телеграмма ушла с решением: «Единогласно, один против». Представьте себе, что было после этого в небольшом городе, где вся интеллигенция была на виду.

(6) Может быть, с наибольшей отчетливостью морально-этическая и, соответственно, социальная настроенность Василия Петровича проявлялась в его отношении к повседневной жизни. Он настойчиво сохранял свою независимость от окружающего общества. Его дом был островом. В гости к нам могли приходить далеко не все. Скажем, резко отрицательно относился он к военным — для него они всегда были профессиональными убийцами[32]. Люди в военной форме стали появляться в гостях только к концу войны — это были приезжавшие в отпуск фронтовые врачи. Вспоминаю одно событие: мне, тогда еще совсем маленькому мальчику, отец говорил, что сейчас мы пойдем вместе в Училище на какой-то торжественный молебен. Я, очень обрадованный, надеваю свою детскую шпагу. Отец говорит: «Это невозможно, к Богу со шпагой нельзя». А на молебне я вижу офицеров со шпагами и недоумеваю, почему же им можно. Отец не отвечает.

Не могли приходить к нам в гости и санитарные врачи — они считались причастными к торговле со всей ее нечестностью (санитарный врач ведь на многое должен был закрывать глаза, и это оплачивалось).

Против нашего дома жил очень популярный пожилой врач[33], с которым также не могло быть общения — у него был собственный дом, выезд и еще торго-

---

[32] Вряд ли здесь уместно говорить о влиянии толстовства. Для отца, с детства воспитанного в языческой традиции с ее прямым, бескомпромиссным отношением к Слову, было естественно воспринимать Христианство буквально — в непосредственной его целостности. Может быть, и у Л. Толстого было что-то языческое в его сурово-моралистическом и в то же время амистическом толковании христианской Идеи. Для отца любимым произведением Толстого была, казалось бы, незамысловатая, но глубоко народная повесть «Казаки», а для меня уже — «Хаджи Мурат».

[33] У двери его дома всегда была очередь, преимущественно из простолюдинов.

вый дом[34]. Он, в глазах отца, нарушал независимость врачебной корпоративности, шел на сближение с купеческо-мещанским слоем, властвовавшим над городом.

7. *Близость к философскому анархизму*

Да, отец был *островитянином*. Его политическая программа (может быть, никогда отчетливо и не осознававшаяся им) состояла в том, чтобы сохранять свое право и право других на островное существование в бушующем море жизни. Право оставаться самим собой, право высказывать свое мнение, не навязывая его другим через власть и насилие. Любая партия в этом смысле ему представлялась неприемлемой. В любой из них он видел прежде всего стремление к самоутверждению, к самовозвышению над обществом. Марксизм ему был чужд еще и потому, что он как этнограф-практик, знающий народ не книжно, а непосредственно, не мог признать представление о приоритете классовой борьбы в развитии общества, в раскрытии личности[35]. Особенно возмущали его высказывания Ф. Энгельса по социологическим проблемам, связанным с этнографией, здесь отец просто начинал выходить из себя.

Дома у нас никогда не было поклонных портретов: ни Николая II, ни Керенского, ни Троцкого — Ленина — Зиновьева (они тогда вывешивались триадой), ни тем более Сталина. Но при жизни матери были иконы, зажигались лампады. Христианское начало сохранялось в доме.

В плане политическом Василию Петровичу, пожалуй, ближе всего был мирный, или — иными словами — философский анархизм П. А. Кропоткина. Ему был близок и сам облик Кропоткина — естествоиспытателя, географа, путешественника. Особенно привлекала Ва-

---

[34] Торговый — значит, сдаваемый внаем.

[35] Эксперимент последних семидесяти лет подтвердил неправомерность упрощенного представления о природе личности: классы стали неантагонистическими, а напряженность социальных проблем только обострилась, обретя трагическое, подчас безысходное (если говорить об экологических проблемах) звучание.

силия Петровича устремленность Кропоткина к проблемам этики (и, соответственно, взаимопомощи) как некоего самостоятельного начала, заложенного не только в сознании человека, но и в самой природе — биосфере[36]. Помню, что Василий Петрович собирался встретиться с П. А. Кропоткиным. Но жизнь распорядилась иначе. В траурный день в Нижегородском университете назначен митинг памяти Кропоткина. С большим докладом должен был выступать там Василий Петрович. В нашу квартиру приходит встревоженная группа студентов — почему профессора нет на месте? Ответ: «Да вот лучина очень сырая — не могу развести самовар, а дети голодные» (нас было трое, когда отец овдовел). Студенты делятся на две группы: одна сопровождает отца в университет, другая остается кормить детей. Доклад был воспринят восторженно — тогда еще не потускнели героические дни революции, несмотря на разруху и голод.

8. Легенда о паме Шипичá. Народная магия

Вернемся теперь еще раз к излюбленной теме Василия Петровича — попытке осмыслить народное миропонимание, запечатленное не в привычных нам философских построениях, а в легендах, сказках, поверьях и в самом образе жизни, воспроизводившем их.

Как истинный этнограф, он никогда не выступал против религии, считая ее одним из проявлений человеческого существования. Но был против ограничивающих рамок Православия. Этот мотив, по-видимому, у зырян носил народный характер. Отец не раз рассказывал дома один из вариантов знаменитой зырянской легенды о паме Шипичá, противостоящем Стефану Пермскому.

[36] Сейчас мы начинаем понимать, что в плане мировоззренческом проблема охраны природы звучит анархически. Природу можно будет спасти, только отказавшись от устремленности к властованию над нею. Содружество вместо властвования. Может быть, то же относится и к сообществу людей — идеи, порождаемые той или иной культурой, должны находиться с ним в отношениях содружества, а не насилия.

Здесь мне хочется воспроизвести эту легенду так, как она дана в примечании к статье «К материалам по истории материальной культуры Коми», опубликованной в **Комі Му**, 1925, № 2, с. 15—17 (легенда записана в 1908 г.):

> Со мною на пароходе ехало несколько женщин села Маджа в Ульянов монастырь на богомолье. Они рассказали мне: «Знаменитый пам Шипичá, очень удрученный переходом некоторых Зырян в православие, сам вырыл себе могилу на берегу Сысолы, лег в нее живым, произнес свои заклинательные слова с обращением к ветру, чтобы ветер засыпал песком его могилу; но в момент, когда свободные и вольные дети Севера свергнут гнет православия, тогда ветер разнесет с его могилы песок, река Сысола омоет берега, тогда он (пам Шипичá) с сияющим лицом встанет и поведет свой народ к счастью и к свету разума. Узнав об этом, русское духовенство и главный еретик, Усть-сысольский протопоп, построили на его могиле собор Троицы, чтобы тяжело было дышать паму Шипичá. Но близок час победы: вода обрушивает берег, ветер мечет песок, собор треснул в трех местах. Скоро, скоро придет время, когда наш собор со своими иконами рухнет в реку, и восстанет наш вождь пам Шипичá. Напрасно протопоп зовет мастеров-архитекторов: они не поправят собора, свалится церковь с иконами и восстанет наш вождь».
>
> Меня интересовало, как могут рассказывать такую легенду женщины, едущие на богомолье в православный монастырь. Они отвечали, и очень просто: «Наша настоящая вера зарыта в земле, мы исповедуем темную веру» (с. 17).

Мне кажется, эта легенда примечательна тем, что отражает тоску женщин-христианок по далекому языческому прошлому. Двуверье — вот что, наверное, было типичным для зырян того времени. Возможно, этот малоизученный феномен был характерен и для русских, несмотря на тысячелетие крещения. Наше сознание удивительным образом хранит и оберегает все прошлое, прислушивается внутренним слухом к его звучанию. В плане психологическом двуверие – это явление, напоминающее феномен гипноза. Известно, что загипнотизированный, подчиняясь воле гипнотизирующего, может сохранять в себе критическое начало — скрытого наблюдателя. В рассматриваемом нами случае языческое начало оказалось в роли такого наблюдателя.

Другой вариант легенды о паме приведен в статье «Зырянская легенда о паме Шипичá» (**Этнографическое обозрение**, 1903, LVII, № 2, с. 120—124). Там раскрывается сам образ пама:

> Памом, по мнению зырян, называется человек, обладающий громадной силой воли, могущий повелевать стихиями и лесными людьми; кроме того, этот человек обладает хорошими душевными качествами; его энергия, его познания уходят на борьбу с врагами зырян. Одним из таких памов был человек по имени «Шипичá». О нем есть легенда. Интересно, что существует много вариаций этой легенды, но еще поразительнее то, что один и тот же зырянин сегодня расскажет вам одну вариацию, завтра другую, смотря по тому, в каком настроении находится рассказчик (с. 121).

В сознании Шипичá звучат уже близкие нам экзистенциальные мотивы. Он полон сомнения.

> Но сомнение заползает в душу Шипичá; оно точит его душу, и невыносимая душевная боль заставляет его обратиться к объятиям любовницы; но увы — он не находит желаемого спокойствия. Любовница утешает его, она говорит: «Скажи, скажи, знаменитый пам, чего тебе недостает? Тебе послушны духи; ты никому не платишь дани. Все покорно тебе. Ты свободно ездишь по озерам. Лесные люди гонят в твои сети белок. Заяц бежит на разложенный тобою костер. У тебя много золота и серебра» (с. 122).

В ответе Шипичá звучат такие ноты:

> Я несчастлив. Меня постоянно мучит чувство одиночества; более меня не веселит пыл мести и стон новгородцев, так неожиданно для себя кончающих жизнь при встрече со мною. Меня давит небо, леса, и я мечусь в безысходной тоске среди всех вас, где все мелко и невыносимо гадко, и, что всего тяжелее, это — сознание моего бессилия перед могуществом Ена. И вот в этом состоянии я ищу утешения на твоей груди, но проходит минута, и я, еще более обессиленный и жалкий в своем состоянии, бегаю и рву в бешенстве на себе волосы. Если бы даже Ен мне дал могущества настолько, чтобы я мог переменить все окружающее, то и тогда бы я не знал, что мне делать, так как мне неизвестна конечная цель создания мира, и я задал бы себе вопрос: к чему мы живем? если бы не было стонов от обиды, глупого самодовольства от победы и если бы мы, не получив ответа, кинулись убивать друг друга, единственно для того, чтобы избежать этого ужасного вопроса (с. 122).

Здесь противостояние Православию, которое, наверно, было бы готово оценить это высказывание как «гор-

дыню». Мы все время ищем смыслы. У одного из французских мыслителей — экзистенциалиста и феноменолога Мерло-Понти прозвучало высказывание о том, что человек осужден на смыслы[37]. И главной здесь остается проблема смысла жизни, смысла мироздания[38]. Попытка отгородиться от этого вопроса неизменно приводит к трагическим последствиям как в плане личностном, так и в социальном.

Наверное, становление мыслящего, философствующего человека началось с осознания проблемы смыслов. Человек когда-то понял, что он является носителем смыслов — их служителем. В европейской культуре истоки этого осознания уходят в Древнюю Грецию — так, во всяком случае, принято думать. И вдруг мы увидели, что встречный поток готов был подняться и из глухих лесов нашего Севера. Это неожиданно, непонятно. Можно ли после этого говорить о примитивности мироощущения малых народов, долго остававшихся в культурной изолированности? Эта мысль звучала лейтмотивом в работах Василия Петровича. Свой гражданский долг он видел в этом.

И сейчас мы снова можем задать все тот же вопрос: не ближе ли к Христу наивное язычество, чем ортодоксальная церковная догматика? Ведь и само христианство — новозаветное и особенно гностическое — разве не возникло как отклик на ожидание новых смыслов? И история христианства, особенно западного: появление множества ересей, возникновение протестантских Церквей — разве все это не поиск новых смысловых раскрытий одних и тех же исходных текстов?

---

[37] M. Merleau-Ponty. **Phenomenology of Perception.** London: Routledge and Kegan Paul, 1962 (XXI + 466 p.).

[38] Проблемам смысла посвящена моя книга **Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности** (М.: Прометей, 1989, 287 с.). Этой теме посвящен ряд статей на русском и английском языках, последняя из которых — V. V. Nalimov. Spontaneity of Consciousness. An Attempt of Mathematical Interpretation of Certain Plato's Ideas. In: **Nature, Cognition and System II** (Ed. M. Carvallo). Dordrecht: Kluver, 1992, p. 313—324. Я продолжаю тему, начатую отцом, но пользуюсь другими средствами — другим языком.

Здесь нужно еще отметить, что Василий Петрович со свойственной ему как этнографу серьезностью относился к народной магии — существенной составной части языческой культуры. Магия — это деятельность совсем особого рода, резко отличающаяся как от деятельности, протекающей в окружающем нас естественном мире, так и от деятельности в создаваемом нами мире техники. Это активность чисто человеческая, антропоцентрированная, она возможна только в тех случаях, когда находятся люди, готовые воспринять направленное на них действие. Гипноз издревле считался чисто магической акцией, ибо загипнотизированным может быть только тот, кто к этому готов.

Строго говоря, каждый из нас в какой-то степени является магом, ибо находит в окружающем его обществе симпатизирующих ему людей, на которых может воздействовать. Отношение полов — это тоже магическая деятельность. Издревле сохраняющееся стремление к употреблению изысканной одежды и украшений [39] — также магический прием, направленный на то, чтобы вызвать расположение к себе. Почему мы, профессора, читаем лекции, вместо того, чтобы раз и навсегда записать их на магнитные ленты? Ответ простой: мы каждый раз выступаем как маги, завоевывая аудиторию какими-то особыми, глубоко личностными приемами.

У истоков нашей культуры стоял великий маг-Христос [40]. Для нас здесь важно не только то, что он создал учение, властвующее над душами в течение двух тысячелетий, но и то, что в повседневной жизни умел исцелять от физических недугов тех, кто был к этому готов, кто был наполнен глубокой верой. Вот как об этом говорится в Евангелии от Луки (18,42):

Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя.

[39] Напомним, что одна из подобных лекций, прочитанных Василием Петровичем в Казанском университете, была посвящена одежде и украшениям.

[40] Недавно я натолкнулся на объявление о книге, посвященной рассматриваемой здесь теме: M. Smith. **Jesus the Magician.** San Francisco: Harper and Row, 1978, 222 p.

Христианство и сейчас хранит в себе отголоски магических обрядов — в крещении, бракосочетании, поминовении усопших.

Магизм человека может быть обращен и внутрь него самого. Для осуществления этого он должен научиться внимательно вслушиваться в самого себя — внимательно следить за своими снами, предчувствиями (сны наяву), обращаться к медитации — внутреннему сосредоточению [41].

Культуры остаются способными к гармонизации общества до тех пор, пока они сохраняют в себе магическую силу воздействия. Пирамиды, храмы и мифологические скульптуры Египта имели магическую силу, утраченную теперь. Величественные готические соборы западного средневековья. в своей архитектуре как-то еще связанные с древним Египтом, были магическими катализаторами народного духа. Так было и с русскими православными храмами — я еще помню умиротворяющую храмовую магию старой Москвы с ее колокольным перезвоном, особенно пасхальным.

Всякие крупные, экстраординарные исторические события имеют оттенок магичности. Их участники, отдавшись стихии разрушения, становясь внутренне связанными, образуют то, что я в своих философских работах [42] называю *гиперличностью* — личностью, во-

[41] Подчеркнем еще раз, что сейчас на Западе, особенно в США, большое внимание уделяется личностной магической практике: излагается и широко применяется медитация, изучается мир сновидений — обращается внимание на «просветленные» сны, когда сновидец сохраняет отчетливое представление о том, что находится в состоянии сновидения, и «инкубаторные», т. е. заранее запрограммированные сновидения. В 1988 г. я принимал участие в весьма представительном международном конгрессе «Сознание и природа» (Ганновер, ФРГ) он начинался с медитаций, проводившихся мастерами разных школ Востока и Запада. Позднее я участвовал в двух международных конференциях по Трансперсональной психологии в США (1988) и Чехословакии (1992), а также в двух европейских — в Голландии и Франции.

[42] Подробно природа гиперличности рассматривается в моей упоминавшейся уже выше книге: Спонтанность сознания.

площенной в различных физических телах. Такая гипертрофированная личность, действуя как единое целое, легко попадает под власть какой-либо безумной (с позиций обыденного суждения) идеи и оказывается готовой идти напролом. Так, скажем, шли крестоносцы к Гробу Господню. Шли не только воины-рыцари, но и дети.

Власть, особенно деспотичная, всегда магична. Она основана на готовности быть бездумно принятой многими во имя какой-то идеи. Разве не оказались в роли мрачных магов наших дней Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао? Теперь мы ищем логику — хотим найти цепочку причинно-следственных связей там, где действовала магия. Революция в нашей стране разрушила не очень прочно державшиеся наслоения слегка европеизированной культуры и вернула народ в исходное, архаическое состояние сознания, и естественно, что появился вождь – верховный маг. Магия и сейчас не ушла из нашей жизни — она только притаилась под покровом навеянного наукой позитивизма.

Таков человек по своей природе. Что еще готовит нам будущее? Каких социальных взрывов мы должны еще ожидать? Успокоится ли, демагизируется ли в плане социальном современный мир? Сможем ли мы, находясь перед лицом экологической катастрофы, радикально изменить наше сознание, не впадая в экстаз разрушения?

Социальный магизм, наверное, способствовал развитию культур, пробуждая общество от спячки. Но как возможен он в технически перенасыщенном настоящем и тем более будущем?

Обо всем этом я написал здесь только потому, что научился от отца пониманию природы магического в человеке.

Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности.

9. Возвращение в Москву. Профессорство

Но вернемся опять к биографическому течению времени. В начале 1922 года — в период становления нэпа — наша семья переезжает в Москву. С марта 1922 г. по сентябрь 1925 г. Василий Петрович состоит профессором землеведения (географии и антропологии) во 2-м МГУ[43]. Читает лекции по следующим дисциплинам: краеведению, истории материальной культуры, этнографии СССР, антропологии. Одновременно является профессором антропологии в Медико-педологическом институте[44]. В звании профессора он был утвержден Государственным ученым советом.

Привожу фрагмент из благодарственного письма студентов, характеризующих стиль лекций Василия Петровича (из личного архива):

> Вы, как ученый-исследователь и знаток быта, всегда преподносили нам свежий материал, взятый из жизни. Этот непосредственный кусок жизни, подвергнутый Вашему тонкому научному анализу, вызывал большой интерес у нас, Ваших слушателей, во время лекций-бесед, где была живая работа, а не пережевывание чахлой книжности.— Вот это важно, и это мы с благодарностью отмечаем.

Я помню этих восторженных студентов, которые небольшими группами приходили к нам домой, чтобы продолжить лекции-беседы. «Чахлой книжности» у отца никогда не было. Всегда звучала собственная свободная живая мысль, которую он отдавал «как лучший плод, как лучший подвиг свой».

Нельзя не согласиться с тем, что до середины 20-х годов продолжал еще сохраняться интеллектуальный и духовный подъем, несмотря на всю сложность внутриполитической обстановки и смутное ожидание грозы. Продолжали появляться новые научные учре-

[43] Второй МГУ был создан на базе ранее существовавших Московских Высших женских курсов. По словам отца, вновь созданный университет отличался от старого Московского университета большей гибкостью — устремленностью к новому. Над ним не тяготела традиция прошлого.

[44] Позднее этот институт был ликвидирован по идеологическим соображениям.

ждения и учебные заведения[45]. Требовались и ценились инициативные и талантливые люди. Правда, заработная плата работников интеллектуального труда продолжала оставаться мизерной по сравнению с нэпмановскими ценами. Многие работали на нескольких должностях.

Вот и Василий Петрович с 1924 по 1928 год состоял еще и ученым специалистом Тимирязевского научно-исследовательского института[46] по специальности «антропология», занимая в течение года (с 1925 по 1926 год) одновременно и должность действительного члена и преподавателя угро-финской секции Научно-исследовательского института по изучению народов Востока. Помню, как дома его в шутку называли трехкафедральником. Если я не ошибаюсь, именно в это время у отца возник на почве теоретических разногласий серьезный конфликт с широко известным в то время академиком Н. Я. Марром[47]. Конфликт был напряженным, длился долго и закончился тем, что было

[45] Открывались новые театральные студии. В философской мысли появлялись новые течения, далекие от агрессивной официальной установки. Кое-что даже печаталось — вспомним хотя бы авторские издания свободно мыслившего тогда А. Ф. Лосева. Продолжала развиваться свободная религиозная мысль, охватившая и часть интеллигенции, и некоторые слои широких народных масс.

[46] Полное название института: Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического материализма. Подразделение, в котором работал Василий Петрович, называлось Секцией Антропоэкологии, деятельность этой секции была связана с модной тогда проблемой евгеники. Вот что говорится в отчетном докладе о работе Василия Петровича (см. **Труды** института, 1925, серия II, выпуск № 1):

> В. П. Налимов ведет обследование рабочих и их семей фабрики имени Петра Алексеева в антропоэкологическом отношении. Часть работы - исследование грудных детей - закончена (с. 26).

[47] Н. Я. Марр — языковед, этнограф, археолог, создатель нового учения о языке — яфетической теории. В кругу ученых, близких Василию Петровичу, было принято считать Марра ярким мыслителем, не лишенным в то же время то ли некоторой параноидальности, то ли циничности, позволявшей ему неким нелепым образом дурачить своих коллег, пристраиваясь к доминирующей государственной идеологии, что, конечно, не оставалось неоплаченным.

решено (какими-то весьма высокими инстанциями) развести конфликтующих ученых по разным институтам. Примечательно, что примерно в это же время (или немного раньше) у Василия Петровича произошло острое столкновение и с И. В. Сталиным, который в то время был наркомом Комиссариата по делам национальностей. Тогда еще все это обошлось без видимых последствий.

Конфликтность ситуаций — вот что стало характерным явлением для новой, идеологически насыщенной государственности. Революция для осуществления одного из своих идеалов, ставшего господствующим, должна была начать закрывать те каналы свободного действия, которые она сама ранее приоткрыла.

В 1928 году Василий Петрович был переведен из Тимирязевского научно-исследовательского института в Географический научно-исследовательский институт при МГУ, где продолжал работать до 1938 года в должности действительного члена. В архиве сохранился отзыв директора института профессора А. Борзова от 24/II-1932 г. Вот его завершающая часть:

> В. П. Налимов был переведен из Тимирязевского научно-исследовательского института в наш Географический с лично ему присвоенной ставкой бывшим Начальником Главнауки Ф. П. Петровым, причем мне было указано, что эта ставка присвоена именно Налимову и не подлежит изменениям и замещениям иными лицами. Институт, ценя научную подготовку и работы Налимова, по моему докладу принял эти условия, и за все время пребывания своего в Институте В. П. Налимов был деятельным и весьма полезным его научным работником и, насколько я знаю, продолжает столь же энергичную научную работу и до сих пор.

Лично присвоенная ставка — это особая и необычная форма защиты свободомыслящего человека от характерных для того времени склок и травли. Тогда среди облеченных властью еще находились деятели, обеспокоенные сохранением талантливых и энергичных людей.

Нужно отметить и еще одно обстоятельство: во второй половине 20-х годов Василий Петрович был вынужден перейти (в соответствии с общей установкой стра-

ны) от столь близких ему этнографических исследований к участию в народнохозяйственной деятельности, выступая здесь уже в качестве географа.

10. Экспедиции

Жизнь Василия Петровича в 20-е годы насыщена научными поездками экспедиционного типа.

Первая небольшая поездка в Пермяцкий округ была осуществлена летом 1921 года — в условиях, когда страна еще не оправилась от разрухи гражданской войны. Он взял с собой группу студентов, с тем чтобы, с одной стороны, обучать их геоморфологии непосредственно с борта речного парохода (маршрут: Нижний Новгород — Пермь), с другой — познакомить с приемами этнографических исследований в прямом взаимодействии с иноземным населением, сохранившим остатки языческих верований.

Вторая поездка — в родные края, летом 1922 года. Отец принял участие в большой комплексной экспедиции, занимаясь, правда, только продолжением чисто этнографических исследований, опираясь теперь уже на серьезную академическую подготовку.

В 1925 году — поездка в большеземельную тундру к самоедам (самодийцам). После этой поездки Василий Петрович поднял вопрос об охране народностей Севера. Доклады следовали один за другим: в Государственном колонизационном НИИ, в Тимирязевском НИИ, в Восточном НИИ, в Комитете содействия народностям Севера при ВЦИК, в Обществе изучения Сибири и Урала, в Обществе Коми края и пр.

В 1926 году — научная поездка в Вотскую область и соседние области Башкирской республики. Это, кажется, была его последняя чисто этнографическая разведка. Результаты этих исследований публиковались в местных изданиях (на вотском и русском языках) и в журнале Охрана природы.

В 1928 году — командировка в Казахстан, продолжительностью почти 6 месяцев. По результатам команди-

ровки написан отчет, состоявший из двух частей. Часть первая: «Этногеографический и антропогеографический очерк Семипалатинского округа». Часть вторая: «Географическое освоение степей Семипалатинского округа и вопросы его хозяйственного развития». Предложения Василия Петровича обсуждались в Народном комиссариате земледелия, по ним принимались решения.

В 1929 году — командировка в Лопарско-Мурманский край. Ее результаты опять-таки привлекли внимание не только научного мира, но и хозяйственных организаций.

Из сохранившихся в архиве материалов видно, что здесь речь шла о развитии пищевых ресурсов Севера и в первую очередь о восстановлении оленеводства (до войны в России было 5 миллионов оленей, к 1928 г. их поголовье уменьшилось примерно вдвое).

В 1930 году — поездка в Ижмо-Печерский край для разработки метода совместного сотрудничества географов и картографов при создании карт нового типа.

И последняя командировка — в 1931 году в Приуралье и Поволжье. Он собирался дать сравнительный антропогеографический очерк северных рек и рек нижней Волги и сравнительный очерк тундры и степи. Но эта работа не была завершена.

11. Общественная устремленность

Нужно отметить и большую общественную деятельность Василия Петровича.

Еще в 1922 году совместно с этнографом Я. В. Прохоровым и поэтом и краеведом К. П. Гердом он создает Общество по изучению вотяцкой культуры. В этом обществе он выступает с одним из своих коронных докладов «Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры»[48]. В архивных материалах есть упоминание

[48] Сохранились названия и двух его других докладов, сделанных на заседаниях этого Общества: «Материальная культура угро-финских народов» и «Общественная жизнь вотяков».

о том, что Василий Петрович состоял: членом Научного Коми общества, Общества по изучению Урала и Сибири, почетным членом Общества по изучению Чердынского края, пожизненным членом Общества любителей грузинской культуры [49], членом Комитета содействия народностям Севера при ВЦИК, возглавляемого П. Г. Смидовичем – заместителем Председателя верховного органа страны. Общественные выступления Василия Петровича иногда отмечались и в газетной прессе. Вот выдержка из газеты «Звезда» [50] (от 1 декабря 1927 г.): «...не менее чем содержание лекции интересна и сама личность лектора, являющегося настоящим зырянским Ломоносовым».

12. Завершение этнографической деятельности

Несмотря на такую удивительную активность во внешней жизни, Василий Петрович сохранял интерес и к проблемам философского характера. Помню, как на письменном столе (он был у нас один на двоих) появились книги З. Фрейда — автора, тогда очень популярного. Правда, культурологические построения Фрейда вызывали у отца такое же недоумение, как и марксистская социология. Его поражала односторонность и категоричность суждений. Зато серьезно прозвучала для Василия Петровича евразийская теория происхождения русской духовности и государственности [51], развивавшаяся в пражской эмиграции. Здесь было о чем говорить, и отец любил беседовать и дома на эту тему. В его архиве к наброскам автобиографии удивительным образом оказался подколот листочек с заметками о евразийстве (на немецком языке — Das Eurasiertum).

Двадцатыми годами завершается первая построво-

---

[49] Письмо Грузинского общества подписано Председателем правления Г. Жордания — братом широко известного грузинского политического деятеля.

[50] Орган окружного комитета ВКП(б).

[51] Один из тезисов евразийства: история России связана более с Азией, нежели с Европой (некогда Россия входила в состав монархии Чингисхана). Только Петр Первый нарушил эту традицию.

люционная эпоха, полная надежд и горечи. Вместе с ней завершается и путь Василия Петровича. И здесь мне представляется уместным привести отрывки из звучащего как прощание отзыва о нем, написанного В. В. Богдановым [52] в 1931 году:

> Я знаю Вас. Петр. Налимова, как научного работника, очень давно, с первых дней его появления в среде московских этнографов в Обществе Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Я всегда очень высоко ценил его глубокое знание предмета, над которым он работал; так же к нему относились ныне умершие ак. Вс. Фед. Миллер и ак. Дм. Ник. Анучин, которые давали В. П. Налимову разные научные поручения. Уже в 1910 г. личность В. П. Налимова как ученого вполне определилась в среде Общества Люб. ест., антр. и этн. и была оценена им в виде присуждения медали.
>
> . . . . . .
>
> Мне приходилось печатать и статьи В. П. Налимова в «Этнографическом Обозрении», и я хорошо знаю, с каким интересом они были встречены не только у нас, но и за границей.
>
> В дальнейшем научная деятельность В. П. Налимова не ограничилась уже одной этнографией, но благодаря изумительно широко поставленной научной школе Дм. Ник. Анучина, В. П. Налимов, как талантливый ученик его, много преуспевал в области антропологии и географии. Я слушал его доклады в Университете, еще недавно, по антропологическим, этнографическим и географическим вопросам Кольской Лапландии, Области Коми, Ненецкой области, Казахстана и др. На меня эти доклады производили самое лучшее впечатление работ, выполненных на основании личных экспедиций, очень трудных, но очень дельно проведенных.
>
> Не могу не сказать, что В. П. Налимов еще и в досоветское время на зыряноведение не смотрел с точки зрения руссификаторской культуры, а выявлял доподлинно национальный облик своего народа безо всякого шовинизма в ту или другую сторону.
>
> Этим был и останется особенно ценным ученым и общественным деятелем В. П. Налимов.

И как общественный деятель он, конечно, должен

[52] В. В. Богданов долгие годы был ученым секретарем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и редактором журнала того же общества Этнографическое обозрение.

был положить свою голову на плаху. Но об этом речь пойдет ниже.

13. Обращение к географической топонимии

Тридцатые годы. Одно из самых трагических десятилетий русской культуры. Особенность трагизма здесь в том, что он пришел не извне, а изнутри, из глубин самого народа.

Если в середине 20-х годов Василию Петровичу пришлось перейти от этнографических исследований к участию в решении народнохозяйственных задач, то теперь, в 30-е годы, приходится совершить еще один «квантовый переход» обратиться к прикладной (географической) топонимии. Занятие топонимией оказалось убежищем в это смутное время.

С 1931 года Василий Петрович начал работать в Институте геодезии и картографии в должности ответственного научного руководителя по географической таксономии при составлении карты европейской части СССР масштаба 1 : 1 500 000.

В то время проблема картографической топонимии была глубоко осмыслена. Для этого были серьезные основания: исторически великороссам приходилось расселяться по территориям, ранее уже поименованным на финно-угорских или тюркских языках. Геодезисты составители карт часто слишком упрощенно подходили к фиксации того или иного географического наименования, не обращая должного внимания на те правила, которым должны были подчиняться записи иноязычных наименований при их адаптации к русскому языку. Ошибки в транскрипции могли приобретать недопустимый характер. Так, скажем, по одной из рецензий Василия Петровича (написанной совместно с Д. А. Лариным) Народный комиссариат просвещения изъял из обращения ранее одобренную им же учебную политико-экономическую карту Евразии.

В бумагах, сохранившихся в архиве, отмечается, что Василий Петрович был на редкость подходящим

ученым для занятий географической топонимией. Финно-угорские языки были ему родными, в тюркских он достаточно освоился, а главное — он был еще и геоморфологом. Он считал, что выверка названий должна происходить всегда на месте — лингвистическую интерпретацию географического наименования нужно дополнять геоморфологическим анализом. Географическая топонимия, в его представлении, может быть использована и в археологических изысканиях для восстановления ландшафта прошлого.

Приведем здесь выписку из отчета о ходе работы, разъясняющую познавательную роль топонимии (1938 г.):

> Географические наименования, как элементы языка, являются прекрасным материалом для изучения доисторической и исторической жизни народов... Кроме того, они несут и свои специфические свойства, отражая отношения человека к географическим явлениям, объектам, раскрывая в то же время его философское, научное и религиозное мировоззрение, его психологию, эволюцию идей, встречу различных этнических групп, их взаимное культурное влияние, географическое распределение национальностей, пути колонизации и пр.

Насколько мне известно, ни одной работы Василия Петровича по топонимии опубликовано не было. Имеются лишь многочисленные разрозненные машинописные и рукописные страницы. Некоторое представление о характере работ может дать оглавление отчета за декабрь 1935 г.:

1. Значение топонимии в картографии . . . . 62 с.
2. Этимология Волги, Воли, Волхва и др. 80 с.
3. Анализ географических наименований . . . 43 с.
4. Отзывы о работе . . . . . 27 с.

Упоминается название рукописи «Картографическая топонимия (методы установления правильных географических названий)». Объем рукописи: 9 авторских листов. Указано, что проверено было 3500 наименований.

14. Первый арест

В начале 1932 года Василий Петрович был арестован. Через несколько месяцев вернулся домой как ни в чем не бывало. Рассказывал, что сидел на Лубянке в камере, где было еще то ли два, то ли три человека – приятные интеллигентные люди. Днем в камере шли нескончаемые беседы. Отец мог многое рассказать как этнограф. Его сокамерники — бывшие царские офицеры высокого ранга — рассказывали о событиях двух войн: японской и немецкой. По вечерам отец обращался к сказкам. Допросы вел следователь Правдин — вежливо, но настойчиво, с напором. Обвинение было совершенно нелепым: отцу приписывалась роль руководителя финно-угорского националистического движения, направленного на отторжение от Советского Союза северной части — от Финляндии до Охотского моря. Отец бешено сопротивлялся, собирая в одну точку всю силу мага северных лесов. Но, как известно, находились люди — тоже обвиняемые, готовые поддерживать обвинение, направленное в том числе и против них же самих. А ведь тогда еще не применяли пыток была только сила угрожающего слова и... готовность подчиниться ему. Да велика была вера в праведность Государства, в его безграничную, устрашающую мощь. Один из особенно усердствовавших обвиняемых, человек с параноидальной психикой, легко вошел в роль: идея заговора овладела им, и он стал видеть его проявления в рутинной повседневности всех прошлых дел. Было что-то инфернальное, демоническое в привлечении к следствию психически неуравновешенных людей. И какая глубокая, доходящая до цинизма, ирония в том, что режиссерами таких нелепых, трагических спектаклей оказались Homines Sapientes вроде следователя по фамилии Правдин.

Сейчас, обдумывая все, свершавшееся тогда и позже, можно объяснить это только тем, что у идеологически наэлектризованной Государственности возникла магическая сила, которой нужны были эти судебные

процессы с морями крови для того, чтобы подпитывать и усиливать этот магизм.

Сначала казалось, что отец вышел победителем из этой схватки. Но... Через некоторое время после его возвращения к нам домой приходит милиционер и передает Василию Петровичу под расписку Постановление о том, что он срочно (кажется, в 24 часа) должен выехать в Норильск в ссылку.

Надо было что-то делать. Я, по счастью, был почему-то дома. Отец мне сказал: «Срочно иди к П. Г. Смидовичу — заместителю Председателя ВЦИКа». Рассказал, как обойти официальный кордон.

Я пошел необычным путем — по черной лестнице, которая раньше служила для выноса мусора и прочих кухонных дел. На одной из лестничных площадок меня встретил молодой человек в штатском и спросил: «От кого, куда, зачем?» Услышав мой ответ, сказал: «Проходите, пожалуйста».

К Смидовичу я попал, минуя приемную. Выслушав меня, он тут же позвонил Р. П. Катаняну — прокурору по надзору за ОГПУ (и такая должность, оказывается, тогда существовала). После краткого разговора он сказал мне, что отцу надо срочно ехать к Катаняну, так как он будет у себя на рабочем месте только в течение часа, и добавил: «Берите мою машину, иначе опоздаете».

И вот осужденный политический преступник и я подъезжаем к прокуратуре на правительственной машине. В большом кабинете в кресле с высокой резной спинкой сидит очень нервный человек отчетливо восточной внешности. Разговор краток: «Напишите заявление — коротко, всего три слова: «Прошу пересмотреть дело»... Теперь можете идти и ни о чем не беспокоиться».

Последовало вялое преследствие, и дело было прекращено. Старая революционная гвардия тогда еще могла охранять своих помощников.

15. Второй арест

Последующие 4 года прошли сравнительно спокойно. Отец занимался топонимическими исследованиями и регулярно ездил читать лекции по геоморфологии в Минский университет.

Осенью 1936 года новый арест. На этот раз арестован не он, а я по делу, никак не связанному с теми обвинениями, которые предъявлялись отцу. Опираясь на свои связи со старой революционной гвардией, он пытался как-то вмешаться в ход моего дела, но безуспешно. Другие времена — все дороги уже перекрыты. Наступило полновластие беззакония, задуманного задолго до его беспрекословного осуществления.

Осенью 1938 года вторично арестовывают отца. Он тогда жил на даче под Москвой. Его жена, как-то возвратившись из поездки в Москву, сказала, что звонил какой-то человек, назвавшийся Поповым, и сказал, что ему очень нужно увидеть Василия Петровича. Отец сказал: «Нет — это не то. Они опять хотят меня арестовать».

Ночью за ним приехали. Обвинение, судя по имеющимся данным, носило все тот же характер.

16. Документально оформленное завершение

Свидетельство о смерти

Гр. Налимов Василий Петрович
Умер 28 декабря тысяча девятьсот тридцать девятом году 28/XII-39 г.
Причина смерти Острая сердечная слабость
о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1939 года декабря 29 произведена соответствующая запись за № 870.

Коми АССР, город Сыктывкар. 13 июня 1956 г.

Потом, много позже, было получено 4 справки о реабилитации, которые не вполне согласуются друг с другом; поэтому я привожу здесь их тексты полностью, в хронологической последовательности.

Прокуратура Коми АССР

31 июля 1956 г.

Прокуратура Коми АССР на Ваше заявление, поступившее нам из Прокуратуры СССР, сообщает, что дело по обвинению Налимова Василия Петровича пересмотрено и постановлением от 15 июня 1955 г. прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Таким образом, по этому делу Налимов В. П. полностью реабилитирован.

Пом. прокурора Коми АССР по надзору за следствием
в органах госбезопасности мл. юрист (Разумова)

Военный прокурор Уральского военного округа

14 сентября 1956 г.

Сообщаю, что дело Налимова Василия Петровича и других проверкой окончено. Установлена невиновность всех обвиняемых по делу. Для окончательного решения вопроса о их реабилитации дело с нашим протестом нами передано в военный трибунал Уральского ВО (Военного Округа). Результаты рассмотрения дела Вам сообщат.

Пом. Военного Прокурора УрВО
Подполковник юстиции (Дымшаков)

**Комитет государственной безопасности
при Совете Министров Коми АССР**

15 сентября 1956 г.

Дана настоящая в том, что дело, возбужденное в 1938 г. НКВД Коми АССР против Налимова Василия Петровича, 1879 г. рождения, уроженца села Вильгорт, Коми АССР, Постановлением Комитета Госбезопасности при Совете Министров Коми АССР от 15 июня 1956 г. на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекращено за отсутствием состава преступления.

Начальник Отделения КГБ
при Совете Министров Коми АССР (Модянов)

Прокуратура Коми АССР

10 июля 1989 г.

Прокуратура Коми АССР на Ваше заявление в адрес прокуратуры СССР от 5 мая 1989 года сообщает следующее:

Ваш отец, профессор Налимов Василий Петрович, 1879 года ро-

ждения, уроженец с. Выльгорт, Коми АССР, арестован 27.08.38 г. в Москве по адресу: М.-Коковинский пер., д. 1/8, кв. 16 на основании ордера, подписанного народным комиссаром внутренних дел СССР. Затем на основании постановления НКВД СССР от 8 сентября 1938 года следственное дело совместно с арестованным Налимовым, как это указано в постановлении, направлено в распоряжение НКВД Коми АССР, где и проводилось предварительное следствие следователем НКВД Коми АССР. Налимову было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР. В частности, в постановлении о предъявлении обвинения указано, что он являлся участником контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Коми АССР, ведшей борьбу с ВКП(б) и Советской властью.

Расследование по делу было окончено в апреле 1939 года и вместе с обвинительным заключением 26 апреля направлено для рассмотрения Особого Совещания НКВД СССР. Однако в связи с жалобами Налимова Особое Совещание 5 ноября предложило НКВД Коми АССР дополнительно допросить свидетелей и протоколы допросов направить в Секретариат Особого Совещания.

В период проведения дополнительного расследования Налимов 28 декабря 1939 года в Сыктывкарской тюрьме № 1 скончался.

29 декабря 1939 года судебно-медицинский эксперт Наркомздрава Коми АССР врач Безносиков произвел вскрытие трупа Налимова.

В заключении эксперта указано, что смерть Налимова последовала от распространенного артериосклероза, на почве которого произошел разрыв веточки венечной артерии сердца и наступила смерть. 28 декабря 1939 года следователь следственной части НКВД Коми АССР производство по делу Налимова В. П. прекратил за его смертью. 15 июня 1955 года начальник следственного отдела КГБ при Совете Министров Коми АССР постановлением изменил основания прекращения дела, указав, что дело в отношении Налимова В. П. прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Следовательно, Налимов В. П. реабилитирован.

В уголовном деле данных о месте захоронения Налимова не имеется. По данному вопросу Вы можете обратиться в управление исправительных дел МВД Коми АССР.

В деле имеются данные о том, что Налимов В. П. в 1933 году привлекался к уголовной ответственности по ст. 58-11 УК РСФСР коллегией ОГПУ Горьковского края и был осужден к высылке на 3 года.

Зам. прокурора Коми АССР
старший советник юстиции (В. Я. Беляев)

Из приведенного выше документа с очевидностью следует, что отец продолжал бороться до конца. Он не мог принять и признать нелепости в обмен на милости за послушание. Не по убеждению, не умозрительно,

а по самой своей природе он был анархистом, акратом. Не мог не противостоять безумию тотальной государственности, прикрывающейся «велением истории», безумию, поддержанному большинством народа, правящей партией и многими выдающимися интеллектуалами Запада. Он не был идущим на компромисс «Зубром» в том истолковании этого образа (выведенного Д. Граниным), которое дал ему Г. Попов [53].

Отец погиб, но выиграл свое сражение – сохранив свою духовную природу, выполнил свою задачу. А тогда можем ли мы отличить поражение от победы?

После того как были написаны эти страницы, пришло извещение из военного трибунала Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа (г. Куйбышев, 15 ноября 1989 г., № 1667) о реабилитации по первому аресту. Примечательно, что реабилитация дается по делу, по которому (как мы говорили об этом выше) приговор был отменен еще в 1933 г. решением прокурора Катаняна. Вот дословный текст извещения:

> Высылаю Вам дубликат справки о реабилитации Вашего отца НАЛИМОВА Василия Петровича, 1879 года рождения, по факту привлечения его к уголовной ответственности постановлениями ОГПУ от 9 июля и от 4 ноября 1933 года. В определении военного трибунала округа не приводится каких-либо данных о том, в чем обвинялся НАЛИМОВ, указывается лишь, что НАЛИМОВ, в числе других лиц, по своим антисоветским взглядам примыкал к возглавляемой ЧАЙНИКОВЫМ (литературный псевдоним «Кузебай Герд») контрреволюционной группировке или разделял с ЧАЙНИКОВЫМ националистические взгляды. Дополнительной проверкой установлено, что НАЛИМОВ и другие привлеченные по этому делу лица обвинены огульно, необоснованно.
>
> Каких-либо других сведений о Вашем отце в военном трибунале округа не имеется.
>
> Заместитель председателя военного трибунала
> Приволжско-Уральского военного округа А. Сирота

К извещению приложена справка:

---

[53] Г. Попов. Система и Зубры (Размышление экономиста по поводу повести Д. Гранина «Зубр»). **Наука и жизнь**. 1988, № 3, с. 56–64.

Дело по обвинению НАЛИМОВА Василия Петровича, 1879 года рождения, пересмотрено военным трибуналом Уральского военного округа 2 ноября 1965 года.

Постановление коллегии ОГПУ от 4 ноября 1933 года и постановление ОГПУ от 9 июля 1933 года в отношении НАЛИМОВА Василия Петровича отменены и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

Гражданин НАЛИМОВ Василий Петрович по данному делу реабилитирован.

Заместитель председателя военного трибунала
Приволжско-Уральского военного округа А. Сирота

В извещении упоминается имя Кузебай Герд. Это был удмуртский (вотяцкий) поэт, с которым Василий Петрович сотрудничал в 20-е годы, в частности, под их общей редакцией вышел сборник [20].

* * *

После прочтения всех приведенных выше писем все же возникает множество недоумений: (1) почему дело против Василия Петровича возбуждено НКВД Коми АССР — он уехал оттуда в начале века, редко и ненадолго приезжал туда и ни с кем не имел переписки; (2) как велось следствие — применялись ли пытки; (3) была ли смерть спонтанной или она была спровоцирована какими-то особыми обстоятельствами; (4) как же все-таки найти его могилу?[54] (5) Почему в Прокуратуре Коми АССР нет сведений о том, что обвинение по первому аресту было снято еще в 1933 году (его, как выяснилось, не оказалось также и в Военной прокуратуре Уральского военного округа); видимо, оно сохранялось в тайне как дискредитирующее Коллегию ОГПУ, вынесшую обвинение, не обоснованное даже по тем временам; (6) если уголовное дело было пре-

[54] Из Управления исправительных дел Министерства внутренних дел Коми АССР была получена следующая справка (от 4/IX-89 г., 2/3—838—Н):

На заявление по вопросу места захоронения Вашего отца Налимова Василия Петровича, умершего 28 декабря 1939 года в Сыктывкарской тюрьме № 1, сообщаем, что проверочными данными место его захоронения неизвестно.

Начальник УИД МВД Коми АССР А. Е. Русских

кращено за смертью обвиняемого, то в чем юридический смысл реабилитации? Какой смысл реабилитировать того, кто не был осужден? (7) Почему не согласуются даты: Прокуратура Коми АССР сообщает о реабилитации, состоявшейся 15 июня 1955 года, а Военная прокуратура Уральского военного округа только 14 сентября того же года сообщает о передаче дела для рассмотрения в Трибунал. И при чем здесь Военный трибунал, если дело, как это следует из последнего письма, предназначалось для рассмотрения Особым Совещанием НКВД СССР?

Но есть еще и другое, трудно поддающееся пониманию обстоятельство. Вскоре после гибели Василия Петровича к его вдове пришел человек в штатском и сообщил, что обвинение с Василия Петровича было снято перед его смертью и что в анкетах ничего предосудительного писать не надо. Кто был этот человек в штатском — может быть, сам следователь, ведший дело? Но тогда это уже сюжет в стиле Достоевского.

Почему все окружено такой тайной? Почему нельзя признаться в совершенном преступлении и поведать обо всем в деталях? Архивы наконец начинают открываться.

Но были и еще два странных визита. Приходил конвоир, сопровождавший Василия Петровича по его тюремным переброскам из города в город. Говорил что-то очень теплое и сердечное. Второй раз он пришел во время войны, сказал, что подал рапорт о переводе на фронт, и пояснил: «Больше переносить этого не могу».

17. Завершающее слово: попытка понять свершившееся

Гибель Василия Петровича была, конечно, не случайной. Она предопределена судьбой страны — тем ее путем, который она выбрала для своего постреволюционного развития.

Сейчас, вглядываясь в прошлое, после трагического опыта пережитого, мы начинаем понимать, что сделанный выбор не является большой неожиданностью.

Страна была многогранной, многоликой, многоукладной и совершенно неспособной к компромиссным решениям. Под натиском революции рухнула обветшавшая евразийская государственность, сдерживавшая противостоящие силы. Потеряли смысл прежние жизнеорганизующие символы. Что могло прийти на смену?

Естественно, новая система социальных смыслов, новое понимание смысла и цели жизни. К этому были подготовлены представители различных слоев общества правдоискательской и в какой-то степени даже богоискательской страны (вспомним здесь и Ф. Достоевского, и Л. Толстого, и М. Горького, и русское сектантство — народных и интеллигентных слоев общества, и наконец романтизм ранних форм самого революционного движения).

Появилось новое представление о социальной справедливости, оказавшееся способным объединить часть романтиков — выходцев из самых различных слоев общества: от высших до низших уровней иерархии тогдашнего общества.

Чтобы реализовать новую идею, нужна была Власть — власть невиданной силы. Надо было не управлять, а разрушать. Разрушать все, веками сложившееся. Сейчас в печати принято обсуждать то, что происходило в высших, правящих слоях нового общества. Мне кажется, важнее обратить пристальное внимание на то, что совершалось в обычной, повседневной жизни. Ведь все происходившее осуществлялось через людей — рядовых членов общества, вовлеченных в безжалостную борьбу за новое — демоническое понимание правды.

На примере жизненного пути Василия Петровича мы видим, как постепенно начиналось безумие истребления прошлого во имя выдуманного будущего. Уже начиная со второй половины 20-х годов возникают затруднения с опубликованием его работ. В 1929 году расторгается договор на издание рукописи книги К познанию удмуртов, заключенный еще в 1926 году. Вот характерный отрывок из рецензии, послужившей

основанием для расторжения договора (питируем без исправлений):

> Вопросу изучения Вотской культуры и социальных отношений удмуртов посвящено ряд трудов и произведений. Но основным недостатком абсолютного их большинства заключается в том, что они материалистически невыдержанны, не говоря уже о том, что они ничего общего с Марксизмом не имеют.
>
> Труд профессора Налимова к сожалению не является исключением из ранее изданных трудов другими авторами...
>
> . . . . . .
>
> Как повлиял октябрь и эти 9 лет советского строительства? По какому пути развивается вотская культура? В книге ответа нет. Мы уже не говорим, что в книге нет ни слова о классовой борьбе, что там проповедуется. Как биологически и исторически создавшийся между удмуртами культ «социальной солидарности и справедливости». Нет комсомола, не видеть, конечно, роли Советов, партии и т. д. Вместо того, чтобы взять хоть один колхоз или коммуну и изучить эти культурные сдвиги, проф. Налимов на 103 стр. рисует удмуртов как людей осторожно относящихся к технике.

От Василия Петровича требовали того, чего он не мог дать [55]. То же самое происходило и в текущей служебной деятельности. В материале, хранившемся в Архиве МГУ, встречаются страницы, в которых о работах Василия Петровича говорится, что они «не советские», «не марксистские», а о нем — как о «политически не подготовленном». В то же время имеются и бумаги, свидетельствующие о том, что Наркомпрос РСФСР поддерживал Василия Петровича. Все время находились высокопоставленные люди — это мне хочется подчеркнуть, — которые поддерживали отца. И первый арест был только неудавшейся попыткой — репетицией. Оба ареста Василия Петровича произошли на фоне грозных погромных событий, развернувшихся в Сык-

---

[55] Подобные требования сохранялись и позднее. В 1979 г. второе издание моей книги Вероятностная модель языка задерживалось из-за того, что в рецензии, написанной к тому же профессором МГУ, говорилось о том, что в работе не отражено отношение к языку Партии. А как это можно было сделать? Тем более мне — беспартийному?! А книги, посвященные западной философии, обычно несли в заглавии слово «Критика». А почему, собственно, надо критиковать, а не просто анализировать?!

тывкаре в начале 30-х годов. Громили местную интеллигенцию, обвиняемую в национализме. В газете Молодежь Севера (3/VI 1988 г.) в статье историка И. Жеребцова, посвященной памяти ранее упоминавшегося нами этнографа А. С. Сидорова, говорится следующее:

> К 1932 году было практически разгромлено краеведческое движение, так много сделавшее для развития науки и просвещения. В 1930–1931 годах прекратило свою деятельность и Общество изучения Комі края... журнал «Комі Му»[56] был прямо объявлен «органом пропаганды националистических и кулацких идей», а ряд краеведов провозглашен «буржуазными националистами»... резкой критике подвергся союз «Коми котыр».

Далее в газете упоминается вечер, посвященный памяти коми ученого К. Ф. Жакова,—все участники его в одной из публикаций были причислены к «интеллигенции националистического толка». В 1933 году был арестован В. И. Лыткин — крупнейший коми лингвист. Сам А. С. Сидоров был арестован в 1937 году; следствие по его делу тянулось более двух лет. В этой вакханалии, поддержанной самими же учеными, или— точнее—какой-то их существенной частью, должен был быть свой лидер—казалось, самой подходящей фигурой для этого был Василий Петрович. Но его сломить морально не удалось!

Теперь мы со всей отчетливостью видим, что в те годы Страна была устремлена к тому, чтобы совершить ряд преобразований, необходимых для создания светлого будущего, отвечающего новым идеалам:

(1) Декрестьянизацию (освобождение общества от привязанности к земле).

(2) Деинтеллигентизацию (освобождение общества от груза критической мысли).

(3) Декупечизацию (освобождение общества от частного предпринимательства).

(4) Дерелигионизацию (освобождение общества от ненаучной духовности).

(5) Денационализацию (освобождение общества от тяготы разнонационального уклада жизни).

---

[56] В котором ранее печатались статьи Василия Петровича.

Отец противостоял, по крайней мере, по пунктам (2), (4) и (5). Он не вел активной борьбы. Но сам факт его независимого существования был непонятен, неприятен, опасен. Опасен хотя бы потому, что еще и находил поддержку у некоторых представителей предреволюционного большевизма (кроме П. Г. Смидовича, это были М. И. Ульянова, Я. Э. Рудзутак и кто-то еще, кого я не запомнил). Поддерживала Василия Петровича и академическая наука.

В Финно-угорском сборнике[57] в статье Н. Н. Поппе читаем:

> Впоследствии выдвинулся в качестве исследователя зырян В. П. Налимов, продолжающий успешно свои исследования и поныне. Из его работ особенного внимания заслуживают труды в области верования зырян, а также его большая статья на немецком языке «К вопросу о половых отношениях среди зырян». Уже после революции этот известный этнолог-зырянин опубликовал несколько работ в новом зырянском журнале «Комі Му» (с. 57).

Противостояние существовало. Его надо было сломить. Отсюда обращение к террору. Вторая половина 20-х годов была подготовкой к нему. Подготовка поддерживалась и частью самого народа — разве не является свидетельством этого приведенная выше рецензия на труд Василия Петровича о вотяках?

И даже после реабилитации Василий Петрович про-

---

[57] **Финно-угорский сборник.** Л., 1928, 348 с., напечатан по распоряжению непременного секретаря Академии С. Ольденбурга. В нем дается обзор того, что было сделано у нас в стране по изучению финно-угорских народностей в антропологическом, этнографическом, лингвистическом, археологическом и историческом отношениях.

В этом сборнике, естественно, нет сетований на то, что работы по финнологии написаны с немарксистских позиций, что в них игнорируется проблема классовой борьбы, и с сожалением констатируется, что зырянин Г. С. Лыткин (1835—1907), являвшийся среди исследователей зырянского края «первым ученым в полном смысле слова», столкнулся с проблемой национализма в старой России: «...навлекши на себя подозрение в распространении националистических идей в зырянской среде, он должен был удовлетвориться скромным местом преподавателя среднего учебного заведения в Петербурге» (с. 55 статьи Поппе). Итак, прошлое сомкнулось с настоящим. Новая государственность только усилила средства воздействия.

должает подвергаться «очистительному» поруганию. Вот что мы читаем в книге Ю. В. Гагарина [58]:

> Пытаясь доказать наличие высокого уровня духовной культуры у древних коми, он [Налимов] приписывает языческим воззрениям коми черты развитой религии. Налимов идеализирует древние верования коми, видит в них «лучшие завоевания человеческого духа, религию социальной справедливости» [59]. Христианизация рассматривается им лишь как отрицательное явление и только в плане национального порабощения. Такая точка зрения отражала общую тенденцию представителей буржуазно-националистического течения, которое в 20-е годы охватило часть советской интеллигенции, которая не имела марксистской закалки и была заражена мелкобуржуазной идеологией (с. 20).

Опять обвинительные слова. Снова можно было бы начинать судебный процесс над проявлением мелкобуржуазной заразы, но теперь уже не над кем.

Обвинению в мелкобуржуазном национализме могут быть противопоставлены следующие слова Василия Петровича (**Вестник Нижегородского университета**, 1918, № 8, с. 10):

> *Культура дорога всем.— Необходимо стремиться создавать условия, при которых возможен лучший расцвет культуры, прогресса.* Во имя этой идеи мы должны жертвовать личными, семейными, национальными интересами и даже временными преуспеваниями, если последние почему-либо могут повредить делу общего прогресса человечества. Но общий прогресс не потребует жертв. Он уживается с здоровым национализмом, интересами возвышенного индивидуума, каким и должен быть человек.

А что мы видим сейчас? Я не знаю ситуации в Сыктывкаре, но в стране в целом национальный вопрос обрел новое, подчас грозное звучание. И это естественно — нельзя нерешенное загонять в подполье. Нельзя было уничтожать носителей духовной культуры малых народностей, пытавшихся говорить не об отчуждении,

---

[58] Ю. В. Гагарин. **История религии и атеизма народа Коми.** М., 1978, 325 с.

[59] Здесь допущено серьезное искажение текста. В цитируемой статье Василия Петровича (**Комі Му,** 1925, № 2, с. 16) говорится не о «социальной справедливости», а о «социальной солидарности», что существенно меняет смысл высказывания.

а о привнесении иного, забытого, в единый жизненный поток общечеловеческой культуры.

Нельзя не сказать здесь о том, что сейчас в США, несмотря на доминирующий там сциентизм, есть и серьезная озабоченность тем, чтобы не потерять опыт других — уходящих — культур. В то же время, находясь в США (правда, всего в течение двух месяцев), я обратил внимание на то, что в этой разноплеменной стране национальная проблема не имеет особенно острого звучания. Никто не говорит об особом национальном праве на землю в тех или иных регионах страны или о необходимости иметь языковое многообразие в государственной, экономической или культурной жизни. Хотя в некоторых городах, скажем в Сан-Франциско, есть разнонациональные кварталы. Есть национальные рестораны; их посещают все — нет языкового барьера. Как приятно было зайти в детский сад, где няни негритянки, где разнонациональные дети, среди них и сын миллионера — президента фирмы, содержащего этот детский сад. Есть и разноязычные издательства, и русские книжные магазины, правда, они носят явно провинциальный характер. Многообразие жизни достигается не национальным разъединением, а иными средствами, и прежде всего разнообразием духовных и интеллектуальных устремлений. Хотим мы того или нет, но современная культура обретает все же транснациональные, а следовательно, и трансъязыковые черты. Правда, процесс этот идет мучительно, надрывно. И конечно, неизбежны нескончаемые попытки вернуться вспять — к национальной изолированности. Важно в этом сложном процессе не потерять всего того, что было создано ранее разными, в том числе и малыми народностями.

Мы не должны, конечно, забывать и того, что XX век — это не только триумфальный ход всеобщей технизации и сциентизации, но также и век проявления бушующего, подчас обезумевшего, националистического архетипа. Это в какой-то степени понятная попытка противостоять унификационным тенденциям современности. Но все это обращение в прошлое, а не в буду-

щее. На почве национальной устремленности никому не удалось еще создать новых направлений в развитии культуры.

Я сам далек от чисто национальных проблем. Меня в большей степени беспокоит более широкая тема — проблема *многообразия* личностных проявлений в одной полифонически звучащей культуре[60]. Сформулированные выше пять пунктов революционного преображения человека были направлены на подавление многообразия. И сегодня мы видим, к чему это привело. Социокультурный монизм не способствует выживанию: теряется способность адаптации в быстро меняющихся ныне условиях существования. Монокультура всегда анемична.

Что-то похожее происходит в биосфере. Биологи экологической ориентации озабочены сейчас тем, что под воздействием человека экосистемы теряют биологическое многообразие. В этом случае при изменении среды обитания легко рвутся трофические цепочки, и система оказывается под угрозой гибели. Но это лишь одна сторона вопроса, другая состоит в том, что многообразие системы свидетельствует о существовании феномена преадаптации (преадаптационными называются те признаки, которые при данном состоянии системы бесполезны или даже вредны, но могут быть весьма полезными в резко изменившейся ситуации).

Не потеряли ли мы носителей духовных преадаптационных начал в нашем насильственно унифицированном социуме?

* * *

Я написал эти воспоминания для того, чтобы сохранить память о том, кто умел жить, не покоряясь, сохраняя свое достоинство, свою самобытность. В те смут-

[60] Здесь уместно упомянуть и о проблеме децентрализации и дебюрократизации жизни. Но это отнюдь не национальная проблема. С ней столкнулись и в США. Там поднимался вопрос о противостоянии гигантским фирмам. Они легко завоевывают рынки сбыта, но одновременно и подавляют творческую инициативу своих сотрудников. Что же важнее?

ные годы все было на пределе, и человек в повседневности своей жизни сталкивался с ее запредельностью.

«Труден подвиг русского поэта»...

18. ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПО ЖАЛОБЕ ОБВИНЯЕМОГО Василия Петровича Налимова

(Дело № 16956а из архива КГБ в Сыктывкаре)

Совершенно секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА СЕКРЕТАРИАТА
ОСОБ. СОВЕЩ. НКВД СССР
ст. лейт. ГБ Т. БОРОВКОВУ

г. Москва

На № 142/79-а от 8/IX-39 г.

Возвращая заявление заключенного Налимова В. П., сообщаем, что он нами допрошен в присутствии прокурора. Налимов показал, что его основная жалоба на следствие состоит в том, что Следователь во время допроса лаконически записывал его ответы, чем не дал ему возможности опровергнуть показания свидетелей, по его мнению давших ложные показания. Хотя это заявление не совсем отвечает действительности, однако мы передопросили Налимова по основным фактам предъявленного ему обвинения и получили почти те же ответы и объяснения, которые уже имеются в деле.

Поскольку Налимов утверждал, что свидетели дали на него ложные показания, по договоренности с ними прокурор передопросил свидетелей Батиева Д. А., Сидорова А. С. и Тараканова Ф. Г., которые свои ранее данные показания подтвердили.

Со своей стороны считаем, что дело Налимова рассмотреть на *Особом Совещ. необходимо.*

Приложение: 1. Протокол допроса Налимова В. П. от 23 и 26/IX-39 г.
2. Протокол допроса свидетелей Батиева, Сидорова и Тараканова от 29/IX-39 г.

Нарком Внутр. Дел Коми АССР
Капитан ГБ Журавлев

Нач. следств. части НКВД
Ст. лейт. ГБ Выжлецов

Протокол допроса

1939 г. сентября 23 дня. Я, Начальник Следственной части НКВД КАССР Выжлецов. допросил в качестве обв. Налимова Василия Петровича 1879 г. р., уроженца с. Вилы орт Сыктивдинского р-на Коми АССР. До ареста проживал -Москва, Рещиков пер., д. 8, кв. 16, по национальности коми, гр-н СССР.

Допрос производится в присутствии Врид. Зам. Прокурора Коми АССР тов. Савиновского.

Вопрос: Какие у вас есть жалобы на следствие?

Ответ: Я считаю, что следствие по моему делу *велось односторонне с уклоном* во что бы то ни стало обвинить меня, искажая весь фактический материал, окрашивая революционные факты в контрреволюционные. В подтверждение этого привожу следующие примеры:

1. Написанную мной легенду «Пан Шипича» и напечатанную в журнале «Коми му» свидетели признали контрреволюционной, а фактически это произведение явл. революционным. До вмешательства Прокуратуры Коми АССР следствие не хотело просмотреть эту мою статью и дать ей правильную оценку. Насколько мне известно, следствие до сих пор не дало правильной надлежашей оценки этой легенде.

2. Мои ответы на поставленные вопросы следователь записывал лаконически без достаточных моих объяснений и ссылок на документальные данные, опровергающие выставленные мне обвинения. Краткие записи моих ответов следователь мотивировал тем, что подробные объяснения я могу дать в суде. Поскольку мое дело теперь находится в Особом Совещании, прошу дать мне возможность написать подробные объяснения по всем обвинительным пунктам.

3. Свидетель Тараканов дал показания о том, что в 1921 г. в гор. Кудымкаре меня просили прочесть лекцию о конституции РСФСР, а я якобы ответил: «Я не читал Конституции» и тем как будто выразил свое пренебрежение к Сов. Конституции. Фактически дело было так: в 1921 г. я читал в Кудымкаре лекции по педагогике преимущественно для учителей, а потом меня просили прочесть ряд лекций по политическим вопросам, и в частности по Конституции. Я на это ответил: «Я не так хорошо знаю политические вопросы и вопросы Конституции, чтобы читать публичные лекции». Кто-то тогда мне заметил: «Профессор все должен знать», на это я им ответил: «Я в реальном училище преподавал физику и знал настолько, что мог преподавать, но не так хорошо знаю, чтобы читать публичные лекции». На это мне заявили, что для моей научной экспедиции не дают лошадей. Лошадей мне действительно не дали, о чем я вынужден был дать телеграмму В. И. Ленину, и последний дал телеграмму о предоставлении мне лошадей. Впоследствии в Пермском Губисполкоме мне говорили, что за всю эту историю они получили неприятность.

Вопрос: С кем персонально у вас был разговор о лекциях по вопросам конституции в г. Кудымкаре?

Ответ: Персонально лиц не знаю.

Вопрос: Продолжайте показания.

Ответ: В протоколе показаний свидетеля Батиева было записано, что буржуазные националисты стремились к объединению угро-финских народностей в одну административно-хозяйственную единицу под протекторатом Финляндии. На очной ставке со мной Батиев уже не говорил о протекторате Финляндии, и в связи с этим Следователь Нельпер спросил его по этому вопросу, и он на это ответил: «Протекторат Финляндии это моя камерная выдумка, мы стремились только к объединению всех угро-финских народностей в одну хозяйственную единицу в пределах РСФСР». Этого замечания Батиева Нельцер в протокол очной ставки не записал, несмотря на мои просьбы. Допрос прерван в 14 час. 25 мин. Ответы на вопросы записаны с моих слов верно. Мной прочитано. Налимов.

Допросил нач. След. части НКВД КАССР
Ст. лейтенант ГБ Выжлецов

Присутствовал: Врид Зам. Прокурора Коми АССР Савиновский

Продолжение показаний обв. Налимова В. П. от 26 сент. 1939 г.
Допрос начат в 12 час. 12 мин.
Допрос производится в присутствии Зам. Прокурора Коми АССР тов. Савиновского.

Вопрос: Продолжайте показания, начатые Вами давать 23-го сентября.

Ответ: Свидетель по моему делу Батиев Д. А. показал, что в 1930 или 1931 г. он был у меня в Москве. Я это отрицаю. Летом 1930—31 гг. (июнь -сент.) в Москве я не был, а находился в командировках: в первом случае - в низовьях р. Печоры, а во втором в степях бывш. Архангельск. губ. Батиев утверждает, что он пришел ко мне от Яновича Д. Т. Этого быть не могло, так как, насколько мне известно, весной 1930 г. Янович был арестован ОГПУ. Я с Яновичем находился в самых враждебных отношениях, а это говорит за то, что я не мог участвовать с ним в одной компании вести какую-то конспиративную работу. Батиев Д. А. у меня на квартире в Москве был только один раз в 1924 или 25—26 гг. Просил меня от имени коми издательства принять участие в каком-то подготовляемом к выпуску сборнике. Я дал согласие Батиеву участвовать в составлении сборника в том случае, если к делу будет привлечен акад. Минзберг. Он с этим согласился. Назавтра у меня на квартире собрались Минзберг, проф. Боднарский М. С. и Крубер А. А., и так как Батиев не пришел, обсуждение вопроса не состоялось, и он у меня на квартире больше не был. Свидетель Батиев Д. А. и Коюшев И. Т. (со слов первого) показывает. что якобы в 1921 г. я возглавлял экономический совет Зырянского отдела Наркомнаца, который якобы составил контрреволюционный труд, положивший начало буржуазному национа-

лизму Коми, так как на основе этого труда, по словам Батиева, он напечатал в журнале «Коми му» за 1925 г. статью, которая положила начало буржуазному национализму.

Статьи Батиева я не читал и судить о ней не могу. Я не только не возглавлял вышеупомянутый Экономический совет, но и не принимал в его работах никакого участия, что может быть подтверждено следующими данными: по словам Батиева, в Экономическом совете принимали участие следующие лица: проф. Овчинников, инж. Эвальд, Горох, Эзет, проф. Солдатов и проф. Чернов А. А. Из всех этих лиц я знаком только с Черновым по Московскому Университету. Остальных же лиц никогда не встречал, где эти лица в настоящее время находятся, я не знаю. Я просил следствие допросить вышеуказанных лиц в подтверждение моего показания, а также просил посмотреть самый труд, составленный Экономсоветом (который должен находиться в архиве бывш. Наркомнаук), но выполнило ли следствие мои ходатайства, я не знаю. Второе, в 1921 г. я находился в г. Нижний Новгород, работал профессором двух учебных заведений, не выезжал в Москву. Из Нижнего Новгорода в Москву я переехал в конце декабря 1921 г. или начале января 1922 г., к этому времени Батиев уже был арестован, и я не виделся с ним. Меня обвиняют в том, что якобы я помогал редактированию брошюры «К вопросу о районировании Северо-востока Европейской части РСФСР». Составителем этой брошюры был Мишарин Е. М., которому никакой помощи в этом деле я не оказывал. Мне было известно, что в этой работе Мишарину помогал н. с. Тимирязевского Научно-исследовательского института Троицкий Вл. Вас., который теперь проживает в г. Москве. Брошюра Мишарина издана Тимирязевским институтом под ред. его дирекции с разрешения Главлита.

Свидетель Тараканов Ф. Г. без приведения конкретных фактов утверждает, что якобы я оказал на него влияние в смысле формирования у него буржуазно-националистических взглядов. Я это отрицаю на следующем основании: личное мое знакомство с Таракановым было случайное и поверхностное. В 1922 г. в г. Москве я некоторое время жил в здании Зырянского представительства, где жило около 50—70 студентов, в том числе и Тараканов, которому я никакого предпочтения по сравнению с другими студентами не оказывал. Вскоре из общежития я уехал, и у меня на квартире Тараканов никогда не бывал, я у него – тоже, и в переписке с ним не состоял. В 1910 г. мной был написан научно-исследовательский труд о коми-пермяках и назывался «Пермяки», выпущен он был под ред. акад. Анучина. Теперь же свидетель Тараканов совершенно необоснованно называет этот труд националистическим произведением, в то время как он является трудом революционным. Свидетели Тараканов, Коюшев, Чеусов и др. в своих показаниях все мои труды огульно называют контр-революционными. По этому вопросу я заявляю следующее: все мои труды получили полное признание со стороны ЦК ВКП(б), Советского правительства и советских ученых с мировыми именами, что доказывается следующими данными.

Президиум Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и коллегия НК РКИ в совместном заседании от 8 октября 1937 г. вынесли постановление признать мои труды весьма ценными и полезными для советского социалистического строительства. Мои труды по антропологии, которые свидетелями признаются контр-революционными, удостоены со стороны ученого мира премией. Дипломы о присуждении премии подписаны акад. Анучиным, проф. Жуковским, Тимирязевым, акад. Миллером, Зеленским и Каблуковым в 1907 и 1910 гг. В моих показаниях в протоколе очной ставки с Чеусовым записано примерно следующее: «Я не отрицаю, что Мишарин и Юркин хотели использовать меня для буржуазно-националистических целей, но это им не удалось». Эта запись содержит не точную редакцию, и следовало бы ее записать так: «Я не отрицаю, что возможно, что в Усть-Сысольске Мишарин и Юркин говорили о том, что меня можно использовать для каких-то целей, но это мне не было известно, и им не удалось использовать меня ни для каких целей». Свидетель Батиев, а может и другие, считают меня контр-революционером по двум причинам: первая — это то, что я состоял членом «Общества Изучения Коми-края», и второе — что я участвовал в журнале «Коми му». Поясняю: в «Обществе изучения Коми-края» я прочел один доклад о своей поездке в Большеземельную тундру, который ничего контр-революционного в себе не содержал. Мои статьи в журнале «Коми му» АН признаны научноценными основными трудами.

Свидетель Чеусов А. А. показывает, что якобы я читал доклады контр-революционного характера в Тимирязевском и Восточном НИИ. Доклады в этих институтах я читал в 1926 г., Чеусов на них не присутствовал, и почему он теперь утверждает, что мои доклады носили контр-революционный характер, не известно.

Моя работа в этих институтах признана правительством полезной.

Вопрос: Еще что желаете заявить по своему делу?

Ответ: Я, кажется, дал объяснение по всем пунктам предъявленного мне обвинения, а если следствие имеет еще новые пункты обвинения, пускай об этом спросит меня.

Ответы на вопросы записаны с моих слов верно, мной прочитано.

Допрос окончен в 15 час. 28 мин. Налимов.

Допросил: Нач. следств. части НКВД КАССР
Ст. лейтенант ГБ Выжлецов

При допросе присутствовал Врид. Зам. Прокурора Коми АССР — Савиновский.

Верно: подпись красным карандашом.

СПИСОК

опубликованных работ проф. В. П. Налимова

1. Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян. **Этнографическое обозрение**, 1903, кн. LVII, № 2, с. 76–86.
2. Зырянская легенда о паме Шипичá.— **Этнографическое обозрение**, 1903, кн. LVII, № 2, с. 120—124.
3. «Мор» и «Икота» у зырян.— **Этнографическое обозрение**, 1903, кн. LVIII, № 3, с. 157—158.
4. Рец. на кн. Жакова «Этнографический очерк зырян», 1901 г.— **Этнографическое обозрение**, 1903, кн. LVIII, № 3, с. 177–179.
5. О зырянах Устьсысольского уезда Вологодской губернии— антропологические материалы, приведенные в книге: А. А. Ивановский. **Об антропологическом составе населения России.** М.: типография Сытина, 1904, 287 с.
6. Рец. на ст. П. Щукина «У зырян». Очерки. (**Русское богатство**, 1905, кн. 7, № 8).— **Этнографическое обозрение**, 1905, кн. LXVII, № 4, с. 140–142.
7. Загробный мир по верованиям зырян.— **Этнографическое обозрение**, 1907, кн. LXXII–LXXIII, № 1—2, с. 1–23.
8. Рец. на работу Большакова «Община у зырян» («Живая старина», 1906, № 1—4).— **Этнографическое обозрение**, 1907, кн. LXXIV, № 3, с. 113–122.
9. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjären. **Journal de la Société Finno-Ongrienne**, 1908, XXV, № 4, с. 1–31, рец. см.: Вл. Б. ⟨Владимир Богданов⟩. **Этнографическое обозрение**, 1909, кн. LXXX, № 1, с. 82—84.
10. Материалы по этнографии зырян и пермяков (рукопись в 1234 страницы). (Отзыв А. Н. Максимова о рукописных «Материалах...» В. П. Налимова, представленных на соискание премии вел. кн. Сергея Александровича).— **Этнографическое обозрение**, 1910, кн. LXXXVI–LXXXVII, № 3–4, с. 263–268.
11. Главы: «Пермяки» с. 172–192; «Башкиры»— с. 197–217; «Тептяри» с. 218—219; «Мещеряки» с. 193–196. В кн.: **Великая Россия.** Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России. М.: издательское товарищество «ДЕЛО», 1912, т. II.
12. Зыряне. **Энциклопедический слонарь Гранат**, т. 21, стлб. 368—370.
13. Калевала. **Энциклопедический словарь Гранат**, т. 23, стлб. 165–168.
14. Сущность и значение этнографии. **Вестник Нижегородского университета**, 1918, № 8, с. 6–10.
15. Труд как фактор, организующий человеческую природу. **Красный педфак**, 1923, № 1, с. 17–20.
16. К этнологии Коми (Наброски).— **Комі Му**, 1924, № 3, с. 43–50.

17–19. К материалам по истории материальной культуры Коми. —

Комі Му, 1925, № 2(12), с. 15—19; № 3(13)—4(14), с. 59—68; № 5(15), с. 23—30.

20. Роль малых народоа на фоне общечеловеческой культуры в издании «Вотяки». **Сборник по вопросам этнологии, быта и культуры вотиков.** М., 1926, с. 1—8. Издан Сборник под редакцией В.П. Налимова и К.И. Герд.
21. К вопросу о сотрудничестве полярных народов в научной работе и, в частности, области охраны природы. **Охрана природы**, 1928, *том I*, № 1, с. 20—21.
22. Священные рощи удмуртов и мари [1]. **Охрана природы**, 1928, том I, № 4, с. 6—8.
23. Школа и краеведение. **Сборник Тимиризевского научно-исследовательского института.** (Найти это издание не удалось).

Рукописные труды,

сохранившиеся по большей части лишь частично, чаще всего в разрозненном и неудобочитаемом виде. Объем работ (1), (2), (3), (4), (7), (10) указан по списку, составленному еще автором.

1. **Вотяки**, 18—20 авторских листов.
2. **Антропогеографический очерк Казахстана**, 6—7 печатных листов. Продолжение этой работы 6—7 авторских листов.
3. **Лопарскаи экспедиции**, 5—6 авторских листов.
4. **Ижмо-Печерская Экспедиция**, 6—8 печатных листов.
5. **Одежда и украшение**, 1—1,5 авторских листа. (Работа сохранилась полностью).
6. **Коми** — незаконченная работа. Около 8 авторских листов.
7. **Термнологии родства комн.** Сохранилась рукопись в 50 машинописных страниц.
8. **Материалы по топонимии** (заглавие утеряно). Сохранилось 76 трудночитаемых машинописных страниц.
9. **Картографическая топонимия** (Методы установления правильных географических названий). Объем 9 авторских листов. Проверено 3500 наименований.

---

[1] Эта работа упоминается в Selected Bibliography книги: D. R. Weiner. **Model of Nature Ecology.** Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Blumington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988, 312 p.

Глава II

ПОДВИЖНИЦА

Врач Надежда Ивановна Тотубалина-Налимова в воспоминаниях сына

Немного о приволжском купечестве

1. Реквием

Вспоминаю те страшные дни. Мы жили тогда в Нижнем Новгороде. Шла гражданская война. Город готовился к наступлению Белой Армии — Колчак был уже в Казани. Из окна нашей квартиры было видно, как в соседнем дворе молодые люди — купеческие дети — рыли и оборудовали землянку, сносили туда пожитки. А в городе свирепствовал сыпной тиф. Из окон, выходящих на улицу, было видно, как на дровнях перевозили трупы умерших солдат. Казалось, сам воздух был пропитан смертью, разрухой, безысходностью.

Моя мать, работая врачом-хирургом, добровольно прошла службу в госпиталях во время эпидемий холеры и брюшного тифа, исполняя свой долг. А теперь была объявлена мобилизация на борьбу с сыпным тифом, уберечься от которого в госпитале в дни эпидемии не мог практически никто. Из семьи в Красную армию должен был пойти один из родителей. Хотел идти отец — у него был диплом фельдшера — но он давно оставил медицину. Мать настояла, говоря, что у нее крепче сердце и что он, отец, сможет лучше обеспечить семью (было трое детей — младшая около 2-х лет)... Потом помню консилиум. Мама лежит не в спальной, а на диване в кабинете. Около нее собрались врачи — дверь в детскую открыта. Они настояли на том, что ее надо увезти в госпиталь. Нам надо прощаться.

Детей не пустили подойти близко. Она благословила нас с иконой в руках. И ее увезли — навсегда.

Похороны. Ее лицо почти неузнаваемо — волосы

подстрижены. Смерть. Я впервые ощутил ее. Уход — куда? Я ничего не понимал, а понурый священник отпевал ушедшую, оставившую нас так рано.

Потом я часами стоял у окна и смотрел туда, куда отвезли ее, а теперь везут других — накрытых шинелями, без гробов. Капали слезы из глаз.

Жизнь опустела. Опустела она и в других семьях: из знакомых врачей почти никого не осталось. Вспоминаю Кунаева — известного хирурга, он и его жена (тоже врач) ушли оба — добровольно. И оба погибли — остались дети. В те дни медицинское служение исполнялось как рыцарский долг.

А нас, детей, оставшиеся пытались приютить, обласкать, накормить хотя бы ужином, ведь время было голодное.

Теперь, много десятилетий спустя, невольно думаешь, во имя чего было принесено столько жертв. Сделано кем — самим народом, утратившим дух терпимости в погоне за новыми смыслами, звучавшими тогда призывным набатом.

2. Тихие дни прошлого

Передо мной сейчас мамины фотографии, диплом врача (лекаря — так там сказано), нагрудный значок врача, потемневший от времени, и альбом медицинского отдела Московских высших женских курсов — первый выпуск 1912 года. Да, это был первый в евразийской Москве выпуск женщин-врачей. Знамение нового времени. На фотографиях заметна удивительная интеллигентность профессорско-преподавательского состава — это люди другой культуры, или просто — иной, исчезнувший уже теперь генотип. Выпускницы-курсистки в большинстве не очень молоды, серьезны. Они сами выбрали свой жертвенный путь: женщине быть врачом в феодально-сословной России было непросто. Это был вызов, брошенный дремлющему полуазиатскому обществу.

С первых же дней они встретились с бóльшим, чем

ожидали. Помню рассказ мамы о ее первом пациенте. Она, окончив курсы, приехала в украинское село Коровяковку, чтобы занять должность земского врача. Уже в первую ночь ей привезли пьяного мужика с проломленным топором черепом. Она одна должна была справиться с этой бедой.

Передо мной лежит значок, который она носила на груди. Всматриваясь в него, я вижу, как из далекого тумана выплывает ее образ, излучающий тепло и любовь. Я запомнил ее доброй, печальной и ласковой.

Не помню содержания наших бесед, они были по-детски простые. Мама не могла уделять нам, детям, много времени: она была единственным врачом в хирургическом госпитале. Помогали ей сестры милосердия (добровольцы тех лет), санитарами были мужчины. Я часто провожал маму, когда она уходила на вечерний обход. Приходил к солдатам в палату — они радовались. Иногда с нами ходил и отец. Это было их хождением в народ, о котором так мечтали народовольцы. Хождение по делу — к страдающим.

Воскресенье же было нашим днем — мама бывала дома. Утром она сама пекла пирожки и готовила какао. Потом шла с нами в театр, а иногда и в кинематограф. Вечером приходили гости. Особенно отмечались праздники, и прежде всего Рождество. К нему надо было заранее готовиться: что-то клеить, орехи покрывать золотой или серебряной фольгой, украшать елку... А потом приходило много детей, и им всем что-нибудь дарили с елки — кому что понравится, и елка опустошалась, и становилось грустно. Летом выезжали на дачу на берег Оки. Туда мама приезжала уже очень поздно.

3. Торговый дом Тотубалиных

Моя мать происходила из сравнительно небогатого купеческого дома. Ее отец Иван Андреевич Тотубалин (выходец из старинного города Новгорода) торговал мукой в Среднем Поволжье. Его торговый дом находился в большом селе Промзино, что на реке Суре

(приток Волги), Алатырского уезда Симбирской губернии. Ее мать, Екатерина Ивановна (полумордовского происхождения), была богомольной женщиной и энергичной хозяйкой дома, принимавшей участие и в торговом деле.

Мне дважды пришлось побывать в этом доме. Первый раз до революции, когда я был еще совсем маленьким мальчиком, второй раз — в первые дни революционной разрухи, когда родители пытались в этом хлебном раю укрыть нас от голода, надвигавшегося на Нижний Новгород.

Вижу как сейчас каменный дом с мезонином на базарной площади, против Храма. Большой двор, где (в первый приезд) множество скотины — свиньи с поросятами, телята, жеребята. В конюшне две выездные лошади. Справа от двора небольшое кирпичное здание — там шла торговля мукой. За двором баня и дальше — большой яблоневый сад, сходящий к берегу Суры. Жизнь была напряженной, все чем-то заняты. А на противоположном берегу Суры строилось первое (для здешних мест) промышленное здание — паровая мельница.

Село Промзино — в сорока верстах от железнодорожного города Алатыря. Добираться туда надо было целый день на тройке с бубенчиками. Простор, верстовые столбы и нескончаемые ветряные мельницы, которые дедушка должен был заглушить своей паровой.

Сейчас, вспоминая прошлое, я понимаю, что моя мать принадлежала одновременно двум сословиям: промышленно-купеческому и интеллектуальному. Это были два различных мира. Между ними начал перебрасываться мост. Таков был путь истории, и это понимал мамин отец. Он дал трем своим детям возможность закончить гимназию и получить высшее образование. В купеческом доме стояло подаренное маме пианино, выписанное из Германии. В книжном шкафу находились рядом Библия и Капитал Маркса (именно это обстоятельство сразило тех, кто позднее пришел в дом с обыском — ведь им эти книги были известны только по названиям).

Жизнь в купеческом доме была суровой — строго

регламентированной православной традицией — и казалась почти аскетичной. Принятие пищи было ритуализировано: еда начиналась и заканчивалась совместной молитвой. Посуда была самая простая, ложки деревянные. Пища также простая, но добротная. Всегда без вина и водки. Раскладывал пищу глава семьи — дедушка. Однажды у него сломалась ложка. У нас, детей, это вызвало громкий смех, за что нам серьезно досталось. Но мы не могли осознать своей вины, ведь действительно было смешно, и что же плохого в смехе?

Одевались в будничные дни просто, лишь «кобеднишная» одежда должна была свидетельствовать о положении в обществе. Мама рассказывала, что ее отец много ездил на пароходах по Волге и ее притокам (он был еще и сотрудником страхового общества «Россия»), но всегда только в третьем классе, чтобы непосредственно от народа получать сведения об экономическом состоянии страны.

Отец мой никогда не мог прожить в доме Тотубалиных более 2—3 дней. Проблемы и трагедии этого дома ему были непонятны. Все было чужим. В этом доме, скажем, как ужасное унижение был воспринят отказ какой-то бедной сельской учительницы вступить в брак с моим дядей — младшим Тотубалиным, который тогда уже стал совладельцем фирмы. Из рассказов родителей я знаю также, что крайне болезненно был воспринят брак моей матери. Муж — бедный студент, как это возможно? Ей было отказано в материальной поддержке. Позднее, правда, дедушка приезжал к нам в Нижний Новгород и смягчился, увидев вполне благопристойную семью: мать — признанный врач, отец — преподаватель привилегированного реального училища. Мать получила в подарок золотые часы и другие украшения, а на мое имя был открыт небольшой счет в банке.

Торговый дом «Тотубалин и сын» — это была фирма с широко развернутой агентурой. Со всех концов России шли сообщения об урожаях зерновых культур и о ценах на муку. Удивительно, но эта информационная активность продолжалась и после революции, хотя ста-

ла бессмысленной, к тому же и неоплачиваемой. Но люди любили и ценили свою деятельность, гордились ею, верили в ее значимость. Не могли они смириться с тем, что все рухнуло. А сводки об урожаях дедушка в письмах еще долго посылал мне. Для моего деда революция, конечно, была катастрофой. Растоптано было его дело, которому он отдавал всего себя. Важен был не просто капитал как таковой, а дело, которое он любил. Крах он воспринимал все же спокойно, без озлобления. В его позднейших письмах звучал такой мотив: это возмездие за неправедность купеческой деятельности. В российском народе всегда жила идея *справедливости*, дремавшая во времена мирной жизни и бушевавшая в дни испытаний. Видимо, одним из проявлений этой идеи были сектанты — искатели правды.

Мрачным эпизодом оказался наш второй (постреволюционный) приезд в Промзино. В селе все было в красных флагах и транспарантах. Самым дефицитным оказался материал из кумача. Женщин призывали сдавать красные нижние юбки. Прежний ассортимент оказался не приспособленным к новым запросам. А все остальное, кажется, еще было: белый хлеб — прекрасный, ешь сколько хочешь, и золотисто-белые антоновские яблоки из дедушкиного сада. Но дом Тотубалиных был конфискован. Правда, прежние хозяева еще оставались в этом доме, часть которого заняла новая, весьма многочисленная власть. Вечером все вместе собирались у самовара. Нам, детям, многое оставалось непонятным: почему револьверная кобура валяется в галерее, обрамляющей дом? Почему эти люди так странно-развязно ведут себя? Почему в этом трезвом доме появились пьяные? Почему на смену одним часто приходят другие? На этот последний вопрос наконец был дан ответ — потому что расстреливают. И мы, дети, стали играть в расстрелы. Мы просто подражали взрослым: раз они так делают, значит, так же надо поступать и нам в своих играх. С развязностью и наглостью новой власти столкнулся и мой отец (когда привез нас в Промзино и прожил там несколько дней). Его реакция была по-революционному четкая: пошел на поч-

ту и дал телеграмму на имя Ленина. И тут всю наглость как метлой смело.

Позднее, уже в двадцатых годах, мы получили извещение о том, что дедушка и бабушка были объявлены «лишенцами» (лишены избирательных прав) и высланы из Промзино. Мой отец пытался опротестовать это решение, но не помогло даже обращение к П. Г. Смидовичу [1] — заместителю М. И. Калинина. Суровы и непреклонны были революционные власти: старших Тотубалиных репрессировали, несмотря на то, что их дочь погибла, спасая солдат Красной Армии. Репрессирование рассматривалось как проявление классовой борьбы, хотя по существу это была просто классовая месть. Мстили всем энергичным и активным в прошлом. Новым властям нужны были послушные. Активные и деятельные были слишком самостоятельны, независимы.

Брат, а позднее и сестра моей матери не выдержали унижений и кончили жизнь самоубийством. Материальная поддержка старших Тотубалиных легла на мои плечи. Умерли они в тридцатые годы, еще застав коллективизацию.

Хочется завершить сказанное здесь словами поэта:

СВЯТАЯ РУСЬ

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя,—
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

М. Волошин, 1917 г.

---

[1] Напомню, что отец сотрудничал со Смидовичем в Комитете содействия народностям Севера.

Часть II

ПОИСК ПУТИ

Глава III

СУДЬБИННОСТЬ

Связь личного пути с планетарной судьбой

20. Иисус сказал: Блажен тот, кто был до того, как возник.

Апокриф от Фомы [Свенцицкая и Трофимова, 1989, с. 252]

Преддверие личного пути

Теперь я перехожу к описанию своего жизненного пути. Открываю папку, в которой сохранились жалкие остатки семейного архива. В первом конверте лежит листок бумаги с перепиской из родильного дома. Мамина записочка кончается словами: «Господи, какой он хорошенький!»

И никто не мог предвидеть тогда, что сыну «студента и жены его законной» [1] придется провести многие годы в тюрьмах и лагерях, где погибнут и его друзья, и его учителя; а самому студенту, ставшему профессором, предстоит умереть в тюрьме № 1 его родного города; а его законной жене, ставшей врачом,— погибнуть, служа (по мобилизации) в Красной Армии. А как было бы нелепо, если бы там, в лагере, зимой у таежного костра, привиделось мне, что придется еще побывать и в Париже, и в Вашингтоне, увидеть Тихий океан с другого — противоположного берега. Да, все действительно происходящее превосходит возможности нашего воображения. И в самом деле: как можно было в те годы,— последние годы процветания Российской империи,— предвидеть тот кровавый путь, который сама выбрала себе страна — ее народ и те, кто оказался во главе его...

Но пройденный кровавый путь никогда не забывается до конца. Возвращаясь из зарубежных поездок, где-

[1] Так было записано в книге Михаило-Архангельской церкви Московской университетской акушерско-гинекологической клиники.

то в темных глубинах сознания я опять начинаю чувствовать себя заключенным. В России я не расстаюсь с памятью о ее жестоком прошлом, погубившем все близкое мне.

И здесь невольно приходится задумываться о судьбинности происходящего. Именно о судьбинности, а не о смысле. Смысл истории для нас всегда закрыт, а судьбинность мы можем хоть как-то почувствовать, ощутить сквозь дымовую завесу разноречивости, закрывающую истоки происходящего от нас — непосредственных участников текущих событий.

Я верю в многократность повторных рождений. Не просто верю, а знаю об этом из внутреннего — глубинного опыта. Оказываясь на улицах и площадях старых городов Европы, входя в готический храм или рыцарский замок, посещая развалины античного мира, я узнаю эти места. Я там уже бывал — жил. Древние европейские тексты религиозной и философской направленности я часто воспринимаю как давно знакомые. Сквозь дымку уходящего времени во снах и медитациях обретает ощутимую реальность то, что проецируется из далекого прошлого на экран сегодняшнего сознания. Мне близким может представляться и далекий сейчас от меня мусульманский мир. Но, несмотря на мой интерес к культурам Индии, Китая, Японии,— они всегда остаются мне чужими. Так же, как чужим остается для меня и русско-византийское Православие.

И все же я не могу признать идею Кармы как некоего сурового и жесткого закона, заставляющего человека изживать свое суетное прошлое. Хочется говорить о другом — о связанности личного пути с планетарной судьбой. Мы, как это мне представляется, являемся участниками некоторого космического процесса — спектакля, проходящего в веках и тысячелетиях. И, как актеры театра, легко обращающегося в балаган, мы время от времени выходим на открытую сцену этого спектакля. Но кто мы? *Эго* человека не остается постоянным и в течение одной жизни. Следовательно, никак не может быть постоянным *Эго*, реализующееся

в разных жизнях. Постоянным остается только *Метаэго*[2] — удивительная способность к спонтанному построению своего текущего *Эго* во взаимодействии с сиюминутным раскрытием спектакля и одновременно ощущением вневременной значимости происходящего. И эти воспоминания есть описание того, как мне пришлось выступить в роли канатоходца в кровавом балагане, будучи выброшенным на берег после кораблекрушения.

Теперь несколько слов о планетарной судьбе. В наши дни стало принятым обращаться к представлению о планетарном сознании[3]. Открылась возможность говорить о Земле как об одухотворенном живом существе. В нашем мировоззренческом лексиконе опять зазвучало слово *Гея* — греческое имя животворящей богини Земли (см., например, [Lovelock, 1988]). Можно думать, что наша мысль созреет и до того, чтобы вернуться к видению Универсума как некоего образования, наделенного какой-то особой формой сознания. И тогда, наверное, не покажется странным и древнее представление о том, что человек в своей космической протяженности может странствовать не только в веках, но и в мирах Универсума.

Здесь мы ограничимся кратким обсуждением природы планетарного сознания. Оно не может нами мыслиться таким же, как сознание человека. Оно не открыто миру так, как открыто ему сознание человека. Оно не создает тексты. Оно существует как некая непроявленная потенциальность.

Планетарное сознание не командует.

Человек остается открытым всему многообразию созревших возможностей. За человеком остается свобода выбора, свобода творчества. Человек действует спонтанно, пристально вслушиваясь в то, что созревает в планетарном сознании. Именно вслушиваясь в шепот

---

[2] Предложенная нами картография сознания личности раскрыта в работе [Налимов, 1989].

[3] Нас подготовили к этому и русские космисты, особенно В.И. Вернадский. На этой теме мы останавливаться не будем — она хорошо освещена во многих публикациях.

судьбы, он сам принимает решения, порождающие фильтры, которые изменяют систему ценностных представлений, задающих его *Эго*.

Представление о судьбинности раскрывается перед нами в полной степени, только когда мы становимся готовыми признать трансвременность, а следовательно, и трансличностность нашего бытия в Универсуме. Именно такое, трансличностное ощущение самого себя дает нам возможность почувствовать сопричастность к различным мирам и культурам.

Уверенность в трансвременности нашего существования в различных своих проявлениях существовала, наверное, во всех культурах прошлого. В христианстве идея метемпсихоза была осуждена Церковью только в середине VI века. (Здесь возникло противостояние христианскому пониманию креационизма и учению о единственности, неповторимости человеческой жизни). Но вот в Евангелии от Иоанна мы находим высказывание, свидетельствующее о признании многократности рождения:

> 9. И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. [2] Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? [3] Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того*, чтобы на нем явились дела Божии.

Здесь в утверждающей части вопроса звучит представление о возможности согрешить только в прошлом рождении — ибо как иначе смог бы нести кару за согрешение тот, кто уже родился слепым? Подробнее эта тема рассматривается в книге [Lampe, 1987].

И последнее относящееся сюда замечание: Джонас в своей известной книге [Jonas, 1958] обращает особое внимание на следующее гностическое высказывание, свидетельствующее о космических странствованиях Христа:

> Я странствовал в мирах и поколениях, пока Я не пришел к воротам Иерусалима (с. 79).

Все сказанное здесь звучит, наверное, недостаточно внятно. Но оно и не должно быть легко понимаемым, так как мы касаемся запредельного. Поэтому надо остановиться, вдуматься — найти отклик сказанному в самом себе.

В литературе приводится список публикаций, подтверждающих наше представление о протяженности существования человека в мирах и веках: [Лосский, 1992], [Lampe, 1987], [MacGregor, 1982], [Stevenson, 1974, 1975, 1977, 1980, 1983, 1984].

Литература

Лосский Н. О. **Учение о перевоплощении; Интуитивизм.** М.: Прогресс — VIA, 1992, 208 с.

Налимов В. В. **Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности.** М.: Прометей, 1989, 285 с.

Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. ***Апокрифы древних христиан.*** *Исследование, тексты, комментарии.* М.: Мысль, 1989, 336 с.

Jonas H. **The Gnostic Religion.** Beacon Hill Boston: Beacon Press, 1958, 302 p.

Lampe S. **The Christian an Reincarnation**, I cadon, Nigeria: Millenium Press, 1987, 210 p.

Lovelock J. **The Ages of Gaia. A Biography of Our Living Easth.** New York/London: Norton & Company, 1988, 252 p.

MacGregor G. **Reincarnation as a Christian Hope**, Totowa, N.Y.: Barnes and Noble Books, 1982, XI + 161 p.

Stevenson I. **Xenoglossy**, A Review and Report of o Case. Bristol: John Wright and Sons, 1974, 268 p.

Stevenson I. **Cases of the Reincarnation Tipe**: v. 1 — **Ten Cases in India**, 1975, 374 p.; v. 2 **Ten Cases in Sri Lanka**, 1977, 373 p.; v. 3 — **Twelve Cases in Lebanon and Turkey**, 1980, 384 p.; v. 4 — **Twelve Cases in Thailand and Burma**, 1983, 308 p. Charlottesville: University Press of Virginia.

Stevenson I. **Unlearned Language. New Studies in Xenoglossy.** Charlottesville: University Press of Virginia, 1984, 223 p.

Stevenson I. **Children who Remember Previous Lives. A Qnestion of Reincarnation.** Charlottesville: University Press of Virginia, 1987, 354 с.

Глава IV

ДЕТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

1. Детство.

Детство ушло в далекое прошлое. Из туманного забытья вспыхивают только отдельные события. Это не столько веховые столбы былого, сколько знаки, уже тогда намекавшие на будущее. Именно эти знаки запомнились и раскрылись позднее.

Первое, самое раннее воспоминание: мы едем в уютном вагоне. Я на коленях матери, напротив — дама, празднично одетая. Резкое движение — и сорваны с ее шляпы роскошные красные розы. Скандал: дама, видимо, ехала на важную встречу, а главный ее козырь смят детскими ручонками. Потом я не раз вспоминал это событие, и не раз о нем напоминали родители. Я впервые понял смысл происшедшего, когда прочитал Метаморфозы Апулея[1], и узнал этот знак снова в тот вечер, когда выбрал путь своей жизни, придя на посвящение, символом которого оказалась красная роза.

Второе воспоминание. Из Нижнего Новгорода, города провинциального, я с мамой на несколько дней приезжаю в дореволюционный Петроград. Меня поражает этот город своей столичной важностью и энергич-

[1] В повести Апулея «Золотой осел» речь идет о юноше, обращенном ведьмой в осла. Снять колдовство можно было, только схватив лепесток красной розы. Но как это сделать ослу? Вокруг этой задачи развертывается сюжет повести. Наконец осуществляется посвящение: золотой осел оказывается на мистерии — шествии по дороге, усеянной розами.

ностью, запечатленной в уличном движении. В квартире маминой сестры, сразившей меня своей роскошью, случился небольшой казус: я побежал по не виданному мною ранее блестящему паркету и упал. Упав, я понял, что по этому полу я ходить уверенно не могу. Это очень меня озаботило, ибо считал я себя уже вполне ходящим. В этом был опять намек на будущее: по жизни мне пришлось идти как по скользкому паркету — падая и поднимаясь опять.

Третье воспоминание. Вместе с няней я иду по нижегородским улицам. Толпы людей — радостных, возбужденных. Кругом красные знамена, иногда перемежающиеся черными флагами анархистов. Красные повязки на рукавах. На форменных фуражках кокарды, обернутые красной бумагой. Красное с черными вкраплениями — это Революция. Я прошел через ее первые дни неуверенным детским шагом. Ощутил, пережил ее подъем и первые падения. Как легко свобода стала оборачиваться насилием.

Последний яркий эпизод детских лет — меня приводят в престижную Гимназию, в подготовительный класс. На большой перемене все в громадном (как мне тогда казалось) зале, и все толкутся у стен. Я растерялся в этой чужой мне толпе, прижатой к стенам этого, казалось, пустого зала. Стало душно. И я, ничтоже сумняшеся, пошел один в середину зала. Вдруг с разбега кто-то бросается мне под ноги. Мгновенно падаю, больно ударяясь головой об пол, под общий смех и ликование. Я сражен — за что? Почему все так возрадовались, одобряя случившееся как акт героизма... На следующий день родители отправляют в другое училище. Но насилие, совершаемое исподтишка, предательски — это то, что меня сопровождало всю жизнь. И я рано восстал против всякого насилия. Против насилия на знамени революции.

Неожиданно для нас, детей, в семье появилась мачеха — Ольга Федоровна Логачева. Отец был знаком с ней еще в студенческие годы (она окончила Высшие женские курсы по специальности «география»). К нам,

детям, отнеслась хорошо, в плане эмоциональном – нейтрально.

Как-то отец вернулся из кратковременной поездки в Москву в радостном и возбужденном состоянии. И внешне другой — одетый по-революционному. На голове вместо привычной шляпы (котелка) была кожаная фуражка - такой, кажется, в Нижнем Новгороде не было больше ни у кого. Нам сказал собирайтесь срочно, переезжаем жить в Москву.

И вот Москва. Там люди довольные, радостные, ожидающие чего-то нового. Там начался уже нэп. Можно было купить все — и даже отличный белый хлеб, хотя и очень дорогой. Помню, как первый раз я вышел на Мясницкую улицу. В толпе людей было что-то особенное, не поддающееся описанию. Это было отличие Москвы — революционной Москвы, принявшей перемены,— от скованности провинции. Столичность — это то, что отличает Москву от всех других городов и даже от провинциального ленинградского Санкт-Петербурга. Это чисто русское различие, которого нет на Западе.

В эту первую прогулку отец сказал мне одну фразу: «Если бы с нами была сейчас мама!»

Полпредство Коми республики предоставило нам тогда две смежных комнаты в особняке, что в Денежном переулке (около Арбата). Особняк по своему замыслу был шикарным, но толпы проживающих в нем коми студентов придали ему, конечно, резко выраженную пролетарскую окрашенность. Отец не побрезговал преподаванием и на рабфаке, и за это мы позднее получили две комнаты (в счет 10%-ного уплотнения) в обычной переполненной квартире в одном из арбатских переулков.

В первое лето по приезде в Москву отец со всей семьей поехал в экспедицию в родные ему места близ Усть-Сысольска (позднее переименованного в Сыктывкар). Это была моя единственная поездка на родину отца, и она оставила сильное, неизгладимое впечатление. Тогда это была еще почти дикая, не приручennая чело-

веком природа — совсем не та, что была вблизи Нижнего Новгорода, где мы жили на даче.

Я часто ходил с охотниками. Бескрайние заболоченные леса — идешь, идешь, и нет им конца. Дичи уже было мало, но все-таки мы как-то встретили медведя — он держался спокойно и достойно, словно зная, что из старых берданок никто не решится стрелять по такому зверю. Но какая паника началась у лошадей!

Сенокос — самая важная пора в хозяйстве. Все выезжают на заливные луга реки Сысолы, за много верст от дома. Там и ночуют — в маленькой хатке без окон. Все спят на полу, прижавшись друг к другу. Дверь крепко закрыта, а воздух крепко задымлен от костра внутри: это единственный способ защиты от мошек и комаров. Их тучи. Мои глаза так и не смогли привыкнуть к этому дыму: я то выбегал наружу, тщетно пытаясь там закутаться от нечисти, то снова пробирался в задымленную избушку, и глаза опять начинали нестерпимо слезиться. Ночь проходила без сна. Наконец-то восход солнца над безбрежностью лугов, схваченных росой, и костер, зовущий к завтраку. Все наготове — ощущаешь силу, идущую от людей, — мужчинам предстояло часами, согнувшись, косить косой-горбушей кочковатые просторы лугов. Из-под мощных взмахов полетят не только цветы и травы, но и головы луговых птиц, притаившихся в травных гнездах. А я убегал к кустам дикой луговой смородины. Ягоды громадные, кислющие и коварные — вдруг начинается оскомина, мучающая потом целый день.

А река Сысола тоже дикая и коварная — местами вплотную к берегу подходят незаметные снаружи ямы. Раз, оступившись, я чуть не утонул.

А поздней осенью, когда хмурое небо, казалось, готово упасть на землю, все идут на сбор брусники: ее собирают особыми совками. И до сих пор я помню завтраки, где главным блюдом была брусника в молоке — что может быть лучше? Позднее с необъятными брусничными полями я встретился уже на Колыме.

2. Общеобразовательная школа

Вернувшись в Москву, я пошел в столичную школу. Много воспоминаний связано со школьными годами. Правда, время все слегка затуманило, отодвинуло в состояние, близкое к сновидческому — отрадному, но вместе с тем и зловещему.

В те годы школу все время, перестраивая, разрушали. Так начинала наступление набиравшая силу демоническая идеология. Мы — дети — оказались вовлеченными в борьбу с этой разрушительной деятельностью, хотя, конечно, поначалу этого не понимали.

Из-за неустойчивости педагогических структур нам постоянно приходилось менять школы. Нас это очень огорчало — мы любили свои школы. В каждой из них находился хотя бы один преподаватель, пытавшийся передать свою интеллектуальную настроенность, порожденную революционной вольностью, не сломленную еще большевистской догматичностью.

Первой оказалась школа профессора А. П. Нечаева, известного тогда психолога — в прошлом члена престижной в свое время партии Кадетов. Школа называлась «опытно-показательной»: в ней велся поиск новой педагогии. Я был знаком с семьей Нечаевых — бывал у них дома. Помню чудесный рассказ о поездке Нечаева в Австралию на Международный психологический конгресс. Рассказ сопровождался демонстрацией массы предметов из быта аборигенов. Помню и старшего сына семьи Модеста — востоковеда и теософа. Он привил нам интерес к Ближнему Востоку, показывая восточную (арабскую) культуру в театрализованном варианте. Сам Александр Петрович был глубоко принципиальным человеком — он всегда сохранял свое достоинство в нараставших конфликтах. Правда, в школе сохранялась присущая России сословность: я, как сын профессора (что очень ценилось), должен был сидеть за одной партой с Ирой — дочерью профессора Нечаева.

Не могу не вспомнить учительницу истории (тогда еще история разрешалась к преподаванию) — жену

Александра Петровича. Кажется, я до сих пор помню все, что она говорила, приводя нас в Музей изящных искусств, что на Волхонке. История обретала *образность*, оживала в экспонатах. В Музее все воспринималось как другой мир, притаившийся в дремотности сознания.

В школе был удивительный учитель физкультуры Тигран Герасимович Маркарьянц, армянин по происхождению, получивший докторскую степень по философии в Гёттингенском университете. На уроки он всегда приходил со скрипкой и учил ритмичности движений. В программу занятий входили и бальные танцы — запрещенные тогда по причине того, что они имели дворянское, а не пролетарское происхождение. Он приходил и по утрам. Перед занятиями мы собирались в большом коридоре, а он стоял чуть выше на лестнице, замыкающей коридор, и произносил что-то вроде проповедей. Темы проповедей были различны, но их лейтмотивом был призыв к достоинству — во всем, даже во внешнем облике ученика. Здесь же обсуждались и конфликты, возникавшие время от времени в школьной жизни.

Хорошо помню нашу классную руководительницу — учительницу русского языка. Она пыталась научить нас писать, почти не касаясь орфографии. Тогда господствовала антиорфографическая позиция[2] — я за всю свою жизнь так никогда и не прошел курса русского правописания. С сочинениями у меня поначалу ничего не выходило: надо было писать переложение чужих текстов, а это не получалось достаточно хорошо.

Но вот отличная отметка — все удивляются. Почему? А все просто — тема оказалась хорошей: «Влияние няни на творчество Пушкина». И вторая удача: нас повели в Храм Василия Блаженного — нужно было дать его описание, и все получилось отлично. Так я научился

[2] Считалось, что традиционно принятая орфография переосложнена буржуазными идеологами с тем, чтобы затруднить освоение ее пролетариатом. Предполагалось ее упростить до такой степени, чтобы каждый мог воспринять правописание без усилий. Так же естественно, как каждый осваивает язык.

писать — не зная тогда, что это и будет главным занятием в моей жизни.

Помню то лето, когда почти вся школа выехала в так называемую *Колонию* на станции Катуар (теперь Лесной Городок). В нашем распоряжении оказалась большая дача [3] с обширной открытой террасой и чудесным садом. Чудесны были вечера на террасе. Всех вдохновлял Маркарьянц — он легко переходил от арий, сопровождаемых скрипкой, к темам философского и морального звучания. Там выделялся и преподаватель естествознания, в прошлом эсер, отсидевший год еще в царской тюрьме. Он научил нас видеть многообразие живого вот «здесь» — в саду, в лесу, вокруг.

В Колонии я особенно сблизился с Ионом Шаревским — моим одноклассником. Он отличался умом и образованностью. Будучи страстным любителем природы, он втянул меня в активное взаимодействие с ней. Собирали коллекции насекомых, наблюдали за жизнью мелких млекопитающих, с погибших животных снимали шкурки и обрабатывали их специальным мышьяковым мылом. Но не только это он знал — он что-то рассказывал нам о неевклидовых геометриях, об актуальной и потенциальной бесконечности и о том, чем отличается культура от цивилизации. Позднее он стал юннатом при Зоологическом парке, экскурсоводом парка — юноша со всей серьезностью поучал взрослых и получал за это гонорар. Ион происходил из купеческой среды — его отец в свое время владел большим универсальным магазином в Самарканде, а в 20-е годы соответственно стал нэпманом, владевшим комиссионным магазином в Москве. Уровень их жизни был намного выше уровня жизни профессорской семьи

[3] Дача была конфискована у ее владелицы — милой пожилой женщины. Ей разрешили жить в одной из маленьких комнат. Она просила нас, детей, только об одном: бережно относиться к ее любимым пионам, окружавшим дом. Уже тогда мы чувствовали какую-то неловкость, живя на конфискованной даче. Казалось, что конфискация была глубоко несправедливой — зачем нужно было так обижать хорошую женщину, отнимая у нее любимое на старости лет. Но закон был неумолим. Он исходил из иного понимания справедливости.

(даже после того, как ученые стали регулярно получать серьезную помощь[4] от США в рамках «АРА»). У нас, детей, не было зависти. Мы с удовольствием приходили в просторную квартиру, где можно было «утонуть» в кожаном кресле, достать из шкафа том энциклопедии Брокгауза—Ефрона или непонятного Шопенгауэра или начать играть в громадного размера шахматы из слоновой кости.

Да, в те годы нас научили главному — *любить школу*, дружить с одноклассниками и стремиться к непонятному, незнакомому.

Но тем, кто готовил нам «счастливое будущее», все это не нравилось. И борьба началась. Первый вызов — приказано выбрать из числа учеников представителей в Педагогический совет. Даже из младших классов. Весь преподавательский состав был против, и особенно директор — А. П. Нечаев. В Педагогическом совете всегда было что-то интимно-педагогическое, не для учеников. Но выборы все-таки состоялись[5].

Я был выбран из своего класса и стал ходить на педагогические советы. Мне было нестерпимо стыдно. Даже стыдно до сих пор. Ведь учителей мы почти боготворили, а тут нужно было вмешиваться в их суждения, за что-то голосовать.

Очень быстро назрел трагически прозвучавший конфликт между преподавателями и представителями от учеников старших классов. Смысл этого конфликта мне был мало понятен, и потому я его не запомнил.

Школу закрыли. Как горько это было для нас!

Немного забегая вперед, скажу, что к концу 20-х годов А. П. Нечаев был выслан в Семипалатинск, где он работал просто врачом-психиатром. В начале 30-х я как-то встретил Т. Г. Маркарьянца: он работал в би-

[4] Помню, как в трудный для интеллигенции ранний нэпмановский период вдруг из Торговых рядов (теперешний ГУМ) привозят сразу целый таз чуть подтаявшего сливочного масла и много чего еще. Какой это был для нас праздник!

[5] Смысл этого мероприятия, по-видимому, был таков: буржуазный настрой преподавателей — представителей прежней интеллигенции — надо было разбить пролетарской молодежью из числа учащихся.

блиотеке ВЭИ — одного из крупнейших научных центров Москвы. Работал простым переводчиком с немецкого языка. Его философские знания тогда уже стали никому не нужны, а с ними и его скрипка. Ион Шаревский был расстрелян 29/VII-37 г., в день вынесения приговора. И все это во имя «светлого будущего».

Начались поиски новой школы. После нескольких опробований я остановился на обычной школе, что около Смоленской площади. Там прежде всего привлек внимание математик — четкостью и строгостью изложения. После его отчетливых объяснений решать алгебраические задачи было, что орехи щелкать. Поразил преподаватель литературы Борис Юльевич Айхенвальд [6]. Бросалась в глаза его внешность — светло-синяя толстовка и изысканный небольшой галстук, густые черные волосы, заросшие курчавыми волосами щеки, нерусское пенсне и немецкая авторучка (своих еще не было). Примечательной его особенностью был лицевой тик, который не только не портил, но даже придавал живость и значимость этому лицу. И методика преподавания была у него своеобразной — он не учил нас литературе, а вводил в нее и путешествовал в ее образных пространствах вместе с нами. Скажем, вдруг читал нам рассказ И. Бунина Господин из Сан-Франциско, объясняя его стилистическую красоту. Или декламировал поэму А. Блока Двенадцать [7], комментируя и вразумляя нас. Иногда читал и отрывки из произведений ранних пролетарских писателей. Эти совместные чтения погружали нас в литературу: она входила в нас, а мы — в нее.

Было и другое — вместо истории появились уроки обществоведения. Преподавательницей этой дисциплины

---

[6] Сын известного литературоведа, автора замечательной книги Силуэты русских писателей, и брат столь же известного политического деятеля-троцкиста. Отец Б. Ю. Айхенвальда был выслан за границу как представитель неугодной интеллигенции.

[7] В Двенадцати мы еще не все отчетливо понимали. Скажем, нам, мальчишкам, было совершенно непонятно, о чем там договорились проститутки на своем собрании, а девчонки все поняли и дразнили нас. Было неприятно сознавать свою незрелость.

была строгая и суровая женщина. На нас она смотрела как на неучей или невежд, в которых надо было «впихнуть» бесспорные истины, скажем, историю большевистской партии. Никак не удавалось понять, в чем существенное различие между большевиками и меньшевиками и почему так важны формулировки партийной принадлежности. Ведь учились мы в школе все вместе, не обсуждая вопрос о том, каким требованиям должен отвечать статус ученика. Учебником была книга Г. Е. Зиновьева История РКП(б). Мы были настроены против нее из-за скудости изложения, из-за непонимания значимости тем. Автора в своей среде мы называли просто Гришкой. Как-то отец увидел у меня эту книгу и спросил: «А это зачем у тебя?» Я ответил: «Это учебник». Он полистал эту книгу и сказал: «Как можно изучать такие глупости?» И у меня на душе полегчало от этой оценки — значит, не по тупости мы ее не понимали.

Так закончил я первую стадию образования — семилетнюю школу. Позднее, в 1937 году, неожиданно встретился с Б. Ю. Айхенвальдом во Владивостоке — на этапе. Он был уверен, что где-то его пристроят как преподавателя — «ведь нужны же и на Колыме учителя русского языка». Нет, они оказались никому не нужны. Он погиб на общих земляных работах.

3. Спецкурсы

В те годы среднее образование включало в себя девятиклассное обучение. Последние два года отводились занятиям на *Спецкурсах*, где преподавались как общеобразовательные дисциплины, так и дисциплины, направленные на подготовку по какой-либо узкой специальности. В высшие учебные заведения могли беспрепятственно поступать только пролетарии, окончившие рабфаки. Из среды интеллигенции дорога была открыта только для потомков профессоров. Остальные выходцы из интеллигенции, окончив Спецкурсы, должны были идти на работу, чтобы в труде обрести про-

летарское сознание. Так была задумана пролетаризация интеллигенции [8].

Таким образом, студентами в основном становились те, кто не смог в юные (дореволюционные) годы окончить среднюю школу и уже потом, повзрослев, начинал наверстывать упущенное в возрасте 25—30, а иногда и 40 лет. Это, конечно, для большинства было трагедией.

Я решил поступить на химические Спецкурсы, которые разместились в когда-то знаменитой Медведниковской гимназии, что в Староконюшенном переулке. Цитадель классического образования, ставшая теперь никому не нужной, была отдана химико-технологической технике. Так началась варваризация цивилизации.

Вступительные экзамены прошли легко. Правда, преподаватель литературы, принадлежащий к старшему поколению, прочитав мое сочинение о поэме А. Блока Двенадцать [9], с нескрываемым раздражением спросил: «А кто это вас так учил?» Я ответил: «Б. Ю. Айхенвальд». Голос его сразу смягчился, и начался серьезный разговор об этой поэме. Заканчивая, он сказал: «Да, орфографические ошибки есть, но есть и интересные мысли». И я был принят. А вот моего друга И. Шаревского почему-то не приняли, но он легко преодолел экзамены на Спецкурсы химической направленности в бывшей Флеровской гимназии, что в Мерзляковском переулке.

Знакомство с химией, особенно с качественным анализом, поразило меня. Я увидел, как своими руками можно извлекать металлы, казалось бы, из пустой — прозрачной жидкости. Я понял, как легко может человек взаимодействовать с природой, получая от нее то, что ему нужно. Только потом мне стало ясно, что мой интерес к химии был просто реинкарнационным воспо-

---

[8] Где-то у В. Ленина я читал, что «интеллигенция это говно».

[9] Поэма Двенадцать расколола интеллигенцию на два лагеря: одни приветствовали идущего впереди Христа «в белом венчике из роз», другие считали это кощунством.

минанием: видимо, когда-то в прошлые века я был причастен к алхимии и теперь вспоминаю это.

Из преподавательского состава в памяти запечатлелся Федор Федорович Берешков — учитель литературы. Он был знаток Достоевского — не только знал в деталях его биографию, но и умел и любил толковать его произведения в философском плане. Мало кто понимал сказанное им, но его это не смущало никоим образом. В девятом классе время распределялось так: полгода отдавалось изучению Л. Толстого, один день Тютчеву, другое полугодие — Достоевскому. За год мы писали только два контрольных сочинения: одно посвященное Толстому, другое — Достоевскому. Я не помню точного названия своего сочинения: оно было посвящено образу человека в понимании Достоевского [10]. Сочинение получило наивысшую оценку. Оно зачитывалось в смежных классах, и копию его Федор Федорович попросил приготовить для него лично. Это была моя первая философская работа.

Мы все любили Федора Федоровича, чувствуя в нем настоящего мыслителя. Он часто болел, и мы всем классом навещали его.

Вспоминается еще Косьминский — преподаватель обществоведения. И сейчас перед моими глазами стоит пожилой, добродушный человек, очень маленького роста, с большой седой бородой. Его специальностью была история Англии. Нам он преимущественно рассказывал о социальных потрясениях в Англии и о французских революциях, проводя параллели с нашей революцией. С каким интересом мы слушали повествования о величии и безумии Великой французской революции и Парижской Коммуны. А русская история опять оставалась в стороне. В верхах тогда было явно отрицательное отношение к отечественной истории: о чем могла

---

[10] Эпиграфом к сочинению, размером в ученическую тетрадку, я выбрал слова из поэмы А. Блока Скифы:

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно все — и острый галльский смысл
И сумрачный германский гений...

идти речь о беспутных царях и о народе, спокойно переносившем рабство, или раньше о татарском иге и враждующих князьях. А где же был пролетариат — двигатель истории?

Еще несколько слов о преподавателе биологии Назарове. Он был не только учитель, но и научный работник. Нам он рассказывал об изменчивости и наследственности. Вместо школьных учебников предлагал читать книги Филиппченко. Далеко не все было понятно, но весьма интересно.

В школе режим был мягкий. Можно было не приходить — тогда в журнале ставили «abs», и этим все ограничивалось. Отметки за успеваемость уже ставили три (раньше разрешалось только две: «уд.» и «неуд.», что рассматривалось как одно из достижений революции — учиться надо было не ради похвал; да и дети интеллигенции не должны были выделяться).

Я продолжал поддерживать дружеские отношения с Ионом Шаревским (он жил почти напротив моей школы). Помню, как-то раз он подходит ко мне очень возбужденный и говорит: «Вася, я нашел анархистов, они легально читают лекции на философские темы в Музее Кропоткина: пойдем послушаем». И мы пошли (мне было тогда лет 16 или 17). Пришли — и были зачарованы силой мысли Алексея Александровича Солоновича — лидера движения, получившего название *Мистический анархизм*. Мы стали посещать лекции регулярно. В дальнейшем этим определялся наш путь в кровавые дни постреволюционного похмелья. К этой теме я вернусь позднее.

А в школе тем временем уже возник конфликт политического звучания. У нас был «старостат», выбираемый из учеников. Задачи старостата были нечеткими, он существовал для видимости. И вдруг пришел приказ — придать старостату особую, большевистскую власть. Зачем? Никто этого не понимал. Все ученики возмутились, желая сохранить свою свободу. Потребовали общего собрания. Этой вольности нам не разрешили без всякой мотивировки. Но тут подоспели Пасхальные дни. Назначено было общешкольное собрание

для доклада антирелигиозной направленности. В президиуме заседало начальство из РАЙОНО и комсомолец — единственный в нашей школе. Мы, ученики, потребовали, чтобы сначала нам дали возможность обсудить вопрос о статусе старостата, и только после этого мы были готовы слушать антирелигиозную пропаганду.

Нам отказали. Тогда мгновенно, словно по команде, все вышли из зала — на трибуне остался наш единственный комсомолец. Все в возбужденном состоянии стали толпиться в коридоре. Кто-то выкрикивал революционные лозунги прошлых лет, кто-то поднялся на подоконник и стал произносить проникновенную речь о свободе в школе. Собрание не состоялось, и мы обошлись без прослушивания антирелигиозной проповеди.

В верхних слоях началась паника — бунт в советской школе! Как это возможно? Кто зачинщик? Была назначена специальная комиссия для расследования. Комиссия установила единственный подозрительный факт: в нашей школе издавался в 4-х экземплярах журнал под названием «Лучи и тени», а в школе Иона Шаревского выпускался журнал «Луч». Журналы были похожи не только по названиям, но еще и по вольномыслию. Вот пример: в нашем журнале я написал рецензию на постановку пьесы «Гамлет» во Втором МХАТе с участием Михаила Чехова. Это была не просто пьеса, а настоящая мистерия. Сцену смерти принца Гамлета с ритуально-ритмической скорбью флагов, опускающихся над ним, я запомнил на всю жизнь. Это была сцена смерти рыцаря Чести. Сама пьеса шла в театре легально, но рецензия на нее в школьном журнале уже была вызовом. То, что было позволено одним, было непозволительно другим.

Во всей этой истории сказывалось, конечно, влияние Кропоткинского музея, но комиссия этого не знала. Ее решение было таким — для острастки старосту перевести в другую школу.

Итак, в 1928 году я окончил школу и получил первое свое звание — *химика-лаборанта*. В последний день Косьминский — он был нашим классным руководите-

лем — собрал нас во дворе и произнес примерно такие слова: «Сорок лет я проработал в школе, вашей группой завершается моя деятельность. Я буду считать ее не напрасной, если хоть один из вас будет бороться за свободу». Мне хочется думать, что он не ошибся в своей надежде.

4. Проблески свободы в школе тех лет

Так много места я уделил описаниям школьных лет потому, что мне больно слышать, когда бездумно замазывают грязью то время. Да, Россия тех лет была многолика. Одним из ее ликов была часть интеллигенции, вдохновленная чуть приоткрывшейся свободой. Другим ликом были те, кто считал нужным все давить ради светлого будущего, в их понимании. Были и другие, но я их плохо себе представляю и потому молчу.

Творческая интеллигенция, принявшая революцию, пыталась включиться во вновь открывшуюся реальность жизни. Одни оказались на театральных подмостках или в необычных оркестрах (вспомним «персимфранс»), другие в писательской среде, третьи — в обычной среде, школе или даже на рабфаке; открыто стали выступать толстовцы и философски ориентированные анархисты; распалась на две части церковь, а в широкой народной массе возродился дух вольного сектантства.

В среднюю школу пришли не только профессионалы-педагоги, но и просто думающие люди. Они хотели внести туда новую мысль, новые формы преподавания, понимая всю тяжесть правительственного попечительства прежних лет.

Преподаватель, как это видно из изложенного выше, отнюдь не стремился придерживаться официальной программы. Он рассказывал нам то, что сам хорошо знал, любил, над чем думал. И учащиеся умели это оценить. Вот поэтому-то мы любили школу, понимая, что все недосказанное мы сумеем выучить потом. Встречаясь с товарищами из других школ, мы расска-

зывали друг другу о вновь услышанном, не содержащемся в учебниках.

Нашу теперешнюю школу погубила стандартность преподавания. Школе надо дать *свободу*. Тогда найдутся и педагоги, а ученики полюбят свое училище.

Нашу цивилизацию можно будет спасти, если дети снова полюбят школу.

Но свободой надо суметь воспользоваться. В двадцатые годы это умели делать. Тогда еще звучала революционная мысль.

Глава V

ПРЕДУНИВЕРСИТЕТСКОЕ ВРЕМЯ И УНИВЕРСИТЕТ

1. Год самообразования

Я принял решение поступить на математическое отделение[1] физико-математического факультета. Отнюдь не потому, что я любил решать математические задачи и доказывать теоремы. Из лекций математика А. А. Солоновича, читавшихся в Кропоткинском музее, я понял, что философское осмысление мироздания возможно только на языке математики. Это решение не было результатом осознанного размышления — для этого у меня не было достаточных знаний. Решение пришло само собой, на интуитивном уровне. Пришло – и все. Особое впечатление на меня произвели лекции Солоновича о философском истолковании *Теории множеств*. Я понял, что столкнулся с чем-то очень важным в понимании множественного как целого.

Возникли трудности: поскольку мой отец работал на географическом факультете, то и поступать я имел право только на этот факультет, к тому же на экзамене выяснилось, что я не удосужился познакомиться со стереометрией. (Расписание предметов по годам в каждой школе было свое, а школы мы все время меняли, так что знания наши не обладали нужной полнотой.)

В результате у меня остался свободный год. Я было

[1] Одно время название звучало так: «Отделение прикладной математики», ибо собственно математика для счастливого будущего была как-то ни к чему.

хотел поступить работать куда-нибудь лаборантом-химиком, но отец, только что вернувшийся из очередной экспедиции, сказал: «Зачем работать за гроши, лучше занимайся самообразованием». Так я и сделал. Целые дни проводил в Румянцевской библиотеке (тогда записывали туда с 16 лет). Помню большой зал с длинными столами и абажурами мягко-зеленого цвета и атмосферой особой сосредоточенности, как бы намоленности в зале. Никогда и нигде я больше не встречал такого почтительного отношения к книге, как в то время в этой библиотеке. Правда, наблюдалось и другое – библиотечные стражи на выдаче книг подозрительно косились на заказанные книги. Контроль уже начал работать, но, к счастью, контролерам не хватало ума разгадать, к чему я готовлюсь.

Программу своих занятий я в значительной степени разработал сам. Прежде всего мне были интересны гуманитарные науки: философия, древняя и классическая; история – от Древнего Египта до средневековой Европы; литературоведение (включая религиозную позицию Л. Толстого и деятельность толстовцев). В подборе книг мне помогали мои духовные наставники — Солонович и люди его ближайшего окружения. В списке книг особое место занимала литература по раннему гностическому христианству, которое сохранялось в подполье развивающейся культуры, изредка появляясь на ее поверхности.

Укажу несколько книг из этого списка: Ю. Николаев (1913) — В поисках за Божеством[2]; Э. Шюре (1914) — Великие посвященные[3]; Н. А. Осокин (1869—1872) - История Альбигойцев и их

[2] Эта книга теперь, конечно, во многом устарела, так как найдено то, что считалось безнадежно утерянным [Свенцицкая и Трофимова, 1989], [Robinson, 1981]. Но продолжает сохранять свою силу та эмоциональность, с которой она написана. Гностицизм, действительно, явление уникальное – кажется, единственный раз в истории человечества Божество искалось так творчески, так независимо от установленно категорической проповеди [Jonas, 1958].

[3] Это, наверное, лучшая из книг, посвященных скрытой составляющей религий. Эзотеризм лишь слегка приоткрыт – без вульгаризации, с которой так часто приходится встречаться.

времени; Мейстер Экхарт (1912) — Проповеди и рассуждения; К. Каутский (1919) Предшественники новейшего социализма.

Начал также заниматься восточной философской мыслью и работами теософов и антропософов. И конечно, читал все философские работы самого Солоновича (машинописные тексты) и работы его единомышленников. Как видите, то, что потом стало именоваться *самиздатом*, возникло еще в двадцатые годы – по-видимому, с самого начала существования Советской власти или чуть позже.

В русской истории я выбирал то, что помогло бы мне понять природу русского бунтарства, как народного, так и интеллектуального. В этом вопросе, как оказалось, разобраться было трудно — пришлось ограничиться просто систематизацией доступного мне разрозненного материала.

Занимался, конечно, и иностранными языками: немецким, французским, а позднее – и английским.

Что касается собственно математики, то я быстро освоил ранее пропущенные разделы ее элементарной части и увлекся исчислением бесконечно малых — мне хотелось заранее понять, насколько мне понравится высшая математика сама по себе.

Такой многогранной оказалась моя программа. Я был занят целые дни и вечера. Хотелось, хотя бы поверхностно, охватить культуру единым взглядом. Я чувствовал, что должен готовиться к чему-то важному, а времени было мало, и опасность надвигалась (об этом предупреждали наши духовные учителя, о которых я расскажу позднее).

2. Наконец, университет

1929 год. Я — студент Московского университета.

Первый день — становлюсь в очередь у раздевалки. На меня внимательно смотрит гардеробщик и говорит:

— Пожалуйста, вам положено без очереди.

— Почему?

— Как почему — я ведь 20 лет назад раздевал еще вашего батюшку.

Так сохранялась преемственность. Университет не забывал своих воспитанников. И каждый сотрудник чувствовал себя участником единого — общего дела.

Стиль университетского преподавания поражал своей серьезностью. Каждая лекция несла что-то новое, неожиданное, заставляя по-другому думать. Помню лекции И. И. Жегалкина — идея предельного перехода, такая простая и ясная, заставляла исчислять, а значит, и думать по-новому. В этом новом мышлении была своя магия. Так же на лекциях С. С. Бюжгенса я неожиданно понял, что пространство — это то, что понимаемо через число. Как странно было сознавать, что вот рядом есть люди, которые этого всего не знают, да и знать не хотят.

Между тем обстановка в студенческой среде складывалась неблагоприятно. Сразу же произошло «классовое», как тогда было принято говорить, расслоение. Нас, юношей из интеллигентных семей, было всего человек 7 8, остальные были рабфаковские выученики. Им было трудно понимать новое. Они, конечно, не были в этом виноваты, но так было[4]. Помню одного из студентов-рабфаковцев в возрасте более 45 лет, уже облысевшего и явно старевшего. Как ему хотелось понять все услышанное! Это пренебрежение возрастом и подготовкой для многих обернулось издевательством. Все усугублялось еще тем обстоятельством, что молодежь из интеллигентных семей, естественно, держалась вместе, не находя общего языка с большинством рабфаковцев.

Тут масла в огонь подлил профессор П. С. Александров. Появилось объявление, приглашающее студентов (первого курса!) принять участие в факультативном семинаре по *топологии*. Первое заседание состоялось в здании университета, второе — в квартире профессора. Такова была традиция сближения учителей и их

[4] Здесь, видимо, опять доминировала идея всеобщего равенства — почему не быть равными по всем возможностям, независимо от возраста?

младших учеников. Топология была преподнесена как теоретико-множественное ви́дение пространственных фигур. Это больше, чем что-либо другое, поразило воображение, хотя подготовка наша была явно недостаточна. На этот семинар, естественно, пришли только студенты из интеллектуальной среды, что в итоге обрело негативную окраску, так как комсомольская организация интерпретировала это как «классовое расслоение». (Я еще вернусь к этому примечательному событию.)

Соединять «топологию» с «классовым расслоением» — безусловный абсурд. Но абсурд стал реальностью нашей жизни, протекающей над пропастями безумных ситуаций и событий, которые приходится преодолевать по шатким канатам, уходящим из-под ног. Я давно чувствую себя *канатоходцем*, и хорошо, если, взмахивая руками, я еще слышу шум крыльев за спиной... Надо было выживать в этом огромном театре абсурда.

Первый год обучения все же закончился благополучно: со второго захода я даже сумел сдать экзамен по политэкономии. Это было не просто — экзаменатор чувствовал во мне «чужого». Вспоминаю, как читался этот курс. Профессор, войдя на кафедру, начинал постепенно самовозбуждаться. Дойдя до кульминационного состояния, хватал стул и с треском ставил его на стол. Еще одна мизансцена из театра абсурда: стол — на нем стул (на котором никто не сидит), рядом стоит профессор и, подняв руки к небу, проклинает капитализм. Проклинает не наигранно, а от всего сердца. Ну как тут не рассмеяться — а потом на экзамене надо расплачиваться за непочтительное отношение к политическому экстазу.

Летом наш курс отправили на военную подготовку в корпусной полк тяжелой артиллерии. Полигон находился в чудесном сосновом бору, неподалеку от Нижнего Новгорода. Тяжелые 6-дюймовые гаубицы были зачем-то сняты с крепостей, в них впрягли лошадей-битюгов и тащили по немощеным дорогам. Гаубицы часто увязали в песке по ступницу, и тогда мы –

студенческие солдатики — помогали лошадям. Стрельба из гаубиц, управление наводкой, обучение верховой езде — все это было даже интересно. Нас, правда, предупреждали, что снаряды уже «отслужили» свой срок (они остались еще от 17-го года) и могут самопроизвольно взрываться в канале ствола пушки. Прячась в окоп, мы расстреливали чудесный бор, около которого были сооружены (для прицела) какие-то бутафорские постройки. Однажды в лесу начался пожар (лето было жаркое), и нас послали за много километров тушить огонь. Потушив кое-как, снова начали пулять из шестидюймовок – и снова пожар. И таких «мизансцен» можно припомнить очень и очень много.

Но вот и одна с тяжелым концом.

Пришел донос, в котором сообщалось, что один из студентов вовсе и не пролетарского происхождения, а настоящий буржуй — его отец был миллионером. Начались собрания, выкрики, требования немедленно изгнать единогласным решением. Я опять на канате исполняю свой танец, отказываясь голосовать за исключение.

— Почему? Измена! Буржуазный перерожденец.

Пытаюсь объяснить свою позицию: эксплуататором был не он, а его отец; дети не отвечают за своих родителей; в 17-м году изгоняемому было только 6 лет. Чем же он провинился — тем, что скрыл прошлое отца? Но столь ли серьезен этот проступок — ведь студентом нужно было стать ему, а не его отцу. Ваше решение – это не проявление новой революционной морали, а не более чем родовая месть. Разве родовая месть является составной частью революционной этики?

Тут весь шквал обвинений обрушился на меня. Врагом революции теперь оказался я, а не исключаемый студент, смирившийся со своей участью.

Трудно было доживать в военном лагере положенный срок, оказавшись одним против всех (остальные «классово-близкие» студенты из интеллигентной среды избежали военной подготовки – все они оказались чем-то больны).

3. Первый серьезный политический конфликт

Вернувшись в Москву, мы не узнали Университета. Все лекционные аудитории оказались разгороженными на маленькие клетушки. Это означало, что мы перешли на чисто семинарскую систему занятий (лекции только вводные — к большим разделам). К каждому из тех, кто что-то понимал, были прикреплены непонимающие — для занятий сверх расписания. Как сейчас помню моего подопечного. Он, доказывая теоремы, пользовался таким языком:

— Здесь я ложу, тут подразумеваю...

В Университете стало скучно. Что-то понимающие сбегали с нудных семинаров, пытаясь попасть на лекции старших курсов, где еще сохранялся другой состав студентов.

Наступил момент, когда собрался весь факультет, и общественная жизнь забила ключом — общие собрания дважды в неделю, длительностью по 3—4 часа.

Единственная тема - обсуждение моего непролетарского поведения. От меня требовалось, в сущности, совсем немногое - извиниться перед коллективом. Я категорически отказался. Сначала меня поддержала близкая мне (хотя и немногочисленная) часть студенчества, из интеллигентных семей, но потом все они, кроме одного — С. В. Смирнова [5], отреклись от меня, следуя совету своих родителей. Итак, борьба - двое против всего факультетского студенчества. На каждом заседании нам доставалось. Я тщетно пытался разъяснить свою позицию, но это вызывало только раздражение у присутствующих, они приходили в возбужденное состояние, и начиналась настоящая баталия. Опять театр абсурда, только я на канате, а они — на подмостках. Любопытно, что у меня испортились отношения

[5] Впоследствии профессор математики в Ивановском университете.

с отрекшимися от меня, ранее близкими мне сокурсниками[6] и более или менее наладились отношения с пролетарской частью студентов, которые, будучи искренними, начали уважать меня.

Желая охарактеризовать уровень интеллектуального и морально-политического состояния Университета тех лет, приведу здесь некоторые тексты из газеты Первый университет от 9/IX-1930 г. Этот номер в значительной степени посвящен конфликту на математическом отделении:

В Болоте Академизма и Аполитичности
Погрязло Математическое Отделение

Чуждые и приверженцы чистой
математики сорвали соцсоревнование

Господа с «широкой натурой» атакуют
комсомольскую ячейку

Дать генеральный бой академистам
из классовых врагов

---

[6] Да, здесь, конечно, была примитивная измена. Абсурд крепчал - они надели маски, хотя оценивали (судя по предыдущим разговорам) события так же, как и я. Но ничто не проходит бесследно, и часто расплата приходит тут же. Помню, как через несколько месяцев после случившегося ко мне заходит неожиданно один из них — ранее близких, с которым я перестал разговаривать.

— Пойдем пройдемся.

Ну, что же, пойдем.

— Денег можешь мне дать немного?

— Могу, но что случилось?

В пивную надо.

— Но ты же не пил?

— С тех пор все изменилось — я ушел в другой мир.

— Не понимаю.

— А чего тут понимать — погорел на номере 31, а теперь надо ложиться в больницу. Вот и хочу перед тем посидеть в кабачке. (Тогда в Москве еще было много каких-то злачных ночных заведений - остатков нэпа.)

Да, вот так обернулся родительский совет (кстати, отец его был высокообразованный ученый-гуманитарий).

А сам он позже жертвенно погиб — пошел добровольцем в ополчение, несмотря на страшнейший туберкулез. В нем было что-то странное, мятущееся, может быть, даже героическое, что он не мог реализовать. Мир его страждущей душе.

Пусть смеются Смирновы
за стенами советского вуза

КО ВСЕМ СТУДЕНТАМ, ПРОФЕССОРАМ
И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ФИЗМАТА!

Товарищи! Такое положение дальше нетерпимо. Необходимо мобилизовать все общественное мнение, дать отпор враждебным силам и при помощи всего факультета помочь математическому отделению выбраться из болота аполитичности, перерастающего при современных темпах соцстроительства, при том огромном напряжении страны, которое наш Союз испытывает, в резерв врагов рабочего класса.

Вот еще несколько оглавлений из того же номера газеты:

Черный список
Красный список
Чужие
День ударника совправа
Профкомы боятся самокритики
Оппортунистическая тупость
Хвостистское руководство

Каждый звук рождает свое эхо. Мы видим, каким откликом прозвучали в 30-м году романтические чаяния первых месяцев революции. Год 37-й был предначертан. Умеющие слышать — слышали. Но что было делать?

Между тем обстановка в стране накалялась. В начале сентября 1930 г. был арестован мой учитель, А. А. Солонович, и вместе с ним 33 человека [7]. Это был первый крупный арест анархистов-мистиков. Среди арестованных были: Н. И. Проферансов [8] — отец моего товарища Ю. Н. Проферансова, Г. И. Аносов, театральный художник Л. А. Никитин и его жена В. Р. Никитина,

[7] Подробнее см. статьи А. Л. Никитина, указанные в Литературе к данной главе.

[8] Ранее сидевший около года еще в царской тюрьме по делу анархистов-синдикалистов.

известный режиссер Ю. А. Завадский и др. Все они были непосредственными учениками А. А. Карелина. Наиболее активные представители этого движения были тогда осуждены Особым Совещанием Коллегии ОГПУ на 5 лет пребывания в политизоляторе. Три года спустя политизолятор был заменен на ссылку (кроме Г. И. Аносова).

Отметим, что, по данным А. Л. Никитина (статья 1991 г.), из 33 привлеченных к следствию были признаны виновными только 26. Такая «мягкость» была не свойственна этим органам в те времена. Как это объяснить?

Вместе с А. А. Солоновичем была арестована и его секретарь О. С. Пахомова. Ее уже тогда спрашивали и о нас — учениках Солоновича. Несколько позднее по особому и не очень понятному делу был арестован мой друг Ион Шаревский и отправлен в ссылку в Норильский край. Бдительный глаз не дремал.

А в Университете репрессии шли своим чередом. Выше я уже рассказал об аресте профессора Д. Ф. Егорова — почетного члена АН СССР. Мы, студенты, были потрясены.

И еще одно событие: мой друг С. В. Смирнов, поддерживавший меня в оппозиции факультету, исключается из Университета. Складывается странная ситуация: я начал эту борьбу за справедливость (может быть, немного донкихотскую — но это только с позиций обывателя, лишенного чувства собственного достоинства), а исключают не меня, а того, кто меня поддержал. (Меня было трудно исключить, так как мой отец пользовался некоторой известностью в высших сферах, а вот на Смирнове можно было отыграться, поставив меня в неловкое положение.)

Советуюсь с отцом. Он говорит:

— Уходи из этого бедлама сам. Учиться тебе не дадут — измучают. А если есть голова на плечах, сам научишься всему. Первый заряд тобой уже получен.

И я ушел, подав резкое заявление ректору, протестуя против коллективной травли.

Конечно, жалко было расставаться с Университе-

том — ведь, притаившись, там еще существовала настоящая наука. Только через 30 лет я вернулся туда, но уже ученым, и вскоре получил там звание профессора.

И вот что существенно — если бы я окончил Университет как математик, то, конечно, погиб бы в лагере. Кому и зачем там нужны были математики?! Но после ухода из Университета я получил специальность физика, и именно эта специальность пригодилась на Колыме, когда началась война.

Странно — иногда бываешь готов поверить в *Судьбу*, которая, избрав кого-то, начинает поддерживать своего избранника на мрачных поворотах непредсказуемого пути[9].

Университетский политический конфликт был первым серьезным уроком. Мое поведение в нем было откликом, а точнее — «делом», в котором проявилось мое «ученичество» в духовной мастерской анархомистиков.

Литература

Каутский К. **Предшественники новейшего социализма.** М.: Госкомиздат, 1919.

Мейстер Экхарт. **Проповеди и рассуждения.** М.: Мусагет, 1912а, 185с.

Мейстер Экхарт. **Избранные проповеди.** М.: Духовное знание, 1912б, 58с.

Никитин А. Л. Рыцари Ордена Света. ГПУ против анархистов. **Родина,** 1991, №11/12, с. 118—122.

Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве. **Наука и религия,** 1992, №4/5–12. (См. также на с. 334 последующие публикации.)

Николаев Ю. **В поисках за Божеством.** Очерки из истории гностицизма. СПб.: Новое время, 1913, 526 с.

Осокин Н. А. **Исторня Альбигойцев и их времеи.** Т. 1 2. Казань, 1869- 1872.

Свещицкая И. С., Трофимова М. К. **Апокрифы древних христиаи.** Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989, 336с.

[9] О судьбинности см. гл. III.

Шюре Э. **Великие посвященные.** Очерки эзотеризма религий. 1-е изд.: Калуга, Типография губернской земской управы, 1914; 2-е испр. изд. М.: Принтшоп, 1990, 419 с.

Jonas H. **The Gnostic Religion. The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity.** Boston, Beacon Press, 1958, 302p.

Robinson J. M. (ed.). **The Nag Hammadi, Library in English.** San Francisco: Harper and Row, 1981, 493p.

Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ. ВСТРЕЧА С ФИЗИЧЕСКИМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ

После ухода из Университета я довольно скоро нашел место для увлекшей меня деятельности. Там можно было и учиться, и одновременно творчески работать.

Это был Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ) — детище революции. Кажется, самое крупное научно-исследовательское учреждение в тогдашней Москве (в те годы от электрификации страны ожидали очень многого).

Где-то за Рогожской заставой четыре крупных корпуса. Один из них — физический. На первом этаже помещался электровакуумный отдел[1]. Вот туда я и попал, поступив в фотоэлектронную лабораторию в должности лаборанта, а потом быстро был переведен в должность инженера-лаборанта; руководил лабораторией П. В Тимофеев (в будущем профессор и член-корреспондент АН СССР).

Придя в лабораторию, я увидел незнакомые мне установки для получения высокого вакуума. Кругом

[1] Этажом выше находился отдел полупроводниковых материалов, которым руководил отец П. Флоренский. Его авторитет как ученого находился на весьма высоком уровне. На его доклады всегда собиралось много слушателей. У него в отделе на должностях лаборантов и препараторов работало много людей из среды бывшего духовенства. Один из них почему-то попал и ко мне — он был отличный рукодельный мастер, но ужасно пил. Насильственная смена деятельности не всем давалась легко.

стекло и ртуть в стеклянных сосудах. Фотоэлектронный эффект — это эмиссия электронов под действием квантов света. Здесь приходилось обращаться и к оптике, поскольку существенным было распределение эмитируемых электронов по длинноволновой шкале света.

С этим новым для меня миром я освоился быстро. Понял, что задача здесь имеет опять-таки алхимическое звучание: физик-экспериментатор выступает в роли Демиурга, достраивающего то, что потенциально заложено, но не проявлено в обычных естественных условиях существования мира. Это была игра, так как не все задуманное и теоретически обоснованное оказывалось правильно угаданным.

Мне удалось показать, почему не может быть реализована идея, казалось бы, вытекающая из работы одного известного физика-теоретика. Статья о моих экспериментальных работах (совместно с Тимофеевым) была опубликована как в русском, так и в немецком журналах. После этого я получил полную свободу действий в своей работе.

Условия для работы молодых сотрудников были тогда весьма благоприятные. Мы имели возможность в рабочее время ездить в Университет слушать курс лекций по теоретической физике Л. И. Мандельштама — крупнейшего в то время ученого. В физическом практикуме «ставили» [2] задачи для студентов. В нашем Институте была отличная библиотека с зарубежными журналами и книгами. Я уже тогда мог более или менее легко читать научную литературу на трех иностранных языках. Перевел с немецкого языка книгу по фотоэлектронному эффекту. Одной из особенностей того времени было то, что молодые люди легко находили контакты с профессурой.

В нашу лабораторию часто приходили зарубежные ученые. Заведующий П. В. Тимофеев обычно не бывал на месте, и мне приходилось вместо него рассказывать о нашей работе и выступать в дискуссиях по теоретиче-

[2] «Поставить» задачу означало: сформулировать проблему, подобрать и установить нужную аппаратуру, написать объясняющий текст.

ским вопросам. У меня все получалось хорошо, но одно обстоятельство вызывало недоумение — я выглядел слишком молодым. Мне потом передавали, что иностранцы, выйдя из лаборатории, спрашивали: «А что это за мальчик такой дает все разъяснения?»

Но вот меня угораздило ненадолго угодить в армию (из-за несвоевременного оформления документов на броню). Попал я в специальное подразделение, созданное при Научно-исследовательском институте Военно-Воздушных Сил. Нас, солдат с научно-технической подготовкой, должны были, с одной стороны, обучить (на случай войны) какой-то аэродромной деятельности, а с другой — мы должны были принять участие в существенно новых технических разработках.

Нас одели в солдатскую форму: на воротнике голубые петлицы с летными значками, на голове – знаменитая островерхая буденовка. Приходили мы в таком наряде к высокопоставленным начальникам (в основном из бывших латышских стрелков), молча выслушивали какие-то немыслимые прожекты, говорили «Есть» и уезжали в библиотеки заниматься своими делами.

Однажды нас послали на испытательный полигон, где мы должны были пройти строевую службу и в то же время участвовать в наблюдении за попаданием бомб, сбрасываемых с самолетов. И вот тут — одно грустное воспоминание. Тогда в стране была серьезная нехватка мяса, и Отец всех народов нашел решение — разводить везде и всем кроликов. Кролики, в соответствии с повелением, развелись и на нашем полигоне. Взрывами бомб их тушки выбрасывало вверх — зрелище ужасное. Это было и предзнаменование. Многие из нас понимали: еще одно гениальное решение — и наши тела так же погибнут, как тельца кроликов.

В армии тогда еще сохранялась некоторая постреволюционная свобода. Когда наша часть стояла в Москве, то мы жили в основном дома. В казарме надо было бывать только изредка — для показа. Дежурили там наши же солдаты, и им в голову не приходило проверять, были ли у нас отпускные.

Тут произошло одно событие, хорошо характеризующее те времена. Раз как-то вызывает меня Начальник штаба и говорит, что вечером мне надо конвоировать одного провинившегося, для чего мне и выдается маузер. Уж очень это конвоирование мне было не к месту. На вечер у меня была намечена другая важная для меня программа, да как-то и непристойно анархисту выступать в роли конвоира. Иду в казарму. Провинившийся говорит: «Ну, ничего, мы сначала зайдем в ресторан — я предупредил уже своих друзей. Дернем там, а утром пойдем на вахту». Тут нашелся доброволец, согласившийся подменить меня. Ему я отдал маузер. Утром меня вызывает опять Начальник штаба:

— Где маузер?

— Не знаю.

— Да тебя ж под суд... Я выбрал тебя как надежного...

Вдруг — звонок с гауптвахты.

— Ну вот наконец пришли двое. Оба пьяные вдрызг. И не знаю, кто из них конвоир, кто арестант. Кажется, маузер у арестанта... Пришлите кого-нибудь, чтобы разобраться.

Тут и поздравил меня Начальник штаба с благополучным окончанием противозаконного действия.

Были и еще странные события, под стать бравому солдату Швейку.

Иду я как-то по Тверской. Останавливаюсь у букинистического книжного развала. Вижу — продается компактное издание Бхагавадгиты. Покупаю и засовываю за обшлаг шинели. А около меня стоит типичный московский интеллигент — чуть сгорбленный, в пенсне. Поворачивается ко мне с удивлением: «Вот ведь армия-то пошла какая...» — написано на его лице.

И еще одно, теперь уже грустное событие. Захожу я как-то в военной форме в приемную на Лубянке и становлюсь в очередь у окошечка, чтобы узнать что-то об отце (он был тогда арестован). Пожилые женщины (будущие вдовы) отшатнулись от меня в испуге, потом пришли в себя, и я услышал шепот: «...И в армии, значит, тоже началось...» Да, начиналось!

Вскоре меня демобилизовали по причине сердечной недостаточности. Но на самом деле причиной был арест отца — не мог же солдат с таким пятном находиться в Научно-техническом центре Военно-Воздушных Сил!

Вернулся на работу в ВЭИ. Получил (ненадолго) свой первый паспорт. Ранее паспорта считались орудием порабощения народных масс, теперь они стали, как нам было сказано, символом гордости советского человека. История делала свое дело, исправляя революционный перехлест.

Вскоре я перешел на работу в Институт контрольно-измерительных приборов, где нам удалось создать прекрасную фотоэлектронную лабораторию, получив значительные валютные средства на приобретение уникальных оптических приборов. Здесь я прошел первую аттестационную комиссию, которая дала мне право на защиту кандидатской диссертации без окончания высшего учебного заведения.

Но это все внешняя, служебная жизнь. Была и другая, напряженная личная жизнь. Я продолжал заниматься философией и математикой. Ходил по вечерам на занятия иностранными языками. После ареста А. А. Солоновича (1930 г.) моим духовным развитием стала руководить его жена — Агния Онисимовна Солонович. За это я буду вечно ей благодарен.

Вспоминаю моих друзей тех лет. Вот Петя Лапшин — удивительный человек: веселый, мягкий, дружелюбный, готовый всем помогать. Вокруг него всегда собиралась компания молодых людей. Мы постоянно встречались, ездили за город, отмечали праздники. Он готовился к тому, чтобы примкнуть к нашей закрытой деятельности, но не успел... Отказавшись от брони, ушел добровольцем на фронт и погиб. Как мечтал он, что мы все когда-нибудь встретимся у камина!

Совсем недолго длилась моя дружба с Игорем Тарле — самым молодым из нашего кружка анархистов. Много дней и вечеров мы провели, обсуждая вечные вопросы бытия. С каким интересом ловил он каждую новую мысль. Но он скоро умер от ужасной болезни —

наследственного диабета. Странным образом могила его на Новодевичьем кладбище оказалась совсем близко от могилы Аполлона Андреевича Карелина — главы русского анархо-мистицизма. Рядом и могила Петра Алексеевича Кропоткина.

И наконец, я не могу не вспомнить о своем младшем брате — Всеволоде. Он умер от несчастного случая, когда ему было только 16 лет. Умер неожиданно, странно — словно ангел смерти почему-то был послан за ним безотлагательно. Словно где-то понадобилось иное его воплощение. Я часто вспоминаю о нем, желая представить, как бы он реагировал в той или иной сложной ситуации. Ведь мы с ним были очень близки, несмотря на разницу в годах (4 года), которая сильно ощущается в ранней молодости.

В те годы (первая половина 30-х) Москва была как осажденная крепость. В ней жилось еще сравнительно спокойно, хотя и нарастали аресты и ухудшилось питание. Но вокруг Москвы, так же, как и вокруг других городов, бушевали волны насильственной коллективизации. Мы понимали, что это неизбежное похмелье после революционного загула, когда разбушевавшаяся голытьба грабила и жгла помещичьи усадьбы — маяки русской культуры. Теперь пришел ее черед быть ограбленной и высланной. Россия продолжала гибнуть изнутри. Духовные силы ее народа слишком долго были скованы безволием и тем самым надломлены.

Глава VII

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ. ВСТРЕЧА С РАДИКАЛЬНЫМ ИНАКОМЫСЛИЕМ

> В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам.
>
> Ин 14,2

1. Введение

Особенно остро в 20-е годы стоял вопрос о власти. Опасность обращения к ней как средству построения нового, идеального общества была очевидна для многих. Шли острые дискуссии — тогда еще оставались на свободе толстовцы, теософы, антропософы и многие сектанты разных толков.

Ранее я уже говорил о том, что еще в школьные годы соприкоснулся с этой темой и понял всю ее серьезность. Помню семинары, проходившие у толстовцев в годовщину столетия со дня рождения Л. Толстого. Помню Музей П. Кропоткина — кажется, единственное тогда негосударственное учреждение в Москве. В достаточно просторном подвальном помещении этого музея отмечался первомайский праздник, традиционно считавшийся праздником, введенным анархистами. Там среди ветеранов революции я видел М. П. Сажина, сподвижника М. Бакунина, участника Парижской Коммуны и революции 1905—1907 гг., каторжанина. (Мне однажды даже пришлось навестить его дома — связь поколений сохранялась.) В другие дни читались лекции на философские темы, свободные от идеологического давления. Музей Кропоткина во второй половине 20-х годов был чуть ли не единственным в Москве незаконспирированным островком свободной мысли. Именно там я впервые почувствовал ее дыхание. Эта привязанность к свободной мысли сохранилась у меня на всю жизнь.

Отметим здесь, что в двадцатые годы, как отголосок

революции, еще сохранялась терпимость по отношению к анархистам. Анархизм в его теоретическом проявлении не считался контрреволюционным движением. В известной статье главы ВЧК Ф. Э. Дзержинского «К разоружению анархистов», опубликованной в начале революции, говорилось [Вайткунас, 1977]:

> ... среди анархистов много людей с уголовным прошлым, и они привлекаются не за убеждения, а за совершенные уголовные преступления (с. 47).

Анархо-коммунисты, связанные с традициями П. А. Кропоткина и А. А. Карелина, как, впрочем, и анархисты многих других направлений (анархизма), считались мягкими революционерами.

Смерть и похороны Кропоткина отозвались траурным эхом по всей стране. Н. М. Пирумова пишет [Пирумова, 1972]:

> Центральные газеты 9 февраля 1921 года на первых полосах поместили траурное объявление Президиума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, извещение о смерти «старого закаленного борца революционной России против самодержавия и власти буржуазии» (с. 214)...
>
> Среди венков, возложенных на могилу Кропоткина, были венки от РКП(б) и Совета Народных Комиссаров (с. 218).

На похороны под честное слово были выпущены из Бутырской тюрьмы анархисты для прощания со своим учителем.

Лишь в 30-е годы преступным стало считаться само учение. Предсказание анархистов оправдалось: государство, идеологически перенасыщенное, обратилось в самодовлеющее Чудовище, погубившее страну.

В плане историческом я вижу смысл русского мирного анархизма в предотвращении попытки насильственного построения коммунизма. Шел поиск других, компромиссных решений. Основная идея анархизма состоит в том, что человеку изначально свойственна устремленность к свободе. Никакие цели, как бы заманчиво, а иногда и величественно они ни формулировались, не могут быть осуществляемы в ущерб свободе. Эта мысль не была воспринята — в противовес ей был поставлен эксперимент сурового насильственного воз-

действия в масштабах всей страны. Чем он обернулся, теперь многие хорошо осознали. Но ведь можно было бы этот трагический эксперимент и не ставить, если бы природа человека была понята своевременно.

В анархическом движении, крайне неоднородном по своим исходным позициям, особое место занял мистический анархизм, смыкавшийся в первые годы с анархическим коммунизмом.

Почему анархизм оказался связанным с мистикой?

Ответ на этот вопрос звучит однозначно. Анархизм из чисто политического движения должен был превратиться в движение философское с определенной социальной и морально-этической окрашенностью. Это был вызов, брошенный марксизму, православию и всей суровой научной парадигме тогдашних дней. Речь шла о создании целостного — всеохватывающего мировоззрения, основанного на свободной, идеологически не засоренной мысли. Анархизм — это всеобъемлющая свобода. Она должна охватить все проявления культуры; в том числе и *науку*[3], остающуюся в плане методологии жестко идеологизированной.

Во главе анархо-мистического движения стояли Аполлон Андреевич Карелин и один из его учеников — Алексей Александрович Солонович, математик и философ. (Подробнее об этом движении — в гл. XV.)

Сейчас я приведу некоторые цитаты из сохранившихся записей лекций А. А. Солоновича. Это уместно здесь сделать. Так немного приоткроется та атмосфера, в которой жил я и мои товарищи. Нужно обратить внимание на то, что в те годы многие, теперь хорошо

---

[3] В наши дни такой подход прозвучал в публикациях американского философа немецкого происхождения Пола Фейерабенда. Одно из его изданий называется так [Фейерабенд, 1986]:

Против методологического принуждения. Очерки анархической теории познания.

Эта книга начинается словами:

> Наука представляет собой по сути анархическое предприятие: теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок (с. 147).

известные нам научные идеи находились лишь в зачаточном состоянии. Но, правда, многое и предчувствовалось, предвиделось.

Я здесь даю цитаты, а не делаю пересказа прежде всего потому, что мне хочется, чтобы читатель уловил «голос» Солоновича, его аргументацию, его манеру изложения. Это не тексты, подготовленные к печати, а почти всегда — записи лекций. К тому же пересказывать его было бы крайне трудно и потому, что он не формулирует исходных аксиом и не строит отчетливой логической системы. Он ограничивается тем, что обсуждает некоторые существенные для него темы. Изложение носит явно выраженный повествовательный характер. Автор часто опирается на опыт мистических переживаний. Строго говоря, это не философия, а философствование.

В моем распоряжении было только 14 текстов, записанных от руки в школьных тетрадях. Судя по почерку, записи сделаны одним и тем же человеком, возможно, под диктовку. Указано, что часть текстов относится ко второй половине 20-х годов. Большинство же текстов не датировано даже приближенно. Можно думать, что часть из них записана еще в политизоляторе [4] или позднее, в каргасокской ссылке. Материалы получены от вдовы сына А. А. Солоновича — Юлии Владимировны Орловой. Сын Солоновича Сергей также был участником анархо-мистического движения.

2. Выдержки из тетрадей А. А. Солоновича [5]

(Порядок расположения выдержек произволен, поскольку тетради не нумерованы)

1. Конспекты:
Постановка основных проблем.

... человеческая личная жизнь сама по себе бессмысленна. Она полна пошлости, глупости и скуки, а самое главное — страдания... (с.6).

[4] Помню, что я в те прошлые годы читал один (не вошедший сюда) философский текст, полученный каким-то непонятным образом непосредственно из политизолятора.

[5] Все подстрочные примечания к текстам Солоновича сделаны автором данной работы.

Человек живет в бесконечной бездне вселенной и поэтому бесконечность и вечность, а вместе с ними и идея бессмертия есть самый несомненный факт, и человек должен найти отношение к этому факту, найти пути к нему (с.7).

Деятельность человека, направленная к решению вопросов, связанных с этой проблемой, и к установлению живой связи между человеком, как существом конечным, и бесконечностью, называется религиозной деятельностью (с.7).

... пока условимся называть «мистикой» все то, что ставит нас в непосредственную связь с реальностью, с окончательной действительностью (с.8).
... только в мистическом же акте может быть дана нам реальная бесконечность (с.9).

Поэтому в основе всякой религии лежит осознанная мистика — религиозная мистика. Поэтому же в основе всех человеческих поступков также лежит мистика, но у одних сознательная, а у других бессознательная (с.9).

Однако дать определение мистическому акту нельзя, ибо он первоначален[6] (с. 11).

Величайшие этические идеалы явились из тех величайших религий вне национального характера — религии Кришны, религии Будды, религии Христа. Надо только очистить их от всего наносного и лживого, что было на них наложено искренними и неискренними последователями и создателями соответствующих церквей (с. 13).

... человечество стоит перед истоками новой религии. В силу известных причин, о которых впоследствии будет случай говорить, эта религия может быть определена как религия Параклета-Утешителя (с. 14).

... все проповедники подлинной анархии являются предтечами Параклета, а среди них крупнейшими являются Бакунин, Толстой и Кропоткин (с. 15).

Свобода является единственной приемлемой формой, под которой можно мыслить себе Бога.

---

[6] Солонович часто подчеркивал неопределимость глубокомысленных слов. Помню, как он говорил о неопределимости слова *Свобода*, столь важного для анархистов, сравнивая его со словом *Бог*, также не поддающимся определению. Богу приписывается даже эпитет — быть «несуществующим», поскольку Он выше как существования, так и несуществования. Гностики, как и Псевдо-Дионисий Ареопагит, развивали так называемое апофатическое богословие, стремящееся выразить сущность Бога через отрицание всех относящихся к Нему определений как несоразмерных Его природе.

Мы стоим на рубеже великих свершений. События происходящие — первые всплески, и много еще гигантских валов прокатится по России, Европе, Евразии... (с. 16).

Есть три факта в человеческой действительности: человек произошел, стал таким, какой он есть; человек живет, существует; человек умирает (с. 20).

Эти три факта приводят к постановке трех вопросов, без ответа на которые человек остается бессознательным: как, откуда и зачем пришел человек; в чем цель, значение и смысл жизни; что такое смерть - какой ее смысл и значение (с. 20).

... что есть великого и прекрасного в человеке, и человечество может получить жизнь и деятельность только на религиозном основании, которое дает появиться тому, что является «Божественной искрой» в человеке — красоте, любви, мудрости, свободе, правде и т. д. в их бесконечном размахе (с. 22).

2. Объяснение и познание.

Если я смогу уподобить свое сознание сознанию другого, то я познаю сознание этого другого (с. 1).

Наука объясняет, а это совсем не то, что познание.

В основе категории познания лежит истина, а в основе объяснения лежит власть — стремление к власти, к овладению вещами (с. 1).

Наука все равно бессознательно подразумевает и не может не подразумевать субъекта познания[7] (с. 1).

Раньше, чем объяснить, наука должна убить — ясно, что и ее выводы мертвы. Они годны для овладения природой, для накопления ее, для власти над ней[8], но не для того, чтобы жить с природой, понимая под природой и самого человека (с.5).

На научных теориях нельзя построить никакого мировоззрения, потому что самый принцип науки состоит в том, чтобы менять теории в зависимости от удобства их применения... (с. 7).

В науке нередко пользовались заведомо неверными точками зрения, чтобы получить правильные выводы...

Так, мы уже рассмотрели атомистику и показали ее нелепость... Однако с помощью ее удавалось не раз получить хорошие формулы (с. 8).

... само понятие материи — является комплексом абсурдов.

---

[7] Обращаю здесь внимание на роль «наблюдателя» в квантовой механике, с которой Солонович, видимо, не был знаком.

[8] Здесь совпадение со взглядами Ф. Ницше [Ницше, 1910]:

> 503. Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и упрощающий аппарат — направленный не на познание, но на *овладение* вещами...

Абсурдов, ибо материю можно мыслить себе или сплошной или прерывной[9] (с. 8).

Нужно уметь уподобляться каждому человеку...

Путь уподобления есть путь сопереживания, сорадования, сострадания (с. 10).

Душа животных должна раскрыться перед человеком... (с. 11).

Человек начинает слышать, как растет трава, что выражается в аромате цветов, в свойствах минеральных образований.

Его сознание расширяется все более и более — оно становится способным проникнуть во все явления мира... (с. 11).

А наряду с этим в человеке развиваются новые способы восприятия, новые органы чувств... Все сильнее раскрывается в нем его духовная сторона, и ей становятся доступны миры иные, миры иных категорий, совершенно не похожие на наш (с. 11).

И на самом деле существуют бесчисленные миры с бесконечно разнообразными обитателями (с. 12).

... принцип «ненасилия», являющийся в существе своем принципом величайшей силы, ибо гигантская сила нужна, чтобы действовать ненасилием, но потому анархисты стремятся к могуществу, к мощи, но не к власти и насилию... (с. 13).

Законы природы являются законами человека, которые он хочет навязать природе...[10] (с. 15).

... научные постоянства суть только таблицы и разложения в ряды.

Но раз так, то основой таких постоянств является теория вероятности и формальная возможность разложения в ряды... (с. 17).

Однако, оставив пока мышление в понятиях в стороне, мы обратим внимание на мышление математическое... Его особая ценность покоится, между прочим, и на его общезначимости.

---

[9] Мы идем дальше и показываем, что и при описании языка нам приходится сталкиваться с проблемой «непрерывность против дискретности» [Налимов, 1978, 1989].

[10] Здесь взгляды Солоновича опять перекликаются с высказываниями Ницше [Ницше, 1910]:

> 521. ... Мир *представляется* нам логичным, потому что мы сами его сначала *логизировали*.

Хочется отметить, что критицизм А. А. Солоновича во многом близок Ф. Ницше, но в работах Солоновича я не встречал ссылок на этого автора. В моей работе Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности по числу упоминаний Ницше занимает второе место после Платона.

Однако все оно покоится в основном на воображении[11] ... (с. 22).

Суметь вообразить себе, представить себе душевное состояние другого субъекта и уподобиться этому субъекту, отождествиться с ним — таков путь познания. Суметь вообразить себе, вспомнить свое собственное прошлое, отождествиться с ним — таков путь самопознания (с. 24).

3. Конспект по философии истории и научному методу.

Итак, науки исторические суть науки о единожды данном и неповторимом...

Поэтому ясно, что не может существовать законов истории (с. 3).

Всякий закон есть закон больших чисел, есть статистический закон (с. 4).

Исторический процесс в человечестве — это есть процесс, совершающийся в сознаниях (с. 7).

История человечества есть история состояний сознаний...[12] (с. 8).

Ни над, ни под человечеством нет никакой сущности, ни духовной, ни материальной, которая бы творила сам исторический процесс (с. 9).

Человеческую историю человек не может описывать со стороны, ибо он не может «отойти» от человечества, перестать быть человеком (с. 10).

Нет и не может быть научного миросозерцания, ибо наука таковым обладать не может, для этого у нее нет средств. Но научные данные должны лежать в основе каждого миросозерцания, если оно претендует на общую значимость (с. 15).

Наука ставит вопросы только о функциональных зависимостях, наблюдаемых среди явлений, и система, объединяющая все научные данные, строится по методу математической дедукции (с. 15).

Этим создается единая и мощная классификационная схема, позволяющая легко и быстро находить данные, которые могут понадобиться нам в жизни.

Эта схема играет роль каталога большой библиотеки, где книги расставляются систематически по полкам, а в нашем случае - факты по формулам, а общетеоретическая схема связывает все это по шкафам (с. 16).

Поэтому наука так легко и быстро меняет свои теории (с. 16).

Поэтому всякий, кто говорит, что он научно обосновывает смысл и цель жизни, научно доказывает бытие или небытие бога и т. д., — говорит вздор и показывает свое невежество в науке или в философии, а то и в обеих вместе (с. 16).

---

[11] Подробно роль воображения в процессе познания рассматривается нами в книге [Налимов, 1989].

[12] Здесь явное противостояние Историческому материализму.

... анархическое движение, подобно эсеровскому, не избегло тлетворного влияния марксизма, причем это влияние сказывалось не отдельными периодами, а проходит через всю историю анархического движения вплоть до наших дней. Вследствие этого автор разделяет анархистов-коммунистов и анархистов-марксистов. Очерки эти были написаны в 31—32 гг. в период заключения автора в Верхне-Уральском политизоляторе, и в это же время там находились анархисты как того, так и другого направления. Основными задачами, которые тогда ставили перед собой анархисты-марксисты, были: объединение анархического движения путем образования партии анархистов и разработки программы этой партии. Инициатором и руководителем этой верхне-уральской группы был В. Бармаш, который в те же примерно годы отбывал срок заключения в том же политизоляторе. По некоторым данным, в ссылках и других местах заключения находились сторонники анархистов-марксистов[13] (с. 13).

5. Вселенная как совокупность миров. (Мир материально-физический.)

О времени мы узнаем не из ощущений, а из представлений (с. 3).

... пространство так же не ощущение, а представление... (с. 5).

Мышление есть стихия. Из всех семи[14] стихий — четыре относятся к материальному миру, и три имеют более широкое значение, но все семь так или иначе проявляют себя в материально-физическом мире (с. 14).

Так гномы говорят нам на языке непроницаемости, скрытности, тяжести. Ундины — метаморфичны, как вода, и принимают всевозможные формы в зависимости от окружающего. Сильфы подвижны, как воздух, и саламандры горячи и чисты, как пламя. Кобальды — духи металлов — в своем характере обладают как бы пластичностью и гибкостью и т. д. и т. п. Вся эта совокупность образует царство сил природы... (с. 16).

Итак, уже сейчас можно набросать такую картину: Духовная монада нисходит до минерального царства... Затем начинается ее эволюция, и она через бесчисленные века становится растением, затем животным и, наконец, человеком... На этом пути она неизмеримое

[13] Я был свидетелем этой борьбы в конце 20-х годов. С позиций анархистов-коммунистов (к которым в основном принадлежали и анархисты-мистики) представлялась нелепой сама постановка задачи о создании партии. В этом случае стирается основная идея анархизма: свобода заменяется подчинением партийной структуре с ее дисциплиной и программным единомыслием.

[14] Автор поясняет: Семь стихий: земля, вода, воздух, огонь, свет, звук и мысль (с. 26).

количество раз рождается и вновь умирает, ибо ей приходится менять от времени до времени свое тело, когда она внутренне перерастает то, что это тело может ей дать... (с. 22).

Поэтому животные, растения и минералы – это наши отставшие братья, правда, отстали они от нас на сотни тысячелетий, но и сотни тысячелетий — лишь миг перед вечностью нашего бытия (с. 22).

Совершенно ясно, что должны существовать, — и они действительно существуют,— существа, стоящие неизмеримо выше человека, перед которыми человек то же, что перед нами камень, или даже еще более высокие... Только не нужно думать, что мы им, а они нам както подобны!.. Это подобие есть только в возможности!.. (с. 26).

Задача родившихся на Земле — творчество здесь [15], а потустороннее творчество можно отложить до времени, когда сами станем гражданами иных миров (с. 29).

Только тот, кто настолько могуч, что его силы не исчерпываются всей полнотой земных нужд, всей силой страдания человечества, только тот и будет думать, кроме Земли, еще о творчестве и в иных мирах... (с. 30).

И тем не менее не может быть правильного творчества на Земле, если нет перспектив в иные миры и бесконечность. Подлинно благое творчество, отвечающее полноте нужд человеческих, творчество зрячее, а не слепое, может явиться как результат не только самосознания, но и того, что в последнее время зовут космическим сознанием.

Космическое же сознание пробуждается в человеке только на зов бесконечности, на тоску по совершенной красоте (с. 30).

6. Фазисы эволюции в онто- и филогенезисе. Часть I.

Теперь становится уже ясно, что мистика ставит человека в непосредственное соприкосновение с реальностью... так что различные «мистики» можно классифицировать по четырем большим разделам:

1. Мистика стихийных сил — мистика колдунов, шаманов...
2. Мистика человеческая — мистика религии предков в ее различных формах...
3. Мистика света – божественная мистика подлинного и глубокого эзотеризма...
4. Мистика тьмы — мистика Зла, свойственная некоторым течениям, связанным с борьбой за власть и наслаждение... Это мистика порыва к верхам сорвавшегося в бездну... (с. 2).

---

[15] Тему творчества я продолжал развивать в книге [Налимов, 1989]:

> Смысл Мира – проявление всего потенциально заложенного в нем. Роль человека — участие в этом космическом процессе... Но человек живет в этом Мире - Мире, скрепленном действием. Человек должен действовать (с. 251).

Но история человечества есть совокупность движений отдельных сознаний... Все эти сознания «свободны», но в результате получается «нечто» и некое постоянство... Однако это «нечто» трансцендентно как раз именно для того человеческого сознания, жизнь которого и дает это «нечто». Оно для человека не познаваемо, фикция и ничто... (с. 8).

Всякое же рассуждение о так называемых законах истории является бессмыслицей...

Совершенно другое получим мы, если встанем на точку зрения становления субъекта, развертывания (эволюции) им заложенных в нем потенций (с. 10).

Здесь мы подходим к фазам становления... рассмотрим состояния гилизма, психизма и пневматизма, как фазы становления человеческого духа[16] (с. 10).

Итак, мы имеем перед собой гилика... он мыслит образами, и у него еще нет никаких понятий, его память не комбинаторная, но механическая (с. 10—11).

Человек (гилик), как форма, происходит из рода, он только отпрыск формообразующей силы, свойственной роду... Из рода он получил все, что делает его человеком,—свое знание преданий, обычаев, способов жизни,— вся его память целиком образована родом — род живет в его памяти в лице его предка и событий существования... Родовая страсть кипит в его жилах... Сама метаморфичность его тела и души — лишь повторение свойств рода... И он передает эти свойства своим потомкам... Он подобен цветку на дереве — дает потомство и осыпается, ибо в этом его значение (с. 13).

Из природы течет в него поток эмоций вместе с образами...

Как поток стихий шел беспорядочной грудой общих переживаний, так теперь идет в него и поток эмоций от образов природы... Эти образы суть стихийные духи, духи природы в их многообразии... (с. 14).

Наши сказки и басни - далекие бледные тени сказок жизни той эпохи... Отсюда — тотемизм. Он основан на понимании связи человеческого рода и животных... (с. 16).

... было нечто, препятствовавшее развитию, от чего «человечество» избавилось, а оставшаяся часть не смогла избавиться[17].

---

[16] Здесь Солонович углубляет троичную классификацию личности, идущую еще от гностиков. Различные варианты троичной классификации, как утверждает Макгрегор [MacGregor, 1979], сохранились до наших дней.

[17] Мы должны признать, что и в наше время гилизм не изжит. Отсюда бесконечные и ничем не оправданные национальные войны. Несмотря на, казалось бы, высокое состояние культуры, двадцатый век

7. Фазисы эволюции в онто- и филогенезисе. Часть II.

Состояние психизма есть состояние, когда человек рождается из природы — его пуповина обрывается, и он остается один, уже не слитый с природой, но противопоставленный ей... (с. 10).

Отныне он хочет покорить природу, подчинить ее своей власти... (с. 10).

На ступени психизма рождается самолюбие и эгоизм как любовь к своей личности (с. 12).

Переход от психизма к пневматизму может совершиться только путем безоговорочного подчинения рассудка, понятий, а стало быть, и личности с ее эгоизмом — более высоким началам духовности (с. 15).

Для пневматика жизнь должна рассматриваться вне времени, и он не имеет целей... (с. 16).

Психик стремится к истине, владеет ею, но пневматик сам дол-

оказался окрашен по преимуществу гилизмом. Родовая кровь, вооруженная современной техникой, закипела, как никогда ранее. Как можно это объяснить?

Я думаю, что концепцию Солоновича о семантичной троичности природы человека надо расширить, признав многомерность ЭГО. Тогда все объясняется легко. В некоторых острых ситуациях вероятностная структура ЭГО легко перестраивается [Налимов, 1989].

Очень яркий пример находим в воспоминаниях Андрея Белого, главы русского антропософского движения [Белый, 1992], в которых он описывает опыт своей внешней и внутренней жизни в Дорнахе в Обществе (братстве) Рудольфа Штайнера, рядом с которым Белый провел несколько лет. В Швейцарии интернациональная группа антропософов, казалось бы, дружно строила свой Гётеанум, воплощая в материале антропософское мирочувствование. Но разразилась война 14-го года:

> Когда первое возбуждение, вызванное войной, улеглось в нашем дорнахском быте и стали доходить вести с фронта... то начали разгораться страсти в нашей дорнахской группе ... на этой почве происходили непрерывные, все крепнувшие споры, начавшие уже переходить в ссоры... уже в кантине явственно отметились национальные столики... прежде не было этого разделения на нации в кантине; теперь оно началось; и оно углублялось (т. 6, с. 412—413). ...Атмосфера, сгустившаяся над нашей колонией, была просто ужасна (т. 8, с. 436).

Война вызвала острый национальный конфликт в антропософской общине, казавшейся вполне пневматической — сформированной и объединенной духовными устремлениями.

жен стать и быть истиною: «Я есть путь, истина и жизнь!» — говорит Христос (с. 16).

Для пневматика Вселенная есть совокупность сознательных или бессознательных сил, есть соотношение свободных воль... (с. 16).

В основу права должен быть положен принцип несравнимости людей их абсолютной разности в их принципе и их полное равенство в возможности проявления (с. 20).

В социальном же смысле любовь на Земле есть отказ от богатства и власти (с. 21).

С этой точки зрения, всякий, кто обосновывается на любви, сочувствии, жалости, истине и т. п., — религиозен... (с. 22).

Когда психик борется «во имя идеи» — он борется во имя личности... Да погибну я, говорит он, но да живет моя идея! (с. 29).

Но под идеей психик понимает юридическую личность, скорлупу, и во имя ее, во имя «дальнего» приносит в жертву сотни, тысячи и миллионы ближних живых людей... Это и есть подлинное поклонение дьяволу, черная месса, подлинный сатанизм (с. 30).

В человека, как и во Вселенную, заложены возможности — потенциал. Задача развития — развить, развернуть эти возможности в действительности, привести их в действие...[18] Эволюция есть развертывание потенций, а исторический процесс есть становление эволюции (с. 32).

... и только тогда, когда выполнен будет нами целиком завет любви и мудрости, мы познаем истину и станем свободными, это свобода от Кармы, от мировой причинности. Тогда мы сами станем одной из вселенских причин, станем теми, кто может «вязать» и «разрешать».

В напряженной борьбе за добро против зла переплавляется постепенно природа человека, и алхимический процесс Великого Делания из грубого камня получает высшую духовную сущность.

В этой неустанной борьбе подается помощь отставшим, и самому можно подниматься, только поднимая других (с. 34).

8. Вселенная как совокупность Миров. Мир форм (мир образов).

Итак, мы начнем с того, что констатируем... существование прежде всего наших представлений. Эти представления меняются, текут

[18] Здесь я иду дальше. Строя математическую модель семантической Вселенной, исхожу из представления о том, что все *смыслы* изначально заданы, но не проявлены (состояние семантического вакуума). Проявленность реализуется через сознание человека, обращающегося к числовой мере. Вся концепция в целом может рассматриваться как вероятностная реинтерпретация основополагающих представлений Платона [Налимов, 1989].

как сновидения, и сначала в них самих нельзя уловить как будто никакой внутренней связи... (с. 5).
... никто нам не может ничего сообщить о том, что же есть «объективно», т. е. вне воспринимающего субъекта, а значит, так нельзя говорить (с. 7).

Сила формообразования или «воображения» у кристалла исчерпывается ростом данного индивида. У растения этот рост переходит границы индивида и дает зародыш – зерно другого индивида... У животного воображение идет еще дальше и создает мир эмоций и восприятий; наконец, у человека он вырастает до разумения все это суть только различные фазисы проявления формообразующей силы — силы воображения (с. 8).

Я ощущаю себя, свое тело... Но раз я ощущаю свое тело, то прежде всего я сам противопоставляю себя же этому телу... Мое тело становится для меня «не-Я». Я его ощущаю как нечто «другое», а когда я хочу воздействовать на него,— оно и совсем оказывается «другим», так как знаю я его, пожалуй, не больше, чем любую «внешнюю» вещь, а кроме того, оно и сопротивляется моим желаниям... (с. 12).

Мы говорили, что оно [познание] совершается через уподобления. Однако высшей степенью его является отождествление...

Акт отождествления и ставит нас перед фактом мистического познания (с. 13).

Мистическое познание преодолевает разделение на субъект и объект - оно совершается как отождествление двух: «Я» и «не-Я», но отождествление не подсознательное, а надсознательное, сверхсознательное. Такое сверхсознание достигается человеком фактически, но не путем рассуждений и умозаключений... При этом в акте отождествления необходимо действует воля, мудрость и любовь (с. 13).

Так в моем сознании живут желания, влечения, страсть, инстинкты и т. п. разнообразных духов, отожествленных мною с самим собой...

Во мне говорят различные голоса, и спорят различные голоса, и спорят различные индивидуальности...[19] И только все большее развитие моего самосознания может выяснить мне границы моего собственного «Я» (с. 14).

Эта Карма сплетает вместе судьбы отдельных индивидуальностей, групп, народов, пород всего мира... И можно проследить, конечно, почему оказываются сплетенными судьбы различных индивидуальностей... Отсюда следует, что, двигаясь постепенно в этом направлении, мы внутренним анализом самих себя, вместе с внешним исследованием мировых судеб семейств, народов, рас, пород и т. д.

[19] Здесь уже прямое указание на многомерность личности. Почему-то, будучи математиком, Солонович не дал здесь математической интерпретации.

постепенно распутаем клубок, составляющий то, что мы считаем совокупностью наших «Я» (с. 17).

Два стража порога стоят, не пропуская нас к сознательному восприятию внешнего мира и нашего «Я».

Страж, который загораживает нам путь к миропознанию, есть страх; и страж, стоящий на пути к самопознанию, есть стыд. Не нужно только думать, что тот страх и стыд, о которых мы здесь говорим и которые живут в нас, таковы, каковы эти переживания в обыденной жизни... (с. 20).

Нужно только всегда помнить, что Вселенная бесконечна, а мы сами бессмертны, что не было времени без нас и не будет... Вся Вселенная — гигантское сообщество существ, стоящих на различных ступенях совершенства, и на безмерной высоте над ними стоят те, кого с древних времен называли эонами... (с. 22).

Высшее, частичное воплощение кого видела Земля, были эоны... Это были эоны любви, давшие миру религии Кришны, Будды и Христа... Религии любви, мудрости и свободы... (с. 22).

Но никто из принявших человеческую форму не может подняться над человеком, не победив в себе трехглавого дракона эксплуатации, власти и лжи и его слуг — «стражей порога».

Это и рассказывается в мифе «Апокалипсиса»... (с. 23).

9. Вселенная как совокупность Миров. Мир образов и мир идей.

Конечно, есть и еще более высокие миры — они идут в бесконечную высь — это миры духов различных категорий и степеней совершенства...

А над всеми этими духами выше всего стоит Тот, Кого мы не можем ни определить, ни назвать,— Бог.

Он выше совершенства и выше даже бытия или небытия... Одинаково правы как те, что говорят о Нем, что он существует, так и те, которые говорят, что он не существует, и одинаково же они ошибаются...

Тем не менее мы для себя самих, а вовсе не для того, чтобы выразить подлинную сущность Бога, говорим о тех формах божественности, в которых мы, люди, можем Его себе мыслить. Бог в сверхбытии — непроявленный, Бог в бытии — Сущий и Творец и, наконец, Бог Спасающий...

Но это все в сущности только слова, не поддающиеся никакому дальнейшему определению... Мы бесконечно дальше отстоим от Него, чем инфузория отстоит от нас, и потому легче инфузории понять и выразить дифференциальное и интегральное исчисление, чем нам что-либо сказать о Боге.

Так от низшего мира до высочайших поднимается бесконечная лестница ступеней духовного совершенства.

На всех этих ступенях идет жизнь, борьба. И живут эти миры ча-

сто для нас менее понятной жизнью, чем была бы понятна жизнь человеческого общества для муравья или пчелы...

И тем не менее между всеми этими мирами есть единственная связь — цепь взаимодействий, и эта цепь и связь прежде всего определяется любовью... Поэтому бывали случаи, когда из миров более высоких духовные индивидуальности сходили в наш мир и «осеняли» людей, делая их вдохновенными пророками, глашатаями новых истин (с. 8—9).

Пневматик преодолел мысль путем «бунта» и поднялся от необходимости — к свободе, от справедливости — к любви (с. 22).

А пневматикам Он [Христос] говорил: «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» [Мф. 5:13] (с. 22).

Итак, для пневматика миф — есть изображение подлинных реальностей бытия, есть как бы мировой роман или мировая трагедия (с. 27).

Пневматик «разговаривает» с ними [духовными существами] не на их языках, он воздействует на них «заклинаниями», и потому в этом случае он является магом. Слово же «маг» означает и «маг», и «мог», «мощь» и «могущество», и с другой стороны — «imago» — воображаю, l'imagination — воображение[20]... Маг может призвать духов, так как он знает их «имена» и может говорить с ними на их «языке», и «язык» этот, как и человеческий, есть определенный символизм, что и дало повод говорить о «магических формулах» (с. 26).

10. Переход от объяснения к познанию.

Роль науки заключается в объяснении, а отнюдь не в познании (с. 1).

Если есть нечто физическое во внешнем мире, то оно остается физическим и в моем теле, и, если есть нечто психическое в связи с моим телом, то оно остается психическим и вне моего тела...[21]

---

[20] Напомним здесь следующие слова из Апокрифа от Филиппа [Свенцицкая, Трофимова, 1989]:

> 67. Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах.

[21] В моих последних публикациях [Налимов, 1993] делается попытка показать, что есть достаточные основания для того, чтобы выдвинуть гипотезу о вездесущности сознания. Речь идет, конечно, пока лишь о существовании слабых форм сознания. Именно в этом случае можно найти достаточные основания, не прибегая к соображениям, которые могли бы вызвать резкие возражения у сторонников общепринятого мировоззренческого подхода.

...Отсюда вытекает, что раздражение не может переходить в ощущение, в нечто психическое внутри тела, если этого психического не было уже сразу дано изначала... (с. 6).

В свете, в звуке, во вкусе и т. д. – в различных так называемых ощущениях открываются человеку другие существа и ведут с ним разговор на своем языке... Кто говорит на языке красок и форм, кто – на языке звуков и вкусов и т. д. (с. 7).

Таким же образом, как духи природы, могут открываться нам и духи, стоящие гораздо выше нас...

Они на своих языках или на наших сообщают людям истины, ведомые им и неведомые нам (с. 8).

Но можно идти дальше и глубже — можно не только проникать в душевные состояния других людей, но и творить их (с. 8).

Можно читать в глубине душ человеческих, совсем не прибегая к условным языкам, но понимая смысл того, что одна душа может раскрыть другой на языке своей собственной природы (с. 9).

Таким образом, «волчность» волка связана не с частицами вещества, а с формой. Ведь и глиняный кувшин ничем, кроме формы, не отличается от куска глины, от которой взята и та глина, что составляет его самого. Все такие формы, если брать их с точки зрения их силового обоснования, и будут энтелехиями[22] (с. 12—13).

Таким образом, эйдос является чем-то, что может служить объединяющим началом для энтелехий, то, что лежит в основе их самих — их цель, идея, сущность, архетип (с. 15).

Можно сказать, что если энтелехия есть план постройки, то эйдос – ее идея. Однако ни в коем случае не следует смешивать эйдос — дух — идею, с одной стороны, и духовный рассудок — с другой (с. 15).

Понятие и идея – совершенно разные вещи. Весь человек есть идея, но понятие есть произведение человеческого ума (с. 15).

Бывают у человека переживания чрезвычайно напряженного характера, моменты вдохновения и т. п.

Те, кто их пережил, могут констатировать следующее: в такие моменты созерцание открывает мир эйдосов, платоновских идей, по отношению к которому мир образов является как мир энтелехий — форм и душ.

Итак, мы имеем перед собой мир эйдосов, и в этом мире мы находим снова свое «Я» как эйдос, противопоставляемый всем другим.

Это свое эйдетическое «Я» мы называем индивидуальностью... (с. 23).

---

[22] *Энтелехия* – термин, введенный Аристотелем, обозначает актуальную действительность предмета, в отличие от его потенциальности. *Форма* – способ существования предмета. Термин *форма* близок к термину *энтелехия*.

Так и в нашем случае — задача заключается в том, чтобы, смотря в книгу природы, уметь ее читать. Мы уже видели, что наука как таковая задастся совсем другими целями, а потому не служит целям познания и работает не во имя истины, но во имя пользы (с. 25).

Нужно стать Истиной, но ясно, что такая задача может быть разрешена каждым эйдосом, каждой индивидуальностью только в течение веков и в многообразии бесчисленных миров (с. 26).

II. Фило-София и София (как фазисы человеческого развития).

Можно сказать, что философия как мышление о мире началась с Аристотеля, ибо все предшественники Аристотеля еще отчасти принадлежат религии, мифу и сказке... (с. 2).

Аристотель дал почти полную и окончательную логическую основу для всякого мышления вообще, ибо дал логику как науку о законах правильного мышления (с. 2).

После Канта, как и до Аристотеля, мы принципиально нового в узком философском смысле уже ничего не находим, ибо философы послекантовского периода в сущности развивают только более подробно то, что в основе уже имеется у Канта [23] (с. 1).

Философия живет в мышлении, мудрость же живет в деянии (с. 2).

Сознание оказывается заключенным, закутанным со всех сторон «с головой» формами, исходящими из самого же человека.

Человек оказался заключенным в кокон им же самим из себя выделенных форм.

---

[23] Я думаю, что это высказывание в значительной степени свидетельствует об изолированности России уже и в те ранние постреволюционные годы.

Непонимание Солоновичем роли философии в духовной жизни, его пренебрежение философией Платона, его незнакомство с экзистенциализмом и его предшественниками не дали ему возможности осмыслить философски свой глубокий мистический опыт.

Мне представляется, что *делание* на Земле должно делаться опробованными земными средствами. И здесь далеко не все возможности исчерпаны. В конце прошлого и начале нового века были найдены новые «легкие» формы построения философских учений, выходящих за границы сурового рационализма.

Что мешало Солоновичу?

С одной стороны, изолированность России – она достаточно отчетливо проявлялась уже и в те годы. С другой стороны, безоглядная погруженность в деятельность братства, лежащую в основе мистического анархизма. В то же время отметим, что современные исследования [Koslowski, 1988] показывают, что гностицизм внешне незаметным образом оказал громадное влияние на развитие западной философской мысли.

Душа человека подобна бабочке, которая окутала себя выделенной паутинными железами тканью...

Мозг человека оказался такой паутинной железой.

Но человеческая душа не запуталась в ею же самой сотканной паутине философии, а именно закуталась, чтобы благодаря этому пройти определенную стадию своего гармонического развития.

И стоит нам бросить взгляд на историю и задуматься над соответствиями индивидуального и родового развития, чтобы заключить с несомненностью, что стадия философии есть стадия психизма, которой предшествует гилизм и за которой следует пневматизм.

Философия Канта является, таким образом, заключительным моментом психической стадии развития человечества, живущего европейской культурой.

Но раз это так, раз это есть закономерный факт развития, то единственно правильным подходом к этому факту прежде всего должно быть исследование того что это за факт, как фазис, и каковы возможности его преодоления для дальнейшего развития? (с. 4—5)

Далее в «Тетради» идет рассказ об истории становления европейского сознания.

... весь смысл философии вообще и философии Канта в частности вовсе не в познании, но в воспитании, т.е. в вынашивании новой структуры человеческого организма.

Философия не сообщает нам никакого познания, но преобразует наше сознание (с. 11).

В сущности, единственным следствием философии является безусловный, чудовищный солипсизм.

Философия погружает человека в пучину безбрежного одиночества. Мейстер Экхарт назвал бы это святая святых души, ибо это и есть психическая колыбель духа (с. 11).

Теперь человек все закутывает в понятия, и все умирает перед человеком, природа превращается в простой механизм ради того, чтобы дать человеку возможность достигнуть бессмертия.

Но, конечно, на самом деле природа не умирает, но скрывается за занавесом. И этот занавес отныне может поднять только бессмертное сознание (с. 12).

12. Кант и его философия.

(Здесь мы ограничимся лишь тем, что приведем те высказывания Канта, в формулировке Солоновича, которые оказались, как это мне представляется, наиболее существенными для автора. Наша задача здесь сводится к тому, чтобы представить себе, как Солонович понимал Канта.)

Если мысленно исключить из мира духовные существа, то вместе с ними исчезнут пространство и время[24] (с. 7).

Пространственно-временные отношения присущи не самим вещам, а только нашему восприятию их (с. 7).

Следовательно, мы познаем вещи лишь так, как они нам являются, но не вещи, как они есть в себе (с. 7).

Метафизика как наука о сущем, таким образом, невозможна (с. 8).

Резюмируя, мы можем сказать, что суждения науки — синтетические, ассерторические, т. е. они двигают наше знание вперед, но знание это не поднимается до аподиктичности[25] (с. 11).

С точки зрения Канта, материализм, равно как идеализм, являясь догматическими метафизическими системами, оба несостоятельны... (с. 18).

Функция ума есть познание, и эта функция разобрана Кантом в только что изложенной критике чистого разума.

Функцию воли Кант разбирает в критике практического разума... (с. 18).

Вещи имеют «стоимость», личности — достоинство.

Отсюда вытекает предписание:

1. Никогда не обращайся с личностью как с вещами; уважай самоцельность личности в себе и других.

2. Споспешествуй по мере сил собственному совершенству и чужому счастью, ибо это — единственные цели, выдерживающие испытание в отношении абсолютной общезначимости (с. 20).

Реальность так постулируемых трех идей: Свободы, Бога и Бессмертия — может быть только предметом веры, но не знания (с. 22).

13. Атомизм[26].

Итак, существует какое-то мистическое отношение к действительности, некий как бы мистический опыт... (с. 2).

Однако первый шаг в направлении к познанию методологии мистического опыта заключается прежде всего в простом акте «пережи-

[24] В нашей работе [Налимов, 1993] показано, что если признать вездесущность хотя бы слабых форм сознания, то в мире не исчезнет пространство и время, если мы мысленно исключим «из мира духовные существа».

[25] Ассерторические суждения утверждают факт, не выражающий его непреложной логической необходимости; аподиктическое суждение основано на логической необходимости.

[26] Сейчас эта тема теряет смысл. В современной физике основой мироздания являются не атомы, а физические поля. Одна из основных задач современной физики — создание единой теории поля.

вания» самой мысли... Попробуйте те мысли, которые будут излагаться, пережить, перечувствовать, прощупать... Не заглядывайте в мысль мимоходом, сквозь слегка приоткрытую дверь небрежного внимания, но широко распахните эти двери, войдите в мысль, как в комнату, осмотритесь... (с. 3).

Совершенно подобно облакам на небе и их игре — играют и пляшут свой танец атомы... То соединяясь, то разъединяясь, как облака, они образуют то одну, то другую конфигурацию... Но никакой ценности и никакого критерия сравнения нельзя применить к этим конфигурациям...

Нельзя ведь сказать, что какая-то форма лучше или совершеннее другой, что треугольник совершеннее, «прогрессивнее» квадрата и т. п. Поэтому бессмысленно говорить в этой Вселенной о развитии, эволюции, прогрессе, как бессмысленно искать прогресса или эволюции в игре облаков. Эта игра бессмысленна... Бессмысленна и игра атомов... Значит, бессмысленна и бесцельна Вселенная и жизнь этой Вселенной.

Получается бессмысленная, бесцельная пляска атомов... и на фоне этого бессмысленного объекта распят, растерзан исходящий в страданиях и горе субъект (с. 12).

Он один и существует, но только как одно живое воплощенное страдание.

Итак, вся Вселенная имеет своим смыслом абсурд, а фактом страдание (с. 13).

14. Пандемонизм.

Может быть сознание человека, сознание животного, сознание растения или даже минерала.

Конечно, сознание минерала приходится мыслить себе крайне смутным, крайне примитивным... (с. 4).

Таким образом, теперь для нас каждое движение должно *являться следствием изменения какого-либо сознания.*

Где есть движение – оно результат изменения сознания, а так как сознание предполагает субъекта, то движение всегда есть следствие изменения сознания какого-либо субъекта.

Итак, всюду, где есть движения, эти движения производятся субъектами, то есть существами. И все тела в мире оказываются телами некоторых существ – демонов, богов, духов, душ и т. д., как бы мы их ни называли.

Эти демоны или духи обладают различными формами сознаний...

Есть духи планет... Есть духи солнц, солнечных систем, духи трав и деревьев, духи источников и рек, морей, озер и туч; духи минералов, пещер, кладов; духи животных и человеческих рас и т. д. (с. 4).

В самом деле, с человеческим телом связан бесчисленный ряд сознаний — сознание самого человека, сознание всех клеточек тела, со-

знание органов, но далее — инстинкт, или родовое сознание и так далее (с. 6).

... мы получаем мир не как мертвый механизм, а как общество, как социальный космос, и, таким образом, проблема миротворчества превращается в проблему творчества социального (с. 7).

Проблема взаимопомощи и солидарности, как развивал Кропоткин, переходит в проблемы любви и жалости, как их ставили Кришна, Будда и Христос.

Разрешив социальную проблему у себя на Земле, человек ставит ее в ее космическом значении... Религии этики переходят в религии или религию права в масштабах уже вселенского размаха.

Так поставленная проблема права задает задачу создать общество на основах свободы, равенства и братства из таких разрозненных элементов, как люди, животные, растения, насекомые, минералы, духи планет и стихий и т. д. (с. 7).

Нужно пережить в себе своим сознанием свое же сознание, с этого же начинается вообще всякое самопознание, а без него нечего и думать познать что-либо другое.

Нужно ясно дать себе отчет в непроизводности и полной непосредственности нашего сознания и в том, что все наши переживания - как телесные, так и не телесные, происходят в сознаиии.

При этом не надо смешивать этого с идеализмом или вообще с какой-либо метафизической системой, ибо сознание нами не мыслится, но переживается как факт, и перед достоверностью этого факта даже достоверность нашего тела является производной и опосредованной (с. 8).

3. Моя близость к идеям Солоновича и мои расхождения с ним

Итак, в годы юности мой жизненный путь освещался тремя прожекторами. Одним из них была философия Солоновича, звучащая примерно так, как она описана выше; другим — традиционная философия и, наконец, третьим - наука тех дней[27]. И не я один в окружении Солоновича был настроен так многогранно. Сознание человека многомерно — корреляционно связанными могут быть разные позиции. Многомерность сознания - это возможность критицизма, выход за пределы какой-нибудь одной парадигмы, интеллектуальная свобода активной личности.

Забегая вперед, отмечу, что позднее — в те дни, ког-

[27] Позднее в науке, как Солонович в мировоззрении, на меня повлиял А. Н. Колмогоров, о чем я пишу в гл. XIII.

да для меня открылась возможность заниматься философскими проблемами, я отчетливо понял, что проблема *сознания* здесь является центральной. Одновременно мне стало ясно, что в нашей культуре эта тема остается неразработанной. И, более того, стало очевидно, что в рамках существующей парадигмы она и не может быть осмыслена.

Солонович оценил первостепенную важность этой проблемы еще в те далеко ушедшие дни (см. тетрадь № 12), но закрыл путь к ее разработке, заявив, что сознание не мыслится, а только переживается (см. там же). Я занял здесь противоположную позицию и попытался предложить математически задаваемую модель сознания. Появилась книга [Налимов, 1989].

Я обратил внимание на *смыслы*, организующие наше сознание. Смыслы можно обсуждать. Смыслы нужно обсуждать. Смыслы динамичны. Если смыслы не осмысливать, то они начинают меркнуть.

Книга написана необычно. Я опираюсь почти на все многообразие нашей культуры: на посткантианскую философию XX века (что, естественно, не мог оценить Солонович), на мистический опыт, на науку — обращаясь к таким ее разделам, как математика и теоретическая физика, на не признанную наукой Трансперсональную психологию. Существенным здесь является введение новой категории — *спонтанности*, представление о размытости смыслов, использование неаристотелевой — вероятностной — логики. Математическая модель строится аксиоматически, хотя ничего не доказывается. Основная аксиома об изначальном существовании элементарных смыслов, идущая еще от Платона, совпадает с представлением Солоновича о самостоятельном (не зависимом от человека) существовании семантического начала. Если пользоваться терминологией Солоновича, то можно сказать, что мой подход выходит за границы «психизма». Это уже шаг в сторону «пневматизма». Именно в силу этих обстоятельств книгу было непросто опубликовать в нашей стране и до сих пор не удалось опубликовать на Западе. Парадигма «психизма» стоит на страже.

В последнее время я пытался развивать представление о вездесущности сознания, близкое к концепции Солоновича о «пандемонизме» (тетрадь № 14). Близки мне и его концепция о множественности миров во Вселенной (см. тетрадь № 5), и признаваемое им апофатическое представление о Боге. И наконец, мой критицизм по отношению к науке в какой-то степени близок позиции Солоновича, хотя, конечно, теперь эту тему удается существенно расширить [28].

Итак, вся моя философски ориентированная творческая деятельность находилась в той или иной степени под влиянием Солоновича. Я даже часто не осознавал этого влияния, но оно было во мне. И в то же время во многом и очень важном я ушел далеко от него, о чем свидетельствуют и сделанные мною примечания к приведенным выше тетрадям Солоновича, и мои философские публикации. Частично они приведены в библиографии к этой главе, полностью — в Приложении II к этой работе.

Попытаемся еще раз коротко сформулировать как близость, так и расхождение с Солоновичем. Хотя это скорее не расхождение, а отличие, естественно возникающее во времени.

Близость. Понимание фундаментальности идеи *ненасилия*: роль творчества; критика нашей культуры в целом; критика науки при одновременном признании ее роли; противопоставление континуального дискрет-

---

[28] Темы, упомянутые в последнем абзаце, рассмотрены мною в ряде статей. Сейчас эти статьи изданы в книге под названием В поисках иных смыслов [Налимов, 1993].

Отмечу, что познавательную роль науки я в каком-то необычном, правда, смысле признаю. Здесь надо учитывать два обстоятельства: (1) наука, в плане познавательном, несомненно, ценна тем, что она разрушает предрассудки, заданные нам поверьями прошлого или наивными представлениями так называемого «здравого смысла» (об этом, кстати, часто говорил и Солонович, но в уцелевших тетрадях эта тема не обсуждается); (2) наука в многообразии своих гипотез, посвящаемых одним и тем же темам, расширяет горизонт аргументированного *незнания*, что является на самом деле высшей формой знания.

Так мы подходим к созерцанию Тайны мира, не пытаясь раскрывать ее вульгарно.

PV
2647
сол

КИТАНІЯ ДУХА

А. СОЛОНОВИЧЪ

рис. М. Ба

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО СФИНКСЪ

1914

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!
Вы были первым восприемником этой вещи
в мире. Позвольте же Вам предложить
ее, прежде того, как она выросла и стала
на собственные ноги. Да послужит
она залогом нашего единения в сфере
любви и творчества.

Искренно уважающий
Автор. 1913.
7 декабря

А. СОЛОНОВИЧЪ.

СКИТАНІЯ ДУХА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СФИНКСЪ“.
Москва.—1914.

ному в самом мироздании; несводимость смыслов к жесткому их определению; представление об изначальной *потенциальности*, раскрывающейся в творчестве; и, может быть, самое главное — представление о множественности миров различной степени духовности и о наших нескончаемых странствиях в мирах и веках; и последнее: духовная потребность во внутреннем росте — как индивидуальном, так и социальном.

Отличие. Непризнание Солоновичем развития посткантианской философии. И здесь парадокс: свою философскую систему я стал развивать, исходя из позиций Солоновича. И далее — мое мышление, в отличие от мышления Солоновича, носит *вероятностный* характер. У меня это профессионально: многие годы я занимался практическими применениями математической статистики. И наконец, последнее — в своих построениях я опирался на современное состояние науки, обретающее широкое философское звучание, и на философские разработки последних десятилетий (экзистенциализм, философскую герменевтику и проч.), так же как, впрочем, и на работы конца прошлого века (особенно Ницше).

* * *

Закончить эту главу мне хочется выдержками из ранней книги А. А. Солоновича [Солонович, 1914], написанной еще до встречи с А. А. Карелиным и посвященной А. О. Солонович. Получить ее было непросто, так как она в разряде «редких книг». Она пришла ко мне, когда работа над воспоминаниями уже была закончена.

Листая ее, я вновь ощутил живую энергию Солоновича, хранящуюся в страницах этой книги, напитанной его духовным пафосом. Здесь и свободный полет мысли, и романтизм, и поэтичность, и устремленность в неведомое, и страстный поиск.

Ничто глубокое. Ничто всесильное...
Ничто – пустое, как сердце Тайны, как сон Нирваны.
Как зов в пустыне, как крик на море –
сильнейшее богов, невыразимое Ничто.
Белое, как матовый туман болотного утра,
острое и белое, как осколок разбитого льда
глубоких надежд.
Оно было и будет, и его нет никогда, ибо
оно объемлет и держит само себя и в тусклом
взоре своем отражает Ничто.
Оно неподвижно, как труп, живущий страхом...
Оно лежало...
И не было громкого крика, и боязливых голосов,
и тишины не было — зовущей шорох;
и не было света и не было мрака,
Не было ничего...
Это было Ничто!
Необъятная, неизвестная, всеобъемлющая
Тайна покоилась в глубоком сне
без грез, без сновидений... (с. 9)

И не родился еще из нее могучий
страж зовущей Тайны — суровое, холодное Молчание...
И Колеса еще не было, которому другое имя – Вечность.
И на челе Непроявленного не было начертано ни одной
Кальпы, ибо Айнсоф не извлекало еще из своей сути
черной, зловещей Тиамат, хранившей в своих недрах
живые образы вращений Колеса.
И если бы явился атом, он был бы здесь
Творцом, он был бы всемогущим, он был бы Всем...
Один атом, о, только бы один, – единый и
ничтожный, — он был бы Богом, небом, адом,
вселенной и собой...
Он был бы Бытием!..
Он был бы точкой, язвой, раной, проклятием, тоской...
О, это было бы Все!
И возник в Небытии крик отчаяния...
Точно где-то, в самом центре его, треснуло сердце
и раздвинулось; как будто порвалось что-то,
и там, где порвалось, где не было Ничто, – там
повис крик, страшный...
Он висел в бездне и точно падал куда-то
в неизведанную глубину, и точно поднимался
вверх — туда, где не было недостижимого,
и точно углублялся в себя, — в рану своего бытия,
в хаос непредначертанных абсолютов... (с. 10)

Он возмутил спокойное, бесстрастное Ничто.
...Он впивался, он терзал, он хотел жить...

...он вонзался все глубже...
... извивался он и стонал, и молил, и рыдал,
и звучал, задыхался и рос... (с. 11)

... Это была страшная битва на границе веков и хотений...
... Но крик рос... (с. 12)

... А битва кипела, стонала, рыдала, как жизнь,
как страданье, как мука и бред... (с. 14)

... Явилось новое.

Лотос расцвел жемчужным ожерельем, алмазы слез блестели по краям, и острые, мелькающие стрелы впервые пронизали мрак, — тычинками тянулись нити света, и завязь мира народилась, как первый час текущей ленты неподвижности веков.

И трон, как будто плавая в лучах сверкающего света, И Бог-Отец, Иегова, Атман и Брама, Хонс и Демиург, Нус и Бэл, и Ра, Óдин и Параклет, он — имеющий бесконечные названия и не имеющий ни одного имени, внезапно появился,— первый и последний, в ком все и кто во всем,— олицетворенье Бытия. (с. 16)

Тихо стало поворачиваться Колесо.
Проснулась Тайна и принесла в свое чрево зародыши будущего.
... А спираль Всебытия развертывалась от страшного давления необходимости, и появлялись все новые и новые миры... (с. 18)

... И бледные тучи грядущих событий
толпились, стонали, взывали, и белые руки с мольбой простирали к великой и грозной Судьбе.

А песня призывных и гордых смятений росла, разливалась, катилась, стучалась,— бросалась на выси гармоний.

И вопли, и скрежет, и стоны, и муки
творили победу, творили борьбу. (с. 24)

С тихим ропотом бились эфирные волны,
искали тоску берегов.
Как ризы венчанных и гордых владычеств,
порфиры из струй золотых, в разбросанных искрах рожденья таились, грядущих событий виденья храня.
Холодных молчаний суровые лики
бесстрастно глядели из тьмы.

И мир волновался и рос, разбивался,
не зная зачем и к чему... (с. 33)

Не ведая острых, скалистых стремлений,
не ведая токов судьбы, рождались и гасли
в пространствах миры, как взгляды томлений,
как крики мольбы.

...В сиянье из газов летучих металлов,
в клокочущих пламенных дымках паров,
металась одна из пылинок созданья,
одна средь грядущих миров.
Вилась по уклонам гигантской спирали,
бежала сквозь сонмы веков,
спускалась под темные своды молчанья,
дрожала под гнетом оков... (с. 34)

Единый, слышишь, я не хочу умирать, я хочу знать то вечное, для чего стоит жить... Или вечны только вопросы?— ибо и сам мир есть вопрос!.. Да и ты, Великий, тоже вопрос... Но нет, когда не будет задающих вопросы, то и сами вопросы умрут... Или, быть может, они переживут своих творцов и будут висеть в пустоте, облитые кровью и стоном... (с. 52)

И кто-то бился в судорогах безысходности, а стрелка безвременья стояла ровно, ибо на одной из чашек лежало мгновенье, а на другой — вечность... (с. 91)

Ценности бытия создаются в творческой работе поколений. О, как глубоко понимали греки всю зависимость отдельного человека от рода...

Кто выключил себя из цепи рождений — тот не рождался, кто шел в стороне — должен был погибнуть... Вереница от богов до слизняка, от Олимпа до глубины океана, и все связано между собою, переплетено в гигантском узоре...

Да, здесь начало познания Материй,
здесь Парки, ткущие жизнь... (с. 154—155)

Все, что имеет цель, — временно, и все,
кто ставит цели, — живут повседневностью...
Но почему, почему так бесконечно желанен сон?

Мир не рационален и не иррационален —
он больше, чем о нем думают... (с. 167)

Литература

Белый А. Материал к биографии (интимный). В сб.: **Минувшее.** Андрей Белый и Антропософия. Публ. Д. Мальмстада. М.: Феникс. 1992. т. 6. с. 337—450; т. 8. с. 409—472; т. 9, с. 409—488.

Вайткунас П. **Ф. Э. Дзержинский.** М.: Мысль, 1977, 103 с.

Налимов В. В. **Непрерывность против дискретности и языке и мышлении.** Тбилиси: Тбилисский университет, 1978, 84 с.

Налимов В. В. **Вероятностная модель языка.** Издание второе, расширенное. М.: Наука, 1979, 303 с. Польское издание: **Probabilistyczny Model Języka.** Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, 336; издание в США: **In the Labyrinths of Language: A Mathematicians Journey *.** Philadelphia: ISI Press, 1981, 246 p.

Налимов В. В. **Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности.** М.: Прометей, 1989, 287 с.

Налимов В. В. **В поисках иных смыслов.** М.: Прогресс, 1993, 261 + 17 с.

Ницше Ф. **Воля к власти.** Опыт переоценки всех ценностей. М.: Московское книгоиздательство, 1910, 362 с.

Пирумова Н. М. **Петр Алексеевич Кропоткин.** М.: Наука, 1972, 223 с.

Свенцицкая И. С. и Трофимова М. К. **Апокрифы дреиних христиан.** Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989, 336 с.

Солонович А. А. **Скитания духа.** М.: книгоиздательство «Сфинкс», 1914.

Фейерабенд П. Против методологического принуждения, с. 125—466, в кн.: **Избранные труды по методологии науки.** М.: Прогресс, 1986, 544 с. (Feyerabend, P. K. **Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge.** London, 1975).

Koslowski P. (Ed.). **Gnosis und Mystik in der Geschichte der Philosophie.** Zürich: Artemis Verlag, 1988, 408 S.

MacGregor G. **Gnosis. A Renaissance in Christian Thonght.** Whealton, Illinois: The Theosophical Publishing House, 1979, 223 p.

---

* Английское издание посвящено А. А. Солоновичу — это зафиксировано на отдельной странице.

Часть III

ПО ВЕЛЕНИЮ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходит предо мною...

А. Пушкин. Борис Годунов

Глава VIII

АРЕСТ
БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА
БОЛЬШОЙ ЭТАП

Мне б твое искусство, миннезингер!
Чтоб поведать горестную повесть
О стремленьях, не достигших цели,
О погибшем рыцарском отряде,
О друзьях, безвременно ушедших,
Обо всех — в мое стучащих сердце.
Дóльних горизонтов пилигримы,
На путях неисчислимых странствий
Гóрний поиск свой неистребимый
Вам нести сквозь время и пространство.
Каждой смерти пересилив прах,
Ваши имена звучат в мирах!

Ж. Дрогалина

* * *

114. Тот, кто раб против своей воли,—он сможет быть свободным. Но тот, кто стал свободным по милости своего господина и сам отдал себя в рабство, – он более не сможет быть свободным.

Апокриф от Филиппа
[Свенцицкая и Трофимова, 1989]

Среди рабов единственное место
Достойное свободного — тюрьма.

М. Волошин. Бунтовщик

1. Они пришли

Ничто не предвещало беды: 22 октября 1936 года я вернулся с концерта и спокойно лег спать. И тут же проснулся — кто-то шарил у меня под подушкой. Открываю глаза: следователь ищет револьвер. В комнате еще его помощник, понятой и солдат с винтовкой, штыком навыпуск. Предъявляют ордер, где я читаю про обыск, и дальше палец следователя закрывает какое-то слово. Требую прочесть весь ордер, он долго не разрешает. Наконец, вижу ранее закрытое слово — «и арест». Закрывали, как оказалось, чтобы я раньше времени не волновался. Все начиналось с обмана — мне хотели представить, что ордер дан только на обыск.

Обыск ведется тщательно — просматривается каждая бумажка, каждая страница книги. Сыскное чутье: отбирается все то, что хоть сколько-нибудь характеризует мой облик. Затем обыск переходит в комнату моей мачехи. Отец протестует — ведь ордер дан только на обыск у меня. Составляется акт протеста.

Наконец, обыск закончен. Мачеха заботливо готовит мне зимнюю одежду и запасное белье. Следователь вызывает легковую машину, и мы запихиваемся в нее. И тут первая удача — обалдевший от обыска, от вороха книг и бумаг, следователь забывает взять свои трофеи. (Позднее они так и не востребовались — эта забывчивость могла бы дискредитировать следователя.)

Машина подъезжает к дому, что на Лубянке. Открываются железные ворота.

Сделанные в тюрьме фотографии вышли лучше, чем когда-либо до или после.

Дальше уже на «черном вороне» путь в Бутырку. Утром вхожу в камеру № 70. Краткий разговор со старостой камеры. Мне отводится место посередине нар. Это, оказывается, привилегия. Новички обычно поселяются у «параши». Только «по-настоящему политическим» делается исключение. Я сразу попал в политические.

Но вот и первая мизансцена на подмостках этого театра абсурда. Меня спрашивают про последние политические новости. Отвечаю, что ничего не знаю. Меня уговаривают — «не бойся!». Да я и не боялся. Просто газет не читал уже недели две, наверное. В нашей семье они и не выписывались. Вся эта политическая свара была просто не интересна. Но кто мог этому поверить — я ведь выглядел как настоящий политический, а не какой-нибудь там рассказчик анекдотов. Позднее лишь немногие поняли, что в этом нечитании и был уже политический вызов.

2. Допросы

В первый же вечер меня вызвали на короткий допрос. Следователь зачитал имеющийся у него агентурный материал и сообщил, что обвинение будет предъявлено по ст. 58, 10-11 (контрреволюционная агитация и организация).

Он сразу же начал мягко оценивать ситуацию: «Дело, конечно, пустяковое — надо честно признаться во всем, и вам дадут ссылку, будете работать по специальности и скоро вернетесь в Москву». И тут же предложил подписать признание, указав о том, что руководил всем Алексей Александрович Солонович (из ссылки) через свою жену Агнию Онисимовну Солонович. Я, естественно, отказался подписывать эту галиматью. Тогда прозвучало: «Но вам же будет хуже». И на этом закончилась первая встреча.

В доносе речь шла о группе из шести человек, пятеро из которых были знакомы с детства или с юности, а четверо — Ион Шаревский, Юра Проферансов, Игорь Тарле (рано умерший) и я — были близкими друзьями. Ион Иоффе в группу входил как младший двоюродный брат Шаревского, Игорь Брешков был его хорошим знакомым. Ясно было, что кто-то из этой группы был секретным осведомителем. Но кто? Как могло это случиться в такой малой, с детства спаянной группе? Было ясно, что нити тянутся каким-то образом в с. Каргасок

(Нарымского округа, Западно-Сибирского края), где Шаревский был в ссылке вместе с А. А. Солоновичем и где репрессивные органы готовили провокацию.

Через день еще один допрос — теперь уже на всю ночь. Всего было примерно тридцать допросов. Все с вечера и до утра, через сутки. Ситуация довольно быстро прояснилась: сотрудником КГБ оказался Иосиф Исаевич Иоффе [1], который в течение двух последних лет календарно сообщал обо всех наших встречах, включая, скажем, и минутные встречи во время проводов Проферансова на вокзале — он как геолог постоянно бывал в отъездах.

Далее ситуация развертывалась крайне неблагоприятно. Нас обвиняли в принадлежности к контрреволюционной подпольной террористической организации анархистов-мистиков, деятельность которой была направлена на борьбу с Советской властью. Шаревский отказался от дачи показаний, т. е. вышел из игры. Проферансов и Брешков признали себя виновными, сдавшись без боя.

Я начал обороняться один. Какая организация? Где ее устав, где программа, где определение задачи? Тогда следователь сменил формулировку: была не организация, а политическая группа. Но что такое группа?

---

[1] С детства Ион Иоффе следовал за своим старшим братом, был увлечен идеями анархизма и умел эту настроенность передавать другим. Осложнялась ситуация, видимо, тем, что он был не столь одарен, как его брат, и это, возможно, вызывало скрытое противостояние. В 1934 г. из Каргасока приехал человек, освободившийся из ссылки, с приветом от Шаревского. Приехавший, видимо, был тайным осведомителем, и тут, возможно, завязался какой-то малопонятный узел.

Примечательно то, что меня дважды предупреждали. Один раз студент из того же института, где учился Иоффе. Предупреждение без разъяснения. Другой раз — бывшая наша домработница, тогда пенсионерка, жившая в нашей же квартире, говорила мне: «Что ты, Вася, встречаешься с ним, ведь он же предаст тебя». И я опять не прислушался к вещему голосу.

Позднее мне передавали, что он тут же после нашего ареста зашел к нам домой. Отец, увидев его, сразу все понял. Он, не сказав ни слова, удалился, смущенный и растерянный. Но дело было сделано. В архивных материалах есть указание на то, что он сфабриковал не одно такое дело.

В Уголовном кодексе говорится об организации, а не о группе знакомых, которые разговаривают друг с другом.

Агитация — кого я агитировал? Где очная ставка с таким лицом? Следователь возражает: «Вы агитировали в пользу пути непротивления злу насилием, развиваемого Ганди». Нет, я не агитировал, а обсуждал новый успешный путь ненасильственного социального действия: обсуждал это среди своих друзей, интересующихся такой темой. Следователь: «Но вот вы же еще читали анархические стихотворения М. Волошина». Да, читал, но эти произведения Волошина не запрещены, их можно найти и в библиотеках.

Что-то я признавал, чтобы дать свершившемуся нейтральное, не политическое освещение. Да, я давал деньги на поддержание Кропоткинского музея. Этот музей был тогда единственным в Москве легально существующим негосударственным учреждением [2]. Само существование его предполагало возможность пожертвований. Да, я давал деньги в «Черный крест» для помощи репрессированным анархистам. Но эта организация существовала с начала века и никем не была запрещена. Так же существовал и «Красный крест» [3].

Я признал, что мы зарыли анархические книги. Но это были легальные, никем не запрещенные книги [4]. Решение зарыть было принято потому, что их хранение в те годы всеобщей подозрительности могло создавать излишнее напряжение. Ведь позорно как-то было их сжечь.

Итак, в течение 30 ночей шел разговор все о том же. Следователю [5] нужно было, чтобы я признал существо-

[2] Отметим, что вдова П. Кропоткина по принципиальным соображениям отказывалась от государственной пенсии.

[3] Помню, что одно время в камеру приносили папиросы, присылаемые «Красным крестом».

[4] В основном это были издания «Голоса труда». Помню, что магазин этого издательства в Охотном ряду существовал еще до конца 20-х годов.

[5] Следствие в основном вел Макаров. Он действовал вполне профессионально — заранее отрепетированный набор вопросов и стандартные формулировки ответов. Сейчас, когда читаешь прото-

вание нелегальной контрреволюционной организации. Я упорно не признавал. Иногда он начинал угрожать репрессированием родственников. На что я отвечал: «А разве это предусмотрено советским Уголовным кодексом?» Тогда он раздражался и начинал кричать о троцкизме и терроризме, затем, спохватившись, опять переходил на мое преступное, как он это понимал, отношение к М. Ганди, Л. Толстому, М. Волошину. Раз был разыгран такой спектакль: приходят несколько следователей и, уставившись на меня, говорят: «Да, это он».— «Конечно, он».— «Я узнаю его». «Хватит паясничать»,— отвечаю я им, и они спокойно уходят, посылая мне всяческие угрозы на матерном языке.

Какие-то показания против меня давал М. А. Назаров. Но они в протоколы почему-то не записывались, оставаясь в секретном резерве. Я упорно настаивал на очной ставке с ним. Наконец, его привели. Он был совершенно неузнаваем. Сломанный человек. Я успел ему только сказать: «Опомнитесь, Михаил Алексеевич»,— и его тут же вывели.

Примерно месяца через два допросы прекратились — я потерял для них интерес и сидел месяцами в камере, ожидая приговора. Ясно было, что следствие пошло по какому-то другому пути, где Ганди и Волошин были только помехой.

•

колы допросов (в архиве), создается такое впечатление, что все допрашиваемые говорят на некоем стандартном языке, независимо от того, признают или отрицают они предъявляемые обвинения. Начальство, видимо, вполне одобряло такой порядок записи: за ведение допросов Макаров получил в петлицу первую звездочку.

Иногда на короткое время появлялся следователь Голованов. Он, в отличие от Макарова, всегда был в штатском. На его допросах иногда звучали и философские ноты. Мне он, скажем, говорил: «Вы стоик, потому от вас ничего добиться нельзя». У меня сложилось впечатление, что он был не рядовой следователь, а лицо, наблюдавшее за ходом дела.

3. Тюремные будни

Тюрьма – это особый мир, вкрапленный в обыденную жизнь, как остров безумия. Безумными были не только его обитатели, но и его властители. Это столичный вариант преддверья лагерного ада.

Бутырская тюрьма фундаментальна. Она была построена еще христиански ориентированными хранителями правопорядка. Большие камеры с большими окнами — с «намордниками» (это уже нововведение «гуманного» строя), длинные и широкие коридоры. На перекрестках — большие электрические часы (что также нововведение), каждые из которых показывают свое закодированное время. Это для того, чтобы сразить психику заключенного неустойчивостью времени. Прогулочные дворики окружены высокими кирпичными стенами, с которых за нами настороженно следит охрана; карцер — Пугачевская башня; там, по преданию, сидел и великий русский бунтарь Емельян Пугачев. Много новых мелких клетушек для допросов — это также нововведение: старых не хватало. По коридорам непрестанно снуют охранники, конвоирующие заключенных на следствие или куда еще. Их движения сопровождаются странным звуком — постукиванием ключей по пряжкам ремня. Этот звук заставляет встречного вставать лицом к стене, чтобы заключенные не могли узнать друг друга и, не дай Бог, перекинуться словом.

Камеры большие. К стенам приделаны 24 откидные постельные рамы. Теперь рамы опущены и на них постелены сплошные деревянные нары. Под рамами на полу тоже могут быть постелены деревянные нары. В трудные дни нары стелются и в проходе, разделяющем два ряда нар. У двери — параша. И если раньше эти камеры были рассчитаны на 24 человека, то теперь — в период строящегося социализма — в них можно было втиснуть и 100, и 150 человек. Так реализовывалось многозначительное высказывание Отца наро-

дов об обострении классовой борьбы в переходный период.

Первое впечатление о следственной тюрьме — напряженное, сверхнапряженное ожидание и полное безделье сотни мужиков. Мне, человеку энергичному, всегда занятому, было странно погрузиться в это безделье. Никуда не нужно было спешить, не о чем было беспокоиться. Все прежние цели, ценности и заботы потеряли всякое значение. Они мгновенно ушли из жизни, и, казалось, навсегда, как уходит сон. Новая реальность раскрылась — необходимость борьбы с демонической силой обезумевшего государства.

Но жизнь везде самоорганизуется в соответствии с новыми условиями существования. И здесь я вдруг нашел интересное — нескончаемые беседы с людьми разных судеб и разных слоев общества. Вот они, ранее разъединенные, живут все вместе: представители различных прежних партий, разных национальных движений, просто болтуны — рассказчики анекдотов, или вдруг — настоящие шпионы, или, наконец, представители иностранных коммунистических партий — суровой персидской организации, болгарской, немецкой... Все они стали однотипными «врагами». Всем им не находилось места в Будущем, которое готовил благодарному человечеству Отец всех народов. Но многие из них так и не сумели прозреть в нем демона наших дней, оставаясь под странным гипнозом.

Вот несколько примечательных тюремных эпизодов.

1. В камеру вводят полного пожилого человека, находящегося в возбужденном состоянии. Рассказывает: его «списали» из другой камеры. Все насторожились [6]. Но он объясняет: «Я здесь ни при чем. Когда меня привезли в Бутырку, заполняю, как и все, анкету. Там вопрос о партийной принадлежности. Пишу — член пар-

---

[6] Списание — требование сокамерников отчислить кого-либо из заключенных за какую-нибудь провинность. Каждая камера отвечает за поведение сокамерников в целом. При этом у нее есть право отчислять непослушных. Списанного в другой камере принимают крайне недружелюбно.

тии. Вот меня и приводят в камеру партийный [7]. Рассказываю, что член партии эсеров с начала века, что много раз бывал в Бутырке еще в царское время». Тут, продолжает он, началось страшное возмущение: «К нам, членам правящей партии, привели заклятого врага. Истребить, убрать, списать!» Потом он рассказывал нам об истории Бутырской тюрьмы. В ней каждая камера, каждый коридор примечательны какими-нибудь событиями: «Вот в этом коридоре мы в таком-то году надели парашу на голову надзирателя». Да, вряд ли кто-нибудь сможет описать в деталях историю этой тюрьмы. А ведь эта история могла бы стать фрагментом повествования о русской борьбе за свободу.

2. Как-то приводят человека восточного типа. Он мрачен, растерян... После первого допроса приходит радостный: «Всего-то им нужно было, чтобы я признался в шпионаже. Ну уж ежели это им так нужно, то я и признался». На другой день: «Сегодня спрашивают, через кого я передавал? Вопрос резонный, ведь если я занимался шпионажем, так должен же был через кого-то передавать. Ну вот я и назвал того восточного человека, что у нас на углу продавал персики и пр.». Но, спрашиваем, как же ты так ни за что, ни про что продаешь человека? «А что,– говорит он,— оставалось мне делать? Меня посадили, пусть и он посидит, чем он лучше меня?» Да, все как будто логично? Но логика уж очень какая-то сокрушительная.

3. Приводят очень странного, совсем рыжего человека. Представляется: «Я гражданин вольного города Данцига», плохо говорит по-русски. Пытаемся разговаривать с ним на других языках —не получается. Спрашиваем, какой он национальности, какого происхождения и зачем здесь, в Москве. «На эти вопросы я не ответил даже прокурору, а вам и тем более не отвечу».

---

[7] Тогда еще существовали отдельные камеры для членов правящей партии. И здесь, в тюрьме, были привилегии. Это и значило тогда, что все равны, но одни равны больше, чем другие, даже в тюрьме. Принцип большевистского «равенства» соблюдался везде.

Скоро его забрали - и след простыл. Но этот, наконец, кажется, был настоящий шпион.

4. Вдруг приводят немцев. Сразу несколько десятков. Все они не интеллектуальны, все члены партии — коммунисты, все страшные националисты. Все бежали от Гитлера к своим и попали в ловушку. Раздражены, возмущены. В час общей беседы один из них рассказывал, как они, немцы, выиграли бой в Балтийском море в Первой мировой. А рядом со мною на нарах негодует бывший русский матрос: «Так врет же все, немецкий подонок! Мы их тогда разбомбили».— «Так ты же скажи это вслух — он в русской тюрьме позорит Россию».— «А мне наплевать». Таков был тогда дух интернационализма. В камере сидел и один обрусевший немец; с оттенком сентиментальности, лиричности и одновременно с каким-то ужасом смотрел он на своих партийных собратьев.

5. У многих из нас был свой тюремный счет (пополнявшийся переводами из дома), и раз в десять дней нам разрешалось заказывать продукты из ларька на ограниченную сумму (десять процентов которой отчислялись в камерный «комитет бедноты» — в основном на папиросы). И вот как-то один пожилой и больной интеллигент говорит, что ему уже очень трудно (в дежурные дни) выносить парашу и он готов нанять кого-нибудь из «бедноты» за счет своего ларькового пайка. И сразу же нашелся такой человек. Но что тут началось: «Как же так — в тюрьме наемный труд, эксплуатация человека!» Долгие часы шла ожесточенная дискуссия — отрыжка социалистического воспитания. Да, так были настроены тогда люди, и этот настрой сохранялся даже в тюрьме. Теперь это трудно понять. Театр абсурда может раскрываться только среди абсурдно воспитанных.

Обратимся теперь к портретам отдельных обитателей тогдашней тюрьмы.

1. Эюп Ибрагимович Акчурин. Татарин, сын казанского миллионера. Его родители получили воспитание в Париже. Это сказалось и на его образовании — интеллектуал со знанием иностранных языков, вла-

деющий голосом почти профессионально. Он и еще несколько десятков казанских татар были арестованы в Москве. Да, они встречались, собирались, относились с уважением к мулле. Ценили и не забывали свою культуру. Вот и основание для ареста и обвинения в активном национализме. Его личное обвинение основывалось на доносе одной знакомой. Она передала содержание якобы услышанного ею разговора за тонкой перегородкой. Акчурин все отрицал и сумел устоять и не сказать ничего лишнего на допросе. А на суде потребовал справку о том, когда была построена эта пресловутая перегородка: оказалось, что через год после зафиксированного разговора. Казалось бы, обвинение должно быть снято, но нет — он получил свои семь лет по суду.

2. Никита Иванович Харюс, украинский националист. Он хорошо рассказывал о традициях деревенской украинской культуры, присовокупляя сюда легендарные истории о национальных героях прошлого. Его задачей было освобождение и возрождение своего народа, чтобы «у каждого были и хлеб, и сало». «Мы,— говорил он,—заставим всех работать, в том числе и этих б-ей балерин заставим землю пахать». Он уже побывал в лагере и бежал оттуда. Дошел от Коми Республики до Новороссийска, куда приходили желанные зарубежные пароходы. Рассказывал, как крестьянки коми народа подкармливали его и давали продукты на дорогу. Вид у него был простецкий. В Новороссийске представился рабочим и стал работать на верфи. Его всё хотели женить на одной бабушке. Все шло хорошо, но выдало письмо родным. Его проследили, нашли. На первом допросе он заполняет анкету — «малограмотный». Следователь показывает письмо: «Ну раз так, то пишите — два высших образования». В Бутырке он сидел уже около года. Видимо, не спеша готовили его к какому-то делу. Вот, кажется, сейчас его националистические мечты начинают осуществляться. Но мне уже тогда, в Бутырках, было ясно, какая сила зреет в национальной неудовлетворенности. Не удалось ее сломить террором. Единственная сила, которую

не удалось сломить, несмотря на всю ее архаичность и несовременность.

3. Меньшевик, имя которого не удалось сохранить в памяти. Он прежде служил инженером-механиком в Черноморской эскадре. Год отсидел за участие в меньшевистском движении, еще при старом режиме. В наши дни успешно работал в полиграфии. Но как-то его посетил старый друг. Посидели, поговорили, оценили происходящее — они ведь также воспитывались на марксизме, только иной окраски. И вот этот разговор обошелся в пять лет лагерей. В этапе я, судя по всему, встретился с сыном того, кто передал по назначению содержание беседы. Так круг замыкался нередко.

Теперь несколько слов об общем порядке в камере. Круговая порука — за поступок любого отвечает вся камера. Распоряжался камерной жизнью староста, честно избираемый и всеми уважаемый. Если, скажем, кому-то очень нужно «перестучаться» с содельцем, то он должен подойти к старосте, все объяснить и получить (в серьезном случае) право на перестукивание. В случае если перестукивание будет обнаружено, то камеру могут лишить (на время) прогулки или ларька. Характерно то, что решение поставить камеру под удар принималось старостой единолично и при этом гарантировалось сохранение в тайне содержания беседы со старостой.

Вторым лицом в камере был культорг. Он организовывал совместные беседы, доклады на разные темы (в том числе научные). По вечерам устраивались концерты: декламирование, пение оперных арий и романсов или рассказы мемуарного характера.

В тюрьме была отличная библиотека. Раз в десять дней можно было выписывать по нескольку книг, в том числе и на иностранных языках, со словарями в придачу. Это было очень важно для меня.

В тюрьме была разработана и система межкамерной связи. Почти каждый день кого-нибудь куда-то уводили или увозили — то ли на допрос в Лубянскую Центральную тюрьму, то ли в санчасть или еще куда. Уходящие встречались на пути со многими. Поэтому,

когда мне нужно было что-то передать, я, приходя со следствия, рассказывал о том, что́ нужно передать, а дальше все шло по цепочке встреч.

Вот пример: в начале следствия следователь намекал на то, что весь исходный материал пошел от И. Шаревского. Мне важно было уточнить. И вот «пошла депеша». Результат: открывается на мгновение дверной глазок, и голос: «Вася, не верь!» И дальше какой-то шум борьбы за дверью. Правда, Шаревскому за этот ответ пришлось несколько дней отсидеть в карцере — Пугачевской башне. Об этом тоже пришла тюремная депеша.

Я счастлив был тем, что мне удалось оказаться в Бутырках еще в те времена, когда там сохранялись вольнолюбивые традиции русских революционеров.

4. Приговор

Июнь 18-го дня 1937 г. Мне объявляют приговор: 5 лет исправительно-трудовых лагерей по ст. 58, п. 10-11 [8]. Приговор вынесен Особым Совещанием, естественно, заочно — со мной не пожелал поговорить даже прокурор. В те дни это было максимально возможное наказание по заочному приговору. Чудом оказалось, что мы не пошли по суду — видимо, мое сопротивление сыграло существенную роль. Материалам предварительного следствия дана была иная интерпретация, и, естественно, на суде многие подсудимые могли бы ее поддержать. Второе чудо состояло в том, что мы прошли до того, как Особое Совещание получило (вскоре) право давать срок 10 лет. Тогда я, наверное, получил бы этот срок, что в дальнейшем все очень бы осложнило.

Около кабинета, где зачитывался приговор, собрались все содельцы, которые проходили по Особому Со-

[8] Попросту это звучало так: осужден за контрреволюционную деятельность, что обозначалось индексом КРД. Здесь существенен не только срок, но еще и его качественная окраска. Троцкисты осуждались по индексу КРТД, что было значительно серьезнее при том же сроке.

вещанию [9]. Потом нас всех отправили в одну и ту же пересыльную камеру. Вот тут мы могли уже от души наговориться [10]. У меня не испортились дружеские отношения с Проферансовым, несмотря на то что он давал показания против меня, что, конечно, очень затрудняло противостояние следствию. Но здесь было одно смягчающее обстоятельство. Оно относится к его личной жизни — до ареста он потерпел крах в любовной истории и переживал это трагически. И когда наконец в другом варианте все устроилось и он был безмерно счастлив, случился арест. И ему, естественно, хотелось поверить в обещание следователя — ссылку, его последнюю надежду. Я понимаю, что на самом деле это слабое оправдание, но разрушить прежнюю дружбу для меня было немыслимо.

Что касается старших участников движения, то их позиция оставалась неясной — они уклонялись от обсуждения этой темы. Но к этому я вернусь позднее.

Как много было передумано в эти дни, как много переговорено. Мы понимали, что теперь пойдем навстречу смерти. Кому из нас какой достанется жребий?

К нам в тюрьму приходили сведения о том, что обстановка в лагерях ужесточается день ото дня. То были годы безудержного нарастания террора. Террора, направленного против людей во имя безумной идеи.

Мы понимали, что из всех находящихся в пересыльной камере только наша группа, наверное, попала сюда, сделав свой выбор сознательно еще на свободе. Было даже некоторое чувство гордости за этот выбор, мы как бы продолжили традицию русских революционеров. И именно сознание значимости собственного решения дало нам силу выжить в лагерях. Погиб (в первый год лагерной жизни) только Юра Проферансов. Каза-

---

[9] Часть участников этого дела прошла по Военной Коллегии Верховного Суда, но об этом разговор пойдет позднее.

[10] Вот список оказавшихся вместе: С. Р. Ляшук — математик, П. А. Аренский — театральный деятель, Г. В. Гориневский — архитектор, Б. В. Коростелев — сотрудник ЦАГИ (его все сторонились). Из нашей молодежной группы, кроме меня, были: Ю. (Г.) Проферансов — геолог и И. Брешков — учитель.

лось бы, он как геолог, привыкший к полевой жизни, должен был легче других приспособиться к лагерной жизни. Но, видимо, надрыв незавершенной любви сломал его. Нелегко человеку заглушить первую блеснувшую взаимную любовь...

5. *Сибирский тракт*

Он памятен в русской истории. Сколько смелых, неповинующихся прошли по нему. Настал и мой черед.

На «черных воронах» (так назывались тюремные автобусы) нас отвозили на товарную станцию Ярославского вокзала. Там нас ожидал поезд, составленный полностью из теплушек — товарных вагонов, приспособленных для тюремных перевозок. В них были двухэтажные нары, подобие туалета и одно маленькое окошечко. Заключенных в вагон набивалось столько, что на нарах можно было размещаться только вплотную. Поезд шел до Владивостока целый месяц — по расписанию товарных поездов. На землю мы сходили только один раз — в Красноярске. Там нас строем вели в баню через весь город, под усиленным конвоем с собаками.

По счастливой случайности мне удалось занять место на верхних нарах — у окна, и я имел возможность увидеть Сибирский тракт хотя бы с одной стороны поезда. Под Москвой на станциях и полустанках нас встречали и провожали осиротевшие, плачущие женщины — они знали расписание тюремных поездов. Некоторые из нас бросали им записки-письма, чтобы они переправили их родственникам [11]. Ветер раздувал записочки, и женщины бежали за ними вдогонку. И доходили эти записочки по адресам.

Кормили нас, конечно, плохо. Часто давали соленую селедку — в наши дни это деликатес. Голодные люди съедали ее, понимая, что положенной нормы воды не хватит. И тогда при остановках на станциях и полустанках вдоль поезда летел крик: «Воды, воды...»

[11] Опытные зеки, несмотря на тщательный шмон, ухитрялись сохранять огрызок карандаша, обрывок бумаги и бритвенное лезвие.

И если плохо кормили, то хорошо охраняли. Каждый вечер подушно пересчитывали и деревянными ломиками простукивали пол, а где-то на крыше стоял пулемет.

Да. так вот и шли тюремные этапы по России — одних везли в лагерь, других на новые допросы. Была разработана индустрия тюремного транспорта — свои вагоны [12], свои правила перевозки, кормления, охраны. Тюремные перевозки составляли существенную часть транспортной службы страны.

6. Бухта Золотого Рога

Наконец Владивосток. Солнечный день, как в южном городе. Нас ведут опять подконвойным строем через весь город.

Идем мы раздельно, повагонно — так требуется. Но я все же пробегаю по всему строю. Узнаю то одного, то другого, расспрашиваю, за что, сколько, с кем вместе.

Зона на берегу залива. Спокойное, приветливое, залитое солнцем слегка голубоватое море. Как не согласуется этот вольный морской пейзаж с колючей проволокой и столь привычными нам будками для часовых. Всматриваюсь в море после вагонной тоски, и кажется, что оно хочет приласкать, извиниться за безумство страны.

Если бы меня спросили, каким должен быть герб нашей страны, я бы предложил сторожевую вышку с часовым — в память о погибших и в назидание потомкам, — чтобы никогда не забывалось и никогда не повторялось такое. Это было бы настоящее раскаяние.

В зоне долго шло оформление — товар строго подотчетный, поэтому счет, пересчет, шмон, перешмон, сличение с документами. Стемнело, дождит, нас нако-

---

[12] Для индивидуальных перевозок существовали и другие вагоны: «сталинские» — это обычные зарешеченные купейные вагоны — в их переполненных купе бывало нестерпимо тесно и душно, и «столыпинские» — с салоном на весь вагон, что было вполне комфортабельно; и сейчас, когда я слышу имя Столыпина, то вспоминаю вагоны его имени — гуманным был все же суровый русский властитель.

нец направляют по разным отделам зоны. Меня и одного серьезно больного — к особой калитке, где передают местной администрации: они все в темных плащах с поднятыми капюшонами и ручными фонарями — так инквизиторов рисуют на картинках. Мне команда: «Взять под руку больного и идти!» Идем. Вдруг одна фигура поворачивается ко мне, опускает капюшон и поднимает фонарь:

— Что, Вася, не узнаешь?

— Миша!

Да, это оказался Михаил Степанович Черевков — художник, в недалеком прошлом муж сестры Иона Шаревского. Вот где снова пересеклись наши пути с человеком другого, чуждого мне мира — мира изысканной московской богемы в стиле Оскара Уайльда. Удивительно, но и там в предлагерной зоне он отличался от всех остальных своей художественностью — все на нем из тряпья, все износилось, но во всем ощущалась рука художника.

Итак, я оказался в особой части зоны — там были, с одной стороны, тяжелобольные, с другой — заключенные, выполнявшие работу по учету прибывающих и по подготовке документов к дальнейшему, Магаданскому этапу. Удивительно, но тогда к канцелярской работе еще допускали осужденных по политической статье[13]. Возглавлял всю эту команду бывший врач Большого театра. Он ее и подбирал.

«Курортная» зона за решеткой: богемная интеллигенция[14] и море совсем близко — кажется, сбежать чуть вниз, и можно было бы окунуться в его воды. Но нет, ведут в баню. Там уже все в руках блатного мира.

---

[13] Официально считалось, что политических заключенных в нашей стране нет. Пресловутая 58-я статья считалась обычной статьей Уголовного кодекса. Все осужденные по Уголовному кодексу — уголовники. Но на самом деле звучала эта статья зловеще.

[14] Позднее я узнал, что особо избранные представители курортной богемы могли каким-то образом долгое время избегать дальнейшего этапа. Там шла своя тайная жизнь. Издавался даже иллюстрированный журнал гомосексуальной направленности. Это удивительно. В любых условиях человек остается самим собой.

У меня тут же украли ботинки, и ходил я по курортной зоне в одних галошах и в них же был доставлен в Магадан (хорошо, что не босиком — в курортной зоне ведь ничего не выдавали, что было, в том и ходили).

Пароход «Журба». Это обычный грузовой пароход, специально приспособленный для перевозки заключенных. В трюмах (где, естественно, нет окон) отстроено четыре этажа нар. Воздух попадает только из верхних проемов, откуда начинаются лестницы. В это транспортное чудовище надо было затолкнуть не менее трех тысяч человек. Посадку проводит небольшая группа заключенных, выделенных в курортной зоне, охрана стоит в стороне и только посмеивается. Я попал в эту посадочную группу: это дало мне возможность почти все десять дней провести на палубе — у моря, а не в этом ужасном трюме. Но за все, что будет происходить в трюме, в ответе мы.

Наша группа поднимается на палубу первая. Мы понимаем — многим в трюме будет плохо и для них надо заранее оставить свободные места в первом ярусе.

Но вот хлынула толпа — и все на первый ярус. Не сдержать! И что же — один из нашей группы, невысокий и даже несколько женственный юноша, бывший курсант Морского училища, скидывает свою беспуговичную[15] шинельку и с размаха трах по физиономии первого попавшегося здоровенного мужика. Помогло — никто не взбунтовался, не набросился на нас. Все послушно пошли вниз на самый нижний ярус. Я вздохнул с облегчением.

Вспомнился Н. С. Гумилев:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет.
Так, что сыплется золото с кружев
С розоватых брабантских манжет.

Нет, золота не было, не было и пистолета — был только удар с размаха. Непонятно, но иногда вчерашний бунтовщик может становиться рабски покорным.

Да, вот так только в критической ситуации можно

[15] Все металлическое с нас срезали.

управлять народом. Это приходится признать и мне, анархисту по убеждению. Грустно!

Отшвартовался корабль, и я на долгие годы распрощался с материком [16], со всем тем, что мне было близко и дорого.

Южное море, звездное южное небо, берега японского острова и их черный сторожевой эсминец. А потом сразу холодное, серое штормовое Охотское море. Вода заливает среднюю палубу. Стоя на вахте у адского трюма, вдруг забываешь свое рабское унижение. Ощущаешь силу большую, чем та, что привела тебя на эту палубу.

А вот и трагикомический эпизод: обезумевший от качки бедняга выбегает, качаясь, на палубу с парашным ведром. Подбегает почему-то к носовой части и выплескивает все навстречу ураганному ветру. А как отмываться потом в этих условиях от этакой грязи?

Не то же ли происходит и с нами, когда, изнемогши и обессилевши в ураганах политических битв, мы все опрокидываем на себя?!

Здесь должна будет начаться новая жизнь под командой изуверов. На годы надо стать тружеником — рабом озверевшей системы в климате, непригодном для человеческой жизни.

И кто бы знал, кто поверил тогда, что через полсотни лет я, сталинский зек, снова увижу воды Тихого океана с другой стороны — с берегов приветливой Калифорнии и уютного острова близ Сиэтла, где и сейчас еще есть резервация американских индейцев.

Литература

Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. **Апокрифы древних христиан.** М.: Мысль, 1989, 336 с.

---

[16] Колымчане рассматривали свою землю как остров — ведь подступиться к ней тогда можно было только с моря.

Глава IX

КОЛЫМА ЛАГЕРНАЯ

1. Завод магаданский

Магадан. Очередная лагерная пересылка. Здесь мы уже свои — колымские. Нас приодели, надо сказать, вполне добротно.

В первый же вечер выкликают — первый этап. И мое имя! Но, Боже, нет транспортных машин. Значит, здесь в самом Магадане. Наскоро прощаюсь — со многими, как оказалось, навсегда [1].

Приводят в зону большого Авторемонтного завода. Поражаюсь — здесь не барак, а общежитие. Не нары, а кровати, заправленные чистым бельем. Уже год, как такого не видал.

Утром прием у директора.

— Что, будешь по-прежнему заниматься контрреволюцией или работать?.. Физик мне нужен для спектрального анализа. Справишься?

— Конечно.

И вот я снова в лаборатории, только в валенках теперь. Знакомая работа. Еще попутно осваиваюсь с металловедением. Режим вольготный: можно выходить в город — в библиотеку или просто на базар. Нам даже платят зарплату, и вполне приличную, — как воль-

[1] Странно: незадолго до вызова мои товарищи пожурили меня: «Зачем ты в анкете написал, что по специальности физик? Кому на Колыме нужны физики?»

Оказалось, что нужны. И потом еще раз я понадобился как физик. И я понял, как важно было, что мне пришлось покинуть «математический» и я стал физиком. Судьбинным было решение.

нонаемным. Правда, вычитают около 20% за охрану. Опять театр абсурда – охранять заключенных за их же деньги.

Вечера свободные. Чтобы отключиться от праздных бесед, я занялся изучением теории дифференциальных уравнений. Так, казалось, все встало на свои места.

И теперь я должен сказать благодарственное слово начальнику Колымских лагерей, старому большевику Берзину, который пытался создать идеальный, социалистический концлагерь. Ненадолго, правда, вскоре его для ясности расстреляли. Своих они легко, не дрогнув, расстреливали или, по милости, наделяли большими сроками. Особенно известных в прошлом. Партия выворачивала себя наизнанку. А наши сроки были только отголоском тайно задуманного, демонического плана. Опять театр абсурда. В театре натянут канат, и на нем канатоходцы, стремящиеся выжить в абсурде.

И вот очередная, трагически обернувшаяся мизансцена.

Обычная ноябрьская демонстрация (1937 год). В первых рядах важные люди города, среди них и директор нашего завода. Они еще не отрезвели от вечернего празднования. К утру, еще не протрезвев, не поднимая головы, захватили из сарая плакатные портреты уже расстрелянных вождей и полувождей недавнего прошлого.

Скандал. Немедленно телеграмма в Москву. Ответ — арестовать.

Так арестовали и директора, спрашивавшего, буду ли я заниматься контрреволюцией. Теперь контрреволюционное выступление оказалось делом его рук, и получил он уже не 5, а 10 лет. Как изменила свое отношение к нам его жена – заведующая лабораторией! Ее скоро, правда, сместили с этой должности, заменив «почетным чекистом» — это было зафиксировано на нагрудной медали.

Обстановка ужесточилась. Вскоре мы узнали, что вышел приказ: очистить магаданские учреждения от заключенных, осужденных по 58-й статье. Очередной па-

роход привез вольнонаемную замену. Нам было сказано — обучить их срочно. И мы обучили, честно, как могли.

Для нас готовился этап. Но нескольких человек из инженерного состава все же заменить не смогли. Их судьба сложилась еще трагичнее. За работу в привилегированных условиях они получили дополнительный пятилетний срок. (В дальнейшем эта надбавка имела серьезные последствия.) Нас, оказавшихся на приисках, на так называемых «общих работах», эта «награда» не коснулась, видимо, не было смысла тратить на нас усилия — мы и так в своем большинстве были обречены.

2. Золотоносные прииски

Последний этап. В горный район — на один из приисков, что недалеко от Оротукана[2]. Нас загружают в кузов открытой машины. Садимся спиной к движению: температура в горах – 50°С, а может быть, местами и еще ниже. В кузове грузовика заключенный наконец обретает свободу воли — хочет замерзает, хочет выживает.

Для меня в горах всегда есть что-то манящее, чарующее. И здесь белизна снегов, непривычно низкая температура, прозрачность застывшего воздуха придают горному ландшафту сказочность. Жизнь, кажется, приостановилась — замерла в покое и чистоте.

Наша машина задержалась в небольшой лощине, закрытой со всех сторон. И... что это такое: на небе вспыхивает сразу множество солнц. Еще мгновение, и все небо в крестах цвета радуги с солнцами в центре[3]. И воздух, сам воздух начинает блестеть ледяными кристалликами. Кажется, что сама природа, стосковавшаяся за тысячелетия безлюдья, приветствует нас

[2] Оротукан – центр Южного управления, примерно в 300 км к северу от Магадана. Впоследствии я в основном был во вновь открывшемся прииске «Экспедиционный».

[3] Подобные явления в геофизике называются *гало*.

своей красотой. Приветствует сквозь кресты — символ страдания, привносимого насилием.

Ранним утром, еще затемно, подъезжаем к воротам приисковой зоны. Что-то странное: запряженные розвальни, на снегу вроде бы лежат люди, около них суетится охрана. Оказалось — отбирают еще живых среди замерзших. Живым оттирают обмороженные лица.

В бараке первый день обживаемся. Приходит помощник начальника лагеря. Одет в настоящую (меховую) полярную одежду. Рассказывает нам нервно и напряженно об ужасах контрреволюции, всматриваясь в наши лица с недоумением — где же здесь эти злостные «враги народа»? Сказка что-то не сходится с былью. Тогда тема меняется и начинается разъяснение режима. На этом заканчивается воспитательная работа в исправительно-трудовом лагере.

Да, мы поняли, что режим резко ужесточается, что нам придется существовать в полной изоляции от мира. Но вот что удивительно: сквозь эту изоляцию каким-то таинственным способом просачивались отдельные сведения. Они были столь зловещи, что проникали сквозь любые преграды. Они и назывались примечательно — «радиопарашей». Мы узнали, что Особое Совещание теперь уже дает не 5, а 10 лет, что на допросах стали избивать, что расстрелы множатся. Было ясно, что происходящее носит отнюдь не эпизодический характер. Над страной распростерла свои крылья демоническая власть, рассчитанная на долгие годы. Так начинался 1938 год.

На другой день после приезда мы были уже на лесоповале. Эта работа считалась легкой — для начинающих. И все же мне, молодому и физически достаточно крепкому, она поначалу показалась непосильной[4]. Двенадцать часов непрестанной физической нагрузки без должной сноровки, на крепком колымском морозе и при скудном питании. Норму не выполняю. А в сле-

[4] И это несмотря на то, что магаданская интермедия помогла мне окрепнуть после тюремной расслабленности. А каково было тем, кто был много старше меня по возрасту и кто попал сюда сразу после тюремного многомесячного бездействия!

дующем месяце надо будет работать уже в забое, со штрафным пайком 400 граммов хлеба в сутки и почти никакого приварка.

Забой. В зимнее время это вскрытие «торфов» — пустой наносной породы, под которой находится золотоносный слой [5], разрабатываемый уже летом.

Техника уборки торфов проста. Вручную — ломами пробивают шурфы; в них закладывается взрывчатка, разрушающая при взрыве плотные слои породы.

Взрывные работы выглядят сказочно. Ранним, еще темным утром нас ведут к забою. Там, вдалеке от нас, как гномы, суетятся взрывальщики с красными фонарями. Сигнал — все разбегаются. И тучи земной пыли и глыб в огненном смерче поднимаются в воздух.

Теперь породу нужно вручную погрузить в большие короба, поставленные на полозья, и оттащить к подъемнику, убирающему породу из забоя.

Работа тяжелая, требующая сноровки и, конечно, хорошего питания. А у меня штрафной паек. Опять не выполняю нормы. В наказание за это я должен отрабатывать лишние часы сверх 12-часовой нормы. Это истощает последние силы. На следующий месяц опять обеспечен штрафной паек. И так не только у меня, но и у большинства из вновь прибывших — ни у кого из них ведь нет еще нужной сноровки. Вокруг умирают: цинга, кишечные расстройства на почве авитаминоза, воспаление легких...

Начинаю понимать, что и моя очередь приближается. Что-то надо делать. Что-то решительное. Но что?!

Иду напролом — отказываюсь выходить на работу. Направляют в карцер. Это маленькая избушка с небольшими нарами. Многие спят прямо на обледенелом полу. Я получаю право быть на нарах, потому что блатарям рассказываю «ро́маны». Да, вспоминаю все, что могу, из классики. Усиливаю приключенческие моменты и сентиментальность.

Выходить на работу продолжаю отказываться. За

[5] Золотоносный слой также наносного происхождения — продукт разрушения гор с золотоносными жилами.

это полагается избиение, но явно видно, что самим конвойным не по себе. А блатари предупреждают — сказал «НЕТ», значит, держись до конца, иначе убьем [6].

Что же дальше делать? Паек штрафной, место на нарах оплачено рассказами... Чувствую, что сил для жизни остается еще на два-три дня. Надо что-то делать. Но что? Что?!

Утром объявляю голодовку. Это вызов всей системе. За это полагался расстрел. Ну что же - пусть рассудит нас брошенный вызов.

В карцере все замолкают. Ждут — что же будет?

Мне приносят лист бумаги и карандаш — пиши мотивы голодовки.

Я взял и написал все, что знал о лагере, о бессмысленности массовых смертей. Через полчаса вызывают:

— Бери свои рукавицы и хлеб и убирайся отсюда к...

— Я работать не буду.

— Убирайся, тебе говорят, пока цел, к...

Я убрался, взял штрафную пайку хлеба и пошел к лагерному старосте. Он посмотрел на меня смущенно, выписал еще пайку хлеба, теперь уже не штрафную, и карточку пропитания высокой категории. Я ему про отказ от работы, а он на меня:

— Какого тут черта работа... иди в барак.

Прихожу. В бараке тепло, чисто, заправлены кровати. Кроме дневального, никого нет. Спрашиваю его, что все это значит.

- Не знаю. Больных, наверное, ждем.

И действительно, через несколько дней приводят, а частично и приносят всех «доходяг», не успевших помереть.

Медицинская комиссия. Когда я разделся, врач даже не стал осматривать меня: «Одевайся, иди».

Я испугался, когда увидел себя: не тело — скелет.

Для нас устроили двухмесячный больничный режим

---

[6] Держать свое слово до конца — это основное требование воровского мира. И конвойные понимают, что применять здесь силу бесполезно — костьми ляжет, но не откажется от сказанного. А карцер — это уже мир блатных. Там надо жить по их законам.

с существенно улучшенным антицинготным питанием. Представьте себе: отдых в концлагере!

Произошло же вот что: утром в день объявления моей голодовки в лагерь приехал следователь с целью выяснить, куда подевались заключенные. Весна — нужно готовить к промывке золото, а лагерь обезлюдел.

Начальник лагеря докладывает следователю: «Контрреволюционная сволочь. Не хотят работать...»

И показывает мое заявление о голодовке. Следователь сверху пишет резолюцию: «Арестовать начальника лагеря по представленным материалам». Его, как мне говорили, расстреляли. Через некоторое время был расстрелян и Гаранин — один из высших общелагерных начальников Колымы. Расстрелян как японский шпион — это нелепая формулировка, чтобы концы в воду.

Да, лагеря имели двойную цель: с одной стороны, производить то, что крайне нужно было для страны, с другой — уничтожать и истреблять [7] тех, кто это производит. Это балансирование, видимо, и рассматривалось как внедрение гегелевской диалектики в жизнь.

Но вот лечебное время завершилось. Силы верну-

[7] Вот один из трагических эпизодов. Как-то зимой приходит новый, особый этап. Все они пожилые люди. Все хорошо одеты в теплую зимнюю гражданскую одежду (бобровые шапки, каракулевые воротники, вместо валенок — боты). Для них особый, закрытый барак (наши бараки не запирались). Вокруг них особое кольцо охраны — ни подойти, ни поговорить, ни помочь. Они оказались совершенно не подготовленными к колымской обстановке. Было что-то жалкое, трагически нелепое в их фигурах, согнувшихся над неподвижными лопатами, воткнутыми в снег. Они умерли быстро — все, один за другим.

«Радиопараша» сообщила, что это были важные (в прошлом) люди: теоретики марксизма. Невольно вспоминаешь, как яростно они защищали свои позиции еще в 20-е годы. Их предупреждали, с ними спорили представители других течений революционной мысли. И вот жалкая расправа над ними их же учеников. И до сих пор мне непонятно, зачем нужно было выбрать такой долгий и мучительный путь к смертной казни. Чтобы благовидно отчитаться перед потомками: не были расстреляны, а умерли своей смертью? Так должен будет воспринять это историк в будущем?

лись. Я снова в забое. Но теперь уже летний сезон. Ходим по золотоносной земле. Ее надо разбивать кайлом, грузить в тачки и отвозить их к подъемнику. Там, наверху, бутара — длинное, большое корыто. В бутару подается мощный поток воды. В нее ссыпается золотоносный грунт. Бутарщики специальными гребками разрыхляют грунт, и тогда освободившиеся от земли золотые частицы (в силу высокого удельного веса) опускаются под грохота — стальные плиты с просверленными дырами. Золото падает под грохота на постеленные внизу грубые суконные подстилки.

Чудесные солнечные дни. Жара. Напряженная тяжелая работа. Везти нагруженную расшатанную тачку по узенькому дощатому настилу непросто. Остановиться нельзя, потому что сзади другие. Иные с разгона — бегом. Нормы высокие. И опять стопроцентное выполнение не дает пайка, достаточного для восстановления сил.

И опять с забойной работой не справляюсь — не могу высоко превзойти норму. Снова угроза штрафного пайка и превращения в доходягу.

Но мне повезло — я нашел себе место на бутаре. Это тоже тяжелая работа, тоже нужна сноровка, а главное — чувство ответственности. Большой сброс золота в отвал может повести к расстрелу и большой неприятности для начальства.

Итак, я первый бутарщик — на мне вся ответственность. При пересменке (опять двенадцатичасовой рабочий день) собираю со дна бутары многие килограммы золота. Работа двухсменная — день и ночь.

Охрана кричит:

— Ты, осторожнее — золото к ногам пристало!

— А черт с ним — обсохнет, отстанет.

Я оказываюсь в передовой бригаде, где норма выполняется на 160% и больше. За это — отличное питание[8] и даже спирт, который мы обменивали вольнонаемным на продукты. Хороший барак.

[8] В лагере, как везде, было соревнование. Должны были быть передовые бригады. Их поддерживало начальство: давало хорошие забои (от этого во многом зависела производительность), может

Все-таки хорошо работать в сильной бригаде. Чувствуешь накал – напряженность труда, четкий ритм. Это ободряет, забываешь, что труд рабский, что рядом доходяги доходят... А кругом – красота!

Но за здоровьем надо было следить. Малейшая осечка — и вылетишь из передовой бригады. Помню, у меня как-то началось желудочно-кишечное заболевание. Надо было, продолжая работать, ничего не есть и точно рассчитать день, когда снова можно будет начинать питаться,— иначе не выдержишь ритма (темпа) работы.

Любопытно, что новое лагерное начальство стало относиться к нам беззлобно. Как-то, еще в весенний день, я и мой напарник рыли глубокую канаву. Рыли — это значит воткнули лопаты в боковые стенки и, сидя на них, обсуждали философские вопросы. Вдруг сверху раздается голос начальника лагеря, видимо, давно слушавшего нас:

— Опять студент (меня почему-то часто так звали) и еврей не хотят работать. А помнишь ли ты, как пишется остаточный член в ряду Маклорена?

— А что же, помню.

— А что работать надо — забыл?

На этом эпизод закончился — карцер не последовал. В конце концов начальники были только «винтиками» исполнительной системы и кое-что, может быть, уже начинали понимать.

В лагере мы жили все время под двойной властью: официальной — охраняющей и понукающей, и властью воровского мира. Блатные, в отличие от нас, считались «социально близкими», и обычно внутреннее управление лагерей и пересыльных тюрем осуществлялось через них. Им даны были особые права, в том числе и право воровать безнаказанно.

В первый же весенний сезон я получил из дома посылку. Это был праздник, но не надолго. У меня почти тут же ее украли. Украли и деньги. Это было очень обидно. Обидно до слез. И украли-то ведь блатари из

быть, в трудные дни и приписывало — ведь доходягам все равно доходить. Сделал немного больше или меньше — это уже не в счет: важно, что норма не выполнена.

нашей же бригады. Но это был для меня первый и последний случай. Я разгадал тайны воровства и научился хранить все то немногое, что было. Больше украсть у меня никто ничего не мог.

Любопытна социально-психологическая сторона взаимоотношений с упорядоченным воровским миром[9]. Они крали, но не отнимали ничего насильственно. Был как бы неписаный договор, неизвестно кем и когда заключенный.

Можно ли было объявить им войну? Конечно, можно. Но для этого надо было пойти на убийство. Никто из нас не был готов к этому. Позднее — в конце войны и после ее окончания — лагеря стали пополняться нашими бывшими солдатами. Они были обучены убивать, и лагерная междуусобица началась. Но я уже не был свидетелем этого ужаса.

С начала зимы 1938/39 года я оказался на лесоповале. Это лагерный врач (из заключенных) признал меня непригодным (из-за сердца) для зимнего забоя. И до сих пор я испытываю к нему глубокое чувство благодарности: он сделал колымские зимы выносимыми для меня. Работа на лесоповале легче, режим мягче, ближе природа — чудесная колымская природа, которую мы должны были разрушать во имя золота, нужного государству. Не знаю, и сейчас, наверное, еще не восстановился лиственничный лес[10] — ведь он стоял там, где должна была быть вечная мерзлота.

Представьте себе поляну в тайге. Барак для заклю-

---

[9] Настоящий воровской мир был упорядочен определенной идеологией, фольклором и суровыми правилами поведения, включавшими в себя и судебную процедуру. Своеобразный железный демонический орден. В одной из их песен звучала такая строка:

Он умер честно, как вор.

Как-то раз я получил в посылке теплый жилет. Они упрашивали меня продать его. Оказывается, жилет — это особая форма — «правилка». Без нее судья не может править суд. Приговоры были ужасными, например сломать позвоночник. К мелким воришкам (ворам «вне закона») они относились с презрением, называя их «шакалами».

[10] Другие деревья там не росли.

ченных и несколько небольших вспомогательных помещений. Нет ограды из колючей проволоки, нет вышек с часовыми.

Рано утром строят бригаду с ручными пилами, наточенными еще ночью. До рабочего участка надо идти по снежной тропинке километров пять, а иногда и много больше. Нас ждут там обреченные лиственницы.

Передовые заготовители леса, выполняющие норму, выбирают участок, точно обозначая, каким деревом он будет начинаться, каким — кончаться. Надо засветло поставить восемь кубометров двухметровой древесины. Это высшая норма на двоих. Те, кто регулярно ее выполняет, имеют право уходить в барак без сдачи работы бригадиру, без конвоя. Поэтому надо иметь наметанный глаз. Свыше нормы — работа излишняя, но на выработанном участке нельзя оставлять неспиленного дерева, в то же время нехватка одного дерева — большая неприятность, тащить его придется издалека, по глубокому снегу. Работа тяжелая — деревья сбежистые [11], снег глубокий (пилить надо под корень), и еще надо собрать сучья и сжечь их. Одежда малоподходящая — ватники, они быстро рвутся о сучки.

Зато в 15–16 часов — уже в бараке. Тепло, чисто, хорошее питание, право на получение денег — это по лишнему килограмму хлеба в день. Далеко не все были способны выполнять такую норму и быстро становились доходягами. На лесоповале они больше сидели у костра и дремали, чем работали. Для них — штрафное рабочее время, в которое они также кантуются [12]. Бригадир, десятник и охрана могут заставить их отбывать лишнее время в лесу, но не могут вынуждать их работать. Паек у них и без того уже штрафной — что с них взять? Часть ночи они не спят — чинят нам одежду, уже за наши деньги. Вот такой симбиоз: одни напряженно работают, другие дремлют на лесоповале, а ночью обслуживают нас — пильщиков, и все как-то сосуще-

[11] Невысокие, но толстые внизу.

[12] Кантоваться — лагерный термин, означающий, что заключенный только делает вид, что работает.

ствуют. Самоорганизация – она возникает в любой обстановке.

Лес на склонах колымских сопок чарует своей первозданностью. Здесь не ступала нога человеческая. Все заснежено. Снег удивительной чистоты. Глубокий — метр, полтора и больше. Раз как-то я провалился с головой в засыпанную снегом расщелину скал. Тайга живет своей жизнью: следы зайцев на снегу, бурундуки на стволах деревьев (многие погибают в расщелинах коры), белки, летяги, иногда — горностаи. Лесной пейзаж меняется за уступами скалистых отрогов. Вот вдруг и кладбище лесное — засохшие высокие лиственницы серебристо-серой окраски с сучьями, как с распростертыми руками. Они не падают, не гниют — так и стоят, как мертвые стражи здешних мест. А если пурга, то на несколько дней. Заметает все дороги, сбивает с ног идущих, вот где «на ногах не стоит человек». Сила удивительная — мощь океанского шторма. Соседнее Охотское море — море, открытое всем ветрам океана, почему-то названного Великим, или Тихим. Где же его тишина?

А ранней весной снег блестит отраженным солнечным светом с ослепительной яркостью. Без защитных очков достаточно одного дня, чтобы ослепнуть навсегда. Днем можно загорать без рубашки, а чуть стемнеет — температура падает до $-30°C$ и ниже.

Я любил ходить зимой лесными тропами. Отдаешься целиком природе. Сначала сквозь созерцание ее вспоминаешь прошлое — радостное, навсегда ушедшее; потом вспыхивают мечты о будущем, а затем переходишь в состояние радостного безразличия — слияния со свободной природой. Забывается прошлое, теряется будущее, остается замедленное дыхание природы, смена ее красок. Ты погружен в нее. И только.

Человек перерождается в этих снеговых просторах. Исчезла на годы привычная мне интеллектуальная жизнь. Исчез секс — так, как будто это было когда-то давно — как наваждение. Невольно я вспоминал «Метаморфозы» Апулея. Вот и со мной произошла метаморфоза, правда, несколько иная, чем там. Жизнь вне куль-

туры, вне ее забот — это странно для человека моего стиля жизни. Осталась одна *Забота* — выжить среди обреченных, пройти сквозь горе насильственной смерти, поддержать их словом утешения и услышать их последнее слово. Помню, как сейчас, умирание подружившегося со мной астронома из Алма-Аты. Вот он еще недавно говорил мне: «А как же теперь? Ведь пальцы на ногах отморожены, а я был такой танцор...» А потом: «Вася, прощай. Я ухожу далеко-далеко, к звездам».

Но вернемся к весенней Колыме. С первых же дней яркого солнца в организме срабатывает какой-то механизм, требующий остановиться. И мы — лучшие пильщики ложимся на кучу хвороста и спим. И никто поднять нас не может, и даже угроза перевести на штрафной паек не действует. Да, прошла зима, когда организм, чтобы выжить, брал взаймы у самого себя. Теперь надо долг отдавать. Вот и все объяснение.

А вечерами, когда холодало, разводили костры. Собирались вокруг них пильщики леса, и начинались рассказы. Рассказы о прожитой жизни, о сделанных ошибках. Сколько судеб прошло перед моими глазами!

И «домой» идти было тяжко. Сразу же опять одолевал сон. Я научился спать даже на ходу, идя в ногу с впереди идущим [13].

Здесь хочется отметить, что в лагерях выживали только те, кто мог спать где угодно и когда угодно. Многие теряли эту способность. По ночам у них возникали галлюцинации: им казалось, что вот где-то лежит хлеб, его надо только найти, и они тщетно его искали или ожидали. Иные шли ночью добровольно на дополнительную ночную работу в кухню. За это отлично кормили. Но потом неизбежно их настигала смерть.

Сновидения играли особую роль. К ним я готовился, в них всматривался, их пытался понять. Они были неразрывно связаны с текущей жизнью. Многие сны предсказывали. Так, скажем, в лесу надо было, не опаздывая, прийти «домой» в день приезда кассира,

[13] Любопытно — спать стоя нельзя, упадешь, а на ходу можно, если идешь в строю, особенно когда по хорошей дороге.

иначе останешься без очередной получки. Другие сны извещали об удаленных событиях. Так я узнал сразу же о смерти отца, о гибели на фронте моего друга. В предсновидческом состоянии я пытался внушить самому себе возможность увидеть положительно значимые образы: идущие часы или васильки — цветы цвета моих глаз. Но долго-долго такие сны упорно не приходили.

И все же я понял, что дневное сознание может задавать вопросы, на которые ответы могут приходить в сновидениях или в минуты пробуждения. Отсюда и пословица: «Утро вечера мудренее». Смысл этой пословицы особенно отчетливо проясняется в критических жизненных ситуациях.

С медитацией я познакомился раньше — еще в годы своего духовного ученичества. Теперь я увидел, как близко медитационное состояние к заранее направляемому сновидческому состоянию. Зимами, возвращаясь «домой» лесной дорогой, я погружался в себя и постепенно сливался с вольной природой: она оздоровляла меня, давала мне силы. Так мог я внутренне выходить из состояния рабства, оставляя его где-то внизу, вне меня. Так же было летом на бутаре в ночные смены. Я входил в медитационное состояние перед восходом солнца. Вот оно засветилось первым лучом там за сопками, еще невидимое. Я жду напряженно, механически выполняя свою работу. Еще мгновение — и блеснул его край над темной скалой, и во мне что-то засветилось — я не чувствую себя больше рабом. А ночные смены осенью: медитация под звездным небом [14]. Никогда раньше я не ощущал себя так близко к Вселенной, как в эти длинные ночи.

И я уже потом понял, что выжить в лагере может только тот, кто не смирился с мыслью о том, что он стал, как это ему внушали, сталинским рабом.

Но вот кончилась ранняя весна. Прошла безудержная усталость. За это время леса превратились в боло-

[14] Работая в дневных сменах, мы видели звездное небо, ложась спать. Брезентовые крыши наших бараков прогорали дырами от печных искр. И мы, засыпая, ощущали безбрежное звездное небо.

та — везде вода, вода... и нескончаемое количество комаров. Накомарники плохо помогали, да и работать в них тяжело. А на открытом воздухе нельзя даже спокойно пообедать. Горячая миска с супом мгновенно наполняется тучей падающих в нее комаров, обжегшихся суповым паром.

Лето. Меня опять переводят в забой — на бутару.

Так тянутся однообразные годы, начиная с весны 1938 до осени 1941 года.

Узнаем о войне. Потрясение, по-разному истолковываемое. Для одних — совершенно неожиданное событие. Для других, понимающих,— естественное следствие. У тех, кто за колючей проволокой, патриотизм хотя и вспыхивал, но редко. Люди в лагерях все же лучше понимали ход событий и осознавали ответственность тех, кто так нелепо и преступно затягивал страну в омут трагических злоключений.

Ужесточился режим. Указ: никого не освобождать до конца войны, а у меня срок кончался в октябре 1941 года. Так все надежды на день освобождения рухнули. Опять беспросветным становилось будущее. Опускались руки.

И вдруг мы начали ощущать близость Америки. Появилась новая техника на забоях рабского труда. Поразили своим добротным видом машины «студебеккеры» — не чета нашим хилым ЗИЛам. Появились (впервые!) бульдозеры и экскаваторы нового типа. Кажется, и начальству стало ясно, что бульдозер — выгоднее, проще, дешевле, чем каторжный труд беспомощных, в большинстве своем голодных, изнуренных людей, которых надо еще охранять, кормить, лечить, хоронить.

Появилось американское питание. Пшеничный хлеб — он только раздражал работяг. В черном хлебе есть какая-то тяжеловесная добротность, соотнесенная с тяжелой физической работой. В белом — какая-то ненужная праздность. Проглотил такую пайку, и только еще больше захотелось есть.

3. Оротуканский завод горного оборудования

В октябре 41-го я иду, мрачно опустив голову, в Оротуканской зоне. Вдруг знакомый голос:

— Вася, ты что?

Объясняю.

— Да что ты?! Завтра же тебя вызовут на завод.

— Зачем?

— В лабораторию. Ты разве не знаешь, что в этаких-то условиях строится мартеновская печь. Крайне нужны умные и инициативные люди.

— Первый раз слышу.

— А я, знаешь, оставлен был в Магадане. Получил, в благодарность за работу, еще 5 лет лагерей. А теперь проектирую мартеновскую печь в необычных условиях.

На другой день вечером окрик:

— Налимов!

— Василий Васильевич, 1910 года, ст. 58, § 10-11, 5 лет.

— На вахту. С вещами. На выход.

Итак, я в лаборатории на Оротуканском заводе горного оборудования. Опять не барак, а общежитие с человеческими постелями. Хорошее питание.

Коллеги по лаборатории сначала встретили меня настороженно. Но вскоре все стало на свои места. Они поверили в мою честность и поняли, что я очень нужен для работы лаборатории. Это поняло и начальство [15].

Режим у нас оказался вольный -ведь в наших руках был спирт, денатурат («голубая ночь») и даже никотин. Утром в понедельник страж приходит и спрашивает:

---

[15] Директором завода был Каралефтеров, грек по национальности, который прошел сквозь лагерный строй по ст. 58. А его директорство поддерживалось прошлым знакомством со знаменитым Никишевым — «властителем» Колымы. Директор был добросердечен и очень вспыльчив. Его звали Папа-зверь. Он меня и освободил из лагеря в 1943 г. Без его ходатайства мне бы так и оставаться заключенным, хотя мой срок кончился еще осенью 1941 г. Я ему крайне нужен был как заведующий лабораторией.

– Ну, а как, опохмелиться можно?

А как же!

Мы за зону выходили без пропусков — за грибами, или за ягодами, или просто погулять. Особенно летом и ранней осенью.

Жаркие, как на юге, дни. А если дожди, то муссонного характера. Четыре дня без перерыва, как из ведра. Там — в забоях — тачки всплывают. В бараках палаточного типа (с брезентовым покрытием) все промокает насквозь. Пытаться что-либо высушить — безнадежно. Иногда бывают спаренные — восьмидневные — дожди. Раз я был свидетелем строенного периода. Это был настоящий потоп. Выхожу посмотреть и вижу чудо: из знакомой моему взору сопки наверху бьет мощный фонтан. Горная и без того быстрая река взбесилась — по ней плывут ящики с продуктами из размытых складов. Взять бы – да как?

Ранняя осень. Лиственницы желтеют, а на земле все в ярких багряных тонах. Грибы за минуты набираешь ведро. Брусника. Сплошной алый брусничник. Ее можно собирать пальчиковым совком прямо в ведра и хранить всю зиму. На склонах еще гонобобель (крупная голубика). Из нее можно делать фруктовое вино от него не хмелеют, но ноги временно парализуются (трезвый по виду человек, а встать с места не может).

Да, вот такой, яркой и не приручeнной еще человеком, открылась мне Колыма, когда я увидел ее в полусвободном состоянии, выходя хоть на время за забор из колючей проволоки.

Мне сейчас на память приходит стихотворение неизвестного мне автора. Оно появилось у нас неожиданно. Моя жена в 1992 году, знакомясь с моим архивным Делом, регулярно посещала Министерство безопасности России по адресу: Кузнецкий мост, 22, где в маленькой, тесной и весьма неудобной комнате родственники реабилитированных читали истории страданий и гибели своих близких. В один из дней она увидела там Калинину Нелли Константиновну, которая знакомилась

с Делом своего отца — расстрелянного авиаконструктора. Листая страницы, она не могла сдержать слезы: «Я все эти годы плачу о нем». Она показывала фотографии отца — такого молодого и красивого, столь любимого в семье. А однажды принесла стихи Александра Солодовникова (1883—1974), проведшего на Колыме долгие годы.

Мне хочется привести здесь полностью эту безмолвную беседу с Небом, которая и для меня была так значима и значительна среди колымской ночи:

Свершает ночь свое Богослуженье,
Мерцая движется созвездий крестный ход.
По храму неба странное движенье
Одной струей торжественно течет.
Едва свилась закатная завеса,
Пошли огни, которым нет числа:
Крест Лебедя, светильник Геркулеса,
Тройной огонь созвездия Орла.
Прекрасной Веги нежная лампада,
Кассиопеи знак, а вслед за ней —
Снопом свечей горящие Плеяды,
Пегас и Андромеда и Персей.

Это ночное стояние под Небом и пред Небом превозмогало биографический катаклизм, возвращало Смысл и наделяло Силой.

Глава X

КОЛЫМА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

1. Заведующий лабораторией

В лаборатории моя значимость стала быстро нарастать. Скоро стало ясно, что я являюсь фактическим заведующим. Мне приходилось принимать ответственные решения в области химии, металлургии, металловедения и давать по ним обоснования. Из-за отсутствия нужных материалов и оборудования приходилось придумывать, выворачиваясь наизнанку, новые пути решения задач, обусловленных нехватками военного времени. Часто решения были рискованными — за серьезную ошибку мог быть расстрел. Но ведь приходилось что-то делать. Всегда надо было, как могу, давать положительный ответ. Даже по мартеновской печи мне пришлось все перерассчитывать самому: специалисты-металлурги спасовали — лагерь у многих отшиб сообразительность. Главный инженер завода во всех спорных вопросах принимал мою сторону, постоянно говоря:

— А у нас наука есть. Будем ее слушаться.

И вот осенью 1943 года Папа-зверь пишет докладную записку «наверх» с просьбой освободить меня в силу крайней необходимости: нужен заведующий лабораторией.

В это время я лежал в больнице. У меня началась ужасная малярия после того, как я получил телеграмму о гибели на войне моего ближайшего друга Пети Лапшина. Никакие лекарства не действовали.

О докладной записке я знал и с напряжением ждал ответа. И вот удивительная ночь. Мне снятся какие-то чудовища. Я сопротивляюсь, пытаюсь вырваться из их безобразных лап-щупалец, но напрасно. И в то же время я понимаю, что это только сон. И не могу выйти из этого сна. Не хватает сил — они спутали меня всего. Наконец засыпаю.

Утром меня будит врач — вольнонаемная, сердечно относящаяся ко мне женщина — и говорит:

— Пришло. Сейчас вызовут.

Но вот проходит день, а вызова все нет и нет. Под вечер она прибегает взволнованная:

— Все. Наконец сейчас вызовут.

— В чем же дело?

— Утром, перед получением приказа об освобождении, в Магадан была отправлена справка о том, что ты умер. Не знали, как быть.

Действительно, вызывают. Я освобожден, без права выезда с Колымы до окончания войны.

Свобода! Как много значит это слово. Хотя по здешней терминологии я просто становлюсь «вольняшкой».

Иду ночевать в лабораторию.

Утром мне приносят приказ о назначении заведующим лабораторией, дают ордер на получение хорошего гражданского костюма, литерную продуктовую карточку первого разряда и ордер на проживание в доме за зоной.

Неожиданно появляется парикмахер. Спрашиваю:

— Зачем?

— А как же, теперь я должен приходить вас стричь и брить отдельно.

— Но мне это господское поведение ни к чему.

Вот так проявляла себя евразийская феодальность даже в военное время, даже в лагерном соседстве.

Горизонт моей деятельности теперь расширился.

На меня были возложены и выезды на внешние экспертизы. Однажды мне пришлось быть членом комиссии по обследованию состояния паровой турбины, снабжающей электроэнергией большой район. Турбина

была сильно изношена — она была изготовлена в Швейцарии еще в 1912 году. Если продолжать эксплуатацию старой турбины, то возможен взрыв и тогда — хоронить многих. Если остановить, то большой район останется без электричества.

Так сложилось, что решающее слово было за мной.

Помню, собрался политический совет — десяток генералов и офицеров МВД разного ранга. Атмосфера накаленная. Ждут, что скажет бывший заключенный от имени науки:

— Разрешаю эксплуатацию, при условии, что через год будет повторный осмотр.

Все вздохнули с облегчением ответственность полностью на мне.

И еще один относящийся сюда любопытный эпизод. Нужно менять подшипник — не шариковый, а литой — оловянный. Тревога по лагерям — найти мастера. Нашли — кого угодно можно было найти. Привозят — доходяга умирающий, на ногах еле стоит. Приказ врачам: поставить на ноги, осторожно. И с первого же захода подшипник удался — вот вам и русский умелей в сталинских лагерях.

Запомнилась мне и дорога по зимней тайге: морозище, тишина, все снегом заметено. Дорога еле заметная по обрывистому берегу реки Колымы. Пустынно. Ни одного поселка по дороге, ни одного встречного. Если что с машиной, то конец.

Еще одна примечательная поездка. Кончилась формовочная глина, завезенная еще с материка. Ко мне вопрос: что делать? Выезжаю в горы. Открытая угольная разработка на самом верху высокой сопки. Оттуда удивительный вид — до горизонта тянутся изломанными рядами невысокие, безлесные горы. Весь мир, простирающийся под ногами, представляется всхолмленной горной пустыней, уходящей вдаль, в бескрайность, к концу света.

Рядом с угольным пластом желанная глина - «бентонит». Она выглядит удивительно — как желе на обеденном блюде. Привожу полтонны для испытания. Все отлично. Никто не ожидал, что такое можно найти

в этих краях. Но вот беда — половину привезенного съели доходяги. Еда безопасная, но абсолютно бесполезная. Голод сводил людей с ума, таких примеров было много.

Расширился и горизонт моей внутренней работы. Мне нужно было управлять, лавируя среди смешанного коллектива — вольнонаемных и заключенных, частью которых были «воры в законе». Это означало, что они строго подчинялись своему орденскому уставу.

Много вечеров я провел в беседах с представителями воровского мира. Раньше я относился к ним с ненавистью. Теперь увидел в них людей по-своему честных, умеющих держать свое слово, но в то же время искалеченных морально. Они были своеобразными диссидентами, не принимающими то, что происходило. Борьба была объявлена не государству, не правящей партии, а всему обществу.

Общество, конечно, несло ответственность за все происходившее. Но несло в разной степени. Вина общества не давала им права паразитировать на нем, тем более терроризировать его.

Но они тоже были люди. Тоже страдали, а страдание искупает. Страдали, оказавшись под бременем безумной идеологии, выбранной и отработанной самим обществом. Я понял на их примере, что идеология — любая,— будучи отшлифованной и отточенной, обретает власть, часто деспотическую даже по отношению к своим же приверженцам. Это то, что я сумел разглядеть с позиций анархизма. Позднее это же я увидел в науке [1], философии, в церковной идеологии, в мире искусства. И главный тиран нашей страны был страшен прежде всего тем, что он олицетворял постреволюционную идеологию, взращенную на революционной свободе.

Как легко любая серьезная мысль, любое движение обращается в идеологию! Может быть, это самая главная опасность в развитии культуры. Чем сложнее, на-

[1] Мне стала понятна проповедь анархизма в науке, развиваемая П. Фейерабендом [1986].

сыщеннее становится культура, тем больше опасность ее идеологизации. Это надо помнить. Это обычно хорошо понимает молодежь. Она часто бездумно начинает протестовать против самой культуры, создававшейся отцами и матерями. Не то ли происходит сейчас в нашей стране, да и во всем мире, когда звучит «музыка металлистов» и мечется танец освобождающегося от культуры обезумевшего тела. Протест!

Субкультура «воров в законе» интересна для изучения тем, что она откровенно выражена, отчетливо ритуализирована, подчас анекдотична и в то же время трагична. Вот несколько примеров.

1. Я стал уважаемым в этом странном для меня мире. Мои приказы беспрекословно выполняются. Меня предупреждают об опасностях. Я, привыкший тщательно хранить деньги, теперь их оставляю валяющимися на столе. Никто не тронет. Иначе будет сурово наказан без моего ведома.

2. Вот одно из распоряжений. Говорю дневальному из блатных:

— Где твой ремень? С тебя штаны падают. Неприлично, здесь женщины.

— Не могу носить ремень.

— Почему?

— Буду похож на мильтона.

— Но надень хоть фартук резиновый. У тебя дыры на штанах от кислот.

— Не могу. Я же всем говорю, что у тебя здесь «кантуюсь», а не работаю.

Какое здесь презрение к труду! Труд, всякий труд, рассматривался как рабский.

3. Узнаю, что одной моей сотруднице, жене высокопоставленного и к тому же партийного деятеля, «блатарь» сказал:

— Будешь моей. Иначе убью.

Она поняла, что это значит, и сделала соответствующий вывод. Видимо, и муж ее понял, что словами в том сложном мире не бросаются. Равновесие между «ворами в законе» и партийными руководителями было шат-

ким. Одну из моих сотрудниц все же убили безнаказанно, когда она была в другом поселке.

4. Лаборатория имела филиал круглосуточной работы у мартеновской печи. Работа там стандартная. Выполняли ее жены начальников, обученные мною. Они вели себя как важные персоны, нарушая дисциплину, а отвечать — мне. Иду к директору — советоваться:

— Это твое дело. Тебе за них отвечать.

— Тогда подпиши приказ о назначении моим заместителем лаборанта из блатарей.

— Понял. Подпишу.

И порядок мгновенно установился. Он бил их наотмашь по физиономии за нарушения порядка. А когда они приходили домой, то мужья добавляли, полагая, что это результат незаконного флирта. И все, конечно, молчали. Порядок восстановился.

Да, работать с вольнонаемными тоже было непросто. Такова была атмосфера полувольной-полулагерной казармы, где жизнь прорывалась уродливо сквозь суровую дисциплину, как некоторые растения прорываются сквозь камни мощеной мостовой.

Вот пример.

Раз на заводском дворе встречаю начальника отдела кадров:

— Мне донесли, что у тебя сегодня одна б... не вышла в ночную. Устному заявлению хода не дам. А если будет письменное, то держись. Пойдешь под суд за укрывательство прогула в военное время.

Вызываю:

— Пиши заявление о переходе на работу к тому, с кем ночь провела.

И еще пример. Присылают мне как-то вольнонаемного партийного химика, только что прибывшего с «материка». Алкоголик безнадежный. За его работу и поведение опять отвечать мне. Иду к директору. Он мне в ответ:

— Это твое дело принимать решения. За это тебе деньги платят.

Пишу рапорт по начальству, где говорю, что у меня есть очень талантливый работник. Надо бы его повы-

сить — назначить заведующим небольшой лабораторией. Сработало.

Через некоторое время ко мне приходит здоровенный мужчина, начальник одной из колымских служб. Представляется и говорит:

— Спирт есть?

— Конечно.

— Полстакана.

Потом:

— Счастливый ты человек.

— Чем?

— Что нашлось полстакана. А иначе я разнес бы тебя вдребезги.

За того химика.

— А как бы ты поступил на моем месте?

— Если бы сообразил, то так же.

Вот так и действовали, не имея права увольнять, тем более члена партии. Система всегда самоорганизуется, и канатоходец знает, какой танец он должен исполнять на канате.

Особенно обостренной была проблема секса. Мужчин было во много раз больше, чем женщин. Это обстоятельство создавало напряженность и беспокойство не только среди мужчин, но и среди женщин, перед которыми открывались новые невиданные возможности. Постоянно были убийства на почве ревности. Помню, как один мой хороший знакомый — врач, серьезный человек — сетовал:

— Я чуть не убил человека. До сих пор не могу избавиться от этого кошмара.

А вот эпизод в моей лаборатории. Прихожу как-то поздно вечером проверить экспресс-лабораторию. Там лаборант, в возбужденном состоянии, просит:

— Замени меня на 20 минут — сбегаю домой к жене. Проверить.

Я понимаю, в чем дело, и отвечаю:

— Не вздумай уйти. Отдам под суд.

А потом разговариваю с ней:

— Ну если тебе невмоготу, то разведись с ним.

— А чем лучше будет другой? Вот когда я знаю, что

ко мне кто-то с топором ворваться может, тогда только и живу. Такая уж я есть — что поделать.

А меня вызывают в управление заводом — будет убийство, ты пойдешь свидетелем, что с твоей биографией вовсе не желательно.

И вот новое событие: к нам присылают с «материка» около 300 заключенных девушек, в возрасте 16—18 лет. Там их мобилизовали работать на заводах, а они сбежали к мамам. За что и срок. Ну и началось: на них набросились и обеспеченные заключенные, и вольнонаемные, и охрана. А они не возражали, охотно шли всем навстречу. Дым коромыслом. У меня в кладовой все стеклянные трубки на полке побили подавили. Мне отковали ключ полуметровой длины. Не помогло. Видимо, сразу отковали несколько и для себя.

Вместо этого женского батальона у нас сняли соответственное количество мужчин и отправили на прииски — в забой [2]. Нам приказ: обучать женщин тяжелой мужской работе. И я у себя в лаборатории обучал девушку слесарному ремеслу, сам его не зная. Ничего — получилось.

А вот и судебное дело: охранник застрелил трех заключенных из ревности. Его спрашивают:

— Раньше убивал заключенных?

— А как же. Вот пять благодарностей за убийства при попытке к бегству [3]. А теперь почему вы меня судите?

— Да, мы видим, что опыт у тебя большой. Сейчас в соответствии с законом получишь срок.

---

[2] Из моей лаборатории забрали слесаря Адольфа Джерина, в прошлом кочегара Балтийского флота. Он относился ко мне поотцовски и, хорошо зная жизнь, давал всегда дельные советы и утешал в неудачах. Не сумел его отстоять. Предлагал должное количество спирта — не помогло. Погиб он там, кажется мне. Я никогда не забываю о нем.

[3] Некоторые отчаявшиеся пытались бежать. Их легко выслеживали с собаками и расстреливали на месте, получая за это благодарность. В акт записывалось: «Убиты при попытке к бегству». Иногда у совестливых охранников наказание ограничивалось зверским избиением. Когда началась война, ситуация изменилась — очень сильно ощущалась нехватка рабочей силы.

Но вот прошло несколько месяцев, и почти все недавно привезенные женщины забеременели[4]: Кому работать на тяжелой работе? Что делать с их младенцами? Детского питания не было заготовлено.

Я пытался понять — почему в тоталитарной административно-командной системе столько идиотизма. Все было настолько нелепо, что разумного ответа нет. Идиотизм носил характер ментальной эпидемии.

2. Приезд жены

Но время шло своим чередом. Осенью 1944 года по моему вызову приезжает из Москвы Ирина Владимировна Усова. Она становится первой моей женой. Наши романтические отношения начали складываться еще до ареста. В вечер ареста я вернулся из Консерватории, где мы были вместе, и билет еще до сих пор сохранился — такова ирония судьбы. Позднее она мне писала в лагерь, посылала посылки. Это согревало душу. Ниточка не порвалась окончательно. Кто-то был дорог мне, кому-то был дорог я. Все остальные близкие мне люди погибли — кто-то был расстрелян, кто-то погиб в лагере или тюрьме, кто-то убит на войне. Ураган прошел по стране, все разметал и уничтожил — не только людей, но и культуру, в которой я вырос.

Ирина Владимировна оказалась обломком от кораблекрушения, как, впрочем, и я. Правда, затонувшие корабли изначально были разными.

Она происходила из небогатого помещичьего дома Курской губернии. Ее отец, агроном-энтузиаст, пытавшийся ввести западный стиль хозяйствования, умер, не выдержав разрушения всего того, что он создавал с любовью. Ее брат был расстрелян при сдаче колчаковской армии. Остались в живых: ее сестра-переводчица

[4] Ранее на Колыме мужской и женский контингенты заключенных нигде не смешивались.

и мать, окончившая Институт благородных девиц и позднее — Брюсовские курсы поэтического перевода.

Ирина Владимировна не получила высшего образования: ее упорно не принимали в университет — не то происхождение. Работала она то библиотекарем, то лаборантом-микологом и, наконец, после окончания соответствующих курсов — лесопатологом. Эта специальность давала ей возможность работать в лесах всей нашей страны. И война ее застала у закарпатской границы: она бежала из-под бомбежки.

Но настоящим ее призванием была все же поэзия. Она знала ее, любила и сама писала стихи. Вскоре после моего ареста ее семья познакомилась с поэтом Даниилом Андреевым[5]. Какое это было счастье быть близко знакомым с последним, кажется, русским поэтом, наследником поэтического духа Гумилева, Блока и Волошина. И каким несчастьем обернулось знакомство с последним поэтом почти для всех, читавших его произведения. Но об этом потом.

Наше совместное проживание превратилось в отдельный островок, отколовшийся от прошлого, ушедшего навсегда. И язык нам пришлось изменить на французский — нас подслушивали. Она не принимала абсолютно ничего большевистского. Отказалась иметь детей!

— Родить раба для партии — никогда!

Может быть, из-за этого позднее испортились наши отношения. Перед смертью она сказала, что глубоко раскаивается в этом решении. Но решение было принято. Подспудно, может быть, оно диктовалось еще и страхом перед будущим. Второй арест предчувствовался, хотя верить в это не хотелось.

Но время шло.

Вдруг меня вызывают.

— Получены сведения о том, что в США проектируется локомотив, который будет двигаться без обычного топлива. Что это такое?

---

[5] Автором широко известного теперь произведения Роза мира. Он считал эту работу главным делом своей жизни. Хотя для меня он прежде всего поэт.

— Урановый реактор.

— Опять все знаешь, а ведь строго секретное сообщение. Так вот приказано организовать геологическую разведку на уран. А у нас и образца нет, и никто не умеет работать с урановым материалом.

— Есть урановый препарат во всех фотолабораториях.

— Опять знаешь. Сейчас с нарочным все соберут.

Итак, меня переводят в Магадан, в лабораторию Главного геологоразведывательного управления. Надо срочно готовить оборудование, обучать геологов. Все срочно. Геологоразведочные партии надо было высадить до таяния снегов.

И тут очередное чисто колымское событие: пропадают с секретного склада секундомеры, предназначенные для счетчиков Гейгера. Вызывают:

— Пропали секундомеры. Знали о них только ты и кладовщик. Политическая диверсия.

— Не диверсия, а обычное воровство.

— У тебя нет политического чутья.

— Нет и не было. Искать надо, а не политизировать простое воровство.

Посылаю вечером своих ребят пойти посмотреть, что делается в конструкторских бюро. Сообщают: в массовом масштабе вычерчивают циферблаты для стандартных карманных часов. Ясно — украденные секундомеры решили переделать в часы, очень дефицитные по тому времени. Дело с «диверсией» было погашено без огласки.

Здесь хочется сказать несколько слов о Магадане. Его океанский климат поразил меня. Зима сравнительно мягкая, а лето суровое. На лиственницах зелень появляется только в конце мая. В солнечный весенний день утром выходишь тепло одетым. Пройдешь немного, и вдруг тебе навстречу движется полоса густого холодного тумана. Когда разыграются порывы ветра, то женщины на улице стоят на четвереньках, держась за невысокие ограды газонов.

Жизнь носила островной характер. В мае все ждали

с нетерпением начала навигации — прихода первого корабля: это письма, посылки, новые люди, новости. Если что случалось в пути, то в тревоге были все. О приходе и отходе парохода радио сообщает на весь город.

Весной все ждут, когда начнется лов сельдей, охота на нерпу. Наступает, наконец, день, когда все готовят селедку. Весь город погружается в запах рыбы. Через несколько дней этот запах становится невыносимым. А уж что говорить о нерпе! Кто-то, правда, ухитрялся есть ее толстое сало.

А на берегу холодного моря далекие отливы. Под ногами все богатство морского дна. Когда идешь по нему, оно реагирует на каждый шаг — брызжет, щелкает — как-то особенно на морском языке говорит это живое сообщество... И стаи громадных черных птиц, высматривающих добычу.

Отмечу здесь, что этот край после окончания войны готовился к экономическому расцвету. Нас, умеющих думать, вызывали в Магадан на ночные совещания. Мы готовили проекты, в которых большое участие отводилось США. И вот неожиданность — знаменитая речь Уинстона Черчилля в Фултоне в 1946 году, и все остановилось, отменилось. Так было положено начало «холодной войне».

И все же летом 1947 года нам удалось получить разрешение на выезд с Колымы. Официальным поводом было то, что у жены начала угрожающе развиваться базедова болезнь. Однако этого еще было недостаточно. Я выбрал момент, когда властителя Колымы Никишева замещал Цареградский — главный геолог этих мест и генерал по Министерству внутренних дел. У меня с ним были хорошие отношения. Он проявил интеллигентность, отпустив меня, хотя я ему был явно нужен.

Стоя на палубе, я прощался со скалистыми берегами бухты Нагаевой Охотского моря. Это были ворота, за которыми я прожил почти десять лет. Здесь я созрел, окреп в борьбе за право жить. Здесь я оставил навсегда близких мне друзей.

Предстояло новое, непредсказуемое. Где будет протянут канат? Какой танец я буду исполнять теперь? К чему готовит меня моя карма?

Литература

Фейерабенд П. **Избранные труды по методологии науки.** М.: Прогресс, 1986, 544 с.

Глава XI

ПОСТКОЛЫМСКИЕ СКИТАНИЯ

(И снова встреча с органами безопасности)

О триумфах, иллюминациях, гекатомбах [1],
Об овациях всенародному палачу,
О погибших и погибающих в катакомбах
Нержавеющий и незыблемый стих ищу.
Не подскажут мне закатившиеся эпохи
Злу всемирному соответствующий размер,
Не помогут во всеохватывающем вздохе
Ритмом выразить величайшую из химер.

1951

Д. Андреев. Гипер-пеон
[Андреев, 1989, с. 124]

1. Москва во мраке

Наконец-то после двухнедельного пути поезд приходит в Москву. Нас встречает Татьяна Владимировна — сестра жены. Сообщает:

— Даниил Андреев арестован. Идут аресты в кругу его знакомых.

Радостное ожидание встречи с Москвой сразу омрачается.

Новые испытания. Переживет ли арест Даня? Переживут ли окружавшие его люди? Будет ли арестована моя жена? Что ждет меня? Мне надо было прожить некоторое время в Москве на нелегальном положении (паспорт с ограничениями), чтобы отыскать работу

[1] Гекатомба — большое жертвоприношение, массовое убийство людей.

там, где можно жить и с дефектным документом[2]. Теперь все осложняется — я оказываюсь под двойной угрозой.

На поиск работы ушло два месяца. Это естественно — подходящую для меня интеллектуальную работу легко было найти только в большом городе, а там трудность с пропиской, к тому же список режимных городов засекречен. И еще возможно сопротивление со стороны секретарей партийных организаций.

Мне приходилось ночевать в разных знакомых мне домах, чтобы не примелькаться соседям. Приглашавшие меня люди знали, что идут на риск, но делали это добровольно, желая помочь.

И на московских улицах тоже приходилось быть настороже. Одетым следовало быть по-московски — в потертой, но добротной (в прошлом) одежде, с затасканным, но хорошим (в прошлом) портфелем. На лице должна была сиять радостная улыбка, свидетельствующая о том, что человек всем доволен и ни от кого не скрывается. И все же дважды я попадал в неприятные ситуации.

Однажды поднимаюсь по лестнице метро «Киевская». Передо мной какая-то пара. И вдруг она поворачивается и бьет его по физиономии. И тут, как нарочно, оказывается страж порядка. Он хватает меня за рукав, чтобы тащить в милицию как свидетеля. Только этого мне не хватало. С силой вырываюсь, выкрикивая что-то в оправдание.

---

[2] Вот один из эпизодов. Меня готов был взять на работу академик Г. А. Шайн — директор Симеизской обсерватории в Крыму. Но воспротивился секретарь партийной организации А. Б. Северный (в будущем - академик). Шайн получил от начальника крымского МВД разрешение на прописку (правда, с оговоркой, что за будущее не ручается). Шайн пытался обойти конфликт с Северным, обратился непосредственно к Президенту АН СССР С. И. Вавилову с просьбой принять меня на работу приказом по академии. Вавилов отказался, ссылаясь на недемократичность, на что Шайн ответил, что он и так знает, кого принимает. На этом все кончилось.

Позднее я как-то оказался в поезде в одном купе с Северным. Разговор с ним не состоялся. Но в его поведении почувствовалась нервная напряженность. Как он оценил свой прежний рабский поступок?

Другой раз — стою в очереди у телефона-автомата на Никитской площади. Знакомый голос окликает меня. Узнаю В. А. Ефремовича, проводившего еще в мои университетские годы занятия по аналитической геометрии и топологии. Во всеуслышание он говорит мне:

Василий Васильевич, а я тоже был в лагере [3].

Очередь мгновенно рассеялась. Нас испугались, как зачумленных. С ночлегом я также как-то раз попал впросак. Остался у жены. И вдруг в начале ночи звонок в дверь. Входят двое в форме и еще один. Понимаю: пришли арестовывать Татьяну Владимировну — сестру жены. Она была на даче, но обыск все равно провели. На мой дефектный паспорт не обратили внимания — это дело не их епархии, а милиции — рангом ниже. Обыск был проведен вежливо. Когда младший из них нашел серебряные ложки, оставшиеся еще от помещичьей усадьбы, то старший сказал — «оставить».

Позднее Татьяна Владимировна получила десять лет лагерей за знакомство с Даниилом Андреевым. Для нее это был двойной удар. Она еще после окончания войны [4] ждала Даню как будущего мужа. И вдруг все рухнуло в один день. Другая женщина неожиданно оказалась избранницей. Несостоявшийся долгожданный брак, а потом еще и арест из-за бросившего ее человека. Сражена была и ее мать — она мечтала увидеть свою любимую дочь замужем за поэтом. Настоящим поэтом. Поэтом милостью Божьей. Она не намного пережила случившееся.

---

[3] Он рассказал мне, что в лагере «доходил», т. е. оказался в состоянии полного истощения. Врач предложил ему отдохнуть в психиатрическом отделении. Он с радостью согласился. Все шло хорошо, пока не приехала комиссия. Всех, кроме него, признали сумасшедшими и подлежащими освобождению. В Москву послали запрос: как быть с ним? Ответ: раз был в психиатричке, то все равно освободить. Вот он и оказался в Москве. При поддержке профессоров П. С. Александрова и А. Н. Колмогорова стал преподавателем математики в одном из вузов. Вот так — из тюремной психушки прямо на кафедру столичного института.

Всякое могло быть в стране чудес.

[4] Д. Андреев был мобилизован в армию. Участвовал в обороне Ленинграда.

Вскоре после этого события последовал странный телефонный звонок. Незнакомый строгий и властный голос настойчиво требовал Ирину Владимировну (мою жену). Я понял — вызов на допрос, после которого возможен и арест. Сказал, что она куда-то уехала. И действительно, она вскоре уехала в санаторий по путевке, полученной еще из Дальстроя - московского филиала колымской вотчины.

Конечно, Ирину Владимировну в некотором смысле защищало то, что она последние годы не была близка к Даниилу. Но была и страшная улика. Центральным моментом в деле Дани был его неопубликованный роман Странники ночи. Речь в нем шла о мистической организации наших дней. Первая часть романа была посвящена Ирине Владимировне. Криминальной, с позиций органов безопасности, оказалась вторая часть, где в деталях в стиле Достоевского описывалось покушение на Сталина. Получив этот материал, органы ахнули — в их интерпретации это было не художественное произведение, а инструкция к действию.

Такого еще не бывало... И 25 лет политизолятора получает Даня в 1947 году. Из них 10 лет он просидел во Владимирской тюрьме. Вышел оттуда тяжело больным только в 1957 году и через два года умер, сумев за это время восстановить свои стихи [5] и закончить два своих фундаментальных произведения: Роза мира (Метафилософия истории) и Железная мистерия (поэма). Разные сроки получили его друзья за то, что слушали, как он читал свои произведения. По одним источникам (от пострадавших друзей), их было около 100, по другим — много больше. Дело Даниила Андреева до сих пор не подвергнуто критическому ана-

[5] Здесь примечателен один эпизод. Когда его жена пришла к начальнику тюрьмы для оформления документов при освобождении, он ей сказал:

— Возьмите вон там мешок.

— Какой мешок? Зачем?

Берите и убирайтесь.

Так представитель суровой власти спасал достояние нашей культуры. В мешке были записи на обрывках бумаги - в тюрьме Даня восстановил, казалось, напрочь изничтоженное.

лизу, хотя возможности для этого есть. Почему? Что там скрывается?

Но теперь возвратимся к моим делам.

Несмотря на все волнения и напряженность, я пытался понять, что же стало с Москвой. Я бродил по улицам, переулкам, площадям. Все знакомо, все как было прежде, как я помню. Но опустел дорогой моему сердцу город. Нет знакомых, дорогих мне людей ни в квартирах, ни в научных учреждениях, ни в театрах. А если кто и есть, то они теперь уже не те.

Над всем городом распростерлась тоска, уныние.

Если действительно это осознали посвященные в великую тайну будущего, то уместно прозвучат здесь слова Даниила Андреева [Андреев, 1990], написанные в камере Владимирской тюрьмы в первой половине 50-х.

ПОСВЯЩАЮЩИЙ К *ПОСВЯЩАЕМОМУ*

Но знай: радушьем этот век
Нас не встречает у порога:
К кострам сирот, бродяг, калек
Сперва скользнет твоя дорога.
Казнен изгнаньем, как Адам,
Клеймен судом, как лютый Каин,
Пойдешь по мертвым городам
Скорбеть у выжженных окраин.
Сольются искры душ кругом
В безбрежном зареве страданий;
Им будет чужд и дик псалом
Твоих безумных упований.
Ты, как юродивый, молясь,
Бросаться станешь в пыль дороги,
Чтоб хоть земля отозвалась
На миф о демонах и Боге!

НЕИЗВЕСТНЫЙ, ТЕПЕРЬ — ЭККЛЕЗИАСТ[6]

Ведь наград не ищу я
По излучинам ночи:
Знаю, действую, чаю —
И не властен иначе.

(с. 198)

[6] Экклезиаст (*греч.*) — проповедник.

И если это так, то понятным становится услышанный мною однажды грубоватый «философский» диалог:

– Осволочилась жизнь.

— Ну и что?

— Кому что, а мне ничто.

— Говоришь, осволочилась. А дальше что?

— Ничто.

А что в ничто?

— В ничто — ничто: ни очередей, ни сволочей.

Это – без поэзии. Но с поэзией, по-моему, «грустней и зорче» (как у М. Волошина), превращение «звука в луч» (как у Н. Гумилева).

А что же я увидел в науке? Позднее при встрече с учеными (и прежде всего с академиком А. Н. Колмогоровым — представителем вероятностного мышления) увиденное сформулировалось так:

> Молью сильно поеден вероятностный кафтан. Но как прекрасен он на том, кому под стать.
>
> Да, мы знаем, что мир оказался сложнее, чем думалось когда-то. Шипы сложности сильно потрепали кафтан. Но с каким уважением мы относимся к екатерининским вельможам от науки? И как уместен на их кафтане аксиоматический аксельбант.
>
> А что же делать мне? Может, выйти в балагане на канат? Выйти так — сбросив обветшалый кафтан, с узором, нарисованным краской прямо по голому месту.
>
> Смотрите, я исполняю свой танец на канате. И злобно кружится моль – негде дырки проесть.
>
> И все же все оно есть, как есть, и никак иначе. Сгорбленный, грустно выйдет из балагана вельможа в обветшалом, изъеденном молью зипуне.

2. Странствия по стране

Возвращаюсь к текущему ходу событий.

После двухмесячного поиска работы я наконец нашел себе место. Становлюсь начальником геофизического отряда Средневолжского геофизического треста. Работа в Самарской дуге, на берегу Волги, недалеко от

Самары. Чудесное место: всхолмленный берег реки, южные липовые леса; правда, все слегка подпорчено добычей нефти. Моя задача — геофизические замеры, каротаж во вновь разведуемых нефтяных скважинах. Работа однотипная — несподручная.

Меня, правда, почему-то сразу восприняли как теоретика в этой незнакомой мне области и поручили еще и занятия с юными техниками.

Русская природа и щедрая приволжская осень както взбодрили после мрачной Москвы, несмотря на бездорожье здешних мест и ужасные черноземные грязи.

Тут я познакомился с особенностями послевоенного стиля работы. Как-то принимаю инвентарь отряда. Спрашиваю:

— А зачем мне трактора?

— Как же — на чем же за зарплатой будешь ездить?

— Но зачем же два?

— А где запчасти будешь брать?

Аргументация убедительная. А тут еще в районе происходит сдача урожая и у меня отбирают грузовик. Спрашиваю:

— На чем же я буду ездить с аппаратурой на скважину, в случае срочного вызова?

— На пожарной машине. Все договорено.

— А если пожар?

— Черт с ним, пусть горит. Нам приказано помогать уборке.

Опять все убедительно.

В лесах встретился с работниками заготовительной конторы. Заготавливают семена диких яблонь для посадки. Оказывается, что заготавливаются они в вареном состоянии. Их берут у тех, кто готовит повидло из диких яблок.

Говорят, так сподручнее. Если на все смотреть с позиций театра абсурда, то опять же все убедительно.

Прошло чуть больше полугода, и вдруг узнаю: секретный приказ — очистить область от ненадежных элементов. Ибо в случае новой войны самому Генералиссимусу уготовано безопасное место именно в Самаре. Опять логика абсурда.

Эта логика сработала и против меня. Мне приказано в 48 часов покинуть область. Дорога до Самары только по замерзшей Волге. Лед уже местами потрескался — весна. Колеса машины проваливались в ледовые выбоины. На другой день все же попадаем в Самару. Прощаюсь грустно с коллегами по тресту и уезжаю в Москву, опять искать себе новое место работы.

Снова надо ходить по различным учреждениям и предлагать свои услуги. Опять тайно ночевать в чужих квартирах. У меня уже кончились мои «большие» колымские деньги, приходится продавать через комиссионный свои вещи [7].

Наконец получаю назначение в Алма-Ату в Среднеазиатский географический трест.

Приезжаю. Прихожу на место назначения. Там на меня смотрят удивленными глазами:

- Как, вы ничего не знаете?
- Нет, не знаю.
- И о Роберте не знаете?
- Первый раз слышу.

И вот мне рассказывают о трагическом эпизоде, разыгравшемся на местной сцене театра абсурда.

Роберт был студентом, примечательным лишь тем, что его мать, врач, была известным венерологом города. Ему, естественно, все было дозволено. Ради развлечения он занимался грабежом. Вечером накануне моего приезда «засыпался», пытаясь в центре города отнять часы у какого-то важного лица. Из соответствующего отдела был звонок в МВД:

— Вы что там, спите и не знаете, что делается в городе?

И вот теперь звонок в дверь квартиры. Роберт уже спит. Мать открывает дверь. Входит целая группа сотрудников казахстанского Министерства внутренних дел вместе с заместителем министра. Мать успела крикнуть сыну:

---

[7] Предвидя инфляционный удар – обязательный обмен денег на новые купюры в соотношении 10:1, – я, приехав с Колымы, купил хорошую, но не очень нужную одежду и теперь распродавал ее.

– Пришли. Обороняйся!

Он выхватывает из-под подушки два револьвера и начинает отстреливаться. Всех убивает. Сам тяжело ранен. Убивает и свою раненую мать со словами:

— Тебя все равно убьют, только с мучениями.

В больнице Роберт порвал на себе швы и умер.

Выслушав этот трагический рассказ, я наивно спрашиваю:

– А какое же отношение это имеет ко мне?

– А как же! У вас нет политического чутья.

Итак, моя работа в Алма-Ате не состоялась. Я был направлен в Усть-Каменогорский филиал Геофизического треста. Там мне предстояло наладить спектральный анализ горных пород. Этот вид работы вполне устраивал меня. Здесь можно было «проявлять творческую инициативу».

Понравился мне и город. Тогда Усть-Каменогорск выглядел скорее как большое сибирское село. Немощеные, пыльные улицы. Добротные одноэтажные деревянные дома со ставнями на окнах. По вечерам носятся стаи собак, готовые сбить с ног. Народ замкнутый, нелюдимый. Непросто было снять комнату — все относились с подозрением к пришельцу. Но зато как привлекательны просторные воды Иртыша. Теплые заводи у берегов как будто специально устроены для купания. Щедрый южносибирский базар. Горы и горы арбузов — от этого колымчанин мог обезуметь.

Но вот в начале 1949 года вызывают меня в Алма-Ату для отчета. Это насторожило — какой смысл отчитываться за полугодовую работу?

Делаю отчетный доклад. В деталях описываю все, что сделал. Командировка почему-то задерживается. Наконец вызывает директор треста. Там двое ждут меня. Все ясно.

– Вы арестованы. Ваше оружие, ваши часы.

Часы у меня оказались. Открывают заднюю крышку и смотрят, нет ли там записки с тайными адресами.

И вот я поначалу в одиночной камере главной Алма-Атинской тюрьмы. Прекрасная современная тюрьма. Все-таки есть забота о людях, хотя и странная. Но мы, не привыкшие к заботе, рады и такому ее проявлению.

«Радиопараша» приносит сообщение о том, что арестовывают повторно всех, у кого была статья 58 —10-11 или пострашнее. В благоприятном случае будет вечная ссылка, в неблагоприятном — снова лагерь.

Допрашивает следователь-казах, достаточно образованный и хорошо владеющий русским языком. На допросах повторяются прежние обвинения в компактной форме. Теперь уже бессмысленна борьба. Ее просто нет — нет свидетелей, нет очных ставок. Им зачем-то нужно выполнять эту формальность, мне важно не попасть в разряд «неисправившихся», иначе снова лагерь.

Неожиданно следователь просит подписать бумагу об окончании следствия.

Перелистываю свое новое дело: куча каких-то ничего не значащих бумаг общего характера. И вдруг одна существенная, свидетельствующая о том, что новых показаний против меня нет. Спрашиваю:

— Каков же смысл нового дела, если нет новых, дискредитирующих материалов?

— А я,— отвечает он,— думал, что Вы умный человек.

— В чем же моя неумность?

— Судьба это. Понимаете? Сегодня я вас допрашиваю, завтра вы будете допрашивать меня.

И, смотрите, он не сильно ошибся в прогнозе. Если и не я, то кто-нибудь да допрашивал его. Все-таки не зря многие называют нашу страну евразийской. В ней больше, чем где-нибудь еще, действует не трезвый смысл, а судьбинное безумие, порождаемое восточной деспотией.

В общей сложности я просидел в следственной тюрьме 4 месяца. В это время Ирина Владимировна перебралась в Алма-Ату и регулярно приносила мне передачи — чудесные местные яблоки. В камерах был уже

иной набор клиентуры. Главным образом это были бывшие военнопленные последней войны и те, кто сотрудничал с немецкой властью во время оккупации. Эти люди вели себя хорошо, доброжелательно, но у них не было той интеллигентности, которая характеризовала Бутырку 1936—1937 годов. Да, и здесь перемены — извели интеллигенцию. Не зря старались!

3. Второй приговор. Вечная ссылка

Объявляют приговор. Вечная ссылка в город Темиртау Карагандинской области.

Опять этап. Мучительный, так как этапировали совместно с местным ворьем. Особенно мерзко было в Петропавловской пересыльной. Тюрьма еще давнишней, дореволюционной постройки. Вся власть в руках блатарей. Вызывают с вещами и запирают в пустую камеру, где позднее появляются трое грабителей. А в общей камере под нарами насилуют подростков. Эта деятельность именовалась исправительно-трудовой.

Темиртау. Я уже без конвоя, но и без жилья, без денег, без документов — вполне свободный от всего человек. Только раз в десять дней должен отмечаться в МВД.

Иду к главному инженеру Казахского металлургического завода. Все мгновенно устраивается. Я назначаюсь на должность инженера-исследователя Центральной лаборатории. Вскоре приезжает и Ирина Владимировна. Начинается новый этап жизни.

Большая лаборатория рядом с мартеновским цехом. В лаборатории уже есть двое ссыльных инженеров, хорошо знакомых мне по Колыме. Они успели заказать современную аппаратуру для спектрального анализа. Все как будто для меня. Здесь мне удалось развернуть широкую деятельность по освоению спектральных методов анализа в металлургии. У меня

было много лаборантов [8], и это позволило подвергнуть нетривиальной статистической обработке колоссальный материал по различным методам анализа вещества. Результаты своих работ я публиковал в престижном тогда московском журнале Заводская лаборатория. Правда, и здесь возникла одна характерная для тех лет заминка. Главный инженер завода неожиданно сообщает мне, что пришло официальное письмо из редакции журнала с требованием перестать направлять им статьи ссыльного автора. Его реакция:

— Статьи нужно публиковать, но пусть их кто-либо другой подписывает вместо тебя.

Кто будет подписывать, тот пусть и пишет.

– Работы должны публиковаться. Ты сам и уладь это дело. Я не хочу иметь из-за тебя неприятности.

Случилось так, что начальник технического отдела поехал в Москву. Там он зашел в редакцию журнала, где возник серьезный разговор о моих публикациях. Вдруг заведующая редакцией говорит, что ей надо ненадолго уйти. Возвращается:

— О чем у нас был разговор?

— О том, что вы не хотите печатать статьи Налимова.

Почему не хотим? Мы его печатали и будем печатать.

— Ну и б... же ты!

И действительно, на мой запрос пришла справка из Министерства юстиции СССР о том, что ссыльные имеют право печатать статьи неполитического характера. А дама, о которой шла речь выше, потом стала моей очень хорошей знакомой. Она слезно извинялась и говорила в оправдание, что все ее родственники были «там». Этот грустный случай показывает, насколько

---

[8] Лаборантов всегда приходилось иметь с некоторым избытком, так как каждое лето многие из них приносили фиктивные справки о смерти родителей и получали отпуск. Оставшиеся поддерживали технологический процесс. Осенью все возвращались. Данных химического анализа, подлежащих обработке, было так много, что работы хватало всем. Так мы и делали науку в докомпьютерное время.

были запуганы люди – в своем страхе они готовы были действовать даже более сурово, чем это предписывают власти.

Работа на заводе была не очень напряженной, и мне удавалось по вечерам заниматься философскими и культурологическими темами. Точно граница моей оседлости не была установлена, и летом по воскресеньям я уезжал на велосипеде в полупустынную степь в окрестностях города. Город стоял на берегу большущего водохранилища. В узком месте можно было переезжать на другую сторону, где буйно цвел шиповник. Там я и занимался то медитацией [9], то купанием, то просто чтением всего, что меня интересовало. А зимой меня выручал каток, если не было степной пурги и снежных заносов. Ветры там гуляли безудержные в степном раздолье, летом поднимая непереносимую пыль, а зимой усиливая действие мороза до изнеможения.

Работая в промышленности, я отчетливо увидел, что вся послевоенная деятельность нашей страны была направлена не на технические или экономические усовершенствования, а на выполнение и перевыполнение различного рода губительных, по существу, плановых показателей, придуманных в московских министерских кабинетах. Одним из таких заданий было требование опережать запланированный график любого ремонта, другим — перевыполнять план, не считаясь с возможностями.

Вот несколько примечательных примеров.

Первый пример: наш завод был построен наспех, поэтому не было обращено внимание на технику безопасности. Каждый год хоронили человек по десять, попавших в беду [10]. Как-то ко мне заходит инженер по технике безопасности, приехавший из Москвы для инспектирования. Говорю ему:

— Дайте мне предписание для переоборудования

---

[9] Это была регулярная практика в группах А. А. Солоновича.

[10] Один раз грузовик, груженный сеном, порвал низко висящий высоковольтный провод, и он упал в арык, где купались дети. Сколько гробов! И никто за это не ответил.

спектральной лаборатории в соответствии с новыми инструкциями, полученными из АН СССР.

— Не дам. Если будешь настаивать, закрою лабораторию.

— Закрывай!

— Так вот не закрою потому, что весь завод надо закрывать. И вообще, почему ты не боишься меня? Все боятся. Это так приятно, ведь я вышел из простых рабочих.

На этом мы расстались как друзья.

Другой пример: раз идем на работу и видим, что часть стены мартеновского цеха ночью рухнула — хорошо, что без жертв. Оказалось, что кирпичи на стене были сложены без цементного скрепления. Видимо, цемента не хватало, а план надо было выполнить во что бы то ни стало и с опережением.

Третий пример: металлургический завод построили в Темиртау потому, что там было много легкодоступного угля. Мартеновские печи должны были работать на газе, полученном из угля, а не на добротной дефицитной нефти. Но со строительством газогенератора чуть опоздали и пустили мартеновские печи на привозной нефти. Позднее возвращаться к газовому топливу было уже немыслимо — это снизило бы производительность, которая неуклонно должна была расти. Так и не достроили тогда газогенератор.

Четвертый пример: читаю зарубежные журналы [11]. За границей удивляются: была пущена печь стотонной выплавки металла, которая потом начинает выплавлять все больше и больше стали — вплоть до трехсот тонн. Как стотонная печь может быть настолько перегружена? Ответ простой: запроектирована и построена она была сразу на триста тонн. Но ее вначале пускали не на полную мощность с тем, чтобы можно было по-

[11] С чтением иностранных журналов тоже было непросто. Меня вызывает начальник технического отдела и говорит:

— При всех предупреждаю, что читать иностранные журналы небезопасно.

— Но ведь библиотека выписывает их. А я использую их опыт.

— А я вас предупредил.

лучать премии за прирост продукции. Но каков был ущерб от начальной неполной эксплуатации!

Пятый пример: неожиданно приходит телефонный приказ из министерства о том, чтобы уменьшить отбраковываемую неполноценную верхнюю часть стального слитка. Мы пишем докладную записку о том, как при этом будет ухудшено качество металла. Нам по телефону ответ:

— Мы сами знаем, книги тоже читали и учились. Вы делайте, что вам приказано.

— А если будет рекламация по качеству?

— Рекламацию признать, не выезжая на место, и впредь этому заказчику в течение полугода ничего не поставлять!

И вот в одну прекрасную весну приходит сообщение о том, что западные районы Сибири остались без плугов: сплошной брак. Катастрофа — задерживается посевная.

Нам приходят на исследование образцы нашего же металла. Сотрудники лаборатории - весьма квалифицированные металловеды — отказываются давать заключение: зачем самим затягивать петлю на собственной шее. Приходит заключение из Центрального института нашего министерства. И вот чудо — о низком качестве металла ничего не говорится. Вся ответственность перекладывается на завод - изготовитель плугов. Все вздохнули свободно.

Потом я спрашиваю сотрудников ЦНИИЧерМета — как же мы вышли сухими из воды? Ответ прозвучал примерно так:

— Ваша сталь, конечно, дерьмовая, но мы знаем, что это не ваша вина. А вот технология термообработки на заводе-изготовителе столь ужасна, что и из хорошей стали получился бы брак.

И вот результат: главный инженер того завода и начальник Отдела технического контроля получили по десять лет. Правда, срок пришлось отбывать недолго.

Из сказанного выше понятно, почему наша богатейшая страна неуклонно устремлялась к нищете. Печаль-

ный опыт показал, что регулировать жизнь директивными инструкциями рискованно. Нужна самоорганизация, но она не получается еще и в наши дни. Сильна тоска в народе по правящей всесильной руке. Как легко было исполнять приказы безответственно, получая за это еще и премии.

Но время шло.

И вот наступает март 1953 года. Шепотом разнеслась весть, прозвучавшая по радио. Мы сразу поняли, что это конец единоличного деспотизма. И вот в Правде некролог со словами:

«Умер бессмертный вождь».

Подписан беспартийным ректором МГУ академиком Иваном Георгиевичем Петровским. В этих странно звучащих словах послышалось и что-то пророческое для нашей страны она освободилась от того демонического, что претендовало на бессмертие.

Я попадаю под амнистию — у меня ведь был по приговору всего-то навсего пятилетний срок.

Но не все сразу оформилось. Помню, в начале лета прихожу к главному инженеру и прошу:

— Подпишите моей сотруднице командировку в Тарту на конференцию по спектроскопии.

— Не подпишу.

— Почему?

— Поедешь сам.

— У меня же нет еще паспорта.

- Это моя забота.

И вот я в Тарту с докладом о работе, материалы которой своим многообразием и масштабностью поразили многих. Между делом захожу в банк получить деньги по аккредитиву и предъявляю вместо паспорта справку ссыльного, с обязанностью отмечаться каждые десять дней. Как по команде, все служащие удивленными глазами уставились на меня — во мне воплотилась весть о наступающей свободе, хотя еще и далеко не полной.

На обратном пути в Москве захожу в МВД и спрашиваю:

- Почему мне не выдают паспорт, у меня ведь был всего пятилетний срок?

— Потеряно ваше дело. Не беспокойтесь, найдем.

И действительно, в Темиртау меня вскоре вызывают в МВД и с поздравлением вручают паспорт. Наконец-то паспорт без всяких ограничений. Я, правда, не сразу покинул Темиртау — надо было закончить большую работу и особенно важно было выждать, когда решится вопрос о возможности получить прописку в Москве. На этот шаг правительство решилось не скоро.

Литература

Андреев Д. **Русские боги. Стихотворения и поэмы.** М.: Современник, 1989, 397 с.

Андреев Д. **Железная мистерия.** Поэма. М.: Молодая гвардия, 1990, 318 с.

Глава XII

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ СВОБОДНЫМ

1. В Институте научной информации АН СССР. Защита первой диссертации

Начало 1955 года. Я наконец снова в Москве. Теперь уже легально. Моя мачеха дала согласие на прописку в той квартире, где я жил до ареста (это согласие не распространялось на мою жену).

Прошу разрешения на прописку в Главном управлении Министерства внутренних дел Мосгорисполкома. На меня там посмотрели с подозрением — ответа сразу не дали. Через несколько дней звонок от секретарши (оказалась знакомой):

— Разрешили. Поздравляю! Предписание будет отправлено в районное отделение милиции.

И вот я сижу дома и вдруг слышу чеканный шаг сапог по коридору. Понимаю. Входит участковый:

— Вам надлежит выехать из Москвы в 24 часа.

— Я не выеду.

— Как это так?

— Не знаете новые законы. А предписание — что, еще не получили?

Посмотрел на меня милиционер с удивлением и, опустив голову, вышел, ничего не говоря.

Да, беспрекословность власти зашаталась. Это нелегко было пережить ее представителям.

В Москве я довольно быстро устроился в недавно созданный Институт научной информации — ВИНИТИ АН СССР, в должности младшего научного сотрудника — редактора в отделе «Оптика».

Поддержал профессор Э. В. Шпольский, знавший меня еще в прошлые годы. Мое преимущество было в том, что я мог справляться с рефератами статей на трех европейских языках. Знание трех основных языков позволяло мне в какой-то степени понимать и публикации на всех основных европейских языках, исключая, правда, венгерский и финский.

Работа была приятной для меня: тренировка в языках[1], возобновление знакомства с современной физикой, доступ к научной литературе, имеющей философский оттенок. Интеллигентность окружения, от которой я отвык за годы скитаний.

В эти годы стала распространяться эпидемия кибернетизирования представлений об информации. Кибернетика обрела философское звучание. Естественно, что это вызвало противостояние со стороны «единственно истинного», как тогда принято было говорить, Марксистско-Ленинского учения. Э.В. Шпольский опубликовал в своем журнале нашу статью в соавторстве с Г. Э. Вледуцем и Н. И. Стяжкиным: Научная и техническая информация как одна из задач кибернетики. **Успехи физических наук**, 1959, XIX, № 1, с. 13—56.

Директор института А. И. Михайлов вызвал двух моих соавторов и сказал им примерно такие слова:

— Все можно было ожидать от Налимова, но как вы, члены партии, могли стать соавторами такой позорной статьи?

Вот так активно вмешивалась партия в научно-философские разработки.

Работая в ВИНИТИ, в феврале 1957 года я защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Дифференциальное изучение ошибок спектрального и химического анализа с применением методов математической статистики». Защита проходила во Всесоюзном научно-

[1] Моим ближайшим помощником оказался физик из Франции. Через три года, уезжая из нашей страны, он предъявил мне претензию, что не освоил русский язык, потому что разговаривал со мной только по-французски. Будучи моим помощником, он получал зарплату в 2,5 раза больше, чем я.

исследовательском институте метрологии имени Д. И. Менделеева в Ленинграде.

Защищал я диссертацию по тому материалу, который подготовил еще в Темиртау. Голосование прошло единогласно, хотя вначале я столкнулся с рядом трудностей. Первая трудность заключалась в том, что у меня не было законченного высшего образования. Но еще до ареста я получил право на защиту диссертации без вузовского диплома. Через двадцать лет Высшая аттестационная комиссия подтвердила это право.

Вторая трудность состояла в том, что центральным моментом диссертации было применение математической статистики. Открыто предлагалось вероятностное понимание измерительных процедур в физике и химии. Это означало признание случайности в науке, что противоречило повелевающему лозунгу Т. Д. Лысенко: «Наука — враг случайности».

И, наконец, третья трудность — я был тогда еще не реабилитированный, а лишь прощеный контрреволюционер.

Но ветерок свободы все же подул. Случилось это так: Институт метрологии потребовал от меня, чтобы Высшая аттестационная комиссия подтвердила правомочность диссертации на такую необычную по тем временам тему. Но такое действие не входило в функции ВАК. Прихожу в ВАК и спрашиваю юриста, что же делать. Ответ:

— Идите домой, все уладим.

И действительно, на другой день телефонный звонок из Ленинграда:

— Почему же вы не сдаете последний экзамен по специальности?

Вы же отказались принять к рассмотрению диссертацию.

— Ничего подобного!

Потом мне рассказали следующее: ВАК послала телеграмму: «Почему не принимаете диссертацию у Налимова?» Получив такую телеграмму, они страшно перепугались, решив, что у меня там «наверху» большие связи, и сразу же изменили свою позицию.

Последняя трудность разрешилась совсем просто. Перед голосованием директор встал и сказал:

- Кто хочет голосовать «за» — может!

Это решение, по-видимому, было согласовано с соответствующими органами. В архиве КГБ почему-то оказалась подшитой к делу весьма положительная характеристика на меня, затребованная от руководства металлургического завода в Темиртау. Слежка за мной продолжалась. (Текст характеристики дан в конце этой главы.)

Получение кандидатской степени, конечно, имело для меня очень важное значение открылась наконец возможность возвращения в большую науку.

Хочется с чувством глубокой благодарности вспомнить академика Г. С. Ландсберга. Он получил реферат моей диссертации незадолго до смерти от тяжелой болезни. Его жена позвонила физику С. М. Райскому и сказала следующие слова:

— Григорию Самуиловичу очень трудно написать отзыв, но если ситуация критическая, то он выполнит свой долг.

Ей ответили, что нет оснований беспокоиться. Все, что нужно, будет сделано. Соломон Менделевич Райский был моим ближайшим другом тех лет. Я часто бывал у него, и мы много беседовали. Мне нравились его критицизм, острота суждений и теплота, с которой меня принимали в их доме. Его жена, Наталия Александровна, работавшая редактором в издательстве «Наука», в 1969 году сумела издать мою одиозную по тем временам книгу Наукометрия.

2. Математика становится основной деятельностью

Осенью 1959 года перехожу на работу в Государственный институт редких металлов (ГИРЕДМЕТ). Теперь уже в должности старшего научного сотрудника, что сразу резко изменяет уровень жизни.

Мне дают возможность создать группу математических исследований химических и металлургических

процессов. Это, кажется, была первая попытка математических и прежде всего вероятностно-статистических методов исследования в институте такого типа.

На работу в ГИРЕДМЕТ меня принял директор В. Н. Костин [2], не согласовывая с академиком Н. П. Сажиным его заместителем по науке. Помню, как мне сообщили о недоумении академика:

— Много десятилетий я работаю с редкими металлами и никогда ничего не считал. Что же, теперь у нас тут обсерватория астрономическая открывается, что ли?

Только через полгода мы нашли общий язык. Этому способствовал академик А. И. Берг, который, возглавляя Научный совет по кибернетике при АН СССР, естественно, поддержал обращение к математике. Речь здесь шла, с одной стороны, об управлении исследованиями путем использования математической теории эксперимента [3], с другой — об управлении непосредственно технологическими процессами путем построения математических моделей, дающих возможность находить оптимальные режимы.

Вскоре мы получили одну из первых ЭВМ. Правда, произошло это весьма странным образом, типичным для плановой экономики.

Вызывает меня в конце года заместитель директора по хозяйственной части и спрашивает:

— Не нужно ли тебе купить что-нибудь очень дорогое? Если деньги останутся неиспользованными, на следующий год уменьшат ассигнования, а это крайне нежелательно.

— Нужно. ЭВМ. Стоит очень дорого.

— Отлично. Срочно подавай заявку.

Через полгода:

---

[2] Костин добился того, что мне дали допуск к секретным работам еще до того, как я получил реабилитацию.

[3] Здесь имеются в виду математические методы планирования эксперимента, впервые предложенные английским математиком Р. Фишером, затем разработанные американским статистиком Г. Боксом и серьезно математически обоснованные американским математиком Дж. Кифером.

— Ну и подвел же ты меня.

— Чем?

— Так я думал, что покупаю тебе какую-нибудь игрушку на письменный стол, а тут требуется срочно выделить 60 кв. м, да еще на самом нижнем этаже.

И что же теперь?

— Ничего. Как-нибудь справлюсь. Выселю каких-нибудь бездельников.

Вот так мы и развивали науку от одного случая к другому благоприятному случаю, через абсурд административной системы.

В ГИРЕДМЕТе я проработал шесть лет, учась сам и уча других возможности использования математики в аналитических и технологических задачах. Меня особенно заинтересовало новое направление — математическое планирование эксперимента, совершенно неизвестное в нашей стране в то время. При разработке этой темы пришлось столкнуться с предрассудками двоякого рода: 1) ученые-экспериментаторы по недомыслию рассматривали обращение к формализованным методам планирования эксперимента как покушение на их творческую интуицию; 2) у представителей математической статистики было ошибочно распространено недоверие к дисперсионному анализу, из которого выкристаллизовалось планирование эксперимента, направленное на поиски оптимальных условий протекания изучаемого процесса (иное название — «планирование поверхностей отклика»).

Научная общественность, и особенно аспиранты, все же постепенно восприняли идеи и методы планирования эксперимента. Этому способствовала активная деятельность — большая лекционная пропаганда, особенно в выездных «летних школах» в различных регионах страны; консультации сотрудников многих институтов; составление программы нового курса лекций «Статистические методы в химии», утвержденной Министерством высшего образования; руководство Секцией химической кибернетики при Совете по кибернетике при Президиуме АН СССР; создание секции «Математические методы исследования» в журнале Завод-

ская лаборатория; участие в работе Московского математического общества, где я одно время состоял заместителем председателя Секции теории вероятностей и математической статистики. Опубликовал две книги: **Применение математической статистики при анализе вещества** (М.: Физматгиз, 1960, 430 с.; переиздана в США и Англии в 1963 году), и **Статистические методы планирования экстремальных экспериментов** (М.: Физматгиз, 1965, 340 с., в соавторстве с Н. А. Черновой; переведена в Польше и в США микрофильм в Библиотеке Конгресса)[4].

Защита докторской диссертации в 1963 году по теме «Методологические аспекты химической кибернетики». Опять в Институте метрологии. Защита проходила напряженно: один отзыв — к тому же официальный, от члена Ученого совета, — был явно отрицательным. Я оборонялся резко, автор отзыва извинился, сказав, что он не понял диссертации. Против голосовал только один — старейший член Совета. После подсчета голосов он тут же подал заявление об отчислении. Члены Совета вздохнули с облегчением, поблагодарив меня за избавление от занудного коллеги. Так я получил ученую степень доктора технических наук. Профессорское звание по кафедре теории вероятностей и математической статистики было присвоено мне в 1970 году.

Теперь мне хочется прервать хронологическое повествование и сказать несколько слов об академике А. И. Берге. Именно в эти годы у меня установились

---

[4] Позднее эта серия публикаций была завершена небольшими книгами:

Теория эксперимента. 1971, 206 с. (переиздана в ГДР).

Логические основания планирования эксперимента. 1981, 128 с. (в соавторстве с Т. И. Голиковой).

Наш вклад в теорию планирования эксперимента был изложен в статье, опубликованной в американском журнале: On Practical Use of the Concept of D-Optimality. **Technometrics**, 1970, 12, № 14, с. 799 - 812 (в соавторстве с Т. И. Голиковой и Н. Г. Микешиной).

В этой работе показано, как можно практически использовать крупнейшую чисто теоретическую разработку американского ученого Кифера. Вначале казалось, что работы Кифера ничего для практики не дают.

близкие отношения с ним. Он, строго говоря, не был ученым. Но, будучи человеком высокой интеллигентности, хорошо понимал состояние дел как в науке, так и в технике и в целом в нашей стране. Судьба вынесла его на гребень — он стал, несмотря на недовольство многих, председателем Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР. Эта почетная должность дала ему возможность воздействовать на ход событий в науке. Кибернетика тогда обрела у нас статус некоего «вольного движения», направленного против идеологической заторможенности. И Аксель Иванович оказался блестящим руководителем этого движения. Он многое сделал для раскрепощения науки. Активно поддерживал и меня в моих начинаниях [5]. И мне хочется здесь почтить его память. Он был обаятельным человеком, наделенным харизмой.

Теперь несколько слов о политических аспектах жизни.

Меня неоднократно спрашивали, почему я не принимал участия в диссидентстве. Мой ответ мог бы прозвучать так: 1) придерживался принципов конспирации — будучи однажды «засвеченным», я не должен был больше ни во что вмешиваться, иначе неизбежно будут провокации, которые обрушатся не только на меня, но и на тех, с кем я буду иметь дело; 2) кроме того, по своей природе я не политический деятель, а философ, и мне представлялось, что при нашем идейном голоде важнее сохранить возможность изложения освежающей мысли. Той мысли, которую я искал с юности, ради которой отбыл свой тюремно-лагерно-ссылочный срок и которую наконец обрел. Так, по крайней мере, мне думалось тогда.

Но по политическим вопросам все же приходилось

[5] Среди части математиков, окружавших Акселя Ивановича, поднимался вопрос о создании Института кибернетики. Но эта идея так и не осуществилась. Против были многие — в том числе и Президент Академии М. В. Келдыш и А. Н. Колмогоров. И в этом был известный резон: учреждение такого рода могло легко заболотиться, ибо кибернетика так и не стала самостоятельной математической дисциплиной. Ее базисом не стала аксиоматика.

высказываться. Помню, как-то раз я проводил школу по математической теории эксперимента на студенческой базе на Иссык-Куле. Вдруг ко мне подходит один выдающийся математик, позднее уехавший в США, и говорит:

— Не понимаю вас. Вы отчетливо осознаете всю трагическую несостоятельность режима и в то же время укрепляете его, устраивая вот такие школы.

— А вы как сюда попали — на четвереньках приползли или на аэроплане?

— Естественно, на самолете.

— Вы были бы готовы разбиться?

— Конечно, нет!

— Так чего же вы спрашиваете меня о резонах моей деятельности?

Да, я был во внутренней оппозиции. Но в то же время мы жили в этой стране и укрепляли ее своей деятельностью. И как могло быть иначе? В этом реальная невыдуманная диалектика существования. Диалектика экзистенции[6]. В то же время партийно-правительственные деятели всегда чувствовали мою отчужденность — от них я никогда не получал ни наград, ни орденов, которые всегда были мерой приближенности к власти. Мне удавалось оставаться самим собой, сохраняя свою независимость.

3. Неожиданная реабилитация

Теперь несколько слов о реабилитации. Будучи освобожденным по амнистии, я, естественно, пытался получить реабилитацию. Многие ее уже получили[7], а я на все свои многочисленные просьбы неизменно получал отказы. Вот текст отказа, полученного в 1959 году от заместителя Председателя Верховного суда СССР Л. Смирнова:

[6] Говорили мне в тюрьмах, что раньше предприниматели предпочитали брать на работу «политических», ибо они всегда работали честно.

[7] Реабилитационный процесс начался в первой половине 50-х годов.

В связи с Вашей жалобой, поданной на личном приеме, было истребовано и проверено в порядке надзора уголовное дело по обвинению Вас в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Ознакомившись с делом, не нахожу оснований для опротестования ранее вынесенных по делу решений.

В соответствии со статьей 47 Основ Уголовного Законодательства СССР и союзных республик судимость Ваша погашена.

И вдруг весной 1960 года получаю извещение о том, что мое дело передано в Московский суд. Я даже обеспокоился и пошел в Прокуратуру. Спрашиваю:

— Что случилось? Еще недавно Верховная Прокуратура не нашла оснований для опротестования дела, а теперь оно почему-то передается в Московский городской суд.

— Ничего не случилось. Вы сами виноваты в том, что не реабилитированы.

— Я — каким образом?

— Вы нам не сообщили о том, что по основному делу[8] уже давно принято решение о реабилитации. Ваш соделец С. Р. Ляшук сообщил нам об этом, и мы дали делу ход, он упомянул вас. Не беспокойтесь.

— Но почему же не знал о прекращении основного дела заместитель Председателя Верховного суда?

— Потому что это дело совершенно секретное.

И через четыре дня действительно принимается решение о реабилитации[9]. Опять театр абсурда. Реабилитация осуществилась так же безгласно и таинственно, как и осуждение. Как это могло случиться, что лицо, ранее осужденное, узнало о реабилитации «совершенно секретного дела», а Верховная Прокуратура — нет?

Но время шло, и в конце 1965 года я, неожиданно для себя, был приглашен на работу в МГУ. Еще раз резко изменился путь моей жизни.

---

[8] Судебное дело, почти все проходившие по которому были расстреляны, мои учителя и мой друг школьных лет И. Шаревский. (Подробнее об этом в Приложении II в конце книги.)

[9] В реабилитационной справке сказано: «за недоказанностью обвинения». Обычно пишут: «за отсутствием состава преступления».

Приложение

Характеристика, адресованная в Высшую аттестационную комиссию Министерства высшего образования СССР (из архива МГБ РФ) [10]

Характеристика

на работника Центральной лаборатории
Казахского металлургического завода
тов. Налимова Василия Васильевича

Тов. Налимов В. В., 1910 г. рожд., по национальности коми, б/п, незаконченное высшее образование, работает на заводе с 1949 г. в должности ст. инженера-спектроскописта.

За время работы в лаборатории тов. Налимов показал себя высокообразованным специалистом в области физических методов анализа.

Тов. Налимов организовал на заводе спектральную лабораторию, обучил необходимое количество кадров. К работе относится исключительно добросовестно, творчески, проявляет большую склонность к исследовательской работе, к теоретическому обобщению накопленного опыта. Неоднократно печатался в общесоюзных журналах. Владея тремя иностранными языками, постоянно следит за иностранной технической литературой. Охотно передает свои знания и опыт работникам лаборатории.

Принимает активное участие в общественной жизни завода: является активным рационализатором, по линии заводского общества НТОЧМ [11] часто выступает с техническими докладами, активно работает как общественный инспектор по охране труда, технике безопасности и т. д.

Являясь руководителем исследовательской работы в области спектрального анализа, показал себя как сложившийся научный работник, способный самостоятельно решать сложные теоретические и практические проблемы, направлять и воодушевлять на решение этих проблем руководимый коллектив.

Характеристика дана для представления в ВАК СССР.

Директор КМЗ Дюмин
Парторг Камбулатов

Печать: Мин-во Черн. Металлургии. Казахский металлургический завод.
г. Темир-Тау. Управление делами.

---

[10] Видимо, ВАК запрашивала разрешение в МГБ.

[11] Научно-техническое общество Черной металлургии.

В. В. Налимов — студент МГУ

Фотография со студенческого билета В. В. Налимова

В. В. Налимов в день освобождения из лагеря

Семья матери В. В. Налимова: бабушка и дедушка — Е. И. и И. А. Тотубалины (сидят). Стоят — брат и сестра матери

В. П. Налимов

В. П. Налимов

В. П. Налимов
(фотография из
следственного дела)

Н. И. Налимова-Тотубалина

В. В. Надимов с матерью и няней у госпиталя

В. В. Налимов с братом Всеволодом

Н. В. Налимова-Уайтхед (сестра В. В. Налимова) до ареста

И. В. Усова

А. А. Солонович

А. А. Карслин

А. А. Солонович

А. О. Солонович — жена
А. А. Солоновича

С. А. Солонович — сын
А. А. Солоновича (фотография
из следственного дела)

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Моя свобода — в свободе и радости других.

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 11030.

Предъявитель этого билета Солонович
Алексей Александрович
состоит членом Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов.
Билет действителен по 1 января 1926 *г.*
Москва, 10 января 1925 *г.*
Секретарь В. Ф. А.-К. А. Карелин

Документ из следственного дела

Друзья В. В. Налимова — Сергей и Петр Лапшины — с отцом

Ю. Н. Проферансов

Н. И. Проферансов и Е. М. Проферансова-Васильева — старшие участники движения анархо-мистиков

Е. М. Проферансова-Васильева после гибели сына

И. Тарле — друг В. В. Налимова

Ж. А. Дрогалина, В. В. Налимов и Ю. Гарфилд (президент Института научной информации, США)

М. В. Д.

ВОЛОГОДСКАГО ГУБЕРНАТОРА

По канцеляріи II столъ.

4 Августа 1901 года.

№ [redacted]

Г. Вологда.

Свидѣтельство

Дано сіе бывшему фельдшеру Устьсысольскаго земства Василію Петрову Налимову, вслѣдствіе его просьбы, на предметъ представленія таковаго при сдачѣ экзамена на званіе аптекарскаго помощника, — въ томъ, что, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ, Налимовъ, поведенія хорошаго и ни въ чемъ предосудительномъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи не замѣчался, что подписью, съ приложеніемъ казенной печати, удостовѣряю. Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ.

Губернаторъ

И. д. Правитель Канцеляріи

Документ, удостоверяющий благонадежность В. П. Налимова

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ,

АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ

въ засѣданіи совѣта 13 Октября 1910 года

ПРИСУДИЛО

Василію Петровичу Налимову

за рукописный трудъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы по этнографіи марійскаго племени"

ПРЕМІЮ

имени ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА въ память Международныхъ Конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 году

Президентъ Общества.

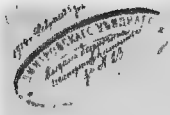
Вице-Президентъ Общества

Секретарь Общества

Председатель и Отдѣленій

Члены Совѣта:

Документ, полученный В. П. Налимовым вместе с серебряной медалью, с подписями Н. Е. Жуковского и Д. Н. Анучина



ДИПЛОМЪ

Предъявительница сего Надежда Ивановна Налимова, урожденная Тотубалина, вѣроисповѣданія православнаго, жена окончившаго Императорскій Московскій Университетъ, по окончаніи курса по Медицинскому Отдѣленію Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, подвергалась испытанію въ Медицинской Испытательной Комиссіи при означенныхъ Курсахъ въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1912 года, при чемъ оказала слѣдующіе успѣхи: по описательной анатоміи *весьма удовлетворительно*, по гистологіи *весьма удовлетворительно*, по патологической анатоміи и патологической гистологіи *весьма удовлетворительно*, по судебной медицинѣ *удовлетворительно*, по оперативной хирургіи съ топографическою анатоміей *весьма удовлетворительно*, по физіологіи *весьма удовлетворительно*, по медицинской химіи *весьма удовлетворительно*, по фармакологіи и фармаціи *весьма удовлетворительно*, по фармакологіи съ рецептурою и ученіемъ о минеральныхъ водахъ *весьма удовлетворительно*, по общей патологіи *весьма удовлетворительно*, по частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней *весьма удовлетворительно*, по ученію о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ *весьма удовлетворительно*, по хирургической патологіи съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ и дезмургіей *удовлетворительно*, по офталмологіи *удовлетворительно*, по ученію о дѣтскихъ болѣзняхъ *весьма удовлетворительно*, по ученію о кожныхъ и венерическихъ болѣзняхъ *весьма удовлетворительно*, по акушерству съ ученіемъ о женскихъ болѣзняхъ *весьма удовлетворительно*, по гигіенѣ съ медицинскою полиціей *весьма удовлетворительно*, по ученію объ эпизоотіяхъ съ ветеринарною полиціей *весьма удовлетворительно*, по терапевтической клиникѣ *удовлетворительно*, по хирургической клиникѣ *весьма удовлетворительно*, по клиникѣ дѣтскихъ болѣзней *весьма удовлетворительно*, по клиникѣ женскихъ болѣзней *весьма удовлетворительно*.

По сему допущенная, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 19 декабря 1911 года закона къ экзаменамъ въ означенной Комиссіи г-жа Налимова, въ засѣданіи Медицинской Испытательной Комиссіи 20 декабря 1912 года, удостоена степени **лѣкаря съ отличіемъ**, со всѣми правами и преимуществами, предоставленными окончившимъ курсъ С.-Петербургскаго Женскаго Медицинскаго Института, на основаніи закона 19 декабря 1911 года (Правила объ испытаніяхъ, п. 10). Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ г-жѣ Налимовой, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія Московскаго Учебнаго Округа. Городъ Москва. Заказ 27 дня 1913 года.

№ 140.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа [illegible]

Предсѣдатель Медицинской Испытательной Комиссіи

Правитель Канцеляріи В. Степановъ

Диплом, выданный Н. И. Налимовой в связи с окончанием Высших женских курсов

Часть IV

ПОПЫТКА СКАЗАТЬ СВОЕ СЛОВО

Лишь последняя ночь тяжела:
Слишком грузно течение крови,
Слишком помнится дальняя мгла
Над кострами свободных становий...
Будь спокоен, мой вождь, господин,
Ангел, друг моих дум, будь спокоен:
Я сумею скончаться один,
Как поэт, как мужчина и воин.

1935

Д. Андреев. Гумилев

Глава XIII

СНОВА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВМЕСТНО С АНДРЕЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ КОЛМОГОРОВЫМ [1]

Почти десять лет я проработал с Андреем Николаевичем в должности первого его заместителя по межфакультетской Лаборатории статистических методов МГУ. Отсюда и мое право написать воспоминания. Но воспользоваться им оказалось непросто.

Андрей Николаевич не был открытой личностью. Его высказывания обычно бывали категоричными, а иногда даже и резкими. О мотивах своих решений он не любил рассказывать. Нужно было догадываться. Но в то же время он мог и легко изменять свои суждения. Вот один пример:

— В. В., зачем вы принесли мне эту нелепую диссертацию?

И через неделю:

— В. В., а диссертация-то оказалась интересной, я уже начал писать статью на эту тему.

Когда я принял предложение А. Н. стать его заместителем, мне многие говорили: «Зачем? Ведь больше 2 3 месяцев вы, не умея подчиняться, не проработаете с ним». Но я проработал около десяти лет и вспоминаю эти годы с чувством глубокого удовлетворения.

Встречался я с А. Н. обычно раз в неделю — если он не был в отъезде. Иногда заходил к нему домой. К тому же часто получал от него деловые письма, аккуратно напечатанные на машинке.

---

[1] Сокращенный вариант этой главы опубликован в сборнике **Колмогоров в воспоминаниях** (ред.-сост. А. Н. Ширяев). М.: Наука, 1993, 734 с.

1. Первая встреча

В середине 50-х годов я вернулся в Москву после 18-летнего отсутствия. Напомню, что, будучи в ссылке, я работал в лаборатории Казахского металлургического завода (в г. Темиртау), где занимался, с одной стороны, эмиссионным спектральным анализом, с другой – статистической обработкой больших (по тому времени) массивов данных, обращаясь к классическому дисперсионному анализу. Мне было разрешено публиковать мои работы. Это позволило мне в 1957 году защитить кандидатскую диссертацию метрологической направленности, что было нелегко, так как тогда еще звучал лозунг «Наука – враг случайности».

Затем была опубликована моя книга **Применение математической статистики при анализе вещества** (М.: Физматгиз, 1960, 430 с.). Эта книга [2] была задумана как настольное пособие для физиков и химиков, занимающихся анализом химического состава вещества. В ней была сделана попытка показать, как может быть построена метрология химических измерений. Соответственно, в ней был и некоторый философский подтекст.

Мне, тогда оторванному от математической среды, естественно, хотелось получить серьезный отзыв на свою работу и вместе с этим оценку планов дальнейшей работы. Я обратился к Андрею Николаевичу, с которым ранее знаком не был. Ознакомившись с книгой, он пригласил меня для беседы. Во время этой беседы он уклонился от того, чтобы дать какой-либо отзыв на прочитанное, но дал возможность почувствовать, что его заинтересовала моя деятельность, направленная на широкое и многостороннее использование математической статистики. Речь пошла о математических методах планирования эксперимента, которыми тогда в нашей стране никто еще серьезно не занимался, а сам

[2] Позднее книга была переиздана на английском языке: V. V. Nalimow. **The Application of Mathematical Statistics to Chemical Analysis.** Oxford, etc.: Pergamon Press (USA – distributed by Addison-Wesley), 1963, 294 p. По Индексу цитирования Гарфилда SCI за 1965 – 1988 годы книга цитировалась 893 раза.

Андрей Николаевич к этому направлению относился с некоторой настороженностью.

Позднее Андрей Николаевич направил ко мне на практику свою студентку — Наташу Чернову. Она подготовила у меня и дипломную работу по планированию эксперимента. На семинаре Колмогорова с докладами о планировании «поверхностей отклика» выступили Н. А. Чернова и я. Здесь Андрей Николаевич дал оценку, сказав, что это были самые интересные и серьезные сообщения на его семинаре. Позднее я получил приглашение[3] от А. Н. выступить на VII Всесоюзном совещании по теории вероятностей и математической статистике (Тбилиси, 1963) с часовым докладом на тему «Методы планирования эксперимента».

В конце 1965 года А. Н. пригласил меня перейти на работу во вновь организованную им межфакультетскую Лабораторию статистических методов[4] в должности заведующего Отделом математической теории эксперимента.

2. *Организация Лаборатории*

Когда я пришел на новую работу, Андрей Николаевич предложил мне стать первым его заместителем. Это было неожиданно. Первоначально другое лицо намечалось на эту должность. Комнаты в лабораторном корпусе «А», где разместилась наша Лаборатория, были распределены так, что отведенное мне помещение находилось далеко от общей канцелярии и кабинета Андрея Николаевича. Я не был ранее сотрудником факультетской лаборатории Колмогорова. Моя биогра-

[3] Лично написанное приглашение – это забытое теперь проявление демократизма и уважения.

[4] Решение о создании такой Лаборатории А. Н. принял после возвращения из Индии, где он был поражен размахом работ по применению методов математической статистики. В то время в Индии, в институте, руководимом Махаланобисом, работало около 2000 человек. Ничего подобного не было в нашей стране. В факультетской Лаборатории, руководимой А. Н., было около 20 сотрудников.

фия по тем временам была все же подозрительной. Я не был членом партии, правда, не был им и сам А. Н., но он пользовался полным доверием.

Лаборатория была задумана как небольшой институт. В ней, кроме обычных рабочих помещений, было предусмотрено: большое помещение для специализированной библиотеки с просторным читальным залом; помещение для ЭВМ; аудитория, вмещающая около 100 человек. Штатный состав (включая хоздоговорные штаты) вскоре был доведен до 130 человек (если он продолжал увеличиваться и дальше, то А. Н. начинал сердиться).

Библиотеке уделялось особое внимание: в ней предполагалось собрать наиболее полно литературу по математической статистике и теории вероятностей. Зарубежные журналы получались частично за счет обмена, книги — за валютные средства, пожертвованные лично Андреем Николаевичем. Журналы прошлых лет были полностью восстановлены путем ксерокопирования.

Лаборатории была предоставлена практически неограниченная возможность издания препринтов, тиражом от 100 до 500 экземпляров.

Задачи, поставленные перед Лабораторией, формулировались примерно так: изучение и дальнейшая разработка вероятностно-статистических методов; их пропаганда и широкое внедрение в научную, инженерную и медицинскую практику; хоздоговорная деятельность; педагогическая и издательская деятельность; проведение общемосковских семинаров, летних научных школ, участие в конференциях.

За деятельностью Лаборатории пристально наблюдал тогдашний ректор Университета И. Г. Петровский. Я имел возможность постоянно встречаться с ним. Если какой-либо изданный нами препринт не поступал к нему, то немедленно следовал телефонный звонок от одной из его секретарш с просьбой: «Пожалуйста, пришлите!» В то время развитие науки в нашей стране находилось на подъеме, а возможности Петровского были почти неограниченными — он мог не считаться ни

с Минвузом, ни даже лично с министром — Елютиным.

Работа Лаборатории развернулась очень быстро [5]. Это легко показать на примере руководимого мною отдела.

Сразу же большой отклик получило планирование эксперимента, особенно планирование «поверхностей отклика» (поиск оптимальной области для полиномиальной модели). Первыми здесь, естественно, откликнулись аспиранты (их тогда было много, и работали они с энтузиазмом). Они сразу же поняли все преимущества этого метода. Привлекало здесь прежде всего существенное сокращение времени экспериментальной работы, особенно в ситуации, когда надо было варьировать многими факторами. Успех здесь был достигнут благодаря тому, что мы тогда регулярно проводили продолжительные *школы* в различных регионах нашей страны. На эти школы собиралось по 150 и более участников.

Если говорить о чисто научных достижениях моего отдела, то здесь можно отметить следующее:

(1) Удалось показать, как практически могут быть использованы серьезные, математически отчетливо обоснованные критерии оптимальности планов для моделей полиномиального типа (ранее эти критерии были предложены американским математиком Кифером в плане чисто теоретическом

---

[5] Лаборатория в момент ее организации состояла из восьми отделов:

1. Теоретический отдел (заведующий — А. Н. Колмогоров).
2. Отдел теории вероятностей и случайных процессов (заведующий А. Н. Ширяев (на общественных началах)).
3. Отдел планирования эксперимента (заведующий — В. В. Налимов).
4. Отдел статистических методов в медицине (заведующий — Л. Д. Мешалкин; после его отъезда на длительный срок в Швейцарию обязанности заведующего исполнял Ю. Н. Благовещенский).
5. Отдел теории надежности и массового обслуживания (заведующий — Ю. К. Беляев).
6. Отдел статистических методов в геологии (заведующий А. М. Шурыгин).
7. Отдел вычислительной техники (заведующий С. В. Фомин (позднее — В. М. Волосов), начальник ЭВМ О. Н. Кутепов).
8. Библиотека (заведующая А. С. Ягодкина).

возможность их практического применения была не ясна). Построены были (с помощью ЭВМ) каталоги компромиссных планов, отвечающих целому семейству критериев.

(2) Удалось существенно проникнуть в понимание задач планирования эксперимента, направленного на выявление механизма изучаемого явления с обращением к конкурирующим моделям, не линейным по параметрам. (Напомним, что традиционно гипотеза о механизме того или иного явления выдвигалась исследователем интуитивно и поддерживалась экспериментом, который мог быть далеко не оптимален для поставленной задачи.)

В результате проделанной работы (которая продолжалась в какой-то степени и после расформирования Лаборатории в 1975 г.) удалось превратить планирование эксперимента в математическую, т. е. отчетливо аксиоматизированную, дисциплину. Логические ее основания оказались легко формулируемыми [6].

---

[6] Укажем здесь на ряд существенных публикаций: В. В. Налимов и Н. А. Чернова. **Статистические методы планирования экстремальных экспериментов**. М.: Физматгиз, 1965, 340 с. Как отмечалось выше, книга была переиздана в Польше (1967); в США имеется ее английский перевод (микрофильм, 1968). В Индексе Гарфилда ISI указано, что за 1965—1988 гг. она цитировалась около 1000 раз.

Новые идеи в планировании эксперимента. Сборник статей под ред. В. В. Налимова. М.: Физматгиз, 1969, 334 с. V. V. Nalimov, T. I. Golikova, N. G. Mikeshina. On the Practical Use of the Concept of D-Optimality. **Technometrics,** 1970, № 12, p. 799—812.

Позднее эта тема развивалась в моем докладе «Systematization and Classification of the Experimental Designs» на Colloquia Mathematica Societatis Janos Bolyai (9 European Meeting of Statisticians, Budapest, 1972). А. Н. Колмогоров присутствовал на этом докладе и, видимо, остался доволен им.

В. В. Федоров. **Теория оптимального эксперимента.** М.: Наука, 1971, 312 с. Переиздана в США: V. V. Fedorow. **Theory of Optimal Experiment.** New York: Academic, 1972, 292 p.

В. В. Налимов. **Теория эксперимента.** М.: Наука, 1971, 207 с. Перевод на немецкий язык: **Theorie des Experiments.** Berlin: VEB Deutscher Landwirtschaftsverlag, 1975, 159 S. V. V. Nalimov. Logical Foundations of Applied Mathematics. **Synthese**, 1974, № 27, p. 211—250.

В. В. Налимов и Т. И. Голикова. **Логические основаиия планирования эксперимента**. Второе расширенное и переработанное издание (первое издание — 1976 г.). М.: Металлургия, 1981, 128 с. **Таблица планов эксперимента для факторных и полиномиальных моделей.** Справочное издание под редакцией В. В. Налимова. М.: Металлургия, 1982, 751 с.

Необычайно высокая эффективность планирования эксперимента вызвала недоумение у некоторых статистиков-профессионалов, в том числе и у А. Н. В БСЭ (том 19, 1975) написано:

> Начало П. э. положили труды англ. статистика Р. Фишера (1935), подчеркнувшего, что рациональное П. э. дает не менее существенный выигрыш в точности оценок, чем оптимальная обработка результатов измерения.

В действительности у Фишера дается иная сравнительная характеристика традиционных статистических методов оценивания и методов планирования эксперимента:

> С методологической точки зрения я мог видеть превосходство одних методов над другими в смысле извлечения большей информации из данных, относящихся к области исследования, и вытекающие из этого более правильные оценки и большую чувствительность в проверке значимости. И мне тогда часто приходилось наблюдать, что наиболее разработанные статистические методы могли повысить точность оценок всего лишь на несколько процентов, тогда как применение другого плана, не требующего больших дополнительных экспериментальных усилий, могло повысить точность в два, пять или даже больше раз, сообщая одновременно добавочную информацию и способствуя появлению дополнительных, относящихся к делу вопросов, для которых исходный план был совершенно неинформативным [7].

Завершающая работа была опубликована в юбилейном издании, посвященном 100-летию International Statistical Institute: V. V. Nalimov, T. I. Golikova & Yu. V. Granovsky. Experimental Design in Russian Practice. In: **A Celebration of Statistics.** The ISI Centenary Volume. Chapter 21. New York etc., Springer-Verlag, 1985, p. 475—496. Это была единственная статья авторов из нашей страны, помещенная в этом сборнике.

[7] R. A. Fisher. The Place of the Design of Experiments in the Logic of Scientific Inference. **Sankhya**, The Indian Journal of Statistics, Series A, 27, I, 1965, p. 33 –38.

3. Зарисовка некоторых мыслей Андрея Николаевича

I

Первое, что меня поразило,— это удивительная озабоченность Андрея Николаевича практическими приложениями. Он, будучи активно работающим математиком-мыслителем, живущим в мире абстрактных идей, взял на себя тяжкий труд по созданию и руководству Лабораторией в условиях, явно неблагоприятных для этого. Многие его коллеги-математики не одобряли эту деятельность, как, впрочем, и его преподавательскую деятельность в средней школе. Казалось, что он зря затрачивает свой выдающийся талант на задачи второстепенные.

И все же задача широкого применения математики была отнюдь не тривиальной. Противостояние этому шло не только со стороны некоторых математиков, но также и со стороны многих серьезных представителей естественных и технических наук. Особенно сильным было противостояние вероятностно-статистическим методам. Надо всем довлела парадигма жесткой детерминированности. Были и опасения, связанные с тем, что математизация традиционно нематематизированных областей знания не обойдется без вульгаризации.

Лаборатория, созданная Андреем Николаевичем, вызывала у него непрестанное беспокойство. С одной стороны, его смущала существовавшая у некоторых руководящих работников Лаборатории устремленность скорее к теоретическим разработкам, чем к их конкретным приложениям. С другой — он опасался притока в Лабораторию тех, кто стал активно заниматься приложениями математики, не понимая достаточно хорошо того, что́ есть математика. Мне он дал право принимать сотрудников на все должности, кроме должности старших научных сотрудников, определяющих, как он говорил, научное лицо Лаборатории. Здесь он принимал решение сам, предварительно знакомясь с публикациями предлагаемых кандидатур. Вот один относящийся сюда эпизод: я как-то принес ему пачку отти-

сков работ одного рекомендуемого мною кандидата на должность с.н.с. Познакомившись с ними, А. Н. сказал категорически «нет», показав мне, без всяких комментариев, строчку, где было написано: «...многомерная точка».

Да, конечно, исследователь, близкий к математике, не мог бы допустить такую оговорку.

И все же нападки некоторых математиков на деятельность Лаборатории не прекращались. Они нередко касались и меня лично. Обычно А. Н. отвечал на это примерно так: «Посмотрите, сколько людей обращаются к нам за консультацией!» Однажды, будучи в хорошем настроении, он сказал мне:

Прихожу на днях к ректору и слышу от него следующее: «Математики говорят, что Налимов оскорбляет их».

— В чем конкретно? — последовал вопрос.

Об этом почему-то не было ничего сказано.

— Ну что же тогда обсуждать?

Но не все было так безобидно. Как-то на Мехмате МГУ не прошла защита докторской диссертации по планированию эксперимента. Меня тогда не было в Москве. Вернувшись, я понял, что резкое выступление против соискателя было основано на недоразумении — на непонимании одной из особенностей планируемого эксперимента. Диссертант растерялся и не мог вовремя возразить. Я обратил внимание А. Н. на это недоразумение. Он сразу же понял и сказал: «Но ведь голосование уже состоялось». Мы обсудили с ним дальнейшие шаги, и все было улажено, правда в другом Совете.

В связи со сказанным выше хочется вспомнить и отношение А. Н. к *кибернетике*. Известно, что он не сразу воспринял эту новую проблему. Но позднее я неоднократно слышал его интересные высказывания на эту тему, в том числе и публичные. Одно время идеи кибернетики явно заинтересовали его. Но в то же время он был настроен против создания Института кибернетики в Академии наук СССР. И такой институт не был создан в Москве. Многих это огорчало. Я обсуждал эту тему с Б. В. Гнеденко, А. А. Ляпуновым, А. И. Бергом.

Никто из нас не знал тогда, чем мотивировал А. Н. свое негативное отношение. Но теперь мне представляется, что он был прав. Ничего серьезного здесь получиться не могло. Кибернетика не могла (как я говорил выше в гл. XII) состояться как математическая, отчетливо аксиоматизированная дисциплина.

II

Чем был обусловлен интерес Андрея Николаевича к практическим приложениям?

На этот вопрос ответить нетрудно. Прежде всего, к математическому творчеству А. Н. не подходил (как это можно было бы ожидать) с позиций платоновско-кантовских представлений. Написанная от его имени статья «Математика» (БСЭ, т. XV, 1974) начинается цитатой из Энгельса, где мы читаем такие слова:

> Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира.

Далее в статье следует комментарий:

> Абстрактность М., однако, не означает ее отрыва от материальной действительности. В непрерывной связи с запросами техники и естествознания запас количественных отношений и пространственных форм, изучаемых М., непрерывно расширяется, так что данные выше общие определения М. наполняются все более богатым содержанием.

Из этих слов с очевидностью следует важность взаимодействия математики с внешним миром. Правда, надо отметить, что в беседах со мною А. Н. неоднократно подчеркивал важность дедуктивного мышления и даже как-то упрекал меня в том, что, обращаясь к планированию эксперимента, я придаю слишком большое значение индуктивному мышлению.

Но, может быть, еще более серьезным было то обстоятельство, что А. Н. чувствовал очень большую ответственность перед страной. Почему — я этого не

знаю. Этот вопрос имеет уже политическое звучание. А наши отношения с ним сложились так, что политических тем мы не должны были касаться. И если я иногда задавал вопрос, имеющий политический оттенок, то разговор немедленно обрывался. От него я ни разу не слышал критических высказываний политического характера, хотя то время явно носило (как теперь принято говорить) отпечаток «застоя». Правда, однажды — во времена солженицыновской эпопеи — он попросил меня зайти к нему в тот же вечер и поговорить с ним и другими (упоминался здесь Павел Сергеевич Александров) о лагерных обстоятельствах. Я отказался (этот вечер у меня был уже занят) и предложил любое другое время. Но больше к этой теме он не возвращался.

Хочется здесь обратить внимание и еще на одну особенность А. Н. Одевался он почему-то вызывающе просто: в какую-то старомодную и выношенную одежду. Выглядел внешне не то как пенсионер-бухгалтер, не то как лицо, давшее обет бедности. Помню, мы где-то обедали вместе с ним. Он почему-то очень долго отсчитывал деньги, и официантка, получившая много больше положенного, долго внимательно и удивленно разглядывала его.

III

Каким должен быть уровень строгости при практическом применении математики?

Это кардинальный вопрос, определяющий успех работы математика прикладной направленности. Если изложение результата исследования будет излишне усложненным, то он не будет понят теми, для кого он предназначен; если будет слишком упрощенным, то может повести к вульгаризации. Как может быть найден компромисс? Как-то Андрей Николаевич мне сказал, что требования, предъявлявшиеся Л. Н. Большевым [8], он считает чрезмерными, и был крайне удивлен,

[8] Логин Николаевич Большев — известный математик, занимавшийся проблемами математической статистики.

когда я ему сказал, что первую мою книгу по применению математической статистики рекомендовал к печати именно Большев, рецензировавший рукопись по просьбе издательства. Правда, позднее Большев, полагая, что будет второе издание книги, любезно прислал мне 38 замечаний к ней, в которых предлагались различного рода уточнения и дополнения. Естественно, что расширение текста, отвечающее этим замечаниям, сделало бы изложение материала более строгим, но одновременно оно стало бы и более тяжеловесным. Для неподготовленного читателя многие разъяснения, связанные с этими замечаниями, остались бы просто малопонятными. Как нужно было бы поступить в этом случае? Размышление на эту тему потеряло свою остроту, поскольку второе издание оказалось невозможным по соображениям планово-административного характера. И все же вопрос остается: на кого должен ориентироваться автор, пишущий книгу прикладной направленности,— на предполагаемого читателя или на рецензента, склонного к изысканной строгости?

IV

Поставленный выше вопрос можно было бы переформулировать так: какова должна быть математическая подготовленность нематематика, желающего использовать в своей работе вероятностно-статистические методы? Этот вопрос приобретает особую остроту в связи с тем, что широкое развитие вычислительной техники позволяет обращаться к программам и совсем не подготовленным пользователям. Опасность такого рода деятельности состоит в том, что прикладная математика все же всегда остается дедуктивной наукой. Модель нельзя получить непосредственно из экспериментальных данных, не опираясь на предпосылки, привносимые исследователем. Скажем, нужно отчетливо понимать, что результаты кластер-анализа всегда несут в себе некоторую неопределенность — они зависят от метрики пространства, сконструированного исследователем (т. е. от выбора шкал, в ко-

торых представляются измерения). Или другой пример: нужно четко осознавать, что оценки коэффициентов регрессии в реальных задачах так называемого пассивного (т. е. непланируемого) эксперимента всегда все же оказываются смещенными в силу того обстоятельства, что никогда нельзя включить в рассмотрение все независимые переменные, ответственные за изучаемое явление. Можно поставить задачу и шире: всегда ли адекватны изучаемой ситуации исходные положения фишеровской концепции математической статистики?

Эту тему я многократно обсуждал с Андреем Николаевичем (дискуссии по этой теме время от времени вспыхивают в научных журналах).

Рассматривая эту тему, я предложил ввести новую междисциплинарную специализацию. Речь здесь шла о подготовке в Университете выпускников смешанного профиля – скажем, математически ориентированных биологов, психологов и пр. Соотношение изучаемых дисциплин — математических и предметных — могло бы быть 1 : 1. Специалист такого профиля мог бы выступать в роли консультанта, поддерживающего на должном уровне процесс математизации таких научных дисциплин, которые традиционно развивались, не опираясь на математические знания. Во многих зарубежных странах такой процесс давно начался. Там обрела право на существование такая специальность, как *биометрика*[9]. Специалисты этого профиля выступают не только в роли консультантов, но и в роли организаторов больших межклинических и межлабораторных исследований. Несколько лет назад подготовка специалистов по биометрике началась в бывшей ГДР (Ростокский университет, руководитель программы — профессор Д. Раш).

В те годы Андрей Николаевич поддержал мое пред-

[9] В 1985 г. в Венгрии состоялась первая Европейская конференция по биометрике, организованная Международным биометрическим обществом. В это Общество входит более 6500 членов из 70 стран. Наша страна до сих пор не входит в него. На упомянутой выше конференции от нас было два представителя, а от ГДР – около тридцати.

ложение. Сохранилось его письмо, содержащее детальное обсуждение математической составляющей такой программы.

Но реализовать этот замысел все же не удалось. Не поддержал его ректор — И. Г. Петровский. Резко отрицательно к нему отнеслись в тогдашнем Минвузе. Одна из руководящих сотрудниц этого Министерства раздраженно заметила: «А что же мы тогда напишем в дипломе?» Жесткая регламентация довлела надо всем, и в том числе над структурой университетского образования.

V

Теперь стало ясно, что подготовка специалистов междисциплинарного профиля может быть обоснована и с других, пожалуй, более серьезных позиций. Опыт показывает, что приложение математики в таких науках, как биология, психология, языкознание и социология, не должно ограничиваться решением только внешних задач операторного характера (обработка данных, планирование эксперимента). Здесь назревает задача создания своего собственного математизированного языка для построения аксиоматизированных теорий по аналогии с тем, как это произошло в физике. Существенно математизированным, как это мне представляется, должен стать язык для создания теории смыслов, так же как, скажем, язык, на котором могла бы быть построена теория проявления живого. Понимая роль *полевых* представлений в современной физике, хочется думать о возможности введения аксиоматизированных представлений о биологических (морфофизиологических) и семантических полях. Но трудно заранее представить себе, на какие разделы математики будут опираться эти представления. Можно сказать только одно — здесь нужны мыслители, знающие как предметную область, так и математику в широком раскрытии. Но работать в междисциплинарной области опасно — всегда можно попасть под удар со стороны представителей монодисциплинарного знания: их локальная эру-

диция будет выше эрудиции полидисциплинарного исследователя. Опыт моей более чем 40-летней работы в прикладной вероятностно ориентированной математике показал мне, что как математики, так и представители конкретных наук стараются не уходить далеко за пределы их исходного образования.

Мысленно обращаясь к прошлым беседам с А. Н., я думаю, что в наши дни — дни становления нового — он включился бы в поиски путей подготовки ученых широкого профиля. Сам А. Н. не раз говорил, что он не только математик, но и естествоиспытатель.

Последний раз я был у А. Н. незадолго до его ухода из жизни. Эта беседа уже не могла быть продуктивной.

VI

Из всех суждений Андрея Николаевича самым существенным для меня было, пожалуй, его часто повторявшееся высказывание, звучавшее примерно так: «Мы имеем по крайней мере одно весьма серьезное преимущество — владеем вероятностным мышлением». Он никогда не эксплицировал эту мысль — ее надо было понимать в зависимости от ситуации, в которой она произносилась.

Мне представляется, что разговор о *вероятностном мышлении* относится не столько к развитию самой математики (теория вероятностей такая же математическая дисциплина, как и все другие), сколько к использованию математики для вероятностного описания внешнего мира, минуя тот жесткий детерминизм, в который западная культура была погружена изначально. Естествоиспытатель, обращенный к вероятностно-статистическим представлениям, начинает мыслить иначе, чем это было традиционно принято. Напомним, что идея *случайности* обрела познавательное значение сравнительно недавно. Первые толчки этому дали: статистическая физика, прикладная математическая статистика (включая контроль качества, биометрику и пр.), квантовая механика. Вызывающе прозвучала субъективная (бейесовская) статистика.

Вероятностно-статистическое оценивание физико-химических параметров привлекло мое внимание еще в 30-е годы, в самом начале моей научной деятельности. В начале 50-х годов появились мои публикации по изучению ошибок химического анализа. Пользуясь дисперсионным анализом, удалось показать, что в стандартной аналитической практике имеет место непредвиденно большое рассеяние результатов, совершенно не укладывающееся в представления классически воспитанного химика, для которого химия — наука точная. Именно обобщение этих работ привело меня к встрече с Андреем Николаевичем. Планирование эксперимента, заинтересовавшее А. Н., могло бы, в его элементарной трактовке, возникнуть еще в постдекартовское время или, во всяком случае, в дни создания линейной алгебры. Но возникло оно лишь в 20-е годы нашего времени усилиями Р. Фишера — вероятностно мыслящего математика, бывшего одновременно и естествоиспытателем.

Здесь, естественно, возникал вопрос: как далеко может простираться вероятностное мышление? Может ли оно охватить гуманитарные науки — в том числе и те из них, которые непосредственно соприкасаются с философией?

Старшие сотрудники Лаборатории, насколько я мог судить, относились весьма настороженно к такой перспективе. Правда, под руководством Андрея Николаевича в Лаборатории проводилось статистическое изучение стихотворного ритма (А. В. Прохоров). Но эту деятельность старались как-то не замечать. Я в это время заинтересовался использованием количественных методов в науковедении. Впоследствии привился предложенный мною термин *наукометрия*, но тогда, по крайней мере в нашей стране, это звучало несерьезно: считалось, что в науковедении надо было заниматься изучением неких жестко детерминированных закономерностей функционирования и развития науки.

Помню, что как-то, зайдя к Андрею Николаевичу, я застал его просматривающим очередной том Б о л ь-

шой Советской Энциклопедии. Обращаясь ко мне, он сказал:

— Вот, В. В., сколько лет мы занимаемся здесь различными проблемами, а в Энциклопедию попала только ваша наукометрия, а ведь мы все относились к этому несколько иронически.

Буквально в БСЭ (т. XVII, 1974) было написано следующее:

> Оформилась область статистич. исследования структуры и динамики информац. массивов науки и потоков научной информации (наукометрия) (с. 981).
>
> Проблема наукометрии разрабатывается в лаборатории математической статистики МГУ и Всесоюзном институте научной информации (с. 982).

Далее была указана книга[10]: В. В. Налимов и З. М. Мульченко. **Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса**. М.: Наука, 1969, 191 с. Книга была переиздана в Польше (1971) и Венгрии (1980). В США ее перевод доступен на микропленке (Translation Division, United State Air Force Systems Command, 1971). Готовится (с таким опозданием) издание книги в Китае.

Следующий мой еретический шаг — обращение к построению вероятностной модели языка. Мне хотелось понять, почему мы, люди, понимаем друг друга, когда пользуемся языком, слова которого не имеют атомарных смыслов. Мне представлялось естественным воспользоваться здесь вероятностными представлениями. Но это вызвало явное раздражение у коллег. Казалось, что я стал заниматься чем-то недопустимым, научно недозволенным.

Был назначен мой отчетный доклад (в Лаборатории не было традиции заслушивать отчетные доклады заве-

[10] Выяснилось, что ранее меня наукометрическими исследованиями (в математике) стал заниматься А. Г. Курош. Он не знал о существовании гарфилдовского Индекса цитирования и всю работу проводил сам, просматривая непосредственно журналы. Много интересных бесед мы провели с ним. На мой вопрос, почему он не публикует результаты своих наукометрических исследований, ответ прозвучал примерно так: «Боюсь, что это сократит мою жизнь».

дующих отделами). Сразу же после доклада Андрей Николаевич встал и сказал примерно следующее: «В. В. ученый такого ранга, что может заниматься тем, чем хочет» — и вышел, хлопнув дверью. Все разошлись. Мне не было задано ни одного вопроса, не высказано ни одного суждения.

Появилась моя книга о вероятностном понимании языка [11]. Андрей Николаевич, познакомившись с первым изданием, сказал мне с усмешкой: «При случае я готов буду вас покритиковать, но не за то, о чем вы думаете». Но этот случай почему-то так и не представился.

Позднее я обратился к вероятностному пониманию природы сознания. Здесь речь уже пошла о возможности использования некоторых математических представлений при обсуждении проблем, традиционно относящихся к философии.

Многое относящееся к этой теме уже опубликовано. Одна из последних работ – книга **Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности** (М.: Прометей, 1989, 287 с.). Я отдаю себе отчет в том, что, публикуя такие работы, ставлю себя под удар: они очень уж далеко уходят за границы дозволенного, установленные существующей парадигмой. И в зарубежных изданиях я встретил такие отклики: «Нет, это, конечно, не философия и тем более не наука. Это гипернаука, то, что может получить отклик в будущем». Или: «Ставятся только вопросы, а ответов нет». Да, я думаю, что мы переходим сейчас в новую фазу культуры — культуру вопросов, в которой ответом на вопросы будут не утверждающие высказывания, а новые, более глубоко сформулированные вопросы.

---

[11] В. В. Налимов. **Вероятностная модель языка**. 1-е издание 1974 г., 2-е, расширенное, 1979 г. М.: Наука, 303 с. Повторное издание книги в издательстве «Наука» — событие отнюдь не ординарное — оказалось возможным благодаря особому стечению обстоятельств: неожиданно появилась совсем краткая рецензия Лица, с которым нельзя было не считаться. Книга была также переиздана в Польше (1976) и США (1981).

Но как бы ни оценивалась моя деятельность, она стала возможной благодаря разрешению, данному мне А. Н. Это разрешение каким-то образом сохранилось и до наших дней.

4. За кулисами сцены

Раньше не было принято писать о том, что происходило за кулисами видимых событий. Теперь времена стали меняться, и мне хочется сообщить кое-что, о чем принято было молчать. Хочется рассказать о том, как мне трудно было управляться с Лабораторией, когда А. Н. надолго отлучался из Москвы.

I

Как-то меня вызывает главный инженер корпуса, и между нами происходит такой разговор:

— Приходили они — оттуда.

— Ну и что?

— Сказали, что вы должны уволить двоих.

— Почему?

— Об этом ничего не сообщили.

— А почему они приходили к вам, а не ко мне?

— Не знаю.

— А если только они знают, за что увольнять, то пусть и увольняют сами.

— Как же так?

— Да вот так.

II

Возвращаюсь как-то из отпуска и, подписывая табель, вижу вдруг фамилию нового сотрудника. Спрашиваю администратора: «Почему приняли сотрудника без согласования со мной?» Ответ: «Мы получили такое указание». Пытаюсь увидеть нового сотрудника — не получается. Наконец, звоню ему по телефону домой:

Почему вы не ходите на работу?

— Мне некогда.

— Как это «некогда»?

— Я игрок. Понимаете?

– Нет.

— Играю ночью в карты, а днем сплю.

— Так зачем же поступили к нам?

— Отец пристал.

— Подайте заявление об увольнении.

— Могу, хоть сейчас.

Потом звонок от его отца:

— Почему вы уволили моего сына? Вы должны его воспитывать.

— Должны? Разве у нас здесь исправительно-воспитательное заведение?

III

Опять телефонный звонок, но теперь уже с факультета:

— Почему соруководителем одного из семинаров оказался Л. Л.?

— Не понимаю вопроса. Почему он не может выступать в этой роли, будучи сотрудником Лаборатории и аспирантом А. Н.?

— Вы знаете, какие неприятности были из-за него? Уволить его надо немедленно.

– До возвращения А. Н. я ничего предпринимать не буду.

Вернувшись, А. Н. попросил Л. Л. уволиться, устроив его работать в другом, вполне благоприятном месте. А мне опять телефонный звонок:

– Почему Л. Л. продолжает ходить на семинар?

— Если у вас есть право запретить Л. Л. ходить на семинары, то, пожалуйста, передайте соответствующее распоряжение вахтерам корпуса.

Еще один звонок с тем же требованием. Я отвечаю:

— Что же мне делать: взять метелку и бегать за ним и где-нибудь в углу придушить?

Проходит несколько лет, и я неожиданно получаю

большой анонс с перечнем докладов на семинаре в Бостонском университете. Читаю названия докладов — сколько знакомых до боли, близких тем! А читает-то их, оказывается, Л. Л. — теперь профессор Бостонского университета.

Обстановка обострялась. Мое непослушание возмущало. Мне было предложено вступить в партию. Я отказался.

Затем мне сообщают, что я освобожден от исполнения обязанностей первого заместителя заведующего Лабораторией. На эту должность назначается И. Г. Журбенко.

5. Гибель Лаборатории

Неожиданно скончался И. Г. Петровский. Его сердце не выдержало сурового разговора за кулисами одного из высших ярусов идеологической системы.

Я всегда с сердечной теплотой вспоминаю Ивана Георгиевича. Он любил Университет — отдавал ему все свои силы, и в годы его ректорствования Университет действительно процветал (так, как это было возможно в те годы). Но не все было просто: однажды по совету А. Н. я обратился к И. Г. с просьбой поддержать мою намечавшуюся тогда командировку на Запад. Он резко отказал. Выражение его лица сделалось мрачным, отчужденным. Я ответил, что больше с подобной просьбой к нему не обращусь.

Но вот другое. За несколько дней до смерти И. Г. я поднимался в переполненном лифте Главного здания и вдруг почувствовал, что кто-то стал мне крепко пожимать руку; оглядываясь, вижу И. Г. Он сказал, что теперь должен будет меня всегда поддерживать. Я, кажется, понял, почему...

Сразу же после смерти И. Г. выяснилось, что наша Лаборатория существует нелегально. Как могло случиться, что в течение почти десяти лет более 130 сотрудников незаконно получали зарплату? Но так случилось: в структуре университетов, утвержденной Минвузом,

межфакультетскими лабораториями действительно могли быть только проблемные лаборатории; наша Лаборатория не имела этого статуса. Иван Георгиевич (будучи непартийным) обладал особыми правами — он мог не подчиняться Минвузу и часто не подчинялся.

Теперь Минвуз решил восстановить попранную честь. Было предложено расформировать Лабораторию, разбросав ее по различным факультетам. Так, в угоду административно-командной системе, был разрушен уникальный коллектив, складывавшийся в течение десяти лет. Была, правда, альтернатива — добиться статуса проблемной лаборатории, но это было совсем непросто. Андрей Николаевич принял первый вариант. Почему? Мне он это не разъяснил. Он был явно чем-то огорчен и раздражен.

При расформировании Лаборатории ее сотрудники были распределены между пятью факультетами Университета.

Часть сотрудников перешла на Мехмат, где была создана кафедра математической статистики (заведующий кафедрой — А. Н. Колмогоров). При кафедре была организована Лаборатория статистических методов (заведующий — И. Г. Журбенко), в которую влились: Отдел теории вероятностей и случайных процессов, Отдел теории надежности и массового обслуживания и Отдел вычислительной техники.

На Биологический факультет был переведен Отдел планирования эксперимента под новым названием: Лаборатория математической теории эксперимента.

На Геологический факультет был переведен Отдел статистических методов в геологии.

Часть сотрудников перешла на Химический и Географический факультеты.

Биологический факультет гостеприимно принял новую Лабораторию — еще и до этого воссоединения у нас были установлены хорошие научные контакты. Но сфера деятельности, конечно, радикально изменилась — она приобрела существенно биологическую направленность. Большое внимание было уделено преподаванию биометрики и компьютерной техники студен-

там, аспирантам, сотрудникам своего факультета и биологических факультетов других университетов страны, а также сотрудникам сельскохозяйственных учреждений. Существенно то, что преподавание велось на биологических примерах; слушателям даже предлагалось приезжать на обучение со своими нерешенными задачами. Появилась новая задача — включиться в комплексное обучение в области охраны среды обитания.

Математическая лаборатория Биофака — это, пожалуй, самый большой осколок, оставшийся от Лаборатории Колмогорова. В ней работали 22 25 человек, из которых было подготовлено 10 кандидатов наук.

И все же гибель Лаборатории Колмогорова трагична. Оказался уничтоженным единственный в нашей стране центр, занимавшийся методологическими аспектами вероятностно-статистического моделирования. И это не может не сказываться на уровне отечественных прикладных работ. Надо со всей серьезностью признать, что прикладная математика оказалась не подготовленной для решения ряда практических задач — таких задач, как понимание природы живого, охрана среды обитания, задач экономического и социального развития. Отстает прикладная математика и от возможностей стремительно растущей компьютерной техники.

Сейчас под натиском административных требований наша Лаборатория включена в состав Лаборатории системной экологии под руководством профессора В. Н. Максимова на кафедре позвоночных и общей экологии.

Андрей Николаевич был одним из тех немногих, кто понимал всю полноту экзистенциальной ответственности ученого.

* * *

Из жизни ушел гений. Вместе с ним ушла и целая эпоха. Свой неисчезающий след он оставил не только

в чистой математике, не только в педагогике, но и в приложениях — в том, что можно назвать деятельностью математически ориентированного естествоиспытателя. Ушел, оставаясь загадкой даже для тех, с кем ему пришлось совместно проработать годы.

Глава XIV

НА БИОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ. В ПОИСКАХ НОВОГО МИРОПОНИМАНИЯ

1. В плане историческом

Итак, весна 1975 года. Я вместе со своими сотрудниками оказываюсь на Биологическом факультете в должности заведующего лабораторией математической теории эксперимента. Штатный состав Лаборатории колебался от 20 до 25 человек. В основном это были математики.

Сотрудникам Лаборатории пришлось изменить направленность своей работы. Если ранее, в Лаборатории Колмогорова, мы были заняты главным образом методологическими разработками, опробуя их в различных областях научных и технических исследований, то теперь задачей нашей стало математическое, точнее, вероятностно-статистическое обслуживание биологических разработок. Я предложил каждому серьезному сотруднику самому искать область применения знаний и опыта.

Сам я хорошо понимал, что надо делать нечто большее. Надо сформулировать мировоззрение, открывающее возможность математического осмысления живого начала. Иначе работа математика превратится в ремесло — в решение вспомогательных задач стандартными методами, разработанными без учета особенностей поставленной задачи.

Надо было взять какой-то наиболее важный аспект живого и попытаться рассмотреть его, обращаясь к математическим представлениям. Я выбрал объектом ис-

следования *сознание* как наиболее серьезный и в то же время наиболее понятный нам объект живого. Этот выбор соответствовал и моим прежним философским интересам [1].

Над этой темой я стал работать с небольшой группой из 3—5 человек. Среди них особенно выделились трое: А. В. Ярхо, которая в течение 20 лет была неизменным переводчиком моих работ, машинистка О. Н. Мартынова, бережно и внимательно относившаяся к моим текстам, и Ж. А. Дрогалина. Будучи по образованию лингвистом, она быстро поняла мою постановку задачи. Увлекшись ею, стала моим ближайшим помощником.

Я понимал, что избранная мною постановка задачи соответствовала скорее психологическому или философскому факультету, чем биологическому. Но у психологов и тем более у философов я работать не смог бы, так как мой подход противостоял их настроенности, которую они ревностно охраняли, не допуская в свою среду ничего нового. С биологами было проще, я поначалу не очень сильно задевал непосредственно их идейную ориентированность и был нужен им как руководитель большой группы математиков-статистиков.

Деятельность сознания характеризуется прежде всего взаимодействием со смыслами. Поэтому естественно было начать с изучения языка — носителя смыслов. Первая сформулированная мною задача звучала так: «Почему мы, люди, понимаем друг друга, когда пользуемся словами, имеющими неоднозначные смыслы?» В этой постановке задача имела кибернетическое звучание, поскольку с решением ее связано и будущее искусственного интеллекта. Естественно было искать ответ на этот вопрос, обращаясь к вероятностным представ-

[1] Желая понять принцип *самоорганизации*, я начал с осмысления сознания человека, затем попытался понять биосферу как самоорганизующуюся систему и, наконец, совсем недавно попытался расширить принцип самоорганизации, включив в него Вселенную в целом. В моей системе самоорганизация порождается сознанием. Отсюда у меня возникло представление о вездесущности слабых форм сознания, которые могут быть названы квазисознанием.

лениям, поскольку вероятностному описанию поддается изучение реальности любого явления.

Еще в 1974 году появилось первое издание моей книги Вероятностная модель языка. Расширенный и углубленный вариант этой книги был подготовлен к выходу в 1978 году. Но книгу трудно было издать — ее содержание в плане идейном было крайне одиозным для тех лет.

И все же второй вариант был издан. Опять в силу совпадения абсурдно звучащих обстоятельств.

В те времена я раз в год читал лекции философского характера на методологических семинарах [2] одного из подразделений Совета Министров СССР. И вот после одной из таких лекций, разговаривая с академиком А. Н. Щукиным, я пожаловался на свои трудности. Он ответил:

- Издадим!

Оторвал от газеты кусок бумаги, написал: «Прошу издать книгу Налимова» — и сказал:

— Идите в Президиум АН СССР с этой запиской, и все будет улажено.

Прихожу и показываю, несколько смущаясь, обрывок газеты.

— Будет напечатано. Запомните, никто не сможет потребовать каких-либо изменений или смягчений.

А я, по наивности, прихожу к директору издательства и показываю ему резко отрицательный отзыв на рукопись моей работы, написанный профессором Московского университета, и свою отповедь ему.

— Не буду читать всю эту галиматью!

— Почему?

— Чего же вы хотите: чтобы я послал ей ваши возражения? Она напишет в ответ свои, а потом то же сделаете вы. Зачем на это тратить время?

— Так что же — не будете печатать?

— Почему? Будем. Берите ручку и пишите следую-

[2] Парадокс заключался уже в том, что эти семинары проводились в рамках партийного просвещения. Напомню еще раз сам я никогда не был членом партии.

щее: «Я, такой-то, прочитал отзыв на мою рукопись. Со всем согласен и все исправил».

Я написал. Он поставил визу: «В печать».

Потом еще разговор с ведущим редактором — Соколовым В. М.

— Вы не использовали весь отведенный вам объем. Что — нечего добавить?

– Есть. Но эти страницы не читали и те рецензенты, которые дали положительные отзывы.

– А какое вам до этого дело?

— Но ведь вас же могут выгнать с работы!

— А я и сам могу уйти. Надоело все это издательское дело.

Итак, второе издание книги вышло значительно дополненным. Она получила широкий отклик, но, конечно, не у лингвистов — они молчали, считая ее, видимо, недостойной комментирования.

В начале 80-х мой друг доктор Юджин Гарфилд, Президент широко известного Института научной информации в Филадельфии, издал одну за другой четыре мои философски ориентированные книги [3] (под редакцией профессора Р. Колодного):

1. **In the Labyrinths of Language: A Mathematicians Journey**, 1981, 246 p., (это перевод книги Вероятностная модель языка — она была издана также в Польше).

2. **Faces of Science**, 1981, 297 p.

3. **Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontier**, 1982, 320 p.

4. **Space, Time and Life. The Probabilistic Pathways of Evolution**, 1985, 110 p.

Как видите, только первая из этих книг была издана

---

[3] Решение об издании первой книги было принято поделовому — без лишних рецензий. Когда Гарфилд был в Москве на книжной ярмарке, я спросил, не может ли он найти мне подходящего издателя в США. Он ответил:

— А чего искать - я сам могу издать. Давайте рукопись. Я поеду поездом до Владивостока и почитаю.

Затем последовал ответ:

— Печатаю.

в России — на остальные был наложен запрет: из соответствующих инстанций поступила установка: «Разрешено на вывоз». Это означало, что в России издание не разрешалось. Это было до перестройки.

Из четырех упомянутых выше книг последняя, пожалуй, получила наименьший отклик. Она предлагала новый, философски осмысленный подход к проблеме эволюционизма. Биологи на это ответили молчанием, полагая, видимо, что философские аспекты эволюционизма обсуждать неприлично[4]. Ситуация, вероятно, изменится после выхода книги А. Лима-де-Фариа [Лима-де-Фариа, 1991], бросившей вызов традиционно принятой в биологии системе обсуждений эволюционизма. Будучи известным биологом, он не только приводит громадный фактический материал, но и рассматривает философские аспекты проблемы. Неожиданно звучит уже само заглавие книги: Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции. Я в своих построениях также отказываюсь от идеи естественного отбора, доминировавшей в биологии в течение почти полутораста лет.

Уже после начала перестройки вышла на русском языке моя пятая книга, завершающая четыре предыдущих:

Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности, 1989, 287 с.

Издать ее было непросто. В те первые перестроечные годы издательства, на всякий случай, оставались еще во многом на прежних позициях. Издательство «Наука», где ранее вышли пять моих книг, отказалось от издания этой книги и более того - сообщило мне, что рукопись пропала[5]. Издательство МГУ также не приняло рукопись, хотя к тому времени я работал в Университете уже около 25 лет и в университетском издательстве опубликовал много препринтов. Издал

[4] В нашей стране моя книга оказалась недоступной для широкого круга читателей. Не удалось опубликовать развернутый реферат книги ни в одном из престижных журналов.

[5] Не знаю, что это значило – продолжение контроля со стороны охранительных органов или это проделка неудачливого грабителя.

книгу корейский строительный кооператив «Зухра» под прикрытием издательства «Прометей»[6]. Финансировал издание Клим Шегай, редактировала книгу его жена Арина Шегай. Она была автором этого издательского проекта, за который взялась по совету своего брата — писателя Анатолия Кима. У нас были и другие проекты, но трагическая гибель Арины и Клима в автокатастрофе отменила все планы. Книга осталась как память о них. Арина ею очень гордилась.

В США мне не удалось переиздать эту книгу. Ю. Гарфилд к тому времени продал свое издательство. Другие издательства отказывались от нее, мотивируя это тем, что она слишком многопрофильная. Американский рынок, как уверяли меня руководители издательств, готов принимать только строго монопрофильные издания. Вот так обернулась для меня свобода американского рынка.

Книга постепенно обретает своих читателей. Стали появляться отклики в печати. На Биологическом факультете книга оказалась даже включенной в программу философских семинаров. Но слышал я и такие отклики: «Читаю по нескольку раз, часто ничего не понимаю, но все равно интересно — увлекательно».

Одновременно я продолжал заниматься разработкой методологических вопросов, связанных с математизацией биологического знания. Собственно биологическим темам посвящена четвертая из перечисленных выше книг, а также публикации, связанные с вопросами экологии.

Здесь я ограничусь тем, что обращу внимание на две публикации:

---

[6] Интересный эпизод произошел с издательством «Мысль». Звоню в отдел философских наук и спрашиваю, можно ли издать у них книгу.

— Вы кандидат философских наук?

— Нет.

Защитите диссертацию по философским наукам и будем говорить.

Звоню заведующей отделом. Она отвечает:

— Можете ли вы заранее внести 250 000 рублей и когда?

— Могу, как только ограблю банк.

Анализ оснований экологического прогноза.— **Вопросы философии**, 1983, № 1, с. 108—112. (Переведена на английский и немецкий языки.) На изломе культуры.— **Полис**, 1991, № 6, с. 5—18; 1992, № 1/2, с. 150—166, № 3, с. 100—112, № 4, с. 112—121.

Главная идея второй из этих работ формулируется так: избежать экологической катастрофы если и будет возможно, то только при радикальном изменении системы ценностных представлений. Иными словами — должна возникнуть иная культура.

Перестройка дала мне возможность не только публиковать ранее запрещенные работы, но и выезжать в другие страны[7]. Ранее партийная организация намертво блокировала все мои попытки выезда в несоциалистические страны. Сколько я потратил времени и сил на тщетные попытки преодолеть этот барьер.

И вдруг двери открылись. Впервые это случилось в 1988 году, когда я получил возможность поехать в Ганновер на Международный конгресс «Духовность и природа» (Geist und Natur).

Это был многолюдный Конгресс с широкой программой, охватывающей почти все проявления культуры — не только европейской. Было задумано показать участникам Конгресса все актуальное и потенциально существующее богатство культуры нашей планеты. От нашей страны я был единственным представителем. Мой 45-минутный доклад назывался «Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника

[7] Вот как это было: прихожу, с некоторым напряжением, в Центральную поликлинику Минздрава РСФСР за справкой о здоровье. В течение 20 лет мне упорно ее не давали, ссылаясь на плохую кардиограмму (но давали справку на туристические походы в горы). Теперь вдруг дают. Не утерпел и спрашиваю, почему же теперь дают. Отвечают:

Кардиограмма стала лучше.

С чего бы это?

Улучшилась не кардиограмма, а политическая обстановка. Врачи давали ложную информацию. Да, и медицина была партийной. Партийность распространялась не только на психиатрию.

личности». Впервые в моей жизни я оказался погруженным в многообразие гуманитарной мысли.

Но вскоре мой восторг умерился. Через три года после Конгресса я узнал, что текст моего выступления не был включен в Сборник докладов, выпущенный в Германии издательством Springer Verlag, хотя меня искренне уверяли в том, что доклад был очень интересным и что он несомненно будет опубликован. И я тщетно ждал все это время, не отдавая доклад в какое-либо другое издательство. Позднее текст, близкий к этому докладу, был опубликован в другом прекрасном сборнике, подготовленном голландским редактором-составителем Марком Карвалло [Nalimov, 1992]. Так что худа без добра, получается, не бывает.

Да, из этого, казалось бы, незначительного инцидента следует, что и на Западе есть цензура, но только она не носит всеобъемлющего характера.

В эти годы я вместе со своей женой и неизменной сотрудницей Жанной Дрогалиной познакомился с *Трансперсональной психологией* — новым философско-психологическим движением [8].

За последние пять лет мы обрели за рубежом множество друзей — сердечных, интеллектуально развитых и в то же время сопричастных духовному началу жизни. И все же общий фон зарубежной жизни поражает своей погруженностью в комфорт. Жизненный комфорт довлеет надо всем. Раньше мне думалось, что там, по ту сторону барьера, мы увидим духовный поиск такой же напряженности, как это было в нашей стране в 20-е годы. Но нет, этого не произошло.

Пожалуй, духовную напряженность, похожую на прежнюю русскую, мы обнаружили только в Голландии.

---

[8] Степень нашей близости к этому движению обсуждается в нашей статье «Наукометрический анализ журнала "The Journal of Transpersonal Psychology"» в **Психологическом журнале**, 1992, 13, № 3, с. 130—139. См. также книгу [Налимов, 1993].

2. Сегодняшний день

Вернемся на минутку к сегодняшнему дню нашей страны. Конечно, много положительного. Не довлеет над нами тяжелый партийный гнет. Свобода печати. Множество новых журналов. Много издается книг — в том числе философских, духовных. Они очень дороги, но все равно раскупаются. Выходят и мои книги и статьи, которые раньше были бы под запретом.

Но есть и обратная сторона. Снова почти невозможными стали зарубежные поездки — не хватает денег на безумно дорогие билеты. Нет денег даже на вздорожавшую без меры зарубежную переписку, не говоря уже о телефонных переговорах. Снова железный занавес, но теперь уже, правда, с дырочками.

Оклад профессора ничтожен. Он много ниже оклада шахтера или, скажем, даже водителя автобуса.

Нет возможности выписывать зарубежную литературу[9]. Нет ее и в библиотеках. Даже многие русские журналы нелегко найти, а в провинции их просто нет.

Понурость в Московском университете — главном образовательном центре России. Опустили головы, притаились и ждут. Ждут чего?

А наша Лаборатория постепенно самоисчезает. Исчез полностью весь вспомогательный персонал. Из ученых — одни стремятся за рубеж, другие ищут дополнительную «не научную», а потому хорошо оплачиваемую работу. Так во всех научных учреждениях.

Вот что ужасно — партийный гнет сменился гнетом бандитизма. Быть под гнетом — уж так, по-видимому, на роду написано нашей стране. Как же все это тяжко.

Литература

Лима-де-Фариа А. **Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции.** М.: Мир, 1991, 455 с.

[9] Раньше профессор имел хотя бы небольшой валютный фонд для этой цели.

Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Наукометрический анализ журнала «The Journal of Transpersonal Psychology».— **Психологический журнал**, 1992, 13, № 3, с. 130—139.

Налимов В. В. **В поисках иных смыслов**. М.; Прогресс, 1993, 261 + 17с.

Nalimov V. V. Spontaneity of Consciousness. An Attempt of Mathematical Interpretation of Certain Plato's Ideas. In: M. Carvallo (ed.). **Nature, Cognition and System II.** Dordrecht et al.: Kluwer Academic Publishers, 1992, p. 313—324.

Часть V

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЙДЕННОМ

Без небесных хоров, без видений
Дни и ночи тесны, как в гробу.
Боже! Не от смерти — от падений
Защити бесправную судьбу!
. . . . . .
Научи, как дивного венчанья
Ждать бесцельной гибели своей,
Сохранив лишь медный крест молчанья —
Честь и долг поэта наших дней.

Д. Андреев. Похмелье

Мир вечно тревожен и тем живет.

В. Розанов [1992, с. 122]

Глава XV

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСТОРИИ МИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА В РОССИИ

(По личным воспоминаниям и материалам Центрального архива Министерства госбезопасности России)[1]

1. Введение

Кажется, созрело время и для этой темы. Говорить о ней непросто. Своими корнями она уходит в далекое прошлое *гностического христианства*, а может быть (в соответствии с преданием), еще и в прошлое Древнего Египта.

В России развитие *мистического анархизма*, или, как еще иногда говорили, *мистического акратизма*, связано прежде всего с именем профессора Аполлона Андреевича Карелина (1863—1926) [Никитин, 1991 а, б, 1992, 1993]. В 1917 году он вернулся в Россию после многолетней вынужденной эмиграции (в Париже).

Известный американский историк анархизма Аврич [Avrich, 1978] называет Карелина советским анархистом, поскольку он в течение ряда лет возглавлял небольшую группу анархистов ВЦИКа. Это была «группа наблюдателей» в Верховном органе власти. Задачей группы была гуманизация всего происходящего, борьба против смертной казни и террора вообще.

Анархо-мистицизм не представлял собой политической партии. Не было ни какой-либо зафиксированной программы, ни определенно сформулированной идеологии[2]. Примыкавший к этому движению мог и не

---

[1] Архивные материалы подготовлены Ж. А. Дрогалиной.

Впервые опубликовано в журнале **Путь**, 1993, № 3, с. 194—216.

[2] Несмотря на свою неидеологичность, карелинский мистический анархизм все же имеет свои контуры, хотя бы и весьма размы-

быть анархистом. Да и сам термин «анархизм» понимался крайне широко. Скорее всего, должно было бы говорить просто о принципе *ненасилия* в достаточно широком его понимании. Но в то же время это не было ненасилием толстовского типа. Сама революция как свержение существующего насилия многими рассматривалась как естественное и неизбежное событие истории. Важно, чтобы борьба за свободу не превращалась в новую несвободу.

В конце 20-х годов у части анархистов возникла идея создания партии. Аргументы: анархизм потерпел крах в революционной борьбе потому, что не имел организации большевистского типа. Контраргумент: создание такой партии лишит всякого смысла анархическое движение. Представители мистического анархизма, и в частности А. А. Солонович, резко выступали против идеи партийности. Эта нелепая и ожесточенная борьба проходила на моих глазах.

Серьезной была философская основа этой борьбы. К концу 20-х годов отчетливо выкристаллизовалась дилемма: или строить новое общество, оставаясь на позициях материализма,— тогда неизбежно обращение к диктатуре большевистского типа, или становиться на путь свободного поиска — тогда необходимо расшире-

---

тые. По-видимому, нельзя считать его прямым восприемником анархизма Г. Чулкова, появившегося еще в первом десятилетии нашего века. И все же здесь хочется привести две привлекательные цитаты из книги Чулкова [Чулков, 1971]:

> Под *мистицизмом* я разумею совокупность душевных переживаний, основанных на положительном иррациональном опыте, протекающем в сфере *музыки*. Я называю *музыкой* не только искусство, открывающее в *звуковых* сочетаниях начало мелодии и гармонии, но и всякое творчество, основанное на ритме и раскрывающее нам непосредственно ноуменальную сторону мира (с. 3).
>
> Борьба с догматизмом в религии, философии, морали и политике — вот лозунг мистического анархизма. И не к безразличному хаосу приведет борьба за анархический идеал, а к *преображенному* миру, если только наряду с этой борьбой за освобождение мы будем причастны к мистическому опыту через искусство, через религиозную влюбленность, через *музыку* вообще (с. 43).

ние границ сознания личности. Но расширение границ сознания — это уже обретение духовного опыта. Это соприкосновение с мистическим опытом. Но само слово *мистика* для многих было ужасным, особенно в те 20-е годы, пронизанные духом вульгарного сциентизма.

2. *Анархо-мистическое движение в России*

В плане организационном мистических анархистов можно было, несколько примитивизируя, рассматривать как членов закрытого религиозно-философского братства.

Членами такого братства могли становиться люди, отличающиеся духовной широтой, включающей в себя: (1) бескомпромиссную моральную устойчивость (преимущественно христианского типа); (2) отчетливое осознание собственного достоинства; (3) владение мистическим восприятием — умением осознавать духовные аспекты в окружающей реальности и в текстах метафорического характера; (4) глубокую устремленность к запредельному началу Вселенной.

Духовная широта сразу же исключала участие членов правящей партии и догматиков любых других направлений.

Отметим, что анархисты-мистики дольше, чем другие инакомыслящие революционеры, сохраняли нейтралитет по отношению к правящей партии[3].

Правда, А. А. Солонович в первый раз был арестован еще в 1925 году. Но затем по ходатайству А. А. Карелина был освобожден (с поддержкой А. С. Енукидзе). Ему вернули машинописные тексты, заявив, что они рассматриваются как его научные работы.

Слежка уже и тогда велась активно. Родственница

[3] Примечательным является и такой факт: А. А. Карелин жил в правительственном здании «I Дом Советов» (гостиница «Националь», к-та 219), что уже свидетельствует о его близости к высшему органу власти. (Сведения из официальных источников: это был адрес секретариата Всероссийской федерации анархистов-коммунистов.)

секретаря Солоновича рассказала мне свою историю: ее регулярно вызывают и предлагают работать на них; иногда, когда она идет со своим молодым человеком, их останавливают на улице и таинственно говорят: «Теперь пойдешь со мной»; последняя угроза — заразить болезнью. Пришлось обратиться к Петру Гермогеновичу Смидовичу (заместителю М. И. Калинина) — он охотно и обычно успешно помогал в таких делах. Результат: ее вызывает В. Р. Менжинский. Входя, она вздрагивает. Немедленно вслед звучит:

— Включить батареи!

— Что же вы не хотите работать на Советскую власть?

— А вы знаете, как ведет себя эта власть?

— Вывести!

Преследования закончились.

Один трагический случай. Анархист (молодой человек, имя которого, к своему огорчению, я забыл) почему-то переехал (с семьей) в Комсомольск-на-Амуре. Он не скрывал своих убеждений. На него донесли в милицию — только и всего. Вызвали туда, стали допрашивать и бить по голове рукоятками наганов. Он умер. Все материалы (с большим количеством фотографий) были направлены опять П. Г. Смидовичу. Было назначено расследование и позднее — пенсия семье. В этом ужасном эпизоде существенно обратить внимание на степень *нетерпимости*. Представители власти, которым надлежит следить за порядком, убивают человека только за инакомыслие. Грустная мысль приходит в голову: не является ли эта нетерпимость одним из серьезных показателей духовной неразвитости нашей страны?

Здесь в оценках надо быть, конечно, очень осторожным. Мне передавали слова А. А. Карелина о том, что возрожденное гностическое христианство, трансформировавшееся у нас в мистический анархизм, нигде в зарубежных странах не получило такого широкого отклика, как в нашей стране. К этим словам можно добавить, что, по-видимому, оно нигде не подвергалось и таким суровым гонениям.

Нужно признать, что мы жили и продолжаем жить в крайне разнородной и разноликой стране, в которой пришло в соприкосновение слишком много различных культур Востока и Запада. Единства — подлинного единства — не удалось добиться ни царскому режиму, ни его большевистским восприемникам.

3. Масштабы движения

Судя по отрывочным данным, мистический анархизм в 20-е годы (за короткий промежуток времени) получил весьма широкое распространение среди творческой интеллигенции — ученых, преподавателей вузов, художников, театральных работников из разных городов страны. Были контакты и с неконфессиональными духовными течениями. Где-то на Кавказе — контакты с сектантством. Была сделана даже попытка войти в соприкосновение с юношеством (скауты). Регулярно читались лекции на мировоззренческие темы в небольшой подвальной аудитории Музея Кропоткина; собиралось там, кажется, человек 70 или даже 100. По-видимому, точных данных о широте движения мы никогда не получим, даже если полностью откроются архивы, так как ради конспирации использовались различные наименования движения: Братство Параклета[4], Орден Духа, Орден Света, Орден Тамплиеров[5] и кто знает, какие еще. Вернувшись после репрессий (1936—1954 гг.), я узнавал многих, но не говорил с ними: маски еще сохранялись. Не все были прежними. Кто-то, видимо, изменил, предавая других, кто-то просто переходил в другой стан без предательства, превращаясь в беспартийного большевика. Как во всем этом было разобраться? Кто-то, наверное, узнавал и меня.

Помню о том, что А. А. Солонович (зная о предстоящем аресте), прощаясь, сказал мне:

---

[4] Параклет - Дух-Утешитель, Защитник (*греч.*).

[5] Последние три наименования приводятся и в статьях А. Л. Никитина [1991 а, б].

— Теперь нас много, и какие-то корешки все же останутся.

Где они?

Я прощался с ним, стоя у хорошо знакомого кожаного дивана, на котором уже лежало новое одеяло, приготовленное для тюрьмы.

4. Жертвенность

У читателя, наверное, уже давно возник вопрос: зачем это было нужно?

По-разному можно ответить на этот вопрос.

В самой общей форме ответ звучит так: человек духовно одаренный и осознающий вселенскую ответственность — *пневматик* (термин гностиков, широко используемый А. А. Солоновичем) — так устроен, что в трагические дни должен действовать в любой обстановке. Но как? В безнадежной ситуации остается только идти на жертву. Это христианский ответ на поставленный выше вопрос.

Готовы ли мы его принять?

Я думаю, что мистические анархисты признали этот принцип. Об этом, во всяком случае, свидетельствует то, что и после арестов 30-х годов их активность не затухала.

Здесь возникает и еще один вопрос. Если старшие, опытные и достаточно зрелые готовы были встать на путь жертвы, то имели ли они внутреннее право звать за собой младших? Я думаю, что да. Они звали немногих и честно предупреждали обо всем, что может произойти. Всем было очень трудно. Мать моего друга Ю. Проферансова сама привела на путь к Голгофе своего единственного сына.

А могла ли быть какая-либо надежда на положительный или хотя бы не такой жестокий исход борьбы? Ранее, до начала массового террора, Солонович говорил о возможности в будущем спонтанного возникновения второй мировой войны и, соответственно, новой революции, которая сможет обрести иной, недиктаторский характер, если к этому времени будут духовно

подготовлены люди. Он существенно ошибся в прогнозе.

Вторая мировая война действительно разразилась, но мы вместе с союзниками из западного мира ее триумфально выиграли. Затем началась длительная «холодная война» с прежними союзниками, и мы ее проиграли. Ожидаемая революция состоялась — диктатура большевистской партии пала. Но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли.

Политика диктаторов, уничтожавших инакомыслящих, была дальновидной — альтернатива драматична: если не они, то — гибель страны.

Но умно ли было это? Человечно ли?

Нам трудно понять смысл событий XX века. Мы скорее можем в какой-то степени осмысливать личную судьбу, но не общечеловеческую. Судьбинность — запредельна.

Обращаясь к терминологии, идущей еще от греческой философии, можно было бы употребить термин *эпохе́* — воздержание от дальнейших суждений, или *эон* - надвременность. Последний термин широко использовали гностики, желая в своей фантазии конкретизировать происходящее в запредельном. Сейчас, однако, мы не можем эти построения реинтерпретировать на современном языке.

5. Готовность российской интеллигенции к принятию нового мистического движения

Естественно возникает вопрос: почему мистический анархизм получил широкий отклик именно в России?

Я думаю, что это в значительной степени было связано с революционной обстановкой первых лет.

К революции русская интеллигенция готовилась давно. Долго и много спорили о путях ее развития. Спорили, но были едины в одном: верили в успех, в святость задуманного. Верили в народ, его творче-

скую силу, его безгрешность. Готовы были преклоняться перед ним.

Но романтические чаяния не оправдались. Только большевики смогли обуздать обезумевшую жестокость. Все остальные партии оказались беспомощными — их позиция была слишком интеллигентной. Не выдержал испытания и традиционный анархизм. Беспомощной оказалась Церковь — а ведь как много раньше говорилось о Святой Руси. Центральной проблемой стал дефицит доброты, терпимости, порядочности.

Перед интеллигенцией, думающей и озабоченной, снова возник пресловутый русский вопрос: *что делать*?

Мистический анархизм, как показалось многим интеллектуалам, принес ответ на этот вопрос. Он должен был углубить христианство, вернувшись к его истокам, освободить его от догматизма, от ветхости отдельных его положений, снять нетерпимость по отношению к другим религиям, а также и к науке, внести в миропонимание мистичность, утерянную Церковью.

Сказанное здесь о роли революции в развитии нового религиозного движения может подтвердить и то обстоятельство, что А. А. Карелин, вернувшись в Россию, начал свою деятельность прежде всего как секретарь Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. Хотя позднее эта деятельность отошла на второй план, а потом и совсем прекратилась, уступив место мистически ориентированной философии.

6. Идейные предпосылки

И наконец, нам нужно обсудить самый важный вопрос — вопрос о том, какова была идейная база мистического анархизма.

Нет и не может быть такого источника, в котором были бы сформулированы основные позиции этого учения. Его не может быть, потому что мысль анархиста должна оставаться свободной, не связанной какой-либо безусловной догмой.

И все же основополагающий материал существовал — но он был дан в виде устно [6] передаваемых древних *легенд*. Удивительно, но Карелин действительно помнил все легенды (их было, кажется, больше 100): после его смерти не было найдено ни одной записи. Последователям уже пришлось прибегать к записям. Тексты легенд рассматривались как материал эзотерический, не подлежащий передаче непосвященным. Но при этом говорилось, что если они попадут в руки посторонним, то это на самом деле не нанесет серьезного ущерба, так как восприятие легенд — *таинство* [7]. Оно может быть осуществлено только в определенной духовной атмосфере, которая создается руководителем совместно с коллективом, разделяющим его настроенность. Карелин обладал особой духовной силой, кото-

---

[6] Устная передача — это традиция раннего христианства. Вот как об этом говорится в [Свенцицкая и Трофимова, 1989]:

> Устная традиция продолжала существовать и в тот период, когда появились первые писания. Евсевий Кесарийский (IV в.) в «Церковной истории» приводит слова христианского писателя Папия (1-я половина II в.) из Гераполя (Малая Азия), который собирал устные предания: «...если мне случалось встретить кого-либо, общавшегося со старцами, то я заботливо расспрашивал об учении старцев, например, что говорил Андрей, что — Петр, что — Филипп, что — Фома или Иаков... Ибо я полагал, что книжные сведения не столько принесут мне пользы, сколько живой и более внедряющий голос» (Евсевий. Церковная история, III, 39) (с. 9).

И в той же книге немного дальше читаем:

> Апокалиптическая литература была предназначена для чтения вслух. В нее нужно было «входить» эмоционально: интонационная выразительность чтеца должна была усиливать воздействие страшных, таинственных описаний, и само это «вхождение» представлялось мистическим действом (с. 12—13).

[7] Не нужно думать, что эзотеризм — это нарушение демократии. Наука также по-своему эзотерична — никто не может без специальной подготовки постигнуть содержание серьезных книг по математике или теоретической физике. Популяризация науки только вульгаризирует ее. То же относится к искусству. Хорошо поставленное обучение в университете — это тоже своего рода посвящение: профессор передает своим ученикам нечто большее, чем есть в учебниках. Он создает интеллектуальную атмосферу, в которой обучается студент.

рая сохранялась еще некоторое время и после его смерти [8].

Подчеркивалось, и это действительно очень важно, что легенды каждый мог понимать по-своему — как миф, как сказку или как иносказательный текст, излагающий элементы нового мировоззрения. Творческая задача заключалась в том, чтобы, проникнувшись ими, суметь создать свой текст, отвечающий смыслам и требованиям сегодняшнего дня. Это был древний гностический принцип.

То обстоятельство, что легенды передавались устно, придавало учению некий динамизм. Рассказчик мог тексты изменять в соответствии с изменением культуры. Это не значит, что изменялся дух учения — изменялось его звучание. Существенно это было и потому, что при изложении легенд большое внимание уделялось обсуждению вопросов, задаваемых слушателями. Такие беседы возможны только на языке современности.

Существенным является и вопрос о том, в какой степени легенды отвечают сохранившимся материалам христианского гностицизма. Я не могу быть здесь компетентным экспертом, но все же мне хочется высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Думается, что общая настроенность легенд *отвечает* гностическому мышлению, но, наверное, не более того, хотя бы уже в силу сказанного выше о возможном изменении легенд во времени. Надо еще иметь в виду, что легенды (когда мы говорим о тамплиерстве) пополнялись новыми материалами, связанными с развитием рыцарства, крестовыми походами, где была новая встреча с Востоком, в том числе и с мусульманским эзотеризмом. Новой темой оказались предания о Граале [Jung, von Franz, 1986], [Baigent, Leigh, Lincoln, 1989].

Трудность в ответе на поставленный вопрос состоит еще в том, что нелегко отчетливо сформулировать представление о сущности гностицизма. В самом ши-

[8] Легенды сохранились, частично они уже опубликованы, это, с моей точки зрения, неправильно, так как нарушает традиции. Право на публикацию следовало бы получить у хранителей традиций.

роком понимании он представляет собой христианизацию и в то же время эллинизацию [9] всего многообразия средиземноморских культур.

Трудно на временно́й шкале указать, когда началось это движение и когда оно кончилось — или, точнее, ушло в подполье, появляясь на поверхности лишь отдельными, хотя часто и продолжительными всплесками [10].

Непросто говорить и о географической протяженности движения. Одно из направлений — *манихейство* — простиралось от Северной Африки до Китая, найдя особенно благоприятную почву в Средней и Центральной Азии. Одна из гностических сект сохранилась в Ираке до наших дней.

И все же попытки сформулировать основные позиции делались. Вот высказывание Джонаса [Jonas, 1958]:

> Сцена остается той же [что и в Библии]: творение мира, судьба человека, падение и воскресение, первые и последние деяния. Но сколь многочисленней состав исполнителей, сколь причудливее символизм, сколь экстравагантнее эмоции! Почти все действия усилены в божественной, ангельской или демонической области это драма предкосмических существ в сверхъестественном мире, для которого естественный мир оказывается лишь далеким эхом (с. XIII).

Но вот более широкий взгляд на обсуждаемую тему [Свенцицкая и Трофимова, 1989]:

> На Международном коллоквиуме в Мессине в 1966 г. был выдвинут тезис, гласящий, что определить происхождение гностицизма означает определить его сущность. Но однозначно установить это оказалось совершенно невозможным, поскольку в учениях, связываемых в свидетельствах древних

[9] Эллинизация, поскольку у гностиков грех не непослушание (падение Адама), а незнание самого себя. Явно эллинское звучание имеет гностическая идея, подчеркивающая [Свенцицкая и Трофимова, 1989]

> ...нерасторжимую связь единого с охватываемым им множеством (с. 183).

[10] Вспомним здесь движения богомилов, катаров и их последователей-альбигойцев. Может быть, можно говорить о влиянии гностицизма (пришедшего через розенкрейцерство) на развитие идейных представлений Великой французской революции.

с гностиками, представлена смесь самых разнообразных начал (с. 165).

На современном языке [Налимов, 1990] мы бы сказали так: мировоззрение гностицизма — это явление многомерное: отдельные его вероятностно взвешенные составляющие корреляционно связаны. Связь эта не является устойчивой, она определяется активным наблюдателем, изменяющим при восприятии весовую структуру отдельных составляющих.

Именно эта гибкость дает ученым возможность находить параллели современной мысли с гностиками далекого прошлого. Существенно, конечно, и то, что в обоих случаях — настоящем и прошлом — мыслители на глубинном уровне своего сознания опираются на одни и те же архетипы. Одна из привлекательных особенностей гностицизма именно в том и состоит, что в нем нашло свое наиболее полное воплощение архетипическое наследство, без каких-либо догматических ограничений. Гностицизм в многообразии своего видения мира, по-видимому, является наиболее *свободной* мировоззренческой системой.

Иллюстрируем сказанное несколькими примерами. В уже цитировавшейся книге [Свенцицкая и Трофимова, 1989] читаем следующее высказывание о поисках параллелей гностицизма с современностью:

> ...открывался простор параллелям апофатических описаний единого и лингвистических наблюдений Л. Витгенштейна, гностической космологии и гипотез современной физики о парности и непарности, идентификации человека в древних текстах и пути психоанализа (с. 166).

Проблеме параллелей посвящен сборник статей Гносис[11] и мистика в истории философии [Koslowski, 1988]. В сборнике 20 глав, охватывающих не только отдельных мыслителей[12], но подчас и целые направления. Мы видим, как глубоко гносис был вмонти-

---

[11] Термин *гносис* часто понимается шире, чем толковал его христианский гностицизм.

[12] Особенно хочется мне здесь подчеркнуть гностичность К. Юнга.

рован в философскую мысль вплоть до наших дней [13]. Укажем здесь еще на труднодоступный для чтения голландский сборник Гносис—третий компонент Европейской культурной традиции [Quispel (Red.), 1988], структурно и содержательно похожий на книгу [Koslowski, 1988]. Отметим также понимание значения гностицизма в предреволюционной России. Вот несколько слов А. Белого в статье, посвященной раннему А. Блоку [Белый, 1988]:

> ...она — Дева, София, Владычица мира, Заря-Купина; ее жизнь воплощает в любовь высочайшие задания Владимира Соловьева и гностиков; превращает абстракции в жизнь, а Софию — в Любовь; и низводит нам прямо в душу странные концепции Василида и Валентина, связывает туманнейшие искания древности с религиозно-философским исканием наших дней (с. 285).

Часть российской интеллигенции была готова признать мистический анархизм, заквашенный на гностическом христианстве.

7. Противостояние государственной власти и Православию

Несмотря на всю широту гностического учения, противостояния, и притом иногда суровые, все же возникали и в далеком прошлом, и в близкие нам дни. Одним из них оказалось противостояние Православию, исторически сложившемуся еще в Византии. Последующее описание этого противостояния может пролить больший свет на природу гностического христианства, чем попытки описать его по многочисленным первоисточникам. Если хотите, такой подход можно назвать апофатическим — он раскрывает природу гностицизма с позиций того, чем он не является. Естественно,

---

[13] Сделана даже попытка увидеть элементы гностицизма в диалектическом материализме. См.: **Gnosis und Mystik in der Geschichte der Philosophie.** Zürich, München, 1988, S. 352–367.

что эта проблема будет раскрываться, главным образом, через различие в прочтении канонических текстов.

Рассмотрим следующие аспекты противостояния.

(1) *Принцип делания.* Гностическое христианство традиционно принимает принцип *делания* как стремление к справедливости, естественно, к социальной справедливости. Это следует и из прочтения канонических Евангелий. Вспомним хотя бы притчу о смоковнице, не давшей плода. И о себе Христос говорил:

> Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать (Ин 9,4).
>
> Ибо я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что я сделал вам (Ин 13,15).
>
> Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего (Ин 15,5).

Православие же ограничивается только молитвой – Молитвой за всех. Но достаточно ли этого?[14]

В отличие от Православия, гностическое христианство в трагические дни революционного конфликта попыталось включиться в борьбу, объявив о новом движении — мистическом анархизме. Представители этого направления, не побоявшись запятнать свое имя, вошли во ВЦИК. Но почему никто из иерархов Православия не признал революцию совершившимся фактом

---

[14] В начале революции Православие не предложило своей программы, отвечавшей возникшей тогда катастрофической ситуации. В наши дни возникает множество социальных проблем, и мы не слышим христианского отклика на них. Скажем, трагической для нашей страны является проблема абортов, так же как и проблема воспроизводства народонаселения. Все мы понимаем, что решать эту проблему когда-нибудь будут политики. Но где голос Православия? Казалось, оно должно было бы включиться в обсуждение этой темы и более того – в борьбу за ее христианское решение. Иное отношение к социальной ответственности на Западе. Вот что пишет швейцарский протестантский теолог Барт, один из основателей «диалектической теологии» [Барт, 1992]:

> Так Царство Бога начинает *наступление* на общество (с. 203). Понимаем ли мы, что сегодня от нас требуется не оппозиционность в одном или нескольких частных вопросах, а переориентация на Бога всей нашей жизни как целого (с. 206).

и не вошел во ВЦИК (хотя бы в роли наблюдателя) для смягчения террора?

(2) *Противостояние первоисточников.* Великое учение Христа, по существу, вневременное (т. е. инвариантное ко множеству культур) дается нам в церкви преломляющимся через призму одной — древней культуры. Это придает учению отпечаток глубокой *архаики*, отчуждающей от христианства многих интеллектуалов. Отчуждению способствует и то обстоятельство, что между Ветхим Заветом и Евангелиями часто проявляются противостояния [15].

Гностицизм еще во время своего возникновения пытался выйти за пределы национальной ограниченности, отказываясь от Ветхого Завета как примитивного (в мировоззренческом плане) толкования истории одного народа. В гностическом преломлении христианское учение обрело в значительной степени космополитический характер.

Гностики не принимали Ветхий Завет и критически относились к Новому Завету. Причиной было существенное расхождение в исходных позициях. Бог у гностиков был отчужден от судеб этого мира. С ним связывались такие эпитеты, как неразрушимый, существующий без имени, невыразимый, сверхнебесный, незыблемый, непознаваемый, несуществующий. Утверждалось, что Спаситель, неся свою миссию, существует с изначальных времен в разных проявлениях: «Я странствовал сквозь века и поколения, прежде чем пришел к воротам Иерусалима» [Jonas, 1958, p. 79]. Человек только странник в мирах; Земля одно из его убежищ. Особое — метафизическое — значение придавалось *знанию* как пути духовного подъема. Удивителен язык гностицизма. Для него характерна символическая форма выражения мысли с помощью аллегорий, мифов или легенд, а иногда и поэтическая, содержащая философские образы. Особенностью языка гностицизма является создание новых метафор. Берутся слова обыденно-

[15] Это противостояние естественно — в этом смысл Благой Вести Христа.

го языка — такие как Молчание, Ум, Пучина, Заблуждение, и им без дополнительных разъяснений придается иной, совсем особый смысл.

Как все это отлично от того, что мы считаем Христианством!

В обновленном — русском гностическом Христианстве также рекомендовалось критически относиться к каноническим Евангелиям. Сейчас, скажем, трудно воспринять утверждение «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10,30; Лк 12,7)[16]. Этот крайний детерминизм не соответствует представлениям наших дней. Трудно представить себе Бога в виде гигантского компьютера, считающего наши волосы. Трудно нам также понять, почему надо считать прелюбодеянием вступление в брак с разведенными (Мф 5,32; Мк 10,11,12; Лк 16,18). Это, по-видимому, уступка культурной традиции тех дней. Можно много привести подобных примеров. Важно здесь и другое — дать интерпретацию того, на что принято закрывать глаза. Пример: Православие считает греховным говорить о метемпсихозе — но указание на него есть в Евангелии от Иоанна (9.1,2), где звучит мысль о том, что слепой мог согрешить еще до рождения, т. е. в прошлой жизни. Тему метемпсихоза мы уже обсуждали ранее[17].

(3) *Отношение к власти* — один из примеров противостояния Ветхого Завета Новому учению (если его очистить от некоторых чуждых ему вставок).

В Евангелии от Луки читаем, как тщетно дьявол искушал Христа властью:

> И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее (4,6).
>
> Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое (4,7).

---

[16] Отметим, что еще Марсинон один из гностиков, близких к традиционному христианству, требовал в свое время изъять это утверждение, поскольку отчужденный Бог не мог заниматься волосами человека.

[17] В моей книге [Nalimov, 1982] проблеме реинкарнации посвящена отдельная глава. Эта тема также обсуждается и в книге [Налимов, 1989].

В противоположность этому в Пятой книге Моисея мы узнаем, что власть уже принадлежит Богу:

> Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей (Втор 10,12).
>
> Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица и не берет даров (Втор 10,17).

Другой — демонический — образ носителя верховной власти дан в апокрифическом Евангелии от Иоанна[18] [Свенцицкая и Трофимова, 1989]:

> И она [София] назвала его именем Иалтабаоф. Это первый архонт, который взял большую силу от своей матери. И он удалился от нее и двинулся прочь от мест, где был рожден. Он стал сильным и создал для себя другие эоны в пламени светлого огня, (где) он пребывает поныне. И он соединился со своим безумием, которое есть в нем, и породил власти для себя (с. 203).
>
> Он нечестив в своем [безумии], которое есть в нем. Ибо он сказал: «Я — Бог, и нет другого бога, кроме меня», — не зная о своей силе, о месте, откуда он произошел...
>
> Иалдабаоф же имел множество личин, будучи над ними всеми, так что он может перенять личину у них всех, по воле своей. Будучи среди серафимов, он отделил им от своего огня. Вследствие этого он стал господином над ними — из-за силы славы, которая была у него от света его матери. Вследствие этого он назвал себя богом. Но он не был послушен месту, откуда он произошел (с. 204).
>
> А мать, когда узнала покров тьмы, что не был он совершенным, она поняла, что ее сотоварищ не был согласен с нею. Она раскаялась в обильных слезах. И вся Плерома слушала молитву ее покаяния, и они восхвалили ради нее незримый девственный Дух (с. 205—206).

Но вернемся к Новому Завету. Там в Послании к Римлянам святого апостола Павла мы находим возвращение к ветхозаветной традиции восхваления всякой высшей власти:

> Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены (13,1).

[18] Это Евангелие целиком посвящено теургической космогонии. Английский вариант перевода в: [Robinson, 1981].

Итак, каждый христианин стоит перед дилеммой: принимать беспрекословно любую высшую власть или отвергать сам принцип насилия. Православие отождествилось с русской державой как таковой — как прежней, царской, так и постреволюционной, когда она еще была воинственно атеистичной. Гностическое христианство, раскрывшееся в России в 1917-м году, оказалось под знаменем мистического анархизма. Спокойно рассуждая, можно сказать, что оба прочтения исходных текстов возможны. Выбор определяется духовным уровнем выбирающего.

Примечательно, что слово *коммунизм* — на знаменах как большевизма, так и анархизма. Семидесятилетний опыт показал, что у избравших путь целенаправленного убийства этот лозунг быстро выродился в личину.

Слово *коммунизм* теперь стало бранным. Но не надо забывать, что этот утопический образ заложен в основе христианства. Напомним здесь лишь одну фразу из проповеди Христа:

> Продавайте имения ваши и давайте милостыню (Лк 12,33).

Кажется, все гностические по своему происхождению ереси в Европе проходили под знаком равенства, братства и свободы. В раннем гностицизме известно сочинение «О справедливости», приписываемое Епифанию [Николаев, 1913]. Вот что о нем говорится в книге К. Рудольфа [Rudolph, 1977]:

> Автор [сочинения] раскрывает образ гностического коммунизма и показывает, таким образом, какая взрывная сила была заложена в гностическом мировосприятии (с. 285—286).

Заряд долго блуждал по Западной Европе, пока, наконец не взорвался в полную силу в России, где в качестве детонатора использовалась пришедшая с Запада идея диктатуры пролетариата.

(4) *Выход за пределы первоисточников*. Православие в своем стремлении сохранить чистоту вероучения на-

стороженно относилось к секуляризации[19]. И тем не менее история русской философской мысли — это в значительной степени секуляризация Православия. Вспомним здесь хотя бы такие имена, как Ф. Достоевский, Л. Толстой, В. Соловьев, о.С. Булгаков, о.П. Флоренский и многие другие [Зеньковский, 1989]. Секуляризация, естественно, приводила к конфликтам с Церковью той или иной степени серьезности. За последние десятилетия эта нить русской мысли порвалась — может быть, из-за того, что общегосударственная цензура стала существенно строже. А может быть, в связи с тяжелой духовной атмосферой иссяк и духовный импульс?

Но вернемся к гностицизму. Там даже в пределах одного направления допускалось множество ветвлений, не конфликтующих друг с другом. Так, скажем, для одной из широко известных школ гностицизма — Валентинианцев — даже в сохранившихся сейчас источниках можно найти много независимых версий, далеко отклонившихся от учения основателя школы. Ириней[20] писал об этом направлении [Jonas, 1958]:

> Каждый день каждый из них изобретает что-то новое, и ни один из них не оцеинвается высоко до тех пор, пока он не проявит своей активности в этом направлении (с. 179).

Сейчас, пытаясь реконструировать в своем воображении обстановку, в которой развивался гностицизм, хочется представить себе братство людей, в котором каждый размышлял над проблемами бытия, исходя из общей для всех предпосылки заброшенности человека. Результаты этих медитаций формулировались в виде философских и поэтических построений. Наиболее яркие из этих построений порождали отдельные школы и их ответвления. Творческим поиском были охвачены многие. В своей фантазии они пытались создать мифологическую модель мира. Их проникновение в глубины человеческого духа удивительно.

До сих пор мы говорили о резком противостоянии

---

[19] Секуляризация — религиозность, проявляющаяся вне Церкви.

[20] Ириней — епископ Лионский. Его знаменитое обличение гностических ересей датируется концом II века.

Православия и гностицизма. Но это противостояние несколько смягчается тем, что не в Православии самом, а в его философской секуляризации шло что-то очень похожее: русское учение о Софии также было мифологической моделью космогонического звучания.

Вернемся к мистическому анархизму. Его внутренняя жизнь может быть почти полностью охарактеризована теми же словами, которыми мы только что описали древний гностицизм. Существовало братство, интенсивная творческая деятельность каждого происходила и внутри и вне его. Она находила свое выражение в театральной деятельности[21], в создании художественных произведений, философских трудов общесоциальной и исторической тематики. Я лично хорошо был знаком с работами А. А. Солоновича. Сохранилось 13 его философских тетрадей (было 59 ученических и 5 толстых). Помню еще и такие его труды: Христос и христианство, курсы лекций Элементы мировоззрения и Мистический анархизм и фундаментальный труд М. Бакунин и культ Иальдобаофа за два последних тысячелетия. Бакунина он считал не только политическим деятелем, но и философски ориентированным мыслителем[22].

Так воплощался принцип *делания*, направленный на расширение духовного знания, в эпоху, когда оно всячески подавлялось господствующей *идеологией* атеистического единомыслия.

8. Несколько личностных характеристик. Расправа

Теперь несколько слов о персональных характеристиках[23].

[21] Сейчас раскрылись следующие имена деятелей этого направления, связанных с театром: Л. А. Никитин, П. А. Аренский, В. С. Смышляев, Ю. А. Завадский [Никитин, 1991а]. По-видимому, 2-й МХАТ был под сильным влиянием этого движения. Вероятно. с ним был знаком и М. Чехов.

[22] Сейчас, читая о Бакунине в книге В. Зеньковского [1989], я нахожу много общего с трактовкой, данной Солоновичем.

[23] Работа с архивными материалами продолжается, возможны уточнения фактов.

Алексей Александрович Солонович (1887—1937) — математик по образованию, доцент МВТУ. Он был довольно высокого роста, плотно сложенный, физически сильный. Его лицо носило черты монголоидности: выделяющиеся скулы, приплюснутый нос, чуть раскосые карие глаза, небольшая бородка, густые усы. Его высокий лоб и черные густые волосы, спускающиеся до плеч, придавали лицу благородство и значимость. Он был прирожденным оратором. Речь его захватывала и завораживала с первых слов — высокая мысль, оригинальность суждений, вдохновенность и смелость... в те уже начинавшие мрачнеть годы. Он был умен и отважен.

Однажды в аудитории неизвестный слушатель попытался спровоцировать его вопросом:

— Вокруг вас группируется какой-то коллектив?

А. А. мгновенно в ответ:

— На такой вопрос исчерпывающий ответ вы можете получить в органах ГПУ.

Как мы уже говорили, Солонович был одним из руководящих деятелей анархо-мистического движения. Он выступал часто и открыто — все свои самиздатовские работы подписывал собственным именем.

Напомню, что он был арестован в 1925 году, но вскоре после вынесения приговора — освобожден. Ему вернули даже его машинописные труды, квалифицировав их как научные. Было поставлено единственное условие — не вести работу с людьми. Но как это требование могло быть выполнено? Ведь задача участников движения была двоякая: с одной стороны, овладение духовным знанием — гносис, с другой — активное дело. Одно время поднимался даже вопрос о создании закрытого духовного университета. Эту идею, конечно, не удалось реализовать в полной мере. Университет, хотя официально и не оформленный, все-таки существовал, и я прошел в нем десятилетнее обучение. Работоспособность Солоновича меня всегда поражала — он много работал в МВТУ, преподавая высшую математику, много выступал с публичными лекциями на философские темы, занимался теоретическими разработка-

ми идей анархо-мистицизма, много читал, интересуясь историей, мифологией, работами по традиционной символике Востока и Запада, психологией, философией (составив целый курс лекций — от Аристотеля до Канта), гностицизмом. Кроме того, он много общался с людьми, обладая притягательностью харизматической личности. Все его время было занято и упорядочено кодовыми пометками в блокноте, который он вытаскивал из своей вечной толстовки, назначая нам очередную встречу [24]. Арестованный в третий раз в 1936 году он объявил голодовку и умер в тюрьме в 1937 году.

Агния Онисимовна Солонович (1888—1937) — жена и помощница А. А. Солоновича. Ее я помню особенно хорошо, так как ее отношение ко мне носило особый характер материнского дружелюбия, которое я очень ценил, оставшись без матери десятилетним мальчиком с невосполнимой утратой этого материнского пространства, вплоть до встречи с Агнией Онисимовной.

Высокая, крупная, почти обыкновенная, она преображалась, начиная говорить. Мысль ее была ясна и проникновенна (сказывалось хотя и не законченное, но математическое образование в Университете).

Работа в Кропоткинском музее позволяла ей целиком отдаваться «большому делу». После ареста А. А. Солоновича в 1930 году она заменила его, продолжив работу во всех направлениях.

Две черты наиболее ярко были проявлены в ней. Сердечность, известная нам всегда. И стоицизм, с очевидностью раскрывшийся на допросах после ее ареста

---

[24] Солоиович жил в одном из переулков (Полуэктов переулок, д. 3, кв. 4), выходящих на Остоженку, на первом этаже деревяниого двухэтажного дома, который не сохранился. Коридор вел в столовую и маленькую спальню с тумбочкой у кровати, на которой стоял букет искусственных ритуальных цветов, очень похожих на живые. Напротив спальни кабинет с большим вытянутым прямоугольиым столом, окруженным массивными кожаными стульями с высокими спиниками, а среди них — уютный кожаный диван, на верхней полке которого находились небольшие портреты П. А. Кропоткина и Махатмы Ганди. На стене — большие живописные портреты М. А. Бакунина и А. А. Карелина. С торца стола высокий венский стул с круглой спинкой — место хозяина дома.

в 1936 г. Читая протоколы допросов, поражаешься не просто мужеству человека перед лицом беспощадного монстра системы, но парению духа и достоинству. В каждом дознании рефреном звучит отказ участвовать в работе репрессивных органов, неустанно произносимый почти слово в слово: «Являясь убежденной анархисткой, я отказываюсь отвечать на этот вопрос по морально-этическим соображениям». Она ни разу не признала ни одного из предъявленных ей обвинений — ни на допросах, ни в суде, ни тогда, когда подписывала специальную форму, извещавшую о предъявленном обвинении: «Не виновна. Агния Солонович» — неровными, но твердыми буквами, объявляя свою позицию.

Я хочу здесь привести целиком одно из ее писем, дошедшее до нас из архивов КГБ, адресованное А. А. Солоновичу в тюрьму в 1925 году. Пусть она сама поговорит и с ним и с нами хотя бы теперь:

Милый и дорогой Алексей!

Целуем тебя крепко-прекрепко и бесконечное число раз все мы — я, Алька, Таня, Сережа, Катя, Надя, мама, Тоня, Ия. 26-го июля получила твою телеграмму. Неужели Вы так долго ехали? Как ты себя чувствуешь? Как твое здоровье? Какой режим в Суздале? Жду с большим нетерпением твоего письма со всеми подробностями жития твоего, а также и описания того, как происходят свидания. Мне хотелось бы заранее знать, чтобы приготовиться. Надеюсь, ты уже написал мне обо всем этом. Следи особенно тщательно за своим здоровьем.

Все это время я бегаю по твоему делу и до сего момента не знаю, будут ли они пересматривать его. Везде такая волокита, что просто тяжело. Пришли мне доверенность на право хлопот по твоему делу, а то в канцелярии Катаньяна мне отказались дать какие-либо справки. Ты, мой дорогой, там не волнуйся и не трать понапрасну силы. Ты пишешь, что чувствуешь себя передо мной виноватым. Это совершенно неправильно — ведь твой арест от тебя не зависел. Ты не сделал ничего такого, за что бы тебя могли арестовать, а раз так — то нет и вины. Ведь так же могу быть и я арестована... И после нас с тобой могут остаться дети. Разве мы будем виноваты перед ними? У нас все здоровы. Алька, Таня и Ия играют вместе, иногда дерутся. Сейчас они выиесли ковер и куклы и играют в тени около сараев против крыльца.

С мамой мне очень удобно. Она довольно крепкая, хотя и хилая. Она ходит и все делает сама. С ней мы оставляем дом и расходимся каждый по своим делам. Сергей спешит на футбол, Тоня с Катей иа службы (Катя устроилась, кажется, пока времеино в детский дом), я куда-иибудь по твоему делу. Надя с Моссельпромом. И к вечеру все

собираемся. Места я пока не ищу, т. к. служба отняла бы у меня время и я не смогла бы хлопотать так, как хочу. Это сейчас я ставлю своей ближайшей целью. Я только и думаю о том, как бы тебя извлечь на свободу. Свидания я пока не просила, так как пока уехать из Москвы я не могу. Мне необходимо повидаться кое с кем, а когда повидаюсь, тогда и приеду к тебе. С бумагой, книгами, вареньем и прочими вещами, Ты напиши мне только, что тебе иеобходимее всего. Посылаю тебе на твои расходы 10 руб. и для писем 6 марок почтовых. От тебя я получила всего два письма от 9 и 15 июля. Из Америки до сего момента писем не получено. Денег в Кресте нет. Нужда в них невероятная. Как поживает Иван Васильевич? Громадный ему поклон и сердечный привет. Вместе ли вы опять? Аполлон Андреевич еще в санатории, и они с Евгенией Фортунатовной шлют тебе привет. Теперь их комната на противоположной стороне, около парадного входа, первая налево, как входишь. В воскресенье, когда я у них была, Евгения Фортунатовна лежала в постели. Сейчас все наши друзья заняты вопросом, что со мной делать. Это мне на руку, т. к. благодаря этому у меня является возможность самой об этом не думать. Да и на самом деле это для меня такая мелочь... Сейчас для меня существенным являешься ты один, и только о тебе я могу думать... Да вот тебе новость — была у нас на днях дочь тетки и сообщила, что *ваш* с *ней* общий знакомый скоро приедет в Москву и остановится там же, откуда уехал. Это меня удивляет. На этих днях будет у нас производиться ремонт кухни. Заходила твоя племянница Ирина. Этот год они уже не живут на той квартире над Москвой-рекой, где жили раньше и где мы у них бывали. Жаль... Очень приятно было посидеть у них на балконе... Она все так же бегает и хлопочет обо всем. Что же ты делаешь и над чем работаешь сейчас? Как твоя математика? В крайнем случае будем для тебя выписывать даже из-за границы все, что тебе нужно будет... но без книг тебя не оставим. Может, имеешь какие мысли по анархизму или по др. интересующим тебя вопросам. Пиши... Особенно меня интересовали бы твои письма на ранние анархические темы. Помни, что в письмо с семикопеечной маркой ты можешь написать целый лист обыкновенной белой бумаги, и если бы мне получать такие письма хотя еженедельно, было бы чудесно. Мне так хочется быть с тобой духовно. Мне очень тяжело, что я не могу с тобой пережить всего того, что ты переживаешь сейчас. Хотя мне нечего жалеть, т. к. если не прекратятся гонения на легальный анархизм... то моя участь такова же. До ремонта, сейчас, Тоня помещается у тебя. После же перейду я — так как мое место займет Сережа. Татьяниха каждый день повторяет: «Папуся, милый, приходи скорее» — все это скороговоркой. Алька очень редко тебя вспоминает, но если вспоминает, то как-то особенно серьезно. Когда слышит наш разговор о тебе, то вдруг, неожиданно, что-нибудь переспросит. Сергей же тебе сам напишет о себе. Деньги я получила. За это время расквиталась почти со всеми долгами. Заплатила хозяйке за два месяца сразу (июнь и июль), и у меня, не считая того, что я посылаю тебе, осталось еще 20 руб. Дней на десять хватит, а там уже скоро и опять получка.

Как ты устраиваешься со стиркой? Сколько часов в день вы гуляете? И собственно, что это — лагерь или тюрьма? Очень хотела бы с тобой повидаться, дорогой Алешечка, и поговорить. Пиши мне почаще и побольше. Ведь у тебя все-таки досуга больше. Я же кручусь как белка в колесе. На этих днях стану изучать для декламации новую вещь[25]. Ты советуешь мне не потратить даром этого времени... Но должна сознаться, за это время я, кроме романа, ничего не могла читать. Теперь, кажется, смогу уже заняться и более серьезно, хотя не сейчас сразу, а когда кончится моя беготня. Каждый раз, когда приезжает в Москву, бывает у меня Софья Григорьевна Кропоткина. Она шлет тебе привет. Хотела вчера отправить тебе письмо, но опоздала. Итак, до скорого свидания. Целую тебя крепко-прекрепко и бесконечно долго.

Любящая тебя, твоя Агния.

Михаил Алексеевич Назаров (1889—1937) — невысокий, бородатый, русоволосый, незаметный, однако хорошо образованный гуманитарий со знанием языков, был одним из любимых учеников А. А. Солоновича. Он был очень увлечен идеями анархо-мистицизма и посвящал им все свое время и весь пыл души. Он много общался с людьми, много писал на социально-исторические темы. В плавной текучести его мысли было что-то старомодное, устоявшееся, незыблемое.

Но люди подлинно проявляются лишь в трагических ситуациях.

Для него ситуация ареста и допросов оказалась действительно трагической и в личностном плане, так как он не только признал себя виновным в подготовке террористических актов против руководителей партии и страны, но и дал вынужденные показания, послужившие основанием для обвинения и приговора к высшей мере наказания А. О. Солонович и Иосифа Шаревского, расстрелянного в один день с Агнией Онисимовной в возрасте 25 лет[26]. Он, так же как и она, не признал

---

[25] Думаю, что речь здесь идет о заучивании наизусть текстов легенд.

[26] Назаров был не единственным, конечно, давшим показания «под диктовку». Среди остальных, напомним, был еще и двоюродный брат Шаревского — Иосиф Исаевич Иоффе, сотрудничавший с НКВД и регулярно доносивший с 1934 г. Он, разумеется, избежал ареста. Назаров долго сопротивлялся и свои удручающие показания стал давать в конце следствия.

себя виновным, на допросах отвечать отказался, чтобы лишить репрессивные органы возможности использовать что-либо из его ответов в качестве показаний. Их судила Военная Коллегия Верховного Суда СССР во главе с Ульрихом. Вся процедура суда, предварительно документально заготовленная, занимала 20 минут и проходила без свидетелей, без защиты, без права на апелляцию, так как приговор подлежал немедленному исполнению. А родственники по официальным каналам получали из ЗАГСа документы о смерти в местах заключения с указанием произвольной даты. Под грифом «Секретно» поступал запрос из КГБ, и надлежащий документ, не имеющий ничего общего с правдой, изготовлялся государственным учреждением. Они лгали, когда хотели, сколько хотели и кому хотели. Во имя чего?! Не мешало бы узнать и об этом.

Рассказывая о Назарове, я не могу не упомянуть о том, что он был прощен всеми пострадавшими еще тогда, когда они надеялись сказать ему об этом лично. Но он тоже был расстрелян (в следственных материалах есть документ посмертной экспертизы, согласно которой Назаров страдал тяжелым психическим заболеванием. Если это можно было установить посмертно, то как же можно было не установить это во время следствия?!).

Я не знаю, сколько всего людей было арестовано по делу анархо-мистиков в 1936/37 гг., но знаю, что расстреляно было 9 человек (среди которых был и известный анархист-математик — Д. А. Бем) — все те, кто обвинялся в терроризме и кого судила ВКВС СССР.

Большая группа обвиняемых, судимая Особым Совещанием, получила пятилетний срок ИТЛ, превратившийся для тех, кто смог выжить, в продленный лагерный срок и вечную ссылку. Реабилитацию некоторые из уцелевших получили в 50-х, другие только в 60-х годах[27].

---

[27] Дополнительные материалы о Солоновиче и других анархомистиках можно найти в воспоминаниях М. Н. Жемчужниковой [1992].

Итак, за что же все-таки погибли Тамплиеры наших дней? В первоисточнике — апокрифе от Филиппа мы находим такие слова [Свенцицкая и Трофимова, 1989]:

123. ... Ибо, пока корень зла скрыт, оно сильно.

Они, будучи анархистами, хотели обнажить корень зла, пробудившегося в идее кровавой диктатуры, направленной, как казалось тогда многим, на благо социального переустройства мира.

9. Занавес опустился

Я думаю обо всех погибших.

Замок Шенон — мне пришлось побывать в этой старинной крепости французских королей, которая возвышается над землей, уходящей за горизонт. Кругом все цвело, благоухало, ликовало. В этом замке когда-то Жанна Д'Арк, ведомая голосами, узнала переодетого короля... В этом замке на центральной площадке в толстенной круглой башне с каменным полом сидели прикованные цепями к стене Великий магистр Ордена Тамплиеров Жак де Молле и протектор Нормандии Жеффруа де Шарню. В марте 1314 года король Франции Филипп Красивый вместе с Папой сожгли их на медленном огне на площади Парижа.

Разгром Тамплиеров был крупнейшим событием XIV века. Вот как откликнулся на него современник — Алигьери Данте [Данте, 1961]:

91 Я вижу — это все не утолило[28]
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила[29].

94 Когда ж, господь, возвеселюсь, узрев
Твой суд, которым, в глубине безвестной,
Ты умягчаешь свой сокрытый гнев?

Божественная комедия. (Чистилище. Песнь двадцатая.) *Перевод М. Лозинского.*

[28] Здесь речь идет о борьбе Филиппа IV с церковной (папской) властью.

[29] Тамплиеры — храмовники в русском переводе.

После разгрома Ордена уцелевшие рыцари нашли новые - скрытые формы существования, продолжая активно участвовать в развитии европейской культуры. Эта тема обстоятельно рассмотрена в книге [Baigent, Leigh, Lincoln, 1989].

Через 623 года опять умирают те, кто назвал себя Тамплиерами, но теперь не публично, а под грифом «Секретно».

Почему понадобилась их смерть?

Почему тайная?

Нелепость обвинения уже и тогда была очевидной.

Как можно было допустить, что мистический анархизм — движение духовное, исповедующее ненасилие,— может опуститься до террора? Обвинение было нелепым и просто с географической точки зрения, так как Солонович А. А. не мог возглавлять террористическую деятельность организации, главой которой он якобы являлся, хотя бы потому, что находился в ссылке в селе Каргасок Красноярского края, которое было недоступным зимой и труднодоступным летом. И Иосиф Шаревский не мог быть отправлен Солоновичем в Москву с целью организации террористических актов уже потому, что находился под непрестанным надзором и его контакты с Москвой были ограничены стокилометровой зоной.

Чем было продиктовано стремление уничтожить само движение такого рода? Вопрос уместен здесь и потому, что в материалах следствия имеется указание на то, что принадлежность к Ордену не являлась уголовно наказуемой.

Передо мной книга С. Н. Канева [1974]. Там приводится много интересных данных и упоминается мистический анархизм и А. А. Солонович. Но заканчивается книга утверждением о том, что анархизм в России изжил себя[30], а вовсе не был подавлен.

---

[30] Вот относящееся сюда высказывание:

Исчезновение анархизма не только как политического, но и как идейного течения с арены жизни советского общества было, как мы видели, результатом не насильственных мер, а следствием последовательной идейной борьбы Коммунистической партии и коренных социальных преобразований, проведенных на основе ленинского плана построения социализма (с. 401).

Автору книги здесь можно сказать только одно:

> Горе миру от соблазнов; ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит (Мф 18,7).

Я написал эту работу в память о погибших, об их разрушенном деле, изничтоженных трудах. Мой текст не полон. Хотел бы, чтобы нашлись и другие, способные рассказать и дополнить мною упущенное. Я был близок к этому движению в течение 10 лет, но был еще слишком молод и стоял только у преддверья. А надо всем тяготел, с одной стороны, ограничивающий эзотеризм, с другой — суровая конспирация, разобщавшая нас.

Но лекции моего учителя Алексея Александровича Солоновича, общение с его женой и помощницей Агнией Онисимовной Солонович, образ Аполлона Андреевича Карелина и переданное ими вдохновение зажгли тот огонь внутри, силой и светом которого озарилась мысль и жизнь. Все, что я обдумал, написал, сделал, совершил, может быть посвящено им, генерировавшим творчество и передавшим «мужество быть».

Литература

Барт К. Христианин в обществе. **Путь,** 1992, № 1, с. 180—210.

Белый А. А. Блок. **В кн.:** Белый А. **Избранная проза.** М.: Советская Россия, 1988, с. 280—296.

Данте. **Божественная комедия.** М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961, 782 с. (перевод М. Лозинского).

Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—1923). **Минувшее,** вып. 6., М., 1992.

Зеньковский В. В. **История русской философии.** Т. I. и II. Paris: Ymca-Press, 1989, 469 и 477 с.

Канев С. Н. **Октябрьская революция и крах анархизма.** М.: Мысль, 1974, 416 с. (приложение — 14 таблиц).

Налимов В. В. **Спонтанность сознания.** Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989, 287 с.

Никитин А. Л. Рыцари Ордена Света. ГПУ против анархистов. **Родина**, 1991(а), № 11 12, с. 118—122.

Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархической мысли в России. **Вопросы философии**, 1991(б), № 8, с.89—101.

Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве. **Наука и религия**, 1992, № 4—5, с.8 10, № 6—7, с.23—27, № 8, с.26—33, № 9, с.20—23, № 10, с.16—18, № 11, с. 56—60, № 12, с.10—16; 1993, № 1, с.44—48, № 2, с.13—15, № 3, с.21—25, № 4, с.42 -44, № 5, с.54—60, № 6, с.23—25.

Николаев Ю. **В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма.** СПб.: Новое время, 1913, 526с.

Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. **Апокрифы древних христиан.** Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989, 336 с.

Чулков Г. **О мистическом анархизме.** Letchworth (England): Prideaux Press, 1971, 55 с. (Первое русское изд.: СПб., изд. Факулы, 1906).

Avrich P. **The Russian Anarchists.** New York: Norton, 1978, 333 p.

Baigent M., Leigh R. and Lincoln H. **The Holy Blood and the Holy Grail.** L.: Gorgi Books, 1989, 528 p.

Jonas H. **The Gnostic Religion. The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity.** Boston: Baecon Press, 1958, 302 p.

Jung E. and von Franz M.-L. **The Grail Legend**. Boston, Sigo Press, 1986, 452 p.

Koslowski P. (сост.) **Gnosis und Mystik in der Geschichte der Philosophie.** Zürich and München: Artemis Verlag, 1988, 407 S.

Nalimov V. V. **Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontier.** Philadelphia, Pa: ISI Press, 1982, 320 p.

Quispel G. (ред.). **Gnosis De Derde component van de Europese cultuurtraditie.** Utrecht, Hes, 1988, 280 p.

Robinson J. M. (ed.). **The Nag Hammadi Library in English.** San Francisco and Row, 1981, 493 p.

Rudolph K. **Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion.** Leipzig: Koehler Amelang, 1977, 436 S.

Глава XVI

АНАЛИЗ РЕПРЕССИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Следствие

Как бы странно это ни звучало, но нужно признать, что в те годы в советской репрессивной системе *не было* следствия.

В Советском энциклопедическом словаре (1987 г.) дается такое определение термину *следствие*:

> *Следствие*, в уголовном процессе — собирание и проверка доказательств по уголовному делу. Различаются следствие предварительное и судебное (1223 с.).

Предварительного *следствия* не было потому, что следователь не был озабочен сбором и проверкой доказательств. Ему нужно было только добиться признания от обвиняемого. Для достижения этого следователь имел право обращаться к принуждению [1], запугивая подследственного, а в период разгара репрессий даже допускались физические формы принуждения (избиение, многосуточный непрерывный допрос и пр.). Эти насильственные методы допроса были официально введены уже после окончания нашего дела. Признание об-

[1] Достаточность признания и допустимость принуждения следовали из теоретических разработок А. Я. Вышинского — юриста и дипломата, академика АН СССР. Фигура таинственная: общеизвестная подозрительность Отца народов не распространялась на него, несмотря на его прошлое (меньшевик с 1903 по 1920 г.). Избрание академиком теоретика репрессий и одного из главных лиц в их осуществлении — это позорное пятно на Академии, лежащее на ней вплоть до наших дней.

виняемого было достаточным для его осуждения, а также и для осуждения тех, кого он связал с собой. Следователь старался добиться как можно более серьезных признаний с тем, чтобы выстроить возможно более зловещую картину.

Итак, шло не предварительное следствие как расследование, а борьба следователя с обвиняемым. Следователю нужно было во что бы то ни стало получить хоть какое-нибудь признание. Минимальное требование — признание в антисоветском разговоре, хотя бы в одном. Пусть это будет не более чем рассказ политического анекдота — этого достаточно для осуждения. Серьезнее — признание в принадлежности к антисоветской организации или контрреволюционной группе. Но это все мелкий улов. Следователю всегда хотелось получить признание в подготовке к террору или хотя бы в шпионаже. А еще лучше, если «раскрывались» оба эти злодеяния. Тогда следователь становился героем-победителем, что и оценивалось соответствующим образом.

Следствия *судебного* также не было. В большинстве случаев срок наказания определялся заочно — Особым совещанием. В моем случае даже не было предъявлено обвинение, которое должно было быть сформулировано и подписано прокурором. (Прокурора я ни разу не видел — может быть, он и не принимал участия в этой псевдосудебной процедуре.) А Суд — если кто-либо и удостаивался чести проходить через него — носил явно фарсовый характер. Военный трибунал, по которому проходила часть моих содельцев, длился считанные минуты — без участия свидетелей, без защитников. Отказ от ранее данных показаний (со стороны части обвиняемых) не принимался во внимание. Высшая мера наказания — расстрел — исполнялась немедленно, в день вынесения приговора.

Апогеем был 1937 год: в этом году, насколько я знаю, не было ни одного случая оправдания обвиняемого. Сам факт ареста был уже осуждением. Судебным органам оставалось только выбирать меру наказания.

Преследование обретало характер демонической фанатичности.

Следствие, переставшее быть юридической процедурой, становилось индустриальной деятельностью. На тюремном конвейере шла массовая обработка сознания человека некими заранее отработанными, стандартными приемами. Протоколы велись с использованием особого допросного жаргона. Все встречи назывались «сборищами», вольные философские разговоры — «антисоветской деятельностью», малейшая критика — «антисоветской пропагандой», всякое содружество людей — «контрреволюционной организацией» или «антисоветской группой». Важны были не факты сами по себе: они обычно ничего особенного собой не представляли. Существенно было другое — их политическое толкование. К этому, как правило, и сводилось признание.

Мало кто мог сопротивляться. Техника была отработана с учетом природы человека. В напряженной, трагической обстановке человек всегда на что-то надеется. Надеется даже в самой безнадежной ситуации. А на допросах — многодневные, многочасовые бесконечно повторяемые[2] запугивания и внушения того, что есть только один путь, который может облегчить «вашу участь и участь вашей семьи».

По-видимому, долгое и настойчивое повторение одного и того же, поддерживаемое удручающими угрозами, действует как внушение. Своеобразная форма гипноза. Признающийся теряет чувство реальности. Не понимает того, что самооговаривание и оговаривание других ведет только к углублению виновности. Я не знаю случая, когда бы за признание кто-либо получил смягчение приговора. Другое дело штатные «сексоты» — они могли на очных ставках наговаривать и на себя, ничем не рискуя. Это были свои люди[3].

И все же кто-то сопротивлялся. Тогда начиналась

---

[2] Меня допрашивали более 30 ночей об одном и том же, в одних и тех же формулировках.

[3] В моем деле, напомню, есть указание на то, что И. И. Иоффе спровоцировал несколько дел; позже он стал уважаемым профессором.

настоящая борьба допрашиваемого со следователем. Война с обеих сторон. Только один из противников безоружен и за решеткой. Таким в наши дни был рыцарский турнир. Помните у Д. Андреева в стихотворении о Н. Гумилеве: «белой шпагой скрестить свою честь с черным дулом бесчестного века».

Рассмотрим сейчас основные формы поведения на допросах.

1. Допрашиваемый отказывается давать какие-либо показания, или иной вариант — на любой вопрос дает один и тот же негативный ответ: «Нет, не знаю, показаний давать не буду». На первый взгляд кажется, что это наиболее безопасная форма поведения — допрашиваемый не рискует проговориться, сказать что-либо лишнее или попасться в какую-нибудь ловушку, подстроенную следователем. Но на самом деле это путь крайне опасный. В этой ситуации следователь может дать любую интерпретацию обыденному, ничем не выделяющемуся поведению. Все остается без опровержения. Повторяю, важны были, как правило, не сами факты, а их интерпретация. И здесь нужно было сопротивляться, а не просто отказываться от дачи показаний.

2. Признавать только нейтральные факты: «да, знакомы были», «встречались», «да, обсуждали», «читали», но «организации не было». Не было ни «программы», ни «устава», ни «каких-либо конкретных политических устремлений». Следователь добивался другого — признания наличия «политической организации» или хотя бы «политической группы» (что это такое, оставалось неясным), чтобы таким образом развивать дальше свой демонический сценарий.

3. Признать существование «антисоветской организации», если уж так хотелось следователю. Но встав на такой путь, допрашиваемый уже попадал в ловушку. Признав одно, надо было идти дальше — объявлять кого-то главой организации, ставя его под тяжелый удар. Под ударом оказывались и участники воображаемой организации. А дальше открывалась возможность для необузданной фантазии следователя, которую допра-

шиваемый мог и поддержать, тщетно надеясь на какое-то смягчение приговора. Теперь уже для обороняющихся борьба переносилась на новую арену — нужно было доказывать умеренность ранее признанной организации. Так разжигался костер современной инквизиции.

4. Иначе разыгрывалась ситуация при втором аресте по тому же самому делу. Здесь борьба уже становилась бессмысленной. Нет ни новых обвинений, ни очных ставок (если не было новых доносов). Надо было только еще раз ответить на те вопросы, которые задавались при первом аресте. Зачем? До сих пор я этого не понимаю. Может быть, надо было проверить — сдастся ли обвиняемый? Тюремная «радиопараша» сообщила, что меня ждет один из двух вариантов: «вечная ссылка»[4] или снова лагерь. Мне казалось, что в этой ситуации лучше было быть осторожным и сделать вид, что я сдаюсь. Это уже не могло никому повредить: тех, кого они объявили лидерами движения, уже не было в живых. Может быть, я был не прав: может быть, нужно было проявить героизм перед «ними» и идти навстречу новому лагерю? Но эта жертва не казалась оправданной.

Выше я рассказал о том, как получил вечную ссылку в промышленный город Темиртау, где мне удалось найти работу (даже творческую) в Центральной заводской лаборатории металлургического завода. Там я подготовил свою первую диссертацию.

Но вечность оказалась конечной! Бессмертный Отец народов взял да и помер. И я как «пятилетник» получил свободу по амнистии. Несмотря на вечность ссылки, за мною официально числились только пять лет лагерей. Второй арест посчитали просто юридически неправомочным. Может быть, юристы все это и понимают, но мне невдомек — ведь в обоих случаях действовало Особое совещание, а не суд. Почему-то один раз его ре-

[4] В чем состоял смысл «вечности», оставалось неясным. Видимо, это было сказано для устрашения. Может быть, этим подчеркивалась вечность и неизменность существования режима? Во всяком случае, этот термин имел оккультно-магическое звучание.

шение посчитали правомочным, а другой — нет. Непонятная логика. Вот только мертвые не воскресают от признания неправомочности решений.

2. Исправительно-трудовая система

Исправительно-трудовая система — это одно из самых показательных и в то же время самых трагических изобретений социалистического строя, провозгласившего насилие как путь к свободе.

Задача лагерей была, по-видимому, троякой: 1) построить новую индустриально-развитую страну с помощью дешевой насильственно мобилизованной рабочей силы; 2) уничтожить тех, кто не смог адаптироваться к непосильному насильственному труду; 3) перевоспитать тех, кто выдержал испытание насильственным трудом. Труду приписывалась какая-то магическая «исправительная» сила.

Посмотрим теперь, как были выполнены поставленные задачи.

1. Построено многое, очень многое. Много земли перекопано и почти все ломом, лопатой да тачкой. Не было ли это разорением страны, когда интеллигенты разных квалификаций и умельцы разных направлений работали простыми землекопами? Не лучше ли было развивать технику и, опираясь на нее, обогащать страну? Не разумнее ли было не посылать в забой людей, не пригодных к тяжелой физической работе в силу своего возраста, здоровья, немощи, своей неприспособленности к суровым погодным условиям? Они в лагерях были тяжелым балластом — их бесполезное (с производственной точки зрения) существование ведь как-то надо было поддерживать в ущерб работающим. Наконец, почему было не смягчить нормы выработки немощным? Нет, система была дьявольской — она не заботилась о пользе.

М 2. Умирали многие. Я не знаю сколько, но очень много! И сейчас они, умершие, встают перед моими глазами. Зачем нужно было столько смертей? Зачем ну-

жно было привозить на Колыму для умирания столько людей со всей страны? Людей всех специальностей, всех национальностей. Для очищения общества? Не знаю.

3. Воспитательная сторона: иногда на двери административного барака появлялась табличка КВЧ (культурно-воспитательная часть), но эта работа в те годы практически отсутствовала. Не было ни газет, ни журналов, ни радио. А если бы они и были, то не было ни сил, ни времени, чтобы к ним обратиться — в каждую свободную минуту клонило ко сну.

Но подспудная, не видимая явно воспитательная работа все же шла. Воспитателями оказывались блатари. Они, в отличие от нас, были социально близкими администрации. Они могли занимать привилегированные места, недоступные политическим осужденным [5]. Через них администрация управляла лагерной массой. И, как это ни странно, у них была своя антилагерная и антигосударственная идеология. Был свой фольклор, своя этика, свои суды, свои обряды. Они были лагерными героями. Это действовало на попадающую в лагерь молодежь.

Три их наиболее существенные положения звучали примерно так: 1) право грабить имущих — это была своеобразная пародия на социализм, столь популярный в те годы. 2) Отрицательное отношение к любой работе. Это легко объяснимо: они были обречены быть вечными лагерниками, а в лагере работа всегда насильственна. 3) Негативное отношение не только к государству, но и к обществу в целом. Судьба страны как таковой их никогда не заботила. Эта тема была закрыта для обсуждения. Что плохо, то плохо. Не их забота исправлять плохое. Их забота жить вольно, не принуждая себя к работе, считавшейся формой насилия.

К нам в лагеря и тюрьмы приходило много молодых людей и даже подростков. Я видел, как они втягивались в изуверское «служение» свободе. Потом кто-то

[5] Ситуация, правда, изменилась после начала войны — тогда для нас открылась возможность выполнять инженерно-техническую работу.

из них выходил на свободу и разносил по стране эпидемию зла.

Мне хочется здесь обратить внимание историков, социологов, писателей на то, что наша страна до сих пор переживает (а может быть, и изживает) то, что было воспитано в лагерях и пересыльных тюрьмах. Это суровая расплата за попытку насильственного введения социализма.

3. Была ли у нас демократия?

По-разному можно ответить на этот вопрос. Один из возможных ответов звучит так: «Да, была».

По своему смыслу термин «демократия» означает признание *народа* источником власти. Было ли так?

Да, было. В стране насчитывалось около 20 миллионов членов партии — людей наиболее рьяных и одержимых. Еще несколько миллионов комсомольцев. Да еще сколько-то секретных осведомителей — внепартийных добровольцев. Почти все боготворили Отца народов, боготворили до слез, до умиления. Преклонялись (когда было нужно) перед Ягодой и Ежовым. Избирали в верховные органы власти Берия. Православная церковь позорно связала себя с органами насилия. Зачем дальше перечислять — все всем известно, все понятно.

Да, народ поддерживал. Правда, вера в праведность власти оказалась возможной только после репрессивной чистки общества, которая велась широким фронтом — это не только разветвленная сеть лагерей, но и истребление крестьян при коллективизации, а позднее и высылка целых народностей с их исконных земель.

Сейчас, после проведенного в нашей стране невиданного по своему масштабу эксперимента, нужно в учебники политологии и социологии записать примерно следующее: «Демократия — понятие внутренне противоречивое, ибо демократический по своей видимости строй может возникнуть и в результате демонических репрессий». Иными словами, кажущееся народовластие может быть достигнуто путем обращения

к диктаторской власти. Достаточно серьезно и грозно почистить общество, что легко достигается при современной технике. Отсюда становится понятным, почему не было настоящего, юридически грамотного следствия. Нас не привлекали за какое-нибудь конкретное преступление. От нас просто очищали общество. Очищали от тех, кто не нравился. Кто казался опасным. Кто мог нарушить покой стерильно создаваемой демократии. *Демократия через стерилизацию общества* — вот во что выродился в России Марксизм, научно обоснованный, как в этом нас упорно убеждали наши философы. В плане историческом очищалось не только общество, но его генофонд. Творчески наиболее активные, непримиримые ушли, не оставив потомства. А развитие культуры — это всегда протест против застоя, всегда бунт, хотя бы и тихий, бескровный, интеллигентный по своей сути.

И все-таки в те страшные дни появлялись политические анекдоты — это было подпольное противостояние сдавшихся. Цена острого анекдота — пять лет лагерей.

После перестройки политические анекдоты обесценились, кажется, больше, чем рубли. Возможно, поэтому и пропали. Их пропажа — это последний анекдот (такова уж его «диалектика»). Но чего стоит Россия без политического анекдота?!

Здесь какая-то порочная логика.

Или это парадоксальный показатель демократизации страны.

Глава XVII

В ЗАЩИТУ АНАРХИЗМА

> Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим *и скажут нам: «Лучше поработите* нас, но накормите нас...» Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать — так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего... Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться.
>
> *Ф. Достоевский* [1976, с. 231]

1. Введение

Ненасилие как тема *философская*, с одной стороны, и в то же время *теологическая* — с другой, интересует меня с давних пор. Значение этой темы особенно обострилось в наши дни. В ближайшее время она станет, видимо, центральной темой нашего бытия в этом переусложненном Мире. Интерес к ней возник у меня не только в результате моей связи с анархизмом, но также в значительной степени и под влиянием Ф. Достоевско-

го, с произведениями которого я познакомился еще в ранней юности. Соответственно настоящая глава начинается с эпиграфа из Братьев Карамазовых. Обсуждаемая в книге социальная тема обретает теологическое звучание. Христианское действие там с неизбежностью оборачивается насилием, добровольно принимаемым.

2. Насилие против ненасилия

Прогноз всего свершившегося в Русской революции прозвучал у Достоевского в словах Великого Инквизитора. Тайна углубляется увиденным и пережитым нами.

В те ранние революционные годы, когда был крепок еще дух бунтовщиков, слово *анархизм*, впитавшее в себя в своих лучших проявлениях и идею ненасилия, звучало романтически. Теперь оно в нашей стране поругано, оплевано. На Западе оно у многих вызывает чувство паники. Кажется, что кто-то из услышавших это слово готов немедленно позвонить в полицию с просьбой отыскать бомбу.

Во многих публикациях звучат слова о том, что анархизм теперь изжил себя. Но так ли это?

Думаю, что скорее всего произошло не изживание, а *трансформация*. Из движения преимущественно революционного анархизм превратился в мягкое мировоззренческое движение. Философский анархизм, конечно, существовал и раньше — вспомним хотя бы таких мыслителей, как Торо, Ганди, Толстой, Достоевский, Кропоткин, Бердяев, Бубер, Швейцер, Карелин, Солонович. Вспомним и то, что канонические Евангелия проникнуты противостоянием власти и насилию. Теперь мы стали обращать на это внимание. Анархизм становится синонимом ненасилия. Может быть, следуя Солоновичу, надо изменить терминологию и пользоваться такими словами, как *Акратия* или *Синакратия*.

Тема ненасилия приобретает особое звучание. Мы

начинаем понимать, что проблема синакратии в наши дни обостряется.

Попробуем рассмотреть эту тему в деталях.

1. *Угроза нарастающего огосударствления жизни.* На это обратил внимание еще А. Швейцер в первой четверти нашего века [Швейцер, 1992]:

> Какие еще кризисы и катастрофы предстоит пережить современному государству, трудно сказать. Его положение особенно опасно еще и потому, что оно далеко перешагнуло границы своей естественной власти. Оно стало чрезвычайно сложным организмом, вмешивающимся во все дела, стремящимся все регулировать и ставшим вследствие этого уже нецелесообразно функционирующим учреждением. Оно стремится подчинить себе как экономическую, так и духовную жизнь. Для деятельности в таких широких масштабах оно содержит аппарат, который сам по себе уже представляет опасность...
>
> Трагичным является, следовательно, то, что мы должны жить в этом несимпатичном и нездоровом современном государстве и надеяться преобразовать его в культурное государство. От нас требуется почти невозможная способиость к вере в силу духа. Но миро- и жизнеутверждение дает нам эту силу (с. 236).

Прошло почти три четверти века с того момента, как были опубликованы приведенные выше слова Швейцера, и тучи огосударствления сгустились. Этому способствовали следующие обстоятельства: (А) сращивание государства с промышленными монополиями; (Б) появление страшного, угрожающего всей Планете оружия: возникла необходимость цивилизованным государствам контролировать малые бунтующие страны, появилась тенденция к созданию сверхгосударственных структур; (В) ранее расслоение на богатых и бедных происходило на уровне отдельных стран, и это порождало только локальные конфликты (включая революции); в наши дни отчетливо выкристаллизовывается противостояние богатых и бедных стран (теперь уже вооруженных); возникающие на этой почве конфликты обретают международный характер, и противостояние ему опять-таки требует создания трансгосударствен-

ных структур, что может повести к возникновению сверхдиктатур.

2. *Борьба с монополизмом*[1]. Теперь мы начинаем понимать, что насилие может порождаться не только государством, как это раньше полагали теоретики анархизма, но и самим обществом в таких его проявлениях, как коммерческие монополии, как рынок, могущий отторгать новаторскую деятельность, или таких, как групповая агрессивность разной направленности, хорошо организованная и вооруженная.

То, что делается в нашей стране, мы хорошо знаем — вряд ли все это надо описывать еще раз. Но вот что существенно: там, в странах с давно укрепившейся демократией, также ощущается напряженность в связи с нарастающим насилием. Это я особенно почувствовал в последние пять лет в Европе и США. Там мне неоднократно приходилось принимать участие в конференциях гуманистической направленности и беседовать с серьезными, думающими людьми, озабоченными будущим нашей культуры.

Бюрократизация общества и вытекающий отсюда рост насилия над личностью — это естественный для культуры наших дней процесс. Усложнение техники с необходимостью ведет к созданию крупных фирм. Они всегда имеют нужные финансы, всегда способны идти на риск, могущий обернуться разорением для малых фнрм, легко расходуют деньги на навязчивую рекламу, и рынок легко привыкает к ним. И сам технологический процесс на громадных предприятиях подчас оказывается организованным экономичнее. Но в таких фирмах-гигантах теряется личность. Не находит отклика индивидуальная инициатива. Творческое начало замирает — все, как это было в наших министерствах и ведомствах.

А свободный рынок на самом деле не свободен: он подчинен определенной настроенности общества — моде, всегда негибкой, часто крайне консервативной.

[1] Эту тему мы уже рассматривали в наших публикациях [Налимов, 1991, 1993].

Это я мог наблюдать в США, вглядываясь в книжный рынок. Там есть как очень крупные, так и совсем мелкие издательства. Деятельность издательств протекает, как правило, в строго заданных рамках, ориентированных на определенные группы читателей. Издательства не хотят быть скомпрометированными перед лицом покупателей и не хотят рисковать, прокладывая новые пути. Недавно я получил от одного крупного книгоиздательства международного масштаба сообщение, в котором говорится, что они не могут опубликовать на английском языке мою книгу Спонтанность сознания, изданную у нас, так как она выходит за границы дозволенного. В качестве образца дозволенного была приложена изданная у них книга, близкая по теме к моей. И это в стране, где нет официально признанной идеологии.

На Международном конгрессе «Сознание и Природа» (Ганновер, Германия, 1988) я обратил внимание на доклад американского социолога, посвященный демонополизации экономики. Мне вспомнились забытые теперь высказывания Кропоткина из его книги Поля, Фабрики и мастерские (1918 г.). На относящийся сюда вопрос я получил ответ: «Мы знаем и ценим этого мыслителя».

3. *Борьба с терроризмом, бандитизмом и грабежами.* Это тоже пороки, растущие с развитием нашей культуры. Она сняла морально-этические ограничения, с одной стороны, а с другой — вооружила бандитов современной техникой. Государственным насилием эти формы воинствующего насилия преодолеть не удается. Возможно ли будет преодолеть их безнасильственным методом? Такой вопрос ставит перед нами история. От его решения зависит будущее нашей культуры.

4. *Борьба с разрушением природы.* Экологическая проблема возникла как отклик на насилие над природой, нарастающее с ростом техники. Еще совсем недавно в нашей стране звучал лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Еще раньше, у истоков нашей культуры — в Книге Бытия — нам, людям, было дано право владеть природой.

Но именно безграничное развитие техники довело эту устремленность до крайней черты. И опять история ставит перед нами вопрос: сможем ли мы преодолеть себя и подойти к Природе с позиций содружества? И снова мы должны признать приоритет предвидения за Кропоткиным, издавшим еще в начале века свою чарующую книгу Взаимная помощь как фактор эволюции (1907 г.).

5. *Борьба с методологическим принуждением в науке.* Наука становится ареной столкновения двух начал. Одним из них оказывается свободный, революционный порыв мысли. Другим — длительный период детальной отработки нового под эгидой сурового методологического принуждения. Так в творческой деятельности сталкивается свобода с насилием, подчас при решении одной и той же задачи.

Снова появляется возможность говорить об эпистемологическом анархизме в науке. Теоретиком этого направления стал американский философ Пол Фейерабенд. Примечательно заглавие одной из его книг [Фейерабенд, 1986]: Против методологического принуждения. Очерк анархической теории познания.

Вот одно из существенных его высказываний:

> ... если дана какая-либо цель, пусть даже «научная» в самом узком смысле этого слова, антиметод анархиста имеет гораздо больше шансов на успех, чем любое жестко сформулированное множество стандартов, правил и предписаний... Если к этому добавить все то, что мы узнали об организующих принципах мифов, о религиозном энтузиазме, необычных опытах, то вполне можно поверить, что существует много различных способов оценки результатов того или иного подхода. Поэтому мы вынуждены выбирать, а *объективных* условий, способных помочь нам, не существует. Таков краткий и весьма неполный набросок идеологии эпистемологического анархизма и некоторых его возможных применений (с. 340).

С позиций анархиствующего философа и господство науки в нашем обществе становится неоправданным:

> Не слишком далеко отклоняясь от истины, можно кратко сказать: *сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных*

достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям (с. 513).

6. *Борьба с несвободой в религиозности.* Несмотря на все многообразие религиозных течений, все же можно найти основную линию, разграничивающую их с наукой [2]. Наука гибка — в ней достаточно часто происходят смены фундаментальных представлений. Религии неподвижны. Там, как правило, фундаментальные представления считаются неизменными на века. Реформации в религиях всегда были болезненны, в прошлом часто кровавы. Эта ригидность особенно резко выражена в Православии, что привело его к отрыву от реальной жизни.

Религии в большинстве своих проявлений оказались на обочине современной культуры [3].

И в то же время религия крайне нужна современному обществу. Нужно снова восстановить утраченную связь со Вселенной во всем многообразии ее проявлений. Но сделать это надо так, чтобы религия вписалась в современную культуру со всем ее критицизмом, почерпнутым из науки и философии. Религия, сохраняя себя, должна найти такие формы своего проявления, которые позволили бы ей попасть в резонанс с современными запросами.

В мистическом анархизме, о котором мы говорили выше, была сделана такая попытка. Но все оказалось тщетным. Насилие обезумевшей власти все истребило.

И все же *свобода* религиозной мысли стучится в двери нашей культуры.

7. *Борьба за свободу в текущей повседневной жизни.* Мы знаем, какой трагедией обернулась попытка ввести «сухой закон» в нашей стране. Нужно ли было ставить этот нелепый эксперимент, зная международный опыт

---

[2] Напомню, что, по Фейерабенду, наука, будучи иррациональной, ничем не отличается от мифа и религии и представляет собой одну из форм идеологии. Наш подход показывает, что различие все же есть и оно существенно.

[3] Пожалуй, Протестантизм оказался здесь наиболее ярким исключением. Вспомним хотя бы такие движения, как *Диалектическая теология*.

борьбы с алкоголизмом? Эксперимент был поставлен только потому, что тогдашние руководители и их консультанты, по своей безграмотности, верили в безусловную силу запрета. Но нельзя, как выяснилось, запретить то, что стало неотъемлемой частью нашей цивилизации. Другие, мягкие формы воздействия нужны нам теперь.

Борьба с наркоманией путем запрета, по-видимому, также неэффективна. В одной из европейских стран — Голландии — некоторые виды наркотиков разрешены. Я не знаю, хорошо это или плохо. Важно другое: сомнение в насильственных методах есть и поиск других путей ведется.

Еще одна проблема — разумно ли в здравоохранении запрещать деятельность недипломированных лекарей народной медицины при явной несостоятельности официальной медицины? Нужно ли запрещать женщинам домашние роды? Эта тема также дискутируется в некоторых странах.

Но самое страшное — насильственный призыв в армию. Есть же страны, где эта проблема решена безболезненно. Значит, есть в принципе возможность ненасильственного создания охранительных структур.

Можно было бы составить длинный, очень длинный список насилий, к которым мы привыкли и которые мы считаем вполне нормальными явлениями. И вот что существенно: по-видимому, с развитием нашей, западной, культуры уровень насилия непрестанно повышается. Почему-то никто, насколько мне известно, не изучал этот вопрос серьезно, с научной тщательностью. Но факты перед нами — XX век безусловно взял рекорд по числу убийств.

Самым страшным источником насилия — в плане историческом — оказался, конечно, *национализм*, подкрепленный современной техникой. Наша культура, а вслед за ней и цивилизация, не сумели преодолеть этот древнейший позорный грех, ведущий к озлобленному разделению людей. Цивилизация наших дней словно обезумела. Под знаком этого безумия она дви-

жется к концу XX века. Но ведь есть же пути смягчения национализма, хотя бы такие, как в США.

3. Заключение: безвластие как идеал социальной праведности

Итак, синакратия — это борьба с излишней, изнуряющей властью. Борьба с чрезмерным огосударствлением жизни. Поиск путей мягкого — ненасильственного решения конфликтов, социальных и личных[4].

Полное безвластие остается для нас, конечно, только идеалом. Идеалом социальной святости. Идеалом истинного христианства и одновременно буддизма. В реальной жизни все устраивается так, как оно может устроиться. Но *идеал*, если он отчетливо разработан и достаточно осмыслен, помогает благоустройству жизни. Сейчас мы ждем не полного уничтожения власти, а скорее ее «укрощения»[5].

Заканчивая этот текст, я хотел бы почтить память тех, кто погиб в неравной борьбе, попытавшись в те суровые дни сохранить идеал. Они пошли на жертву. Жертва — это предельное проявление человеческого достоинства.

---

[4] На эту тему имеется множество публикаций. Отметим здесь только несколько последних: [Ненасильственные движения, 1992.], [Шарп, 1992], [Аббаньяно, 1992], [Налимов, 1991, 1992, 1993].

В конце библиографии приводится список статей по проблеме Мира, опубликованных в специальном выпуске одного из американских психологических журналов. Интересны здесь сами названия статей. Существенно обратить внимание на то, что тема ненасильственного решения социальных конфликтов обретает психологическое звучание. Появляется новый термин Peace Psychology — «психология мира».

Отметим, что на XIX Всемирном философском конгрессе (Москва, 22—28 августа 1993 г.) был предусмотрен симпозиум по теме «Философия ненасилия» (см. **Вопросы философии**, 1991, № 2).

[5] Этот термин я встретил в статье С. Алексеева и А. Собчака «Конституция и судьба России» (**Известия**, 30/III-1992 г.).

Сейчас их память поругана. На памятнике, что на Новодевичьем кладбище, не сказано, что Кропоткин был революционером. Что же, русский князь, ученый, великий гуманист сидел в русских и французских тюрьмах за бандитизм?! А Музей Кропоткина так и не восстановлен. Фамильный особняк еще цел, но там висит портрет Арафата. Почему? Позор России и ее правителям, не желающим хранить память о своих провозвестниках свободы и гуманизма. Надо преодолевать «мерзость запустения в святых местах».

Литература

Аббаньяно И. Экзистенция как свобода. **Вопросы философии**, 1992, № 8, с. 146—157.

Достоевский Ф. М. **Братья Карамазовы.** Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XIV, 1976, 511 с.

Налимов В. В. На изломе культуры: некоторые наблюдения и вольные размышления. **Полис**, 1991, № 6, с. 5—18 (Продолжение: 1992, № 1/2, с. 150—166; № 3, с. 100—112; № 4, с. 112—121).

Налимов В. В. **В поисках иных смыслов.** М.: Прогресс, 1993, 261 + 17 с.

Ненасильственные движения и философия ненасилия: состояние, трудности, перспективы (материалы круглого стола). **Вопросы философии**, 1992, № 8, с. 3—29.

Фейерабенд П. **Избранные труды по методологии науки.** М.: Прогресс, 1986, 544 с.

Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе. **Вопросы философии**, 1992, № 8, с. 30—39.

Швейцер А. **Благоговение перед жизнью.** М.: Прогресс, 1992, 572 с.

Ниже приводится список статей, посвященных проблеме мира, в специальном выпуске журнала **Journal of Humanistic Psychology**, 1992, Vol. 32, № 4:

G. Simon Harak. After the Gulf War: A New Paradigm for the Peace Movement, p. 11—40.

Donald Rothberg. Buddhist Responses to Violence and War: Resources for a Socially Engaged Spirituality, p. 41—75.

M. Brewster Smith. Nationalism, Ethnocentrism, and New World Order, p. 76—91.

Stephen Kierulff. Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age, p. 92—107.

Melissa Johnson and Michael D. Newcomb. Gender, War, and Peace: Rethinking What We Know, p. 108—137.
Mary E. Gomes. The Rewards and Stresses of Social Change: A Qualitative Study of Peace Activists, p. 138—146.
Neil Wollman and Michael Wexler. A Workshop for Activists: Giving Psychology Away to Peace and Justice Workers, p. 147—165.
Alan T. Nelson. Why Nonviolent Peacemaking Is Important Now, p. 157—160.
Tom Greening. Veggies for Peace (poem), p. 161.

Глава XVIII

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

1. Непредсказуемость будущего

Желая заглянуть в будущее, мы опираемся, с одной стороны, на пережитый опыт жизни, с другой — на силу своей фантазии. Строгими методами вывести будущее из прошлого невозможно [1]. Именно отсюда и начина-

---

[1] Если мы обратимся к линейным методам, то столкнемся с тем, что параметры могут начать непредвиденно меняться во времени. Обращение к нелинейным моделям раскроет еще более сложную ситуацию. Вот как описывают это представители *синергетики*, пытаясь сформулировать новое мировидение [Князева и Курдюмов, 1992]:

> Нелинейная система не жестко следует «предписанным» ей путям, а совершает блуждания по полю возможного, актуализирует, выводит на поверхность (всякий раз случайно) лишь один из этих путей. То есть в реальной картине бытия присутствует и момент, противоположный детерминизму,— случайность, неустойчивость (с. 18).

Ссылаясь на И. Пригожина — основного теоретика синергетики, авторы продолжают:

> ...пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркации играет роль случайность, и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым (с. 20).

Далее авторы, правда, несколько смягчают ситуацию, утверждая, что:

> ...по крайней мере, на упрощенных математических моделях — можно видеть все поле возможных путей развития... Конечно, если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей (с. 20).

ется трагизм экзистенциальной катастрофы: трудно принимать решения в непредсказуемом Мире.

Непредсказуемое будущее, которое чаще всего все же ощущается только интуитивно, делает серьезных мыслителей крайне осторожными. Все чаще начинают звучать предостережения. Вот высказывания, почерпнутые всего лишь из одного номера журнала Вопросы философии (1992):

С. П. Крымский

Постулат экзистенциального крещендо может ассоциировать с представлением об иерархии целей и, соответственно, с допущением уникальной, абсолютно приоритетной цели. Это опасная иллюзия идеологии тоталитаризма. В действительности всякая сверхцель, как показал Гегель в «Философии религии», превращается в свою противоположность, в некую бесконечную цель, исключающую реализацию идеала. Идентификация такой цели с конечным, претендующим на свою уникальность и достижимость результатом влечет фанатизм, одно из самых страшных порождений XX в. Именно фанатизм, ослепленный верой в абсолютную приоритетную цель, способную оправдать любые жертвы и деяния, был фактором превращения нормальных людей в монстров тоталитаризма. Вот почему экзистенциальное крещендо в контексте духовности предполагает принцип полисистемности целей, исключающий единственность выдвигаемых задач (с. 25—26).

Далее речь идет:

...о несводимости (по крайней мере полностью) человеческой деятельности к борьбе, т. е. к столкновению различных сил. Силовая деятельность не является беспредельной. Она имеет энергетические, экологические, финансовые и моральные границы. Выходя за эти границы, деятельность перестает быть разумной, ибо все разумное имеет свои пределы; беспредельна только глупость (с. 26).

Н. И. Лапин:

Дефицит рациональности сознания и действий был едва ли не главной причиной многих социальных превращений, происшедших с нами в XX веке. Вернее даже говорить об антирациональном, мифологическом сознании, целенаправленно и в массовом масштабе выращивавшемся в советском обществе. Такое сознание радикально деформировало смысл массовых действий даже в тех процессах, которые сами по себе изначально рациональны (с. 39).

М. Д. Ахундов и Л. Б. Баженов:

Религиозная идеология не обладает никакими преимуществами перед классовой, отличаясь только полярностью. Марксистская идеологизация науки подвергается сегодня резкому и справедливому осуждению. Не дай Бог, если на смену ей на волне критики марксизма и возрождения религии придет идеологизация религиозная (с. 53).

2. *Торжество глупости*

Итак, за истекшие 75 лет мы научились хотя и немногому, но очень важному — бояться *идеологизации*, легко переходящей в суровую мифологизацию, и бояться быть *глупыми* — не умеющими оценивать происходящее, особенно на ранних стадиях его развития.

Да, если бы народ (включая и интеллигенцию) не был глупым, то не пришли бы мы к религиозному преклонению перед Отцом народов.

С глупостью, подчас патологической, приходится встречаться и сейчас. Вот фрагмент разговора с женщиной примерно моего возраста, занимавшей всю жизнь ответственную инженерную должность:

— О чем вы говорите? Не было никогда никакого террора! Никогда ничего о нем не слыхала. Мы в те годы много и честно работали и хорошо жили.

— Но как же? Вы же были членом партии. На ваших собраниях проклинали «врагов народа». Расстрелянными оказались почти все те, кто делал революцию.

— Первый раз слышу. Ничего подобного не было.

— И вы не знали о том, что перед войной почти весь генералитет был расстрелян?

— Это ложь.

Я не сомневаюсь в честности и искренности этого человека. Так искажено было ее сознание мифологизированной идеологией. Сейчас это психологическая защита. Прожитую жизнь надо оправдать. Но ведь в те годы и в лагере я не раз слышал оправдание тому, что свершилось:

— Все правильно. Ошибка произошла только с нами. Ее скоро исправят, и мы, выйдя отсюда, сами будем требовать суровой расправы с «врагами народа».

А что происходит сейчас, когда пишется эта глава. Первого мая 1993 года неокоммунисты вышли на воинственную демонстрацию, вооруженные кольями и металлическими прутьями. У них опять красные знамена и портреты Отца всех народов. И опять кровь.

В чем смысл этого события? В нем явное желание заменить дискуссию, победить в которой не удается, привычными методами насилия. Можно ли это назвать разумным?!

Но это глупость политическая. Она естественна, ибо политика всегда зиждется на некой безусловной системе предпочтений, лишенной какой-либо гибкости, какой-либо логики.

Обращает на себя внимание другое — несуразица мировоззренческого характера. Вот один пример — высказывания доктора философских наук [Гиренок, 1992]:

> Множественность концепций и истин, плохо согласуемых между собой, заставляет искать абсолютное на стороне религии. Наука теряет некогда завоеванные ею позиции в общественном сознании. Религия возвращает утерянные ею духовные территории (с. 11).
>
> Творчество трудно отличить от имитации творчества. В момент творения нельзя отличить голос Святого Духа от иных духов. Вернее творчество только и начинается в момент, когда это отличие утеряно, т. е. быть в состоянии, когда не видим отличие Бога от Дьявола (с. 22 –23).

Как понять эти высказывания? Может быть, отсюда следует, что сложные мировоззренческие вопросы, в том числе и возникающие в науке, надо решать в Церкви? Может быть, надо отказаться от творчества, ибо в творчестве демонизм неотличим от святости. Любопытно, что эти рекомендации опубликованы от имени российской Академии наук.

Можно приветствовать любую экстравагантную мысль, но хочется, чтобы она была понимаема.

Можно говорить и о массовых проявлениях глупо-

сти. Одним из них является повсеместная вера в *астрологию*. Это идущая из глубин древности и неизжитая до сих пор вера в безусловный детерминизм. Если люди будут беспрекословно следовать астрологическим советам, что может произойти с нашей цивилизацией?! Я с огорчением узнаю, что телевизионные астрологические передачи, согласно информации на экране, очень популярны. Хочется думать, что это рекламный трюк.

Беспомощной оказалась Культура и в попытках преодолеть этнические противостояния. Неизжитым осталось стремление к Власти, хотя власть, усиленная национализмом, еще более опасна при современном уровне техники.

Приходится признать, что Культура наших дней развивается крайне неоднородно. С одной стороны — прорыв вперед, навстречу новому видению Мира, новым формам взаимодействия с ним, с другой — увязание в архаике прошлого.

Культура, сколь бы многогранной она ни была, нуждается в *согласовании*, и при этом мирном, ненасильственном. Иначе всегда будет возникать искушение обращаться к государству как структуре, владеющей силовыми средствами и приемами.

3. Философия зла

Кажется, что теперь мы можем осмыслить теорию зла, и это может стать путеводной нитью в осмыслении будущего.

Мир погружен во зло. В XX веке мы ощущаем это с нарастающей отчетливостью. Но философия зла в нашей культуре не разработана. Христианская демонология кажется сейчас наивной. Во всяком случае, она никак не объясняет то, что нам пришлось пережить в этом столетии.

Является ли *зло* неким самостоятельным началом? Или иначе — заложено ли зло, как таковое, в Мироустройстве? Вопросы подобного рода фундаментальны. На них надо дать ответ.

Мне представляется, что зло эфемерно. Оно приходит и уходит, будучи порождаемо глупостью, невежеством людей. Этот вывод напрашивается сам собой после вдумчивого анализа того, что произошло в XX веке. Люди, их вожди и правители пытались, как встарь, решать все проблемы *насильственным* путем, не понимая того, что достигнутый уровень техники легко стал обращать насильственные приемы в катастрофы.

В нашем веке первой катастрофой оказалась война 1914 года. Много, слишком много крови было пролито без всякого резона христианскими странами. Сгустки зла образовались в Европе. Поле неизжитого зла требовало разрядки. И семена зловещих идей, брошенные на это поле, стали прорастать непредсказуемо, неудержимо. Переплетаясь, ростки образовывали новые конфигурации с новыми запросами. А зло так устроено, что все время требует новых жертв.

Природой зла человечество начало интересоваться с первых лет философского осмысления Мироздания. Уже Сократ четко сформулировал, что зло обусловлено незнанием. У гностиков вопрос об истоках зла был основным [Свенцицкая и Трофимова, 1989]. В апокрифе от Филиппа мы читаем:

> 123. Ибо, пока корень зла скрыт, оно сильно. Но если оно познано, оно распускается, и, если оно открылось, оно погибло.

Вот и сейчас, в наши дни, все происходит по этой же формуле — как только корень зла раскрылся, 75-летнее зло стало терять свою силу.

Еще один образ — зло социальное. Это астральная эпидемия. Глупость заразительна (эффект толпы). В тяжкие дни подновленные лозунги поднимают с архаических глубин сознания что-то грозное, не до конца изжитое, не стертое культурой. Много притаившегося носит в себе человек. Вирусы астрального мира долго могут ждать, прежде чем окажутся разбуженными человеческой глупостью. Глупость, особенно массовая, придает им энергию. Рано или поздно эпидемия проходит, оставляя после себя искалеченное общество. Что и произошло у нас. В медицине есть термин: постэпиде-

мическое осложнение. Вот мы теперь и обречены на его изживание. Сможем ли выздороветь и когда?

Итак, что же мы узнали о природе зла за два с лишним тысячелетия? Кажется, ничего принципиально нового. Но мы увидели, как неумолимо, зловеще и в конце концов гибельно может быть зло. Мы увидели многообразие ликов зла [2].

4. Долг Философа

В чем же долг духовно озаренного человека?

Я думаю, что ответ здесь достаточно простой — активно участвовать в создании Культуры, отвечающей запросам наших дней.

Но Культура — это духовная терапия. Она действует только тогда, когда есть согласие, есть взаимное понимание, есть терпимость, открытость новому.

Наша культура — и мы об этом уже говорили — носит убогий, лоскутный характер. В ней нет целостности. Она открыта тому, чтобы в массовом масштабе могли делаться глупости с трагическим завершением.

Здесь хочется привести близкие мне по духу высказывания Дэвида Бома из его доклада, прочитанного на XII Международной Конференции по Трансперсональной психологии в Праге летом 1992 года [Д. Бом, 1993]:

> Ясно, что преодоление... разногласий возможно только в случае всеобщего «разделения смысла», способствующего созданию когерентной культуры, которая в конечном счете могла бы стать планетарной.
>
> Как сделать когерентную культуру возможной? Необходимо создать условия для начала диалога. Люди разных субкультур могли бы собраться и начать поиск общих смыслов, возможно даже новых, которые все могли бы принять. Следует начать диалог с теми, кто достаточно открыт, нельзя

[2] Даниил Андреев, поэт и писатель, пройдя суровые испытания допросами и годы политизолятора, попытался, говоря словами Г. С. Померанца, отобразить художественно современную мифологию зла. Может быть, обе его книги, Роза мира и Железная мистерия, будут восприниматься как памятники невиданному доселе Злу.

говорить с теми, кто не хочет. Необходимо иметь место, где можно было бы собираться только для того, чтобы просто общаться, размышлять о том, как обрести взаимопонимание. Нет никаких готовых форм или разработанной практики, позволяющих учредить общение,– нужно начать его. Если мы готовы общаться, но хотим решать практические задачи – это опять ограничение, так как за каждой из задач стоит обстоятельство, которое остановит нас, поскольку часть того, что нам необходимо обсудить, может оказаться несовместимой с этим обстоятельством. Поэтому надо просто общаться, обмениваться мыслями и не решать никаких проблем.

Читая Бома, вспоминаю давно прошедшие дни. Мистический анархизм в России как раз и был движением, направленным на вовлечение людей в свободный диалог. Широкий диалог, не связанный с решением каких-либо практических задач.

Ураганным ветром все размело. Остались только обломки от кораблекрушения — les épaves. А я, уцелевший в этой буре, вышел на берег... на канат. «Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната». Я все время пытался начать диалог, не откладывая и не прекращая усилий.

Сейчас время изменилось, смягчилось. Можно отказаться от эзопова языка. Однако пропал духовный напор. Оскудела страна свободными мыслителями. Но верю, что должны появиться те, кто любит мысль как таковую.

«Величие человека измеряется величием тайн, которые его занимают или перед которыми он останавливается»,— я очень согласен с Метерлинком [Метерлинк, 1914].

Литература

Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. Естествознание и религия в системе культуры. **Вопросы философии**, 1992, № 12, с. 42–53.

Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменения в культуре. **Человек**, 1993, № 1, с. 7–17.

Гиренок Ф. И. Пути к умному безмолвию бытия. В: **Экологические интуиции в русской культуре.** Сборник обзоров. М.: Институт

научной информации по общественным наукам АН РФ, 1992, с. 8—28.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным. **Вопросы философии**. 1992, № 12, с. 3—28.

Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации. **Вопросы философии**, 1992, № 12, с. 21 -28.

Лапин Н. И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации. **Вопросы философии**, 1992, № 12, с. 29—41.

Метерлинк М. **Смерть.** СПб, 1914, 163 с.

Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. **Апокрифы древних христиан.** М.: Мысль, 1989, 336 с.

Глава XIX

ЗАВЕРШАЮЩЕЕ СЛОВО

> 81. Иисус сказал: Я – свет, который на всех. Я – все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я — там; подними камень, и ты найдешь меня там.
>
> *Апокриф от Фомы* [Свенцицкая и Трофимова, 1989]

Моя жизнь протекает уже на девятом десятке лет. Это серьезно.

В глубинах своего сознания я услышал зов, побуждающий меня написать воспоминания. Услышал, так как был не только свидетелем, но и участником многих трагических событий. Много было встреч с выдающимися людьми. Многое я пытался сделать в противостояние существовавшему. Бунт — хотя бы тихий — всегда привлекал меня. Да, это тоже серьезно.

Благодарю Судьбу за то, что мне довелось прийти на Землю в этот бурный век. В век жестокий и обильно омытый человеческой кровью. В рьяную страну, где сталкивались, а иногда и переплетались сурово противостоящие течения мысли. Благодарю за то, что удалось отстоять себя — не сдаться, не сломиться.

Бог для меня всегда был Тайной. Великой тайной. Мне близка апофатическая теология, прозвучавшая еще у гностиков и позднее — у Псевдо-Дионисия Ареопагита. Я думаю, что наша встреча с Богом проявляется не столько в молитве, ритуале, аскезе или догме, сколько в делании. Мы пришли на Землю для проникновенного Дела. Для Бунта. Для встречи с трагизмом, неизменно ведущим к страданию. Пришли, чтобы увидеть Христа во всем.

Реинкарнация. Я не только верю во множественность воплощений, а знаю, что уже не раз посещал Землю — и в античном Средиземноморье, и в европейском Средневековье. Оттуда и мое пристрастие к фило-

софии, к древнему эзотеризму, к свободе духа и к достоинству, которое каждый раз нужно заслуживать заново.

На современном языке я пытаюсь еще раз и опять по-новому излагать издревле данное нам Учение, соприкасающееся с Запредельным. Думается, что мы все время реинтерпретируем некую глубинную Мысль, невыразимую до конца. Интерпретируем в соответствии с современным состоянием культуры. В соответствии с запросами времени.

Великое *Знание* динамично. Его надо раскрывать и по-новому, заново, каждый раз. Мы — служители, выполняющие эту роль.

Да, нам всем, наверное, предстоит еще странствовать в Мирах и Веках. Но Земля — ее судьба и ее заботы — всегда будет оставаться в поле зрения. Хотя бы в тумане, хотя бы в сновидениях и медитациях.

В чем смысл жизни?

Ответ на этот вопрос для меня звучит просто: смысл существования Вселенной — в раскрытии заложенной в ней потенциальности. Смысл нашей жизни — в активном участии в этом процессе, в расширении горизонта нашего существования.

Мне думается, что в ближайшем будущем нам предстоит подойти к разгадке главной дилеммы «жизнь/смерть». Эта тема приоткроется нам, как только мы сумеем преодолеть затянувшееся на века противостояние «сознание/материя». В своих философских построениях, не укладывающихся в парадигму наших дней, я подошел к этой задаче, но не более.

Только через понимание того, что́ есть «жизнь/смерть», наша обветшалая, обессилевшая и измельчавшая культура сможет перейти границу, отделяющую нас от иных — возможных форм бытия. Только через новое мировосприятие можно будет преодолеть кризис, который непрестанно нарастает на наших глазах с начала XX века.

А если нет — что ждет человечество?

Теологическое разъяснение основного вопроса бытия теперь уже мало кого удовлетворяет. Оно — на

обочине нашего миропонимания. Оно не сумело связать свой ответ на основной вопрос бытия с философскими построениями и тем более — с наукой, которую теперь уже никак нельзя игнорировать. Ответ должен прозвучать так, чтобы он мог быть согласован со всеми проявлениями бытия человека в Мире.

Меня приятно поразило высказывание С. М. Розена [Rosen, 1992]:

> ... мы буквально можем видеть, что сознание (mind) и материя безусловно различимы и в то же время являются одним и тем же (с. 244).

И далее он говорит:

> При воспоминании, полном воплощении того, что внутри нас является «прошлым», мы можем достигнуть порога чего-то *нового* — «нового Ренессанса», новой трансэгоической фазы человеческого бытия [Washburn, 1988], а может быть, даже совершенно нового порядка бытия (с. 244).

Да, здесь идет речь не просто об изменении культуры. Измениться должна сама сущность Бытия.

Бездны неведомого бытия могут открыться перед нами. Путь к ним — через Делание. Через Служение Тайне, к которой мы можем подойти ближе, отнюдь не раскрывая ее во всей ее полноте.

Я шел не один.

Хотя и не раз проходил через одиночество.

Те, кто был друзьями юности, ушли. Те, кто был учителями, ушли. Те, кого я любил, отлюбились.

И в любви должна быть не просто любовь, а полная в нее погруженность.

Полная — что это такое? Не знаю, но чувствую. И когда *такое начинается, то былая любовь* уходит. Уходит в забвение. Зачем это так?..

Страдание, говорят мудрые люди, нужно на Земле. Нужен вызов, брошенный сердцу. У Бога, как говорил великий сапожник Якоб Бёме, должно быть и темное начало. Это хорошо понял Ф. Достоевский, написав

«Сон смешного человека». Да, смешным, но не более, назвал темного человека знаток души человеческой.

Что иначе?

Иначе хочется закричать. Сказать, как сказал В. Розанов [Розанов, 1992]:

> Душа озябла...
> Страшно, когда наступает озноб души (с. 129).

Так и произошло в последний раз в моей жизни, в середине 70-х годов...

Мы встретились неожиданно. Совершенно неожиданно.

Вот как она описывает эту встречу:

> Встретились мы как-то наперекор себе, вопреки осознанным желаниям, оказавшись независимо друг от друга приглашенными в один и тот же дом накануне Пасхи 1 мая 1975 года. Елена Владимировна Маркова[1] собирала своих друзей, среди которых были супруги Шапиро — Эрнестина Давидовна и Павел Вениамиович — ее давние знакомые со времен Воркутинских лагерей. Я жила с ними в одном доме и дружила. К Е. В. договорились ехать вместе, хотя мне этот вечер хотелось провести по-другому. В последний момент я передумала. Э. Д. очень огорчилась, но в гости поехала и по дороге сломала палец на ноге. Так что мне все равно пришлось отправляться за ней.
>
> По дороге я размышляла о том, что обстоятельства иногда берут верх над нашими решениями. Я подчинилась — и не жалею.
>
> Вышла из лифта на площадку и у двери увидела человека, звонившего в квартиру Е. В. Возникшее непонятное чувство протеста не отпускало весь вечер, в течение которого мы и говорили, и спорили, и доказывали друг другу что-то, касавшееся духовной жизни человека, его отношений с Церковью, с Богом. Я впервые услышала красивое и непонятное слово «медитация», возникшее в контексте нашей беседы. Я бы сказала, что именно оно оказалось «статистически» самым значимым в тезаурусе этого общения. И, казалось, совсем не соответствовало человеку в полосатой рубашке с короткими рукавами, сломанным носом, скрюченным пальцем, задиристым и насмешливым тоном. Я без конца взрывалась и воевала. Мы не могли остановиться. Вышли вместе (еще с Наташей Черновой[2]), шли пешком часа два и все спорили. Потом в метро на

[1] Ученица В. В., доктор технических наук, известный специалист в области теории и практики планирования эксперимента.

[2] Тоже ученица В. В., математик.

Спортивной я спросила у Наташи: «Кто этот человек?» Она ответила: «Налимов».

И это была судьба, так как именно с Налимовым, о котором мне рассказывали Э.Д. и Е.В., я не хотела знакомиться. В самодостаточности моей жизни того периода было столько покоя, что все, кроме углубленного одиночества, казалось лишним.

Но мы встретились...

Года за два до этого приходил сон. Я плыла в лодке по реке, покрытой цветами. Мир был един — красивый и спокойный вокруг меня, красивый и спокойный внутри меня.

Вдруг появился высокий человек с белой головой, стремительный и неотвратимый. Он выхватил меня из лодки и устремил за собой. «Ты же все это знаешь. Смотри!» — и я увидела остров, и монастырь, и высокие стены... Но действительно, знаю. И уже оказываюсь через стену там — внутри, в окружении сосредоточенных монахов в тяжелых коричневых ризах, подхваченных грубыми веревками. Медленно спускаемся вниз по широкой лестнице со стертыми ступенями, похожими на выбеленные дождями кости, в огромный зал... Каменные плиты под ногами, каменные стены вокруг, и все чего-то ждет.

Мой крест медленно поднимался от пола, распахивая свою горизонталь, и я медленно пятилась к стене, не в силах поверить, что это могучее коричневое дерево — мне?!

Потом уже вспомнила и строки Н. Гумилева, выпавшие мне во время гадания:

Если встретишь меня, не узнаешь,
Назовут — едва ли припомнишь.

И узнала В.В. — и в сновидении, и в стихах, и в жизни. И отправилась «за пыльным пурпуром... в суровом плаще ученика».

Для каждого из нас начался период жизни, сосредоточенный на неподкупности какого-то хранения, — так хочется обозначить смысл этих лет, позаимствовав определение из Д. Андреева:

В неприступных снегах Монсальвата
Неподкупно храни благодать.

Это усилие объединяет нас, наделяет силой. Я говорю об этом прежде всего потому, что главная роль в нашем союзе принадлежит какой-то глубинной составляющей, определившей и саму нашу встречу.

* * *

Она стала моим другом, потом — женой. Жанна Дрогалина. Таким другом, который понял меня и мое «несчастие» — так определил писательство Розанов:

> Писательство есть Рок. Писательство есть Fatum.
> Писательство есть несчастие (с. 110).

С тех пор я не просто канатоходец, но — рыцарь, у которого есть свой оруженосец, свой Санчо Панса. Да будет благословен наш союз!

* * *

Сквозь беседы веранд многолюдных
Вспоминал я заброшенный путь
К ледникам, незабвенным и скудным,
Где от снежных ветров — не вздохнуть,

Где встречал я на узкой дороге
Белый призрак себя самого,
Небывало бесстрастный и строгий,
Прокаливший дотла естество...

Д. Андреев [1989, с. 55]

Литература

Андреев Д. **Русские боги.** Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989.

Розанов В. **Опавшие листья.** М.: Современник, 1992.

Свенцицкая И. С.,Трофимова М. К. **Апокрифы древних христиан.** М.: Мысль, 1989, 336 с.

Rosen S. M. The Paradox of Mind and Matter: Utterly Different Yet One and the Same, p. 233—247. In: W. Rubik (ed.). **The International-ship Between Mind and Matter.** Proceeding of a Conference Hosted by the Center for Frontier Sciences. Philadelphia, PA.: Temple University, 1992, 281 p.

Washburn M. **The Ego and The Dynamic Grannd.** N. Y.: Suny Press, 1988.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

У меня было опубликовано около 155 статей и 14 книг. Здесь я перечисляю только те статьи, которые представляются наиболее важными [1]. Они подобраны так, чтобы показать всю широту моей деятельности. И несмотря на все многообразие тем, здесь все же доминируют (не считая первых пяти работ) следующие направления: математизация знания, философия и методология науки и философия человека. То же относится и к книгам.

1. Статьи

1. Влияние кислорода и серы на фотоэлектрический эффект из щелочных металлов. **Журнал технической физики**, 1933, III, № 4, с. 602—609. Zeitschrift für Physik, 1933, 81, № 9 -10, S. 687—696 (соавтор — П. В. Тимофеев).
2. Вторичная электронная эмиссия. **Успехи физических наук**, 1936, XVI, № 4, с. 467 –504 (соавтор — Н. С. Хлебников).
3. Физико-химические свойства колымских формовочных земель. **Колыма**, 1945, № 5, с. 19 25 (соавтор — М. М. Кантор).
4. К вопросу о способах оценки точности аналитических методов. **Заводская лаборатория**, 1953, № 1, с. 115 –120 (соавторы - Н. И. Камбулатов, С. А. Геншафт).
5. О роли диффузии в процессах, происходящих на электродах при спектральном анализе с применением искрового возбуждения. **Журнал аналитической химии**, 1954, IX, № 2, с. 76—85 (соавтор — К. И. Ионова).

[1] Отмечу здесь, что некоторые значимые для меня статьи вошли позднее целиком в книги. Такие статьи не включены в данный список.

6. О систематических и случайных ошибках химического анализа. **Журнал аналитической химии**, 1956, VI, № 3, с. 341–350.
7. Применение математической статистики в аналитической работе. **Материалы X Всесоюзного совещания по спектроскопии.** Издание Львовского университета, 1958, том II, с. 546—550.
8. Система документации в молекулярной спектроскопии. **Успехи физических наук**, 1958, XV, № 3, с. 521—541 (соавтор – Б. С. Непорент).
9. Научная и техническая информация как одна из задач кибернетики. **Успехи физических наук**, 1959, XIX, № 1, с. 13—56 (соавторы — Г. Э. Влэдуц и Н. И. Стяжкин).
10. Количественные методы исследования процесса развития науки. **Вопросы философии**, 1966, № 12, с. 38—47.
11. Построение на кубе планов второго порядка, близких к D-оптимальности. **Заводская лаборатория**, 1967, 33, № 7, с. 847—859 (соавторы — Т. И. Голикова, Н. Г. Микешина, Г. Н. Веселая).
12. On Practical Use of the Concept of D-Optimality. **Technometrics**, 1970, 12, № 4, p. 789—812 (соавторы – Т. И. Голикова, Н. Г. Микешина).
13. Abstract Painting as a Specific Degenerate Language. A Statistical Approach to the Problem. **Metron**, 1971, XXIX, № 1—2, p. 3—30 (соавторы — П. Ф. Андрукович, В. С. Грибков, В. П. Козырев, А. Т. Терехин). (Metron — международный журнал, издающийся в Италии.)
14. **Логические основании прикладной математики.** Препринт № 24, издательство МГУ, 1971, 54 с. Перепечатано в Нидерландах: Logical Foundations of Applied Mathematics. **Synthese (международный журнал)**, 1974, № 27, p. 211—250.
15. ***Логические основания планирования эксперимента.*** Препринт № 20, издательство МГУ, 1971, 72 с. Перепечатано в Италии: Logical Foundation of experimental Design. **Metron**, 1971, XXIX, № 3—4, p. 3—58 (соавтор — Т. И. Голикова).
16. Systematization and Codification of the Experimental Designs. The Survey of the Works of Soviet Statisticians. ***Colloquia Mathematica* Societatis Janos Bolyai, 9-th European Meeting of Statisticians.** Budapest, 1972, p. 565—581.
17. Einfluss der mathematischen Statistik und der Kybernetik auf die Methodologie der wissenschaftlichen Untersuchungen. **Reinstoffe in Wissenschaft und Technik.** International-Symposium, Mai 1970, Dresden — Berlin: Akademie-Verlag, 1972, S. 47—60.
18. Probabilistic Semantics. **Theoria a Metoda.** Ustaw pro filosofii a sociologii CSAV. Praha, VI/I, 1974, p. 53—66.
19. Sketches of the History of Cybernetics. Predecessory of Cybernetics in Ancient India. **Darchana International.** An International Quarterly of Philosophy, Psychology, Psychical Research, Religion, Mysticism and Sociology. Moradabad (India), April 1974, v. XIV, № 2, p. 35–72 (соавтор —З. Б. Баринова).

20. La Réceptivité des Hypothèses. **Diogène**, 1977, № 100, p. 191—210; то же на английском языке: The Receptivity of Hypotheses. **Diogene**, № 100, p. 179—197; то же на арабском языке; на польском языке: Struktura nauki a logika przyjmowania hipotez. **Zagadnienia Nankoznawstwa** 2(54), 1978, s. 211—225.
21. Визуализация семантических полей вербального текста в групповой «медитации». **Бессознательное.** Тбилиси: Мецниереба, 1978, том III, с. 703—709 (соавторы — О. А. Кузнецов, Ж. А. Дрогалина).
22. Функция распределения вероятностей как способ задания размытых множеств. Наброски метатеории, дискуссия с Заде. **Автоматика**, 1979, № 6, с. 80—87.
23. Проблема человека в современной науке. **Вестник АН СССР**, 1979, № 6, с. 60—68.
24. Science and Religion: Is the Room for the Complimentary Principle. **4 S — Society for Social Studies of Science,** 5, № 1, 1980, p. 9—13.
25. Анализ оснований экологического прогноза. **Вопросы философии**, 1983, № 1, с. 108—112 (перепечатана на английском и немецком языках).
26. Как возможно построение модели бессознательного? **Бессознательное.** Тбилиси: Мецниереба, 1985, т. IV, с. 185—198 (соавтор — Ж. А. Дрогалина).
27. Experimental Design in Russian Practice, Chapter 21, p. 475—496. In: **A Celebration of Statistics, The ISI-Centenary Volume.** New York: Springer Verlag, 1985, 606 p. (соавторы — Ю. В. Грановский, Т. И. Голикова).
28. Can Philosophy be Mathematized? Probabilistical Theory of Meaning and Semantic Architectonics of Personality. **Philosophia Mathematica**, 1989, II, v. 4, № 2, p. 129—146.
29. Spontaneity of Consciousness. An Attempt of Mathematical Interpretation of certain Plato's Ideas, p. 313—324. In: M. E. Carvallo (ed.). **Nature, Cognition and System II.** Dordrecht: Cluwer Press, 1992, 393 p.

Большая часть статей, опубликованных за последние пять лет (здесь они не приводятся), объединена в книге **В поисках иных смыслов** (см. ниже, № 14).

2. Книги

1. **Фотоэлементы** — справочное руководство. М.: ОНТИ, 1936, 122 с. (соавтор — М. С. Шипалов).
2. **Применение математической статистики при анализе вещества.** М.: Физматгиз, 1960, 430 с. Переиздана в Англии с участием США: **The Application of Mathematical Statistic to Chemical Analysis.** London: Pergamon Press; Reading Mass: Addison-Wesley, 1963, 294 p.

По данным Института информации Гарфилда (индексы SCI и SSCI), книга вошла в «классики цитирования».

3. **Статистические методы планировании экстремальиых эксперимеитов.** М.: Физматгиз, 1965, 340 с. Переведена на польский в 1967 г. На английском языке текст на микропленке имеется в Библиотеке Конгресса. По данным Института информации Гарфилда, книга вошла в «классики цитирования» (соавтор — Н. Л. Чернова).
4. **Наукометрия.** Изучение науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969, 192 с. Переиздана в Польше (1971) и в Венгрии (1980). На английском языке текст на микропленке (соавтор — З. М. Мульченко).
5. **Статистические методы описания химических и металлургических** процессов. М.: Металлургиздат, 1963, 60 с.
6. **Теория эксперимеита.** М.: Наука, 1971, 207 с. Переведена в 1975 г. на немецкий язык в Восточной Германии.
7. **Вероятностная модель языка.** М.: Наука, 1974, 272 с. Второе расширенное издание. М.: Наука, 1979, 303 с. Переиздана в 1976 г. в Польше; в США: **In the Labyrinths of Language: A Mathematician's Journey.** Philadelphia, Pa.: ISI Press, 1981, 246 p.
8. **Логические основания планирования эксперимеита.** М.: Металлургиздат, 1976, 128 с.; второе переработанное и расширенное издание: там же, 1981, 151 с. (соавтор Т. И. Голикова).
9. **Непрерывность против дискретности в языке и мышлении.** Тбилиси: Тбилисский университет, 1978, 84 с.
10. **Faces of Science.** Philadelphia, Pa.: ISI Press, 1981, 297 p.
11. **Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontier.** Philadelphia, Pa.: ISI Press, 1982, 320 p.
12. **Space, Time and Life. The Probabilistic Pathways of Evolution.** Philadelphia, Pa.: 1985, 110 p.
13. **Спонтанность сознания.** Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989, 287 с.
14. **В поисках иных смыслов.** М.: Прогресс, 1993, 261 + 17 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

РОЗЫСКНОЕ ДЕЛО[1]

1. Введение

Поведение на допросах — существенная часть моего жизнеописания. Это показатель моей зрелости и в то же время моих ошибок. Важна их глубина, степень ответственности за них. Это касается и моих коллег, проходивших по тому же делу. Мы брали на себя обязательство, и его надо было выполнить в борьбе.

Я привожу все оказавшиеся мне доступными мои протоколы. Но нужно иметь в виду, что к Делу почему-то были подшиты далеко не все протоколы. Существенного урона этим не наносится, так как содержание допросов многократно повторялось. Иногда мне задавались вопросы об Ордене Тамплиеров; я на них не отвечал, и в протокол ничего не заносилось. Соответствующие вопросы задавались, видимо, и другим и, очевидно, фиксировались в каких-то секретных характеристиках, откуда мне для устрашения иногда зачитывались отдельные фрагменты.

Далее я привожу (выборочно) протоколы допросов других участников Дела для характеристики анархомистического движения в целом. Не мне здесь выступать судьей... но перед героизмом некоторых надо преклониться. Ведь все это свершалось в те годы — годы всеобщего и почти повсеместного признания.

---

[1] Копии некоторых документов ЦА КГБ (материалы Дела по обвинению Болотовой А. О., Р—11994, т. I, и Дела по обвинению Солонович А. О., Р—7776) и Архива ВЧК-ОГПУ-НКВД (материалы Дела по обвинению Солоновича А. А., Бема Д. А. и др., № 7107, т. I). Подготовлены к печати Ж. А. Дрогалиной.

В целом протоколы однообразны. *Они с достаточной* полнотой характеризуют личностей, подлинный уровень их духовной зрелости. Но мало что сообщают об Ордене — его духовном настрое, его эзотеризме, его ритуальных традициях. Следователи на допросах преимущественно интересовались политической стороной дела — а этим как раз не занимался Орден. У него не было ни политической программы, ни устава, ни каких-либо прочих политических проявлений. Это все-таки было только религиозно-философское *Братство*, именовавшее себя Орденом в силу духовной, а частично и ритуальной преемственности.

Было бы крайне интересно сравнить протоколы современных допросов с протоколами времен Филиппа Красивого [Lizerand, 1964] [2]. Но это уже дело историка. Хотя даже из поверхностного сравнения с очевидностью следует, что ритуально-презентативная часть изменилась до неузнаваемости. Улавливается только духовная общность — для того, кто может слышать. Так же как, впрочем, *изменились допрашивающие стороны*. Но преемственность где-то узнается. Открытое для обозрения сжигание на костре заменилось тайным расстрелом. Только и всего!

Правда, потом, после «малой революции», начавшейся в 1950-е годы, власти все же признались в произволе.

Существенно то, что после средневекового французского погрома (совершенного с разрешения Папы), Орден все же уцелел, правда рассредоточившись, уйдя в подполье. После советского погрома Восточный отряд, кажется, полностью погиб.

---

[2] Вот события тех лет. В 1307 г.- аресты тамплиеров по указанию короля Франции Филиппа Красивого. Допросы инквизиции. (Lizerand G., ed. **Le dossier de l'affaire des Templiers.** Paris: Société d'édition «Les Belles Lettres», 1964, 229 p.) В 1312 г. папа Климент V упраздняет Орден. В марте 1314 г. в Париже сжигают на медленном огне Великого магистра Ордена Жака де Молле и Командора Нормандии Жеффруа де Шарню. Проходит 600 с небольшим лет, и процесс повторяется, но теперь уже в России.

Перед нами забытое ныне проявление русской постреволюционной культуры. Здесь речь идет о реальном мировоззренческом сопротивлении, выстоявшем до середины 30-х годов. Показана стратегия и техника репрессивных органов тех мрачных лет. Раскрывается и природа человека, оказавшегося вынужденным вести борьбу, будучи в плену — за решеткой. Поучительно и поведение профессионального предателя. И наконец, реабилитация — как форма раскаяния со стороны властей, начавших что-то понимать в содеянном.

Однако это «что-то» пока еще очень призрачно. Реабилитированные люди, и оставшиеся в живых, и погибшие, формально были восстановлены только в политических правах. Им не вернули отобранное имущество, не выплатили денег за каторжный труд в заключении, не вернули уважения, которого они заслуживают,— в примитивном сознании некоторых людей сохраняется отношение к ним как к «врагам народа». Они получили от государства компенсацию, которой в настоящее время не хватает даже на похороны.

Достойное отношение к жертвам репрессий могло бы восстановить уважение к юридическому и нравственному Закону страны, нарушение которого должно быть не только недопустимо, но и экономически невыгодно. Говорят, в США человек, пострадавший от государства, получает компенсацию в размере нескольких миллионов долларов за каждый год страданий.

Материал, прошедший через наши руки, все же не полон. Много лакун. Хочется думать, что кто-то в будущем сможет провести более полное исследование, на которое придется затратить годы [3].

---

[3] Со всей серьезностью я могу утверждать, что А. А. Солонович и Н. И. Проферансов (а следовательно, и их единомышленники) могли избежать репрессий в 30-е годы. Нужно было только изменить своим убеждениям. Но такое предложение не было принято. Нас предупреждали о возможных последствиях. Но устояли не все. Кто-то даже занял высокие должности. Возможно, сумел даже внести суще-

2. Под ударом допросов[4]

А. Прямое нападение на меня

Протокол

На основании ордера Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР за № 8770 от 21 октября мес. 1936 г. произведен обыск у гр. Налимова Василия Васильевича в доме № 8 кв. 16 по улице Рещиков пер. При обыске присутствовали: Аксенов Борис Иванович, проживающий в этом доме кв. 12.

Согласно данным указаниям задержан гражданин Налимов Василий Васильевич.

Взято для доставления в Главное Управление Гос. Безопасности следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого. — *Ж. Д.*). Паспорт сер. МР № 624955 и военный билет на имя Налимова Василия Васильевича. Три записные книжки с адресами, сборник стихов на 85 листах[5].

22/X-36 г.

Протокол подписал Налимов

Обыск проводил: сотрудник для поручений Оперода Марков и Макаров.

Акт

Мы, нижеподписавшиеся, дворник Акимов и сотрудник НКВД Макаров составили настоящий акт в том, что во время производства обыска в д. № 8, кв. 16 по Рещикову пер. у гр. Налимова Вас. Вас. последний совместно со своим отцом и сестрой всячески оскорбляли сотрудников, производящих обыск. В частности отец Налимова называл сотрудников НКВД хулиганами, а также говорил, что НКВД во

ственный вклад в культуру России, действуя в дозволенных рамках. (Текст орденской присяги звучал как обещание верности...) Но кому дано право осуждать — вспомним ту трагическую ночь, когда трижды пропел петух! Только теперь мы начинаем понимать всю серьезность этого евангельского события. «Нам ясен ужас древнего соблазна, когда случайно чья-нибудь рука две жердочки, две травки, два древка соединит на миг крестообразно» (Н. Гумилев).

[4] В публикации исправлены грубые орфографические ошибки, встречающиеся в тексте протоколов; особенности стилистики и пунктуации оригиналов в основном сохранены. В протоколах имеются подчеркивания, сделанные чернилами или, чаще, цветными карандашами. Можно предположить, что это было сделано в процессе подготовки реабилитационных документов. В нашей публикации эти места выделены курсивом.

[5] Это была перепечатка стихотворений М. Волошина.

время обысков подбрасывает различные документы и пр.

Все это делалось со стороны Налимовых с целью спровоцировать сотрудников НКВД, так как когда был закончен обыск, они потребовали записать в протоколе обыска о якобы грубом отношении лиц, производивших обыск, и о том, что отец Налимова якобы в результате этого был близок к обморочному состоянию.

Подписали: Аксенов

22/X-36 г. Сотрудник ГУГБ НКВД Макаров

Протокол допроса

1936 г. октябрь месяц 23 дня. Я, помощник оперуполномоченного 2-го отделения ГУГБ[6] Голованов, допросил в качестве обвиняемого Налимова Василия Васильевича[7].

Вопрос: Расскажите о Вашей контрреволюционной анархической деятельности.

Ответ: Я таковой не вел.

Вопрос: Следствию известно, что Вы являетесь участником контрреволюционной группы. Вы признаете это?

Ответ: Нет, не признаю.

Вопрос: Вы знаете анархистку Агнию Солонович?

Ответ: Нет, не знаю.

Вопрос: Вы обманываете следствие. Я требую правдивого ответа на поставленные Вам вопросы.

Ответ: Участником анархической группы я не являюсь и Агнию Солонович я не знаю.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

Налимов

Допросил помощник уполномоченного
4-го отделения ГУГБ Голованов.

Протокол допроса Налимова В. В.

от 3 ноября 1936 года.

Вопрос: Следствие располагает фактами и документами, полностью изобличающими Вас в том, что Вы до дня своего ареста вели активную контрреволюционную анархическую деятельность. Признаете ли себя виновным в этом?

Ответ: Я отрицаю свою контрреволюционную деятельность, также отрицаю и свою принадлежность к контрреволюционной группе.

Вопрос: Анархиста Шаревского Иона Вы знаете?

Ответ: Да, с анархистом Шаревским я знаком. С ним я восстановил связь после возвращения его из ссылки, примерно в 1934 году.

Вопрос: Анархиста Проферансова Вы знаете?

Ответ: Да, с Проферансовым я знаком, и он является моим

---

[6] ГУГБ — Главное Управление Государственной Безопасности.

[7] Далее идут очень пространные анкетные данные.

другом. До последнего времени я с Проферансовым встречался, хотя и редко, так как он жил и работал в Минске. Летом 1936 года я вместе с Проферансовым провел часть отпуска в Крыму.

Вопрос: С анархистом Иоффе Ионом знакомы?

Ответ: Да, с анархистом Иоффе Ионом я знаком. Как будто бы он является родственником Шаревского. С ним я также встречался до моего ареста, но редко.

Вопрос: Анархистку Солонович Агнию Вы знаете?

Ответ: Да, с анархисткой Солонович А. я также знаком. Впервые, насколько мне помнится, я познакомился у Проферансова. Я посещал квартиру Солонович, но редко.

Вопрос: Указанные Вами лица, а именно: Шаревский, Проферансов, Иоффе и Солонович между собой знакомы были?

Ответ: Да, все указанные анархисты между собой были знакомы.

Вопрос: Следствие располагает данными, что все указанные выше анархисты, в том числе и вы, систематически собирались на квартире друг у друга. Следствие требует от Вас правдивого ответа.

Ответ: Да, за исключением Солонович, мы иногда и не систематически собирались вместе. У Солонович я, насколько помню, бывал один или два раза с Проферансовым.

Вопрос: Для какой цели вы все вместе собирались?

Ответ: *Наши сборища никакой цели не преследовали.*

Вопрос: По показаниям участника контрреволюционной организации Проферансова, ваши сборища являлись нелегальными собраниями анархической группы.

Ответ: Наши сборища *не носили характера нелегальных собраний.*

Вопрос: Вы лжете, так как участник группы Иоффе также показал о том, что эти сборища носили характер нелегальных собраний контрреволюционной группы. Требую от Вас правдивого ответа.

Ответ: Я категорически отрицаю наличие каких-либо *собраний и рассматриваю наши встречи (меня, Проферансова, Иоффе и Шаревского) как обыкновенные беседы.*

Записано правильно, мною прочитано. Налимов.

Допросил: Опер. уполномоч. ГСПО[8] ГУГБ
мл. лейтенант ГБ Макаров.

Протокол допроса Налимова В. В.

от 15 ноября 1936 года.

Вопрос: Какой характер носила Ваша связь с анархистом Солоновичем, Шаревским, Проферансовым, Иоффе?

Ответ: Мои связи с анархистами: Шаревским, Солонович, Проферансовым и Иоффе носили *характер личного знакомства.*

Вопрос: Если Ваши связи с указанными анархистами носили

[8] ГСПО — Государственный Секретно-Политический Отдел.

личный характер, то почему Вы на первом допросе 23 октября отрицали всякое знакомство с перечисленными лицами?

Ответ: Свою связь с Солонович Агнией я отрицал, так как своей близкой знакомой ее не считаю.

Вопрос: Тем более, если Солонович Вы мало знали, то следовательно, эта связь не могла компрометировать Вас и отсюда отпадает всякая необходимость отрицать знакомство. Следствию известно, что Вы с Солонович были связаны как участники контрреволюционной анархической группы. Предлагаю прекратить запирательство и дать правдивые показания.

Ответ: Признаю, что на допросе 23 октября я дал ложные показания в части отрицания своего знакомства с Солонович по той причине, что ее мало знаю и вспомнить тогда не мог.

Вопрос: Вы говорите неправду, так как на допросе 30-го ноября Вы признались в том, что не только с Солонович знакомы и посещали ее квартиру и очень часто.

Ответ: Подтверждаю, что на квартире у Солонович Агнии я действительно бывал, но редко — раза два-три. У Солонович я примерно два раза был вместе с Проферансовым; Иоффе у Солонович я не встречал; что же касается Шаревского, то не помню.

Вопрос: С какой целью Вы бывали у Солонович, тем более, что с ней близко не были знакомы?

Ответ: Мои посещения Солонович объясняются тем, что меня просили подыскать ей работу, какую не помню.

Вопрос: Следствие располагает материалами, что Вы с Солонович были связаны как с руководителем анархической группы, участником которой Вы являлись до момента Вашего ареста. Признаете ли Вы это?

Ответ: Нет, *это я не признаю.*

Вопрос: Ваше участие в контрреволюционной группе также подтверждается показаниями обвиняемого Проферансова.

Ответ: Участником контрреволюционной группы себя не признаю.

Вопрос: Вы с анархистом Брешковым Игорем знакомы?

Ответ: С анархистом Брешковым я не знаком.

Вопрос: Это неверно, так как Вы с Брешковым неоднократно встречались на квартире у Иоффе. Почему скрываете это?

Ответ: Бывая на квартире у Иоффе, я встречал там несколько незнакомых мне лиц, среди которых, возможно, был и Брешков.

Вопрос: Ваши показания являются ложными, так как с Брешковым вы коротко знакомы по работе в контрреволюционной группе. Зачитываю Вам его показания от 4-го ноября 1936 года. В последний раз предлагаю дать правдивый ответ.

Ответ: Показания Брешкова в отношении того, что я являюсь участником контрреволюционной группы, отрицаю.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. Налимов.

Допросил: Опер. Уполномоч. ГСПО ГУГБ мл. лейтенант ГБ Макаров

Протокол допроса Налимова В. В.

22 ноября 1936 года.

Вопрос: У Вас при обыске обнаружены билеты №№ 8, 9 и 10. Для какой цели предназначались эти билеты и от кого они Вами получены?

Ответ: Отобранные у меня при обыске лотерейные билеты получены от кого-то из моих знакомых, кого именно не помню. Каждый билет стоит 3 рубля (не точно), и эта лотерея была организована в пользу *Кропоткинского музея*. Кому должны быть переданы деньги за указанные билеты, не помню, так как позабыл, при каких обстоятельствах мне были переданы. *Отсутствие памяти объясняю* своим болезненным состоянием в результате ртутного отравления.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Вами было получено 10 штук билетов, а при обыске обнаружено только три. Где же остальные?

Ответ: Сколько у меня было билетов, я не помню. Все они хранились в карманах брюк или пиджака.

Вопрос: Это неверно. Следствие требует назвать лиц, которым Вы передали часть имевшихся у Вас билетов.

Ответ: Имевшиеся у меня лотерейные билеты я не распространял.

Вопрос: Вы подтверждаете свое знакомство и связь с анархистами Шаревским, Проферансовым, Иоффе, Солонович Агнией и *Брешковым*?

Ответ: Свое знакомство с указанными лицами подтверждаю, причем с *Брешковым*, фамилию которого не знал, встречался два раза у Иоффе.

Вопрос: Следствием установлено, что все указанные анархисты, с которыми связаны и вы,— являются активными участниками контрреволюционной группы. По показаниям участников контрреволюционной группы Проферансова, Иоффе и *Брешкова*, Вы также входили в состав группы и принимали в работе деятельное участие. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Участником группы я не являлся!

Вопрос: Как же Вы отрицаете свою принадлежность к контрреволюционной группе, если Вы неоднократно присутствовали на ее собраниях и принимали участие в обсуждении ее программы и методов борьбы с Советской властью.

Ответ: На квартире у Проферансова весной 1935 года собрались я — Налимов, Проферансов, Шаревский и Иоффе. Кажется, здесь же присутствовала мать Проферансова. Во время беседы Шаревский заявил, что он считает наши мировоззрения близкими к анархизму, и вслед за этим предложил обсудить его анархические убеждения, сформулированные им в ряде пунктов.

Основным пунктом считалось отрицательное отношение к государству, причем *о какой-либо борьбе с Советской властью в прямой форме в этом пункте не говорилось*. Кроме того, был ряд пунктов о необходимости самообразования и обращения к философским вопросам. Смысл последних для меня был непонятен. Я и Проферансов отрицательно отнеслись к выдвинутым Шаревским пунктам, которые не соответствовали нашим политическим мировоззрениям. Данную встречу я не рассматриваю как собрание контрреволюционной группы, так как вопросы, обсуждавшиеся там, были выдвинуты Шаревским по его инициативе. В дальнейшем между нами бесед на политические темы не было.

Вопрос: Ваши показания ложны. На этом собрании основным вопросом был вопрос о разработке методов борьбы с Советской властью, и в обсуждении его Вы принимали самое активное участие. Предлагаю в последний раз дать искренние показания о Вашей контрреволюционной деятельности.

Ответ: Заявляю, что *контрреволюционной деятельности не вел и в обсуждении вопросов о методах борьбы с Советской властью участия не принимал.*

Запись правильна, мною лично проверено,/
в чем и распнсываюсь. Налимов./
Допросил Опер. Уполномоч. СПО ГУГБ/
мл. лейтенант Макаров./

Протокол допроса обвиняемого Налимова В. В.

от 15 декабря 1936 г.

Вопрос: Вы знакомы с лицом, изображенным на предъявляемой вам фотографии?

Ответ: Да, с лицом, изображенным на фотографии, я знаком. Это Назаров Михаил Алексеевич. Он, насколько мне помнится, проживал вблизи Арбата на Денежном переулке. Эта фамилия у меня плохо сохранилась в памяти.

Вопрос: Где и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Назаровым М. А.?

Ответ: Познакомился с Назаровым М. А. примерно в 1933—34 гг. При каких обстоятельствах произошло мое знакомство с ним, не помню.

Вопрос: Вы посещали квартиру Назарова М. А.?

Ответ: Да, на квартире Назарова бывал, но примерно в течение последних двух лет, насколько мне помнится, с Назаровым не встречался.

Вопрос: Ваши показания не соответствуют действительности. Следствию известно, что Вы с Назаровым встречались в 1935 г. в марте месяце на квартире Солонович Агнии[9]. Предлагаю дать правдивый ответ на этот вопрос.

[9] Это был для меня особый, памятный день. Но кто мы об этом сообщить?!

Ответ: Встречался ли я с Назаровым на квартире у Солонович, утверждать не могу, но, возможно, если я с Назаровым там и встречался, то эти встречи носили мимолетный характер, и они не остались в памяти. Последний раз у Назарова я был примерно в конце 1934 года или начале 1935 года.

Вопрос: Кто из участников молодежной контрреволюционной группы также был знаком с Назаровым?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Что Вам известно о политических убеждениях Назарова?

Ответ: О политических убеждениях Назарова мне ничего не известно.

Вопрос: Что же Вас связывало с анархистом Назаровым?

Ответ: Моя связь с Назаровым носила личный характер. В частности, Назарову я начал давать уроки математики. Политической связи между мной и Назаровым не существовало.

Вопрос: Если Ваши связи с Назаровым носили личный характер, то почему Вы до последнего времени скрывали Вашу связь с Назаровым от следствия?

Ответ: Фамилию Назарова я не помнил и признал его только после предъявления его фотокарточки.

Вопрос: Ваши показания ложны. Вы были связаны с Назаровым как с анархистом и участником контрреволюционной организации. Вы полностью в этом изобличены, и дальнейшее Ваше запирательство бесполезно. Намерены ли вы теперь признать то, что с Назаровым Вы были связаны по совместной контрреволюционной деятельности?

Ответ: Еще раз заявляю, что моя связь с Назаровым контрреволюционного характера не носила.

Вопрос: Почему Вы на *очной ставке с Иоффе* отрицали свою связь с Назаровым?

Ответ: На очной ставке с Иоффе я свою связь с Назаровым отрицал, потому что его фамилию не помнил. Кроме того, у меня с наименованием фамилии Назарова всплыло в памяти другое лицо, а именно Назаров М. И., который был преподавателем в школе, где я учился. Помимо этого — Иоффе мне не напомнил отдельных деталей о личности Назарова.

Вопрос: А почему Вы сами не вспомнили Назарова? Вы же с ним были знакомы, так же как и Иоффе?

Ответ: Не вспомнил Назарова потому, что давно его не видел.

Вопрос: Вы окончательно запутались в своих собственных показаниях. Вы продолжаете лгать. Забыть фамилию Назарова Вы не могли, так как встречались с ним в последнее время, упоминали о нем в беседах с Иоффе. В последний раз предлагаю Вам прекратить запирательство.

Ответ: В последние полтора — два года в беседах с Иоффе о Назарове не упоминал и в последнее время с ним (Назаровым) не встречался.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. (Подписи нет.)[10]

Допросил: Опер. Уполиомоч. СПО ГУГБ мл. лейтенант Макаров

Протокол допроса
обвиняемого Налимова В. В.

от 10 июня 1937 г.

Вопрос: Вам объявляется об окончании следствия по делу. Что можете добавить по существу предъявленного Вам обвинения?

Ответ: По существу предъявленного мне обвинения добавить ничего не могу[11].

Допросил: Опер. Уполномоч. СПО ГУГБ мл. лейтенант Макаров

Б. Позиция ближайших коллег

Справка

по архивно-следственному делу № М—6342
по обвинению Шаревского Иосифа Исааковича, 1911 г. р.,
уроженца г. Самарканда, гр-на СССР, по национальности еврея,
до ареста работавшего Врид. директора биостанции ЦИНУП.

Шаревский И. И. арестован 21 октября 1936 г. НКВД СССР.

На предварительном следствии он обвинялся в том, что после возвращения из ссылки в 1934 г. по заданию анархиста Алексея Александровича Солоновича создал нелегальную анархистскую группу в составе: Налимова В., Проферансова Ю. и Брешкова И., ставившую своей целью борьбу против Советской власти.

Из дела видно, что на всем протяжении предварительного следствия обвиняемый Шаревский от дачи показаний отказывался, однако заявлял, что по убеждениям является анархистом-коммунистом.

К делу Шаревского приобщены копии: 2-х протоколов допроса от 9 февраля 1937 г. осужденного Волкова Г. Г., протокола допроса Бем Д. А. от 5—7 марта 1937 г., протокола допроса обвиняемого Мокринского от 30 марта 1937 г., которые имеются в архивно-следственном деле № 260273 по обвинению Болотовой и др. Приоб-

---

[10] Это машинописная копия протокола допроса.

[11] Меня прекратили систематически допрашивать в конце 1936 г. Всего было около 30 вызовов. Протоколы большинства из них в деле отсутствуют. Тема допросов неизменно повторялась. В нарушение процессуального кодекса меня не познакомили с обвинительным заключением. Прокурор меня не вызывал. Все делалось заглазно. Объявлен был только приговор, вынесенный Особым совещанием заочно 9/VII 1937 г.

шены также к делу Шаревского копии протоколов допроса обвиняемого Проферансова Г. Н. от 01 и 03 ноября 1936 г., подлинники которых находятся в деле Болотовой и др.

Шаревскому были даны очные ставки с обвиняемыми Проферансовым Г. Н., Брешковым И. С. и осужденным Волковым Г. Г., протоколы которых имеются в деле. На все вопросы, заданные следствием во время очных ставок с указанными лицами, Шаревский продолжал отказываться от дачи показаний.

Обвиняемый Проферансов на очной ставке с Шаревским 5 марта 1937 г. показал, что в состав анархической группы помимо него входили: Шаревский, Налимов, Иоффе. Далее Проферансов заявил, что группа фактически оформилась в 1930 г., деятельность которой после ареста Шаревского не продолжалась. На происходивших собраниях обсуждались политические вопросы, в частности Шаревский, по словам Проферансова, высказывался за активные формы борьбы.

Осужденный по другому делу Волков Г. Г. на очной ставке с Шаревским 10 марта 1937 г. показал, что Шаревский являлся участником анархической организации «Альянс», руководимой Солоновичем Алексеем, основной и конечной целью которой было свержение Советской власти путем «устройства» 4-ой революции и установления анархического строя. Волков далее заявил, что Шаревский перед своим отъездом из Каргасока получил директиву от Солоновича о создании группы среди студентов г. Москвы.

Обвиняемый Брешков И. С. на очной ставке с Шаревским 5 февраля 1937 г. показал, что с Шаревским он познакомился в 1928 г. на квартире анархиста Иоффе, который в 1930 г. содействовал вступлению Брешкова в анархическую группу, членами которой являлись: Шаревский, Иоффе и некто по имени Игорь [12]. В 1935 г., как заявил далее Брешков, он познакомился на квартире Иоффе с анархистом Налимовым Василием, который также являлся участником этой группы. На очной же ставке Брешков показал, что на сборищах группы обсуждались политические вопросы.

29 июля 1937 г. дело по обвинению Шаревского было рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Шаревский виновным себя не признал и заявил:

> «Показания Бема и Иоффе ему не известны. Показания же Волкова и других он знает. По своим политическим убеждениям он — анархист-коммунист. Членом анархической организации он не состоял. Солонович ему никакого террористического задания не давал. Он не хочет называть других лиц, т. к. это навлечет на них подозрения. Показания Проферансова ему известны по очной ставке, но они являются ложными».

Военная Коллегия, признав Шаревского И. И. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК

---

[12] Здесь речь идет об Игоре Тарле — племяннике известного советского историка, академика Е. В. Тарле.

РСФСР, приговорила его к ВМН [13]. Приговор приведен в исполнение 29 июля 1937 г.

По данному делу Аренский П. А., Ляшук С. Р., Коростелев Б. В., Гориневский Г. В., Губерт-Поспелова В. В., Болотова А. О. и Васильева Е. М. не проходят, и в отношении их Шаревский не допрашивался.

Следователь 2 отдела Следуправления КГБ
при Совете Министров СССР
капитан Захаров
20 октября 1956 г.

Протокол очной ставки

между обвиняемыми Проферансовым Георгием Николаевичем [14]
и Налимовым Василием Васильевичем

от 26 ноября 1936 г.

Обвиняемые Налимов и Проферансов, подтвердив свое знакомство, показали:

Вопрос П.: Вы являлись участником контр-революционной группы?

Ответ: Да, я с 1930 г. входил в состав существующей в Москве контр-революционной анархистской группы, участником которой был до момента ареста.

Вопрос П.: Назовите лиц, входивших в состав контр-революционной группы.

Ответ: В состав контр-революционной анархистской группы, участником которой я являлся, входили следующие лица: Шаревский Ион, Налимов Василий, Иоффе Ион, Брешков Игорь и я — Проферансов. Кроме того, группа была связана с анархисткой Солонович Агнией, знавшей о существовании нашей контр-революционной группы.

Вопрос П.: Откуда Вам известно, что названные лица входят в состав контр-революционной группы?

Ответ: Все указанные выше лица, а именно Шаревский, Нали-

[13] Высшая мера наказания — расстрел.

[14] Георгий (иногда Юрий) Проферансов, геолог по специальности, был ближайшим моим другом. Умер он в первую же лагерную зиму. Его отец — Николай Иванович, анархист с дореволюционным стажем. Он отбыл в тюрьме годичный срок еще при старом режиме. Наряду с А. А. Солоновичем он был ведущей фигурой в движении анархистов-мистиков. Был арестован по делу 1930 г. Приговор — пять лет политизолятора. В 1934 г. приговор был смягчен: его направили в ссылку в одну из Среднеазиатских республик. Там он умер при весьма странных обстоятельствах — от печного угара. До ареста Н. И., имевший гуманитарное образование, работал в Институте Маркса — Энгельса. В одной из центральных газет от имени Института было сообщение о его смерти. До сих пор помню его прекрасное эссе «Легенда о рыцаре Гуго де Лонго».

мов, Иоффе и Брешков по своим политическим убеждениям являются анархистами. Всех нас объединяла общность контр-революционных анархистских убеждений и враждебное отношение к диктатуре пролетариата. Я как участник группы вместе с Шаревским, Налимовым и Иоффе присутствовал на собраниях группы, на которых один или два раза обсуждались вопросы программно-политического характера, о которых мною даны показания в протоколе допроса от 1 ноября 1936 г. С Брешковым я на собраниях группы не встречался и знал о его участии в группе, насколько мне помнится, от Иоффе.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли Вы показания Проферансова и признаете ли свою контр-революционную деятельность?

Ответ: Свою контр-революционную деятельность и свое участие в группе отрицаю и считаю, что группы как определенного политического объединения не существовало.

Вопрос П.: Для какой цели вами передавались Налимову деньги?

Ответ: На одном из собраний нашей группы в 1935 г., на котором присутствовал Шаревский, я — Проферансов, Налимов и Иоффе, было вынесено решение отчислять определенный процент от нашей зарплаты на приобретение для группы литературы, а также для передачи Солонович Агнии на предмет оказания помощи ссыльным анархистам. Я лично деньги передавал Налимову, который знал, для какой цели эти деньги предназначались. В последний раз мною было переслано Налимову шестьдесят руб. летом 1936 г.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Проферансова?

Ответ: Показания Проферансова подтверждаю, но считаю необходимым уточнить их в том отношении, что отчисления нами производились нерегулярно.

Вопрос Н.: Для какой цели вами передавались деньги Солонович Агнии?

Ответ: Часть отчисляемых нами денег передавалась Солонович Агнии для оказания помощи ссыльным анархистам. Передавались деньги Солонович потому, что она была связана со ссылкой — Каргасокской.

Вопрос Н.: Из вашего ответа вытекает, что вы оказывали помощь анархистам, репрессированным за определенные контр-революционные действия — тем самым и сами вели контр-революционную работу. Правда это?

Ответ: Нет, это я не рассматриваю как контр-революционную деятельность, так как эти деньги передавались нами по этическим соображениям, согласно информации Шаревского о тяжелом положении ссыльных анархистов, не имеющих подолгу работы.

Вопрос П.: Как вы расцениваете ту помощь, которую оказывала группа анархистской ссылке?

Ответ: Материальная помощь, оказываемая нашей группой анархистской ссылке, обусловливалась этическими соображениями, но объективно являлась одним из элементов контр-революционной деятельности.

Вопрос Проф.: Когда и при каких обстоятельствах был разговор о сохранении имеющейся в группе анархистской литературы?

Ответ: Примерно в январе мес. 1936 г. на одном из собраний группы, на котором, кроме меня, присутствовали Шаревский, Налимов и, кажется, Иоффе (точно не помню), был выдвинут вопрос о сохранении на случай провала группы имеющейся литературы. В результате было решено закопать литературу, и мною был указан для этой цели район между ст. Румянцево и Н.-Иерусалим Балтийской ж. д. Как была выполнена эта операция, мне не известно.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Проферансова?

Ответ: Действительно, нами был поставлен вопрос о сохранении имевшейся анархической литературы, которая нам не нужна была, но могла служить компрометирующим нас материалом. В основном литература состояла из изданий «Голос труда» и брошюры Карелина. Литература нами, т. е. мною, Шаревским и Иоффе, была зарыта в землю недалеко от ст. Н.-Иерусалим. Литература пряталась нами как представляющая исторический, а не политический интерес.

Вопрос Н.: Признаете ли вы теперь свою контр-революционную деятельность?

Ответ: Борьбы с Советской властью я не вел, контр-революционной группы не существовало. Однако некоторые мои действия, как, например, закапывание литературы и денежная помощь ссыльным анархистам, объективно являются элементами контр-революционной деятельности [15].

Протокол очной ставки

между обвиняемыми Налимовым В. В. и Брешковым И. С., произведенной 16 ноября 1936 г.

Вопрос Б.: Вы знакомы с сидящим против вас человеком?

Ответ: Фамилии я его не знаю, но с ним знаком. Зовут его Вася.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы свое знакомство с Брешковым?

Ответ: С указанным человеком я действительно встречался у Иоффе, в течение 1935—36 гг.— два раза.

Вопрос Б.: Откуда вы знаете Налимова и при каких обстоятельствах с ним познакомились?

Ответ: Знаю Налимова как участника контр-революционной анархистской группы, в которую я также входил после возвращения из лагеря в Москву в 1935 г. Познакомился с Налимовым на квартире анархиста Иоффе, через которого я и вошел в состав группы, участником которой и являлся вплоть до ареста.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания обвиняемого Брешкова?

Ответ: Нет, не подтверждаю.

Вопрос Б.: Откуда вам известно о принадлежности Налимова к контр-революционной анархистской группе?

[15] Здесь я сдался. Не под натиском следователя, а под уговором друга. Очные ставки все же опасны.

Ответ: Принадлежность к нашей группе гр. Налимова мне известна потому, что я его встречал на нелегальном собрании, где присутствовали, кроме нас, — Шаревский и Иоффе. Припоминаю, что Налимов читал на этом собрании стихи анархистского содержания, напечатанные на машинке. Кем принесены были эти стихи — я ие знаю.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Брешкова?

Ответ: Я подтверждаю встречу на квартире Иоффе в 1936 г. между мной, Иоффе и Брешковым. Возможно, также присутствовал и Шаревский. Эту встречу я не рассматриваю как нелегальное собрание, так как беседа велась без определенного намеченного плана и переходила с одной темы на другую. Стихи Волошина, отпечатанные на машинке, были принесены мною, но не в этот день.

Вопрос Н.: У кого еше имелся такой же сборник стихов Волошина, и кем он отпечатан на машинке?

Ответ: На этот вопрос ответа дать не могу, так как не помню, кто еще имел такой сборник стихов и кем он отпечатан на машинке.

Протокол очной ставки
обвиняемого Налимова В. В.
и свидетеля [16] Иоффе Иосифа Исааковича

от 28 ноября 1936 г.

Подтвердив свое знакомство, обвиняемый Налимов и свидетель Иоффе показали:

Вопрос И.: Перечислите лиц, входивших в состав контрреволюционной анархистской группы.

Ответ: В состав анархистской контрреволюционной группы входили следующие лица: Шаревский, Налимов, Проферансов, Брешков и я — Иоффе.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Иоффе?

Ответ: Нет, не подтверждаю, так как настаиваю на отрицании существования группы.

Вопрос Иоффе: Скажите, кто осуществлял идейное руководство контр-революционной группы?

Ответ: Контр-революционная анархистская группа, в состав которой входили вышеупомянутые мною лица, была тесно связана и фактически руководилась анархисткой Солонович Агиией. Основным же руководителем и идейным вдохновителем группы был Солонович Алексей, который до ареста в 1930 г. непосредственно осуществлял идейное руководство группой, а после ареста наша группа получала от него руководство через его жену Солонович Агнию. Так, например, в конце 1934 г. Агния Солонович у нее на квартире по приезде от мужа из Каргасока сообщила присутствующим Налимову, Шаревскому и мне установки Алексея Солоновича по поводу нашей анархистской работы. Установки сводились в основном к:

1) Самоусовершенствованию и работе над собой;

[16] Обратите внимание: Иоффе не обвиняемый, а только свидетель.

2) Разработке в анархистском духе вопросов философии, науки и искусства;

3) Подготовке кадров и подбору новых лиц в целях расширения анархистского движения.

В последний свой приезд осенью из Каргасока Солонович Агния говорила мне и Налимову о том, что сейчас старое поколение анархистов отживает, а поэтому наступает момент, когда молодежь должна взять в руки анархистское движение. Кроме этого, Солонович Агния информировала группу о положении анархистов в ссылке, вела с Шаревским в 1936 г. переговоры относительно закопки литературы, а также стоял вопрос о размножении на машинке имевшихся у нее — Солонович — лекций А. Солоновича.

Как мне рассказывал Налимов, он для этой цели приносил Солонович бумагу. Наша группа передавала Солонович деньги для «Черного креста». Деньги передавались Солонович Налимовым, Шаревским и иногда мною.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Иоффе?

Ответ: Нет, показания Иоффе не подтверждаю. Однако считаю необходимым отметить, что деньги, передаваемые нами Солонович Агнии, предназначались для оказания материальной помощи анархистской ссылке, но не для «Черного креста».

Кроме того, действительно Солонович Агния информировала о положении в ссылке, материальном и бытовом, но при каких обстоятельствах — не помню.

Вопрос И.: Кто еще был связан с группой?

Ответ: Кроме Солонович, наша группа была связана с анархисткой Пахомовой Ольгой Степановной вплоть до ее ареста в 1930 г. Помимо этого, группа связана с анархистом Назаровым Михаилом Алексеевичем. Из участников нашей группы с Назаровым были знакомы Налимов, я — Иоффе — и Шаревский. Последний с Назаровым познакомился на квартире у Солонович. Я и Налимов встречались с Назаровым у него на квартире в районе Смоленского рынка. Назаров знал о существовании нашей группы и давал нам советы о развертывании ее анархистской контр-революционной деятельности.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Иоффе?

Ответ: Показания Иоффе я отрицаю. С анархистом Назаровым я не знаком.

Вопрос И.: Расскажите подробности хранения групповой литературы.

Ответ: На одном из собраний группы был поставлен на обсуждение вопрос о хранении имевшейся анархистской литературы. В результате было решено литературу, главным образом издания «Голос труда», запаять в железный сосуд и закопать на значительном от Москвы расстоянии. Точно не помню, кем во исполнение этого решения, возможно одним Шаревским, литература была взята у Солонович и закопана около ст. Румянцево Шаревским, Налимовым и мною летом 1936 г.

Вопрос Н.: Подтверждаете показания Иоффе?

Ответ: Да, действительно литература анархистского содержания издательства «Голос труда» нами была закопана в указанном Иоффе месте. По-моему, большая ее часть принадлежала лицам, участвовавшим в ее закапывании. Она — эта анархистская литература — пряталась нами как представляющая историческое, а не политическое...

Вопрос И.: Что вам известно о перестройке контр-революционной группы по орденскому принципу?

Ответ: Примерно месяца два тому назад Налимов спросил о моем мнении по вопросу орденских организаций и заявил о своей готовности перестроить нашу группу по такому принципу. Это он мотивировал лучшей конспирацией и вместе с тем возможностью вести работу на более широкой основе, не наклеивая на себя определенной партийной марки, и только в случае столкновения с членами других контр-революционных организаций выступать как анархисты. Мне также известно, со слов Налимова, что Шаревский якобы возражал против орденской организации, и поэтому было решено переговорить по данному вопросу лично с Шаревским и Солонович Агнией. Из этого я делаю предположение, что мысль о перестройке группы исходила не лично от Налимова, а от Солонович. Этот разговор с Налимовым происходил у меня на квартире.

В основу организации орденского типа прежде всего входила работа над собой и привлечение новых людей к ордену.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы этот разговор с Иоффе?

Ответ: Этот разговор с Иоффе относительно перестройки группы по орденскому принципу я отрицаю.

Вопрос И.: Что вам говорил Налимов о лотерее в пользу Кропоткинского музея?

Ответ: В начале октября месяца я зашел к Налимову на квартиру, оттуда вместе с ним пошли прогуляться. По дороге Налимов передал мне 10 штук пронумерованных листов, говоря, что это билеты для меня и Шаревского, стоимостью по 3 руб., которые предложено Солонович распространить. Эти билеты являлись лотерейными в пользу Кропоткинского музея и получены были Налимовым от Солонович. Налимов предупредил, что лотерея является нелегальной.

Вопрос Н.: Подтверждаете ли вы показания Иоффе?

Ответ: Действительно, билеты были переданы мною Иоффе для него и Шаревского лично. Билеты были выпущены для сбора средств в пользу Кропоткинского музея, но они не были лотерейными.

Вопрос Н.: За все время следствия вы давали ложные показания, сознательно скрывая свою контр-революционную деятельность. Теперь вы полностью изобличены очными ставками и фактами, имеющимися у следствия. Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ Н.: В предъявленном обвинении себя виновным не признаю.

Очную ставку провел: Опер. Уполномоч. 2 отд. СПО мл. лейтенант ГБ Макаров.

3. Разгром старших

Здесь приводятся протоколы допросов старших участников движения. Старших по возрасту и в большинстве случаев — по причастности к анархо-мистической деятельности.

Протокол допроса обвиняемой Солоиович А. О.

от 2 декабря 1936 г.

Вопрос: На предыдущих допросах вы упорно скрывали свои связи и контрреволюционную подпольную анархическую деятельность. Ваше дальнейшее запирательство бесполезно, так как следствие располагает материалами, полностью изобличающими Вас в активной контр-революционной деятельности. Намерены ли вы теперь дать правдивые показания?

Ответ: Я давала только правдивые показания. Еще раз заявляю, что контр-революционной деятельности не вела и никаких контреволюционных связей не имела.

Вопрос: Вы признаете свое знакомство с анархистом Налимовым?

Ответ: Я анархиста Налимова не знаю.

Вопрос: Участник контр-революционной анархистской группы Налимов на допросе подтвердил свое знакомство с Вами. Зачитываю вам его показания от 15 ноября сего года. Это также подтверждается и показаниями свидетеля Васильевой[17]. Признаете ли вы теперь свою связь с Налимовым?

Ответ: Возможно, что я с Налимовым и встречалась у Васильевой, но я его не помню. На квартире у меня Налимов не бывал и никакой контрреволюционной связи с ним у меня не было.

Вопрос: Ваши показания являются ложными. Следствию известно, что Налимов был связан с вами, посещал регулярно вашу квартиру и передавал деньги, отчисляемые их группой для оказания помощи ссыльным анархистам. Зачитываю вам показания участников группы Налимова и Проферансова, полностью изобличающих вас в этом.

Ответ: Как от Налимова, а также от Проферансова я денег для оказания помощи ссыльным анархистам не получала и вообще сборов для «Черного креста» с 1933 года не производила.

Вопрос: Следствию известно, что в октябре месяце сего года вами было передано Налимову тридцать штук лотерейных билетов в пользу музея, стоимостью в 3 рубля, которые Налимов должен был распространить среди близких людей. Подтверждаете вы это?

---

[17] Е. М. Васильева — мать Проферансова. Ссылка на мои показания в отношении А. О. Солонович все же дается следователем в несколько искаженном виде. Важно отметить, что очной ставки с ней у меня не было. Думаю, что она поняла линию моего поведения.

Ответ: Я никаких билетов Налимову не передавала.

Вопрос: С анархистом Назаровым М. А. вы знакомы?

Ответ: Называть фамилии по морально-этическим соображениям я как анархистка отказываюсь, так как контр-революционной деятельности ни с кем не вела.

Записано правильно, мною лично проверено, в чем и расписываюсь. А. Солонович.

Допросил Опер. Уполномоч. 2 отд. СПО мл. лейтенант Макаров

Протокол допроса обвиняемой Солонович А. О.

от 22 марта 1937 г.

Вопрос: На допросе от 22 октября 1936 г. вы показали, что с 1933 г. прекратили сбор средств в пользу «Черного креста». В действительности вы до момента ареста осуществляли руководство этой организацией; получали деньги из-за границы, а также и от анархистов в СССР - в частности в 1934 г. вы по этому вопросу вели переписку с находившимся за границей Бренстедом [18], Шевчуком и Эрмондом?

Ответ: В действительности *я после 1933 г. осуществляла руководство «Черным крестом» и по вопросам получения* материальных средств имела переписку с находившимися в Америке анархистами Шевчуком и Эрмонд [19]. Этим лицам я послала всего два письма, причем Эрмонду писала в декабре 1933 г. Получала ли я из Америки деньги, сейчас не помню.

От Бренстед я первое и последнее письмо получила в январе 1933 г., на которое ему ответа не послала. Среди анархистов в СССР я с 1933 г. сборов в пользу «Черного креста» не производила за исключением нескольких случаев...

Вопрос: Отобранные при обыске письма изобличают вас в том, что вы до момента ареста возглавляли «Черный крест», концентрировали у себя сведения о местонахождении анархистов, их положении и, таким образом, были связующим звеном всего анархистского подполья. Признаете ли вы это?

Ответ: Деятельность «Черного креста», в функции которого входила помощь ссыльным и заключенным анархистам, я не расцениваю как нелегальную деятельность, так как о существовании этой организации было известно органам Соввласти, как и о «Красном кресте».

. . . . . .

[18] Эта фамилия встречается и в другом написании – Брендстед.

[19] Эрмонд эмигрировал в Америку в начале 20-х годов. Там он издавал на русском языке газету Рассвет. В протоколе допроса Д. А. Бема от 5 –7 мая 1937 г. сказано следующее:

> Эрмонд Долинин — анархист-мистик, имел тесные связи с Карелиным и Солоновичем. В 1924 г. уехал из СССР в Америку, где и издает анархистскую газету.

Вопрос: А в дальнейшем, т.е. после 1934 г., вы с Шаревским встречались?

Ответ: Отвечать на этот вопрос по морально-этическим соображениям отказываюсь.

Вопрос: Следствием установлено, что анархист Шаревский после возвращения из ссылки в 1934 г. во исполнение полученной от Алексея Солоновича директивы создал в Москве контр-революционную группу, которой вы идеологически руководили и направляли ее практическую работу. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: О существовании группы, созданной Шаревским, я не знаю и, следовательно, руководить ею никак не могла.

Вопрос: Вы говорите неправду. В конце 1934 г., по приезде от мужа из села Каргасок, вы в присутствии участников контр-революционной группы Налимова, Иоффе и Шаревского передали им установки Солоновича Алексея, сводящиеся в основном к:

1) Подготовке кадров и подбору новых лиц в целях расширения анархистского движения.

2) Разработке в анархо-мистическом духе вопросов философии, науки и искусства.

3) Самоусовершенствованию и работе над собой.

Вы передавали эти установки участникам контр-революционной молодежной анархистской группы.

Ответ: Все эти лица, как-то Шаревский, Налимов и Иоффе, вместе у меня не были. Необходимо отметить, что я с Налимовым и Иоффе не знакома. Никаких установок от Алексея Солоновича я никому не передавала.

. . . . . .

Вопрос: Вы снова говорите неправду. Анархист Иоффе на допросе от 28 ноября 1936 г. показал: В последний свой приезд осенью из Каргасока, Солонович Агния говорила мне и Налимову о том, что сейчас старое поколение анархистов отживает, а поэтому наступил момент, когда молодежь должна взять в свои руки анархическое движение. Кроме того, Солонович Агния информировала о положении анархистов в ссылке, вела с Шаревским переговоры относительно закапывания литературы [20]. Вы подтверждаете показания Иоффе?

Ответ. Никаких разговоров о создании анархического движения не вела.

Протокол допроса

Солонович А. О.

от 26 июня 1937 г.

Вопрос: Показаниями арестованных анархистов Гориневского, Ляшука, Назарова, Бема и других Вы изобличены как одна из ак-

[20] В одном из допросов Проферансов подчеркивает, что А. О. Солонович никакого отношения к решению о закапывании книг не имела.

тивных участников контр-революционной анархистской организации. Зачитываю Вам их показания. Вы это подтверждаете?

Ответ: Никогда ни в какой контр-революционной анархистской организации я не состояла.

Вопрос: Вы подтверждаете связь с указанными анархистами — Гориневским, Ляшуком, Назаровым, Бемом?

Ответ: С анархистами Гориневским, Ляшуком, Назаровым, Бемом я, Солонович Агния Онисимовна, имела связи, но они не имели никакого контр-революционного содержания.

Вопрос: На первый вопрос Вы уклонились от прямого ответа. Скажите, показания Бема, Гориневского, Ляшука и Назарова соответствуют действительности или они являются ложными?

Ответ: Показания Бема, Гориневского, Ляшука и Назарова являются ложными.

Вопрос: По показаниям анархиста Бем, Вы, Солонович Агния Онисимовна, были в курсе контр-революционной деятельности Вашего мужа Солоновича Алексея Александровича и являлись связующим звеном между ним и Московской анархистской организацией, руководство которой осуществлялось Вами. Вы это подтверждаете?

Ответ: О контр-революционной анархистской деятельности моего мужа Солоновича Алексея Александровича я не знала, связующим звеном между ним, Солоновичем А. А., и якобы Московской организацией анархистов я не была. Показания Бема считаю ложными.

Вопрос: Вам не только была известна контр-революционная деятельность Солоновича Алексея, но Вы также были осведомлены о том, что Солонович А. и существовавшая в Каргасоке контр-революционная группа была занята подготовкой террористических актов. Вы это подтверждаете?

Ответ: С Солоновичем А. А. и другими анархистами, проживавшими в Каргасоке, никогда не имела разговоров о существовании террористической каргасокской группы и сомневаюсь в возможности ее существования. Никаких террористических настроений у Солоновича А. А. и других анархистов не замечала.

Вопрос: Зачитываю Вам показания анархиста Бем от 5 апреля 1937 года, изобличающие Вас в том, что Вы были в курсе террористической деятельности Солоновича Алексея. Вы показания Бема подтверждаете?

Ответ: В беседах моих с Бемом никаких разговоров о террористической деятельности каргасокской анархистской группы не было.

Вопрос: Следствием установлено, что Вы, будучи связаны с анархистом Шаревским, знали о том, что ему Солоновичем Алексеем была поручена организация террористических групп в Москве и что эту террористическую работу Шаревский, по указанию Солоновича Алексея, должен был контактировать с Вами. Вы это подтверждаете?

Ответ: От Солоновича Алексея я никогда не слыхала о том, чтобы он давал Шаревскому какие-либо террористического характе-

ра поручения. С Шаревским никаких разговоров о терроре у меня никогда не было.

Вопрос: Зачитываю Вам показания Бема, полностью изобличающие Вас в том, что анархист Шаревский вел контрреволюционную террористическую работу в контакте с Вами. Вы эти показания подтверждаете?

Ответ: Никакой террористической работы совместно с Шаревским я никогда не вела.

Вопрос: На предыдущих допросах Вы отрицали наличие нелегальной связи с заграницей. Следствию известно, что к Вам на квартиру приходило лицо, приехавшее в СССР под видом интуриста. Кто этот человек и какие поручения Вы от него получили?

Ответ: Никогда никто ко мне под видом интуриста не приходил.

Агния Солонович.

допросил: (не указано)

Справка

Аренский Павел Антонович[21], 1887 г. р., уроженец г. Ливно, Б. Орловской губ., литератор-журналист, анархист.
Проживает: Огарева, 1/12, кв. 30.

В 1924—30 гг. являлся участником контр-революционной анархистской организации «Орден света», был непосредственно связан с анархистом-террористом Солоновичем Алексеем и по его заданию руководил анархистским кружком в составе анархистов: Поль А. С., Поль Е. А., Зеликович Э. С., Уйтенховен и др.

Оставаясь до последнего времени на анархистских позициях, вошел в созданную в 1933 г. Солоновичем Алексеем контр-революционную анархистскую террористическую организацию и, будучи связан с анархо-террористкой Агнией Солонович, принимал активное участие в контр-революционной работе Московской группы анархистов.

Арестованный УНКВД ЗСК (Западно-сибирского края) анархо-террорист Бем подтвердил на допросах принадлежность Аренского к организации.

> «В разговоре со мной Агния Солонович сообщила, что в Москве существует анархо-мистическая группа, в которую входят Поспелова В. В., Назаров М. А., Аренский П. А.»
> (Из показаний Бема от 7/III-1937 г.).

Полагал бы Аренского арестовать[22].

---

[21] Аренский умер в Севвостлаге 25/XII-41 г.

[22] В деле имеются такие же зловещие справки на Гориневского

Нач. 4-го Отделения 4 отд. ГУГБ
капитан ГБ Григорьев
«_____ апреля 1937 г.

Протокол допроса

АРЕНСКОГО Павла Антоновича

от 3 июня 1937 г.

Аренский П. А.— 1887 г. р., образование высшее, литератор, б/п.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что являетесь участником контр-революционной анархо-мистической организации. Признаете себя в этом виновным?

Ответ: Да, признаю себя виновным в том, что с 1923 г. до 1929 г. я состоял членом контр-революционной организации анархо-мистиков, а также состоял рыцарем «Ордена Света», возглавляемого тогда Карелиным, а после его смерти Солоновичем Алексеем Александровичем.

Вопрос: Вы говорите неправду. Участником контр-революционной организации анархо-мистиков вы состояли и поддерживали связь с членами организации не только до 1929 г., но и после — до момента вашего ареста.

Ответ: Нет, я это категорически отрицаю.

Вопрос: Назовите, кого из участников контр-революционной организации анархо-мистиков вы знаете.

Ответ: Из лиц, которые принимали участие в контр-революционной организации анархо-мистиков, мне известны следующие: Солонович Алексей Александрович — это один из руководителей организации, Смышляев Валентин Сергеевич [23], умер года 1,5 тому назад, Никитин Леонид Александрович [24] — художник, про-

---

и Ляшука. Мы их здесь не приводим. Обвинение в терроризме, по-видимому, следует из показаний Д. А. Бема. В материалах Следственного дела № 7107 (об анархо-мистиках, отбывавших ссылку в с. Каргасок Нарымского окр.) есть упоминание о том, что он был секретным сотрудником. В протоколе выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговорившей Бема к расстрелу, читаем: «...о контр-революционной деятельности Солоновича в порядке личной инициативы сообщал начальнику Райотделения; уточняет, что он, как секретный сотрудник, не сообщил о террористических высказываниях Солоновича» (л. д. 278). Он был одним из старших рыцарей.

[23] Смышляев В. С.— известный театральный деятель, режиссер Второго МХАТа, руководитель студии, носившей его имя. Умер незадолго до арестов 1936 г. Помню, что Агния Онисимовна Солонович горестно сокрушалась, рассказывая мне об этой смерти. В ночь смерти она видела вещий сон и только потом поняла, что это был призыв о помощи, на который она не откликнулась.

[24] Никитин Л. А.— театральный художник, активный участник

живает где-то под Москвой, жена его Ланг Вера Робертовна, Солонович Агния Онисимовна, Поль Александр Сергеевич, бывшая жена его Елена Апполинарьевна, Бернер Софья Яковлевна, Збруева Нина Павловна, Шишко пианист, Кафка, Зеликович и Брендстед.

Вопрос: С кем из названных вами участников контрреволюционной анархо-мистической организации вы встречались и поддерживали связь последнее время?

Ответ: Регулярных встреч и систематических связей у меня ни с кем из названных мною лиц не было. Но до смерти, т. е. до 1936 г. я встречался со Смышляевым, затем ко мне в 1934—35 гг. после ссылки заходил Поль Александр Сергеевич, один раз также был у меня Никитин Леонид Александрович, в 1936 г. тоже заходила и не один раз бывшая жена Поля Елена Апполинарьевна, в этом же году один раз был у меня бывший член моего кружка Зеликович, а затем, кажется, я видел его в здании редакции «Следопыт», но наша встреча тогда была мимолетна, только поздоровались и ни о чем не говорили.

Вопрос: Почему после ссылки эти анархо-мистики заходили именно к вам, и что их связывало с вами?

Ответ: С этими лицами я был связан в прошлом и идейно, и организационно. Например, Поль А. С. мною был лично завербован в организацию анархо-мистиков и состоял в моем кружке, которым я руководил. То же самое и Зеликович. С Никитиным мы встречались как рыцари одного ордена, а раньше были связаны долголетней дружбой, и, видимо, зная меня как анархо-мистика в прошлом, они и зашли ко мне на квартиру.

Вопрос: Расскажнте о тех разговорах, которые были у вас с этими лицами.

Ответ: С Полем у меня был разговор о моей литературной работе, он меня расспрашивал, над чем я сейчас работаю, и рассказывал, в свою очередь мне, что собирается написать какую-то историческую работу на основе тех материалов, которые мы обнаруживали в каком-то музее. Делился также Поль впечатлениями о своей ссылке, как ее проводил. Говорил, что работает в органах НКВД, при этом на меня он произвел такое впечатление, что он окончательно выздоровел от анархо-мистицизма.

Никитин мне при встрече говорил о своей театральной и режиссерской работе на Медвежьей Горе, где он отбывал ссылку.

С Зеликовичем у нас была беседа о его материальном положении, а также он мне рассказывал о книге, которую написал и предполагает издать или уже издал. Это была сокращенная книга по астрономии для юношества Джема Джинса, содержание и вывод из этой книги, которые мы и обсуждали с Зеликовичем. Вспомнить подробно весь разговор очень трудно, но обсуждал я с Зеликовичем философские вопросы, затрагиваемые в этой книге, в частности тему о строении вселенной, и разговор, конечно, носил мистический характер.

Вопрос: Вы заявляете, что Поль отказался от своих анархо-

движения. Арестован по делу 1930 г. вместе со своей женой и ее родственником Лангом.

мистических взглядов, откуда это вам известно, если вы об этом, заявляете, не говорили?

Ответ: Это впечатление осталось у меня от разговора с ним, так как, касаясь нашего общего прошлого, мы быстро установили единый взгляд на прежнюю анархо-мистическую работу. Из его рассказов о советском строительстве я видел, что он стоит на новых позициях. Поэтому никакого разговора об анархо-мистицизме я с ним не вел.

Вопрос: Значит, вы не порвали своих связей и имели встречи с анархо-мистиками, вели разговоры анархо-мистического содержания и после 1930 г.?

Ответ: Да, действительно, у меня сохранились связи с некоторыми анархо-мистиками. Я встречался, как уже сказал, с Полем, Никитиным, Зеликовичем, бывшей женой Поля Еленой Аполинарьевной в 1934—35—36 гг., а также разговаривал с ними на анархо-мистические темы.

Вопрос: Расскажите, какие практические задачи ставили перед собой участники этой контр-революционной организации.

Ответ: Основной своей задачей, которую ставила эта организация, в которую я входил, было проведение среди интеллигенции и широких масс населения враждебной и чуждой пролетариату идеологии, и на основе этого — подготовка лиц, входящих в организацию, для борьбы с Советской властью.

С этой целью мы задумали один раз в театре Второго МХАТа поставить пьесу Гофмана, сделанную мной из рассказа «Золотой горшок». Смышляев ее должен был поставить, а Никитин декорировать, но пьесу, в связи с тем, что она была явно мистического содержания, — не разрешили.

Участники организации собирались на квартире у Карелина, Солоновича, несколько раз были собрания у меня, на этих собраниях читались доклады, разбирались легенды, содержания их я сейчас не помню, но все они по смыслу были направлены к тому, чтобы дать идеалистическую базу участникам в их работе и для борьбы, как я уже сказал, с Советской властью.

Вопрос: Расскажите о вашей практической деятельности как участника контр-революционной организации.

Ответ: В организацию анархо-мистиков я был вовлечен в 1923 г. Солоновичем А. А., с которым тогда познакомился на квартире у Смышляева. Началось это с религиозно-философских бесед, а затем он мне рассказал, что есть орден, в котором хранится древнемистическая мудрость.

В этот орден мы и были вовлечены со Смышляевым и моей бывшей женой Верой Александровной Завадской, а затем уже к нам примкнул и Никитин.

Сам я лично привлек в организацию Поля А. С., его жену Елену Аполинарьевну, Бернер Софью Яковлевну, иногда бывал и ее муж, Сбруеву[25] Нину Павловну, Зеликовича и Шишко.

[25] Здесь фамилия «Збруева» написана через «С».

Все эти лица мною были посвящены в рыцари «Ордена Света», и с ними я вел работу по воспитанию их в рыцарском духе.

На этих собраниях я рассказывал легенды и через них стремился к тому, чтобы дать присутствующим идеалистическую базу для будущей их работы в искусстве и литературе и проведения через искусство и литературу враждебных идеологий в широких массах населения.

Вопрос: Какая практическая работа проводилась вами в последние годы, и как вы проводили эту враждебную идеологию в искусстве и литературе?

Ответ: Как мы это пытались делать до 1929 г.— я уже сказал раньше. Что же касается после 1929 г., то никакой практической работы я не вел. Наступление, которое повела партия в области идеологии, искусства, литературы, затрудняло нашу работу. Так, в 1931 году я послал рассказ под заглавием «Матамата» из жизни черепах в один из журналов, но мне его вернули и заявили, что в нем имеется налет мистицизма.

В связи с арестами, которые произошли, когда арестовали моих единомышленников, я начал постепенно пересматривать свои взгляды на ряд вещей и переходить на позицию художественного реализма в литературе, которую можно проследить в моих последних работах.

Вопрос: Расскажите, какую практическую работу проводил каждый из участников этой контр-революционной группы.

Ответ: Солонович читал лекции по истории искусства, в которых проводил свои анархо-мистические взгляды. Были они у него на квартире. Никитин, как член организации, выступал по вопросам живописи. Особенно останавливался на определениях Врубеля. О Смышляеве я уже сказал, об остальных, кто у меня занимался в кружке, мне ничего не известно об их организационной работе.

Вопрос: Вы скрываете деятельность известных вам членов контр-революционной организации. Предлагаем вам рассказать все, что известно о их деятельности.

Ответ: Прошу верить, что все, что знал, я уже сказал, и больше мне ничего не известно о деятельности членов этой контр-революционной организации.

Вопрос: Следствие считает, что вы скрываете от следствия свою принадлежность и практическую деятельность — свою и известных вам лиц. Будете говорить об этой деятельности?

Ответ: Все, что мне известно, какую я проводил работу, с кем встречался и что говорил, я уже сказал и больше показать ничего не могу.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.

П. Аренский

Допросил:
Пом. нач. 4 отделения 4 отдела ГУГБ
ст. лейтенант ГБ Зубов.

Протокол допроса
Гориневского Георгия Валентиновича

от 21 марта 1937 года.

Гориневский Г. В.— 1892 г. р., русский, гражданин СССР, сын *профессора*, архитектор 2-ой архитектурно-проектной мастерской Моссовета, *беспартийный*.

Вопрос: Следствие располагает материалами, указывающими на вашу принадлежность к организации, построенной по орденскому принципу. Признаете вы это?

Ответ: Да, я признаю, что с 1929 года (не точно) я являюсь участником организации «Орден Тамплиеров».

Вопрос: Через кого персонально вы были привлечены в эту организацию?

Ответ: В организацию «Орден Тамплиеров» я был вовлечен анархистом Солоновичем Алексеем, с которым я познакомился на его лекциях, читаемых в Кропоткинском музее. О моей принадлежности к организации «Орден Тамплиеров» было известно Солонович А. О., которая также является участницей этой организации. После ареста Солоновича Алексея в 1930 году моя непосредственная с ним связь прервалась, и я о его положении узнал от Солонович Агнии, у которой изредка бывал на квартире, а также встречал в Кропоткинском комитете, членом которого состоял до дня своего ареста.

Вопрос: Следствию известно, что анархист Назаров М. А. был связан с вами и Солонович Агнией, как с участником организации «Орден Тамплиеров». Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я подтверждаю, что анархист Назаров М. А. также входил в состав организации «Орден Тамплиеров», и он был связан со мной и с Солонович Агнией, как с участником организации.

Вопрос: Кто, кроме Солонович Агнии Онисимовны, Назарова М. А., Гориневского и вас, входил в состав организации «Орден Тамплиеров»?

Ответ: Назвать фамилии лиц, разделяющих мое анархомистическое мировоззрение и входивших в «Орден Тамплиеров», отказываюсь по морально-этическим соображениям.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Гориневский.

Допросил: Опер. Уполномоч. 2 отделения 4 отдела ГУГБ
лейтенант ГБ Макаров

Протокол допроса Гориневского Г. В.

от 5 апреля 1937 года.

Вопрос: Вы Ляшука С. Р. знаете?

Ответ: Свое знакомство с Ляшуком я подтверждаю. С ним

я познакомился у Солоновича, примерно в 1931 году. Он по своим политическим убеждениям является близким к анархистам. При мне Ляшук своих политических взглядов не высказывал.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Ляшук входит в состав контрреволюционной анархо-мистической организации «Орден Тамплиеров». И вам это хорошо известно. Вы это подтверждаете?

Ответ: Я подтверждаю, что *Ляшук Сергей Романович является участником анархо-мистической организации «Орден Тамплиеров». С Ляшуком в последние годы (1933—1935) я встречался на квартире у Солонович Агнии, но очень редко. С Ляшуком также знаком анархист Назаров, входивший в состав «Ордена Тамплиеров».*

Вопрос: Где происходили собрания анархо-мистической организации «Орден Тамплиеров»?

Ответ: *Мне известно только о собраниях, происходивших на квартире у Солонович А. На этих собраниях*[26] *я встречал Назарова и Ляшука—других лиц там не было.*

Вопрос: Назовите лиц, входивших в Ленинградскую группу «Ордена Тамплиеров»?

Ответ: *Из участников* анархо-мистической организации в Ленинграде мне известны *Николаева Римма Николаевна*, художница, проживающая по улице Декабристов, д. № не помню. С ней я впервые познакомился на даче под Москвой в 1929 году, где она жила у своих знакомых.

В беседах с Николаевой я выяснил, что она, так же как и я, интересуется *мистикой* и входит в состав той же организации, участником которой был и я. С тех пор я установил с Николаевой связь, которую поддерживал до последнего времени.

Во время своих поездок в Ленинград два раза я встречался с Николаевой. При встречах она интересовалась деятельностью мистиков в Москве. Я в последний приезд в Ленинград в 1936 году передал Николаевой несколько (1 2) *мистических легенд.*

Вопрос: Перечислите лиц, входивших в Ленинградскую группу анархо-мистиков, возглавляемую Николаевой?

Ответ: Состав группы, возглавляемой Николаевой, так же как и существование группы, мне не известен.

Однако считаю необходимым указать на то, что проживающие в одной квартире с Николаевой некто Шумские или Шуцкие[27] (муж и жена) находятся под идеологическим влиянием Николаевой и являются людьми, близкими ей по мировоззрениям.

Кроме того, в последний приезд в Ленинград Николаева хотела меня познакомить с *очень интересным человеком*, по профессии врачом, проживающим вне Ленинграда, фамилию которого я сейчас не

[26] Здесь пометка чернилами «из 27 человек».

[27] Шуцкий Ю. К. – известный ученый-востоковед, автор работы Классическая китайская «Книга перемен» Ицзин (Исследования, перевод текста, приложения).

помню. От знакомства с этим человеком я отказался, потому что не хотел расширять свои знакомства.

Вопрос: С кем из участников организации в Москве, кроме вас, Николаева была связана?

Ответ: Об этом мне не известно, т. к. мы о своих связях друг другу не говорили.

Вопрос: Вам известно о связи Николаевой с анархистом Ростопчиным?

Ответ: Точно мне об этом не известно.

Вопрос: Кем осуществлялось руководство контрреволюционной анархо-мистической организацией, участником которой вы были?

Ответ: Лично я к определенной группе не примыкал и непосредственно был связан в Москве с Солонович Агнией Онисимовной, с которой были в контакте также Назаров и Лящук.

Кто руководил организацией, мне не известно, так как никто, в том числе и Солонович Агния, мне об этом не говорили.

Вопрос: Какие вопросы обсуждались на нелегальных *собраниях* организации, на которых вы присутствовали?

Ответ: *На собраниях участников организации до 1930 года ставились на обсуждение определенные вопросы политического характера в историческом разрезе, не касаясь текущей политики. После 1930 года на собраниях в моем присутствии обсуждались мистические легенды, по которым происходил обмен мнений.*

Вопрос: Вы напрасно пытаетесь скрыть действительный характер нелегальных собраний контрреволюционной анархо-мистической организации. Следствие располагает данными, что на собраниях организации, наряду с читкой мистических материалов, обсуждались и вопросы практической контрреволюционной анархистской деятельности и намечались пути и методы борьбы с Советской властью. Я предлагаю дать вам искренние показания по этому поводу.

Ответ: *Конкретные методы борьбы с Советской властью на собраниях при мне не обсуждались.*

Записано правильно, мною прочитано, в чем расписываюсь.

Г. Гориневский

Допросил: Опер. уполномоч. 2 отделения 4 отдела ГУГБ
лейтенант ГБ Макаров

Протокол допроса

обвиняемого Гориневского Г. В.

от 15 апреля 1937 г.

Вопрос: В результате предыдущих допросов Вы, очевидно, убеждены в том, что полностью изобличаетесь в принадлежности к контр-революционной анархистской организации. Следствие предлагает Вам дать правдивые и исчерпывающие показания.

Ответ: За время своего пребывания под арестом я продумал всю серьезность своего положения и поэтому решил дать исчерпывающие показания об известной мне деятельности анархистской организации, участником которой я был с 1929 года.

Вопрос: Какие конкретно цели и задачи ставила перед собой организация, участником которой Вы были?

Ответ: Перед тем, как дать показания о задачах, стоявших перед организацией, я хочу отметить один существенный момент. А именно: *«Орден Тамплиеров» есть чисто философско-религиозное течение, которое политических задач перед собой не ставило. Что же касается организации, созданной анархистом Солоновичем Алексеем, куда входили и последователи «Ордена Тамплиеров», как например, я, Гориневский, Назаров М. А., Ляшук С. Р., Солонович А. О., то эта организация, состоявшая из антигосударственных элементов, основной своей целью ставила борьбу с диктатурой пролетариата за создание анархистского строя.* В первую очередь наша организация видела необходимость подбора соответствующих кадров, воспитания их в духе анархистских мировоззрений, а также внедрения в массы анархистской идеологии.

Вопрос: Какие методы и формы борьбы с Советской властью применяла организация в процессе своей практической контрреволюционной деятельности?

Ответ: В период 1930 года и ранее организация основной формой своей антигосударственной деятельности применяла пропаганду анархистских идей открыто путем лекций, читаемых анархистами Солоновичем А. А., Лангом и другими, а также на нелегальных собраниях кружков, участия в которых я не принимал, но о которых мне известно *от Солоновича А. А. и возможно от кого-нибудь еще.*

Вопрос: Ваши показания не соответствуют действительности. Следствие располагает данными, что контр-революционная анархистская организация в своей практической деятельности не ограничивалась пропагандой анархистских идей, а стремилась прямыми путями к свержению Советской власти. Вы это подтверждаете?

Ответ: Из моих бесед с участником организации Назаровым мне ясно, что организация стояла на путях активных методов борьбы с Советской властью. Так, например, Назаров, выражая свое озлобление, в резкой форме критиковал Советскую власть и Компартию, указывал на отсутствие всякой демократии, на зажим человеческой мысли и наличие репрессий. Высказывая свое враждебное отношение к Советской власти, Назаров говорил, что условия жизни в бывшей царской России были гораздо лучше, чем при Советской власти. В этом свете Назаров говорил, что с Советской властью нужно вести самую активную борьбу, используя для этого имеющееся якобы недовольство населения, которое нужно всколыхнуть каким-то решительным действием.

Вопрос: Что имел в виду Назаров под решительными действиями?

Ответ: Под решительными активными действиями Назаров

мог подразумевать террористические методы борьбы, так как политическая обстановка того времени не давала возможности применения других способов контр-революционной деятельности.

Вопрос: Как Вы относитесь к террористической установке, высказанной Назаровым?

Ответ: Во-первых, я по своей политической близорукости высказываниям Назарова не придал должного значения, тем более, что эта установка была преподнесена в завуалированной форме. А во-вторых, террористическую установку Назарова я не рассматривал как установку всей организации, участником которой я был. Лично я, будучи мистиком, к террору как к средству политической борьбы отношусь отрицательно, исходя из тех соображений, что мистическое учение признает только открытые формы борьбы, в то время как террор есть удар из-за угла.

Вопрос: В чем выражалась контр-революционная террористическая деятельность организации, участником которой Вы были?

Ответ: О практической контр-революционной деятельности организации мне не известно.

Вопрос: На предыдущих допросах Вы назвали не всех известных Вам участников организации. Предлагаю по этому вопросу дать исчерпывающие показания.

Ответ: Кроме перечисленных ранее мною участников организации, мне со слов Солонович Агнии (не точно) известно, что к Ордену Тамплиеров принадлежал некто Сизов, с которым я лично не знаком.

Вопрос: Вы передавали Солонович Агнии материальные средства на нужды «Черного креста»?

Ответ: До 1930 года я действительно передавал Солонович Агнии деньги на нужды «Черного креста». После 1930 года я денег не передавал. Считаю необходимым заявить, что осенью 1936 г. я от Солонович А. в музее имени Кропоткина получил 10 лотерейных билетов, которые Солонович просила меня распространить среди близких мне людей. По словам Солонович, полученные средства от реализации билетов предназначались в пользу музея имени Кропоткина, хотя, как мне известно, такого решения Кропоткинский комитет не принимал, и, следовательно, эта лотерея была организована по личной инициативе Солонович Агнии. Деньги за полученные от Солонович билеты я уже после ее ареста внес в музей имени Кропоткина в виде пожертвования.

Вопрос: По имеющимся у следствия данным, Вы хранили у себя анархо-мистическую литературу. Где сейчас эта литература?

Ответ: После возвращения из Ленинграда осенью 1936 года я, опасаясь ареста, всю имеющуюся у меня анархо-мистическую литературу сжег.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Гориневский.

Допросил: Опер. уполномоч. 4 отдела ГУГБ
лейтенант ГБ Макаров.

Протокол допроса Гориневского

от 25 мая 1937 г.

Вопрос: На предыдущих допросах вы назвали не всех известных вам участников контрреволюционной анархо-мистической организации?

Ответ: За все время следствия я по морально-этическим соображениям старался скрыть известных мне участников анархо-мистической организации, выдавая лишь тех, которые были в той или иной степени известны следственным органам. Теперь я, видя бесполезность скрывать своих единомышленников, твердо решил рассказать о них, а также внести ряд поправок в предыдущие свои показания.

Вопрос: Кто же входил в состав анархо-мистической организации, кроме тех, кого вы назвали ранее?

Ответ: В состав анархо-мистической организации входит *Синягин* Алексей Аркадьевич[28], работающий в данное время в г. Томске. С Синягиным я познакомился в 1921 году в г. Ленинграде совершенно случайно в столовой. Вначале мое знакомство с Синягиным было на почве общего интереса к астрономии, и я долгое время не знал о его принадлежности к анархо-мистической организации. Впоследствии, примерно в *1934 г. встретил Синягина в Ленинграде, из беседы с ним узнал*, что он также входит в анархо-мистическую организацию, в которую был завербован анархистом Проферансовым (не точно). Узнав таким образом принадлежность Синягина к *организации, я связал* его с участником организации *Николаевой. Свои поездки в Ленинград я использовал для связи с Синягиным и Николаевой* и передачи им мистической литературы. Кроме того, как участники анархо-мистической организации мне известны Комаревский и некто Елизавета Петровна, фамилию которой я сейчас не помню. Елизавету Петровну я встречал на нелегальных собраниях, происходивших у Солонович. До 1935 года с Комаревским я связан не был. Познакомился с ним через Николаеву Раису, порекомендовавшую мне Комаревского как своего единомышленника и участника организации. Перед тем как я установил связь с Комаревским, у него на квартире была Николаева, предупредившая Комаревского, что я к нему приду.

После этого я непосредственно *связался с Комаревским*, у которого был на квартире два раза в 1935 и 1936 гг. При встречах с Комаревским мы беседовали на мистические темы и читали легенды. Из этих бесед мне было ясно, что Комаревский хорошо осведомлен в вопросах мистики и является участником организации, в которую входил и я. Считаю необходимым отметить, что Комаревский не сочувствовал моим анархистским воззрениям.

Вопрос: Дайте подробные показания об участнике группы Елизавете Петровне?

Ответ: Как я уже показывал выше, фамилию Елизаветы Пе-

[28] Приговорен к расстрелу.

тровны я сейчас не помню. Подробно о ее деятельности мне не известно, так как непосредственной связи у меня с ней не было, и я ее встречал только на квартире у Солонович.

Вопрос: Вам известна связь Синягина с анархистом Ростопчиным?

Ответ: Мне Синягин рассказывал о своем знакомстве с Ростопчиным, который, по его словам, отбывает где-то ссылку. Знал ли Синягин Ростопчина как участника анархистской организации, мне не известно, так как подробно с Синягиным на эту тему я не говорил.

Вопрос: Продолжайте показания об известных вам участниках организации.

Ответ: Одним из участников анархо-мистической организации является *Явейн Нина Эрнестовна, проживающая в одной квартире* с участником организации Ляшуком. *Впервые с Явейн я познакомился* на квартире у анархистки Пахомовой Ольги (точно не помню) в 1930 году. До последнего времени я с Явейн поддерживал связь и бывал у нее на квартире. Кем был привлечен Явейн в организацию (в тексте род мужской.— *Ж. Д.*), я не знаю. *С Явейн был связан и участник организации Ляшук.* Присутствуя на собраниях организации, где были только лица, входившие в ее состав, я встречал сестру Солонович Алексея — Надежду Александровну, которая являлась участником анархо-мистической организации. Насколько Солонович Надежда была активна, я не знаю, так как лично с ней я не беседовал и выступлений ее на собраниях не слышал. Мне известно, что Солонович Надежда была связана *с участником организации Назаровым Михаилом Алексеевичем.*

Вопрос: Какие поправки вы хотели внести в свои предыдущие показания?

Ответ: В показаниях, данных мною ранее, я не точно осветил свое знакомство с Николаевой. С ней я действительно познакомился случайно на даче. Наше знакомство произошло через некую Нину Алексеевну, являющуюся участником организации, и с которой я встречался на нелегальных собраниях у Солонович. Фамилию Нины Алексеевны не помню. Знаю только, что она, связав меня с Николаевой, вскоре уехала на Кавказ. С тех пор я с ней не встречался. От Николаевой слышал, что Нина Алексеевна от работы якобы отошла. Кроме того, стало необходимым внести поправку в показания о моей жене Черкаевой, которая не только разделяла мои анархистские убеждения, но, так же как и я, была участником анархо-мистической организации и знала о моей анархистской деятельности и связях.

Вопрос: Вы с профессором Розенталь знакомы?

Ответ: Профессор Розенталь являлся моим личным другом. Он никакого отношения к анархистской организации не имел. До 1935 года Розенталь жил в Ленинграде, и после убийства Кирова его выслали. В 1936 году Розенталь проездом в Одессу заходил ко мне на квартиру и передал рукописи ссыльного Тигранова для вручения их Горькому. Лично с Тиграновым я не знаком.

Вопрос: Вы входили в состав Кропоткинского комитета?

Ответ: Да, с 1929 года входил в состав Кропоткинского комитета.

Вопрос: Какая контрреволюционная анархистская работа проводилась в музее им. Кропоткина?

Ответ: *До 1930 года музей им. Кропоткина был местом*, вокруг которого происходила консолидация анархистских кадров и где проводилась нелегальная деятельность. В данное время, как и в продолжение всего предыдущего периода, руководство музея всячески старается избежать какого-либо влияния со стороны органов Советской власти. В практике работы сотрудников музея облик Кропоткина как одного из идеологов анархизма и сущность этого политического течения в условиях диктатуры пролетариата обходились молчанием.

Вопрос: Вы уклоняетесь от прямого правдивого ответа по существу поставленного вопроса. Следствие располагает данными, что работники музея, в том числе и вы — Гориневский — использовали это учреждение как легальную возможность для пропаганды анархистских идей. Вы это подтверждаете?

Ответ: *Об использовании музея для пропаганды анархистских идей я не знаю.*

Записано правильно, мною лично прочитано,
в чем и расписываюсь. Гориневский

Допросил: Опер. уполномоченный 4 отд. ГУГБ
лейтенант ГБ Макаров

Протокол допроса

Ляшука Сергея Романовича

от 19 апреля 1937 года.

Ляшук С. Р., 1887 г. рождения, уроженец г. Варшавы, русский, гражданин СССР, доцент механико-машиностроительного института им. Баумана, образование высшее, беспартийный.

Вопрос: Вы знаете анархиста Солоновича А. А.?

Ответ: Да, анархиста Солоновича А. А. я знаю.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

Ответ: С Солоновичем А. А. я познакомился по службе в МВТУ в 1921 году, где мы были преподавателями. Приблизительно с этого же времени я узнал, что Солонович является анархистом. Позже, будучи тесно связан с Солоновичем по службе, я завязал с ним более близкое знакомство и стал посещать его квартиру. *Поскольку я часто сталкивался с Солоновичем, я стал интересоваться идеями анархизма. На эту тему мы иногда беседовали с Солоновичем; кроме того, он часто давал мне для чтения анархистскую литературу и приглашал на свои лекции в Кропоткинском музее. Конкретно содержания этих лекций я сейчас не помню, знаю только, что они были*

теоретического, философского характера и были проникнуты идеалистическим мировоззрением (дуализм).

После ареста Солоновича в 1930 году встречи с ним, естественно, прекратились, о его местопребывании я знал от его жены Агнии Солонович, которая бывала у него в Каргасоке и передавала мне от него привет. Переписки у меня с Солоновичем А. нет.

Вопрос: Кого еще из анархистов вы знаете?

Ответ: Знаю анархистку *Солонович А.О.*— с ней знаком с 1923 года. После ареста ее мужа Алексея несколько раз посещал ее; видя ее тяжелое материальное положение, несколько раз помогал ей деньгами (давал ей около 10 раз по 25 рублей в каждом случае). В последний раз я посетил Агнию Онисимовну незадолго до ее ареста, приблизительно в середине сентября 1936 года.

Знаком с анархистом Назаровым Михаилом Алексеевичем, бывал у него на квартире, встречал его несколько раз в 1929—1931 гг. у Солоновичей, иногда он приходил ко мне вместе с женой. В последний раз Назаров был у меня (вместе с женой) в апреле-мае 1936 года. *Назаров стоит на анархистских позициях*, настроен против всякой власти и государства.

Знаю как анархиста *Бема Дмитрия Александровича*, находящегося сейчас в ссылке. С ним я знаком еще с университета; как анархиста знаю его с 1928 года, встретив его в то время на лекции Солоновича в Кропоткинском музее. Получил от него в 1933 и 1934 годах два письма относительно высылки ему документов по его службе. На первое письмо мною было отвечено.

Вопрос: А анархиста Гориневского вы помните?

Ответ: Да, анархиста *Гориневского* я знаю. Где с ним познакомился, не помню; встречал его несколько раз на квартире у Агнии Солонович.

Вопрос: Что вас связывало со всеми указанными вами анархистами?

Ответ: *По убеждениям я являюсь анархистом и с анархистами Солонович Алексеем, Солонович Агнией, Бемом, Гориневским и Назаровым меня связывала общность нашего политического мировоззрения.*

Вопрос: Вы уклоняетесь от прямого ответа по существу вопроса, так как следствие располагает точными данными, что с указанными анархистами, т.е. Солонович Алексеем, Солонович Агнией, Бемом, Гориневским и Назаровым вы были связаны как участники контрреволюционной анархистской организации. Вы это подтверждаете?

Ответ: *Я подтверждаю, что являюсь участником анархистской группы, куда, кроме меня, входили анархисты Солонович Агния, Назаров и Гориневский.*

Участница группы Агния Солонович путем поездок в Каргасок была непосредственно связана с анархистом Солоновичем Алексеем.

Вопрос: Назовите всех известных вам анархистов, связанных с Солонович Агнией и с вами?

Ответ: Кроме перечисленных, я никого не знаю.

Протокол записан с моих слов правильно и мной прочитан.

Ляшук

Допросил: п/оперуполномоченного 4 отдела ГУГБ

Голованов

Протокол допроса

Ляшука Сергея Романовича

от 21 апреля 1937 г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы не дали правдивых и честных показаний. Намерены ли вы их дать сейчас?

Ответ: Сейчас я основательно все продумал и в результате твердо решил дать откровенные показания о существовавшей анархистской организации, участником которой я был.

Вопрос: Перечислите известных вам лиц, входивших в состав контр-революционной организации?

Ответ: Из лиц, входивших в состав анархистской организации, участником которой я был, мне известны следующие: Солонович Алексей Александрович, Солонович Агния Онисимовна, Бем Дмитрий Александрович, *Гориневский Георгий Валентинович*, Назаров Михаил Алексеевич.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в состав анархистской организации?

Ответ: *Участником анархистской организации я являюсь примерно с 1926 года. Завербован я был анархистом Солонович А. А., с которым был знаком еще с 1921 года, когда вместе с ним работал в МВТУ. Мое анархистское мировоззрение оформилось в результате общения с Солоновичем, а также путем чтения анархистской литературы. Солонович, зная меня как анархиста, предложил вступить в существовавший тогда нелегальный кружок, на что я и дал ему свое согласие. Войдя в состав кружка, я познакомился там, вернее встретился, с анархистами Назаровым, Гориневским и Солонович Агнией. Собрания кружка проходили главным образом на квартире у Солоновича, как до его ареста в 1930 году, а также — после.*

Вопрос: Какие вопросы обсуждались на нелегальных собраниях кружка?

Ответ: *На собраниях кружка разбирались различные произведения идеологов анархизма, как, например, «Земля и Воля» Кропоткина, «Поля, фабрики и мастерские» и прочие*, а также произведения Солоновича. Все эти произведения мы прорабатывали и устраивали обмен мнений в плоскости применения изложенных в них идей в современных условиях. *Все мы, являясь убежденными анархистами, рассматривали государство как зло. Кроме того, на собраниях мы обсуждали и вопросы политики Советской власти, давая им оценку в свете наших анархистских установок.*

Так, например, *в коллективизации сельского хозяйства мы усматривали голое администрирование, исходившее от государственного*

аппарата, выразившееся в поспешности, которая, кроме озлобления крестьянства, реальных результатов не дала, хотя в отдельных случаях, в результате правильного подхода, крестьянство шло в колхозы охотно. Собрания происходили под руководством главным образом Солоновича А. А.

Вопрос: Каким образом и через кого осуществляла ваша группа связь с руководителем Солоновичем после его ареста в 1930 году?

Ответ: *После ареста Солоновича А. А. из участников нашей группы с ним непосредственно была связана его жена, ездившая в Каргасок.* В один из приездов из Каргасока Солонович А. А. сообщила мне о тяжелом положении Алексея Александровича и о том, что его там местная колония анархистов бойкотирует, в связи с чем у него там имеется всего несколько человек, близких ему. В числе приближенных к Солонович анархистов упоминался Мокринский, Зильбер. Безусловно, Солонович Агния, бывая в Каргасоке, информировала своего мужа о том, что, несмотря на его арест, наша группа продолжает существовать.

Вопрос: Передавала ли вам лично Солонович Агния какие-либо директивные указания о целях и задачах, стоящих перед организацией в целом и перед вашей группировкой в частности?

Ответ: *Солонович А. каких-либо директивных указаний мне лично не передавала, тем более, что мне как старому участнику группы основная целеустремленность была известна.*

Вопрос: Изложите цели и задачи, стоявшие перед контрреволюционной анархистской организацией, участником которой вы были.

Ответ: *Наша анархистская группа, состоявшая из антигосударственных элементов, основной своей целью ставила подбор и подготовку анархистских кадров, внедрение в массы анархистской идеологии, для того, чтобы воспитать соответствующих людей как противников государства, в том числе и диктатуры пролетариата.*

Подбор и воспитание анархистских кадров должно было происходить с тем расчетом, чтобы в нужный момент направить эти кадры на борьбу с государством за создание анархистского общества. Следовательно, исходя из этой установки, каждый участник группировки должен подбирать и вербовать единомышленников из интеллигентских слоев общества.

Вопрос: Следствие располагает данными, что цели и задачи не ограничивались тем, что вы показали выше. Контрреволюционная анархистская организация, участником которой вы были, в своей практической работе стремилась прямыми путями к свержению Советской власти. Я от вас требую прямого и четкого ответа по этому вопросу.

Ответ: *Совершенно верно. В действительности анархистская организация, участником которой я был, свою практическую деятельность направляла к свержению Советской власти. Из числа участников нашей группировки с такого рода установками выступал Назаров, который был наиболее враждебно настроен к Советской власти.*

Назаров в очень резко-озлобленных тонах отзывался о политике Советской власти, указывая, что такая политика ведет страну к гибели. Кроме того, Назаров с ненавистью говорил о руководителях ВКП(б), рассматривая их как основное зло. В процессе своих контрреволюционных высказываний Назаров давал понять, что только путем активных форм и острых методов борьбы с Советской властью возможно достигнуть тех идеалов, к которым стремятся анархисты и в частности наша организация. Эти установки Назаровым передавались в завуалированной форме, и *каких-либо практических мероприятий не намечалось.*

Вопрос: Следствию известно, что контрреволюционная анархистская организация стояла за необходимость применения террора как основного метода борьбы с Советской властью, и Назаров как один из активных участников организации под острыми формами борьбы имел в виду также террор. Вы это подтверждаете?

Ответ: Мне, несмотря на то, что я входил в организацию, установки на применение террора над руководителями ВКП(б) и Советского правительства были неизвестны.

Что же касается установок, высказанных Назаровым, то я не могу сказать, была ли эта установка получена от Солоновича Алексея или же она исходила непосредственно от самого Назарова.

Вопрос: Выше вы показали, что перед каждым участником организации стояла задача подбора и вербовки единомышленников. Назовите лиц, которых вы лично обработали и завербовали.

Ответ: Лично мною в организацию завербован никто не был.

Вопрос: Вы назвали не всех известных вам участников организации. По имеющимся у следствия данным, как участники организации вам известны Никитин и Ланг, с которыми вы встречались в 1936 году. Вы это подтверждаете?

Ответ: *Я, действительно, с Лангом и Никитиным встречался несколько раз летом 1936 года на даче вблизи Каширы*, где Никитин живет постоянно, а Ланг был проездом из Сибири после окончания ссылки. Входят ли сейчас Никитин и Ланг в организацию, я не знаю. По словам Никитина, Ланг очень скверно относился к Солоновичу, считая его основным виновником целого ряда арестов.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. Ляшук

Допросил: Опер. Уполномоч. 2 отд. 4 отдела ГУГБ лейтенант ГБ Макаров

Заявление

обвиняемого Коростелева Б. В. в НКВД[29]

от 14 мая 1937 г.

«Встав на путь искреннего раскаяния в участии в незаконной группировке, я имею заявить следующее...»

[29] Коростелев Б. В. (1889 г. р.), несмотря на свой немолодой

Познакомился с Назаровым лет 10 назад, узнал, что он интересуется философией. Стали вместе ходить на философские доклады в музей Кропоткина. Говорили о Канте, Бергсоне...

Назаров излагал мне сущность различных мистических направлений. Придерживался учения христианских гностиков первых веков христианства, которые учили, что христианство пришло не из Иудеи, а из Египта. Излагал учение буддизма об эволюции человека и его сознании, развивающемся в мироздании, имеющем несколько планов. Церковь поверхностно отражает учение Христа. Есть тайное ученне Христа, переданное Никодимом и Иосифом Аримафейским. Есть хранители учения. Его узнают те, кто достаточно хорошо развит (стоит на высокой ступени развития). Конкретно Назаров учение не излагал. Упоминал только, что человек «должен быть рожден дважды». Давал читать машинописные тексты гностического учения о христианстве. Упоминал (Назаров), что у него были интересные встречи. Предварительный этап занял года три, а потом «стали проскальзывать иные ноткн» — что познание истины требует поступков. Чтение текстов - - психический план, а «истнна познается в действии», в духовном усовершенствовании. Чтобы познать истину, надо дважды родиться. Начали проскальзывать упоминания об анархии как лучшем виде государственного устройства. Это логически вытекало из его философских взглядов: идет борьба между добром и злом: миром сейчас владеют злые силы. Когда победят добрые силы, настанет золотой век — без насилия человека над человеком. Этот этап совпадает с христианским учением о будущем братстве, с учением коммунизма о безвластном обществе и с учением анархистов-идеалистов. В анархию надо не просто верить, но ей способствовать. Я спрашивал его о практических методах, которые он предлагает. От политических мероприятий отказался. А Назаров говорил, что о политике нет никакой речи, что к анархии можно прийти путем поднятия сознания: «Мы не идем путем насилия и принуждения». Своих карт Назаров не раскрывал. Приглашал меня на литературные чтения с мистическим уклоном. Этих чтений было 4: «Пан Твардовский», «Иуда Искариотский», «Атлантида», «Тамплиеры» — проводил Назаров.

Эти чтения были не просто мистические, но и политические — например, Иуда, пользуясь авторитетом Христа, хотел бороться с римской властью. Это и было в них (чтениях) контрреволюционное, так как в этом был призыв к изменению существующего строя. «Таким образом, я являлся сообщником группы, которая ставила себе противогосударственные цели». И это было не какой-то целью впереди (анархическое устройство государства), но сейчас, как

возраст, был новичком в движении. Он также получил приговор — 5 лет лагерей. Когда мы после приговора оказались все вместе в пересыльной камере, другие содельцы относились к нему крайне неприязненно.

Это не оригинал, а конспективное изложение основного содержания заявления. Полный текст не приводится, так как он очень длинен.

задача борьбы в текущем моменте. «Но и здесь я не сделал логического вывода, в чем признаю себя виновным». На собраниях присутствовала жена Назарова Надежда Никаноровна, сестра Екатерина, «Никитич» (по художественной части), одна женщина «Агния». «Эта особа, несомненно, анархистка». Одно собрание было на квартире у этой Агнии. Однажды Назаров позвал пойти на квартиру к Агнии. В ее комнате никого не было, кроме Назарова, меня и ее. После незначительных разговоров Агния предложила мне вступить в рыцарский Орден Тамплиеров. Она дала краткую историю этого Ордена со времени организации его в Иерусалиме и кончила тем, что в настоящее время этот Орден существует во всем мире. Есть его члены и в нашей стране. Что в этом Ордене хранятся мистические тайны, начало которых в глубине веков, и передаются они через устные предания.

Круг деятельности и методы она не упоминала («Назаров все время молчал»). Вступая в Орден, я рискую, но должен быть готов пожертвовать всем — даже собственной жизнью. Если не захочу вступать, то они мне поверят, что никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашу тайны Ордена. На мой вопрос, почему вступление в Орден связано с неприятностями, я ответ не получил, кроме уклончивого - силы зла через своих агентов будут мешать мне продвигаться по пути познания истины. «С тех пор я Агнию больше не видел. Вступать в Орден отказался, так как цена за эту истину очень высокая».

С тех пор упоминаний об Ордене не было. Не видел также «Никитича» и Назарова, которых вскоре арестовали. «Должен чистосердечно признаться, я не сделал своевременно необходимого вывода из предложения к вступлению в «Орден Тамплиеров». Не увидел, что за всей этой оболочкой скрывается противоправительственная контрреволюционная деятельность. Это можно было понять из того, что вступление мне могло грозить неприятностями. «Неприятности и есть кара за эти преступные действия».

«Иными словами, несмотря на то, что предо мной не были раскрыты все карты, я, посещая эти противозаконные собрания, объективно являлся членом контр-революционной анархо-мистической организации, в чем искренне раскаиваюсь и готов нести заслуженное наказание».

Не сознавал всей важности ситуации даже после второго ареста Назарова и не чувствовал в достаточной степени всей серьезности своей антигосударственной деятельности (а именно, участия в контрреволюционной организации), так как не видел в собраниях, ограничивавшихся мистикой, ничего незаконного. Опять-таки не сделал надлежащих выводов из этого факта и не понял, что надо реабилитировать себя перед органами власти.

Признал себя виновным в том, что имел у себя литературу мистического содержания, которую давал Назаров, и которую он давал перепечатывать на машинке.

А также в том, что делился сведениями, полученными от Наза-

рова, с родными и близкими, способными их усвоить, — с отцом, братом Евгением, инженером Федянским, Швейковским, Ушаковым. Никто из них серьезно со мной не говорил.

«Указанная организация, в которой я активно состоял ... ставила своей целью распространение мистических истин, передающихся устным путем от одних адептов (посвященных) к другим.

Распространение это должно производиться путем растленной подготовки достаточно развитых членов к восприятию мистических истин, чтобы путем посвящения их в тайны своего ордена сделать послушными орудиями выполнения своих анархических планов».

Печатал Назаров материалы через свою сестру Е. А. Провозглашал Назаров тосты за анархию.

Встав на путь искреннего раскаяния, в настоящем изложении я сказал все, что мог припомнить по интересующему следствие делу. Обещаю и в дальнейшем сообщать все, что мне удастся припомнить, имея в виду посильное оказание помощи следственным властям в раскрытии преступной организации.

Протокол допроса

Назарова Михаила Алексеевича [30]

26 июня 1937 г.

Вопрос: В ноябре 1936 г. вы были арестованы как участник организации анархистов-мистиков и все это время на следствии не давали показаний.

Сейчас вы заявляете, что решили дать откровенные показания о всей контр-революционной работе, которую проводили. Что можете показать по этому вопросу?

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что действительно вплоть до своего ареста являлся участником контр-революционной анархо-мистической организации и рыцарем «Ордена Тамплиеров», возглавляемого известным анархистом Солоновичем Алексеем.

Вопрос: Когда вы вступили в эту антисоветскую анархистскую организацию?

Ответ: В организацию анархо-мистиков «Орден Тамплиеров» я вступил в 1929 г. Вовлек меня в нее Алексей Солонович, с которым меня познакомил анархист Бем Д. А.

Солонович, зная, что я интересуюсь вопросами мистики, очень часто после нашего знакомства беседовал со мной по этому вопросу и в беседах всегда подчеркивал, что нельзя мои взгляды и мистические мировоззрения отрывать от реальных вопросов жизни, так как истина может быть познана в процессе борьбы с насилием, в том числе — с Советским строем.

---

[30] Выше, в гл. XV, уже говорилось, что в следственных материалах есть документ посмертной экспертизы, согласно которой Назаров страдал тяжелым психическим заболеванием.

Под влиянием этой агитации я все больше и больше воспринимал идеи анархизма и таким образом встал в ряды анархо-мистической организации.

Вопрос: Расскажите о вашей конкретной работе как члена этой организации?

Ответ: Прежде чем рассказать о своей работе, я должен рассказать, что вообще делала организация.

Наша контр-революционная анархо-мистическая организация стремилась к свержению существующего строя. В связи со все более и более укреплением внешнего и внутреннего положения СССР мы понимали, что вступать открыто в борьбу с Советской властью в условиях мирного времени невозможно, да и это нереально. Поэтому осуществление своих задач по свержению Советской власти мы связали с наступлением военного периода и возможным поражением СССР в войне с капиталистическими странами. До этого момента наша задача практически заключаться должна в том, чтобы готовить усиленно кадры, вести индивидуальную обработку новых лиц из числа недовольных Советской властью элементов.

Моя практическая работа как члена организации выражалась в том, что я занимался вербовкой новых членов в «Орден Тамплиеров» и организацию анархо-мистиков. Мною совместно с Солонович Агнией были привлечены к участию в работе Недович, моя сестра, которые Солонович были посвящены в рыцари «Ордена Тамплиеров». Было сделано предложение и В. В. Коростелеву, но последний, являясь участником нашей анархо-мистической организации и принимая участие на наших собраниях, от вступления в «Орден Тамплиеров» отказался.

На квартире у меня также происходили собрания членов организации, где мной и Агнией Солонович читались и комментировались в соответствующем анархистском духе мистические легенды и читались произведения Алексея Солоновича.

Во время этих собраний, проводившихся под видом вечеринок, я произносил в присутствии Солонович, Недовича, Коростелева и моей сестры тосты за анархический строй, а также велись разговоры и критиковались мероприятия партии и Советской власти с контрреволюционных позиций, на которых мы стояли. Конкретных я сейчас уже не помню.

Вопрос: Вы рассказали не все и скрываете от следствия проводимую вами контр-революционную работу.

Ответ: Да, действительно, я забыл сообщить, что, кроме той работы, о которой я уже сказал, я был связан с анархистской группой молодежи, в состав которой входили Шаревский (Ион), Иоффе и Налимов. Непосредственное руководство группой осуществлялось Солонович.

Мне приходилось неоднократно встречаться с Иоффе и Налимовым, с которыми я знаком с 1930 г. через Солоновича, давать им советы, как углубленно изучать анархизм, указывать им на необходимость расширения связей и усиления работы среди интеллигенции.

На этом мои связи с участниками контр-революционной организации не ограничивались. Я был также связан с Гориневским и Ляшуком, с которыми встречался и знал об их антисоветской деятельности.

Вопрос: Вы упорно не желаете рассказать всю правду. Следствию известно, что вы стояли на позициях применения террора как средства борьбы?

Ответ: Я действительно пытался скрыть от следствия занимаемую мною позицию в отношении форм и методов борьбы с Советской властью. Я на собраниях и в беседах с отдельными участниками организации выступал как сторонник решительных и активных форм борьбы с Советской властью. Политическая обстановка в стране не благоприятствовала контр-революционной анархистской деятельности. Опасность войны хотя и приближалась, но еще не известно, кто оказался бы побежденным — капстраны или СССР.

В связи с этим я считал необходимым переход к более решительным методам борьбы и в беседе с участником организации Недовичем я, излагая ему задачи, стоявшие перед организацией, заявил, что мы (участники организации) бороться будем с бомбами в руках. Этим я дал понять Недовичу, что я стою за необходимость применения террористических методов борьбы.

Вопрос: Вы заявили, что, состоя в контр-революционной организации анархо-мистиков, в то же время были «рыцарем» «Ордена Тамплиеров». Расскажите, что из себя представляет и какие практические задачи перед собой ставит эта организация?

Ответ: Собственно, по существу никакой разницы между анархистской организацией, руководимой Солоновичем, и «Орденом Тамплиеров» нет, поскольку большинство членов ордена — анархисты и поскольку основная цель ордена была той же, что и анархистской организации.

Но в ордене более тщательно маскировалось от вновь вступающих в него и скрывалось политическое содержание целей и задач ордена. Внешне получалось так, что ничего особенно предосудительного ни в мистических идеях, ни в мистических легендах не замечалось. В легендах говорилось о необходимости самоусовершенствования, о развитии моральных качеств, о борьбе со злом и т. д., и никаких поводов считать эти легенды контр-революционными и организацию политической не было.

На самом деле указание на необходимость борьбы с насилием, которое особенно всегда подчеркивалось, и что надо быть всегда готовым к самопожертвованию ради идеи, — все это имело одну цель: подготовить из членов «Ордена Тамплиеров» — анархистов — будущих врагов диктатуры пролетариата.

Вопрос: Назовите известных вам участников контр-революционной организации.

Ответ: *Как участники организации мне известны следующие лица. Руководителем был Солонович Алексей, но так как он был арестован, то это руководство осуществлялось через Агнию Солонович. По-*

следняя мне известна как старая анархистка, резко враждебно настроенная против Советской власти. Она имела связи со всеми анархистами-мистиками, посвящала в рыцари «Ордена Тамплиеров». При мне ею лично были посвящены Недович, Назарова Екатерина. Кроме того Солонович вела переговоры в моем присутствии с Коростелевым, но последний от посвящения в орден отказался.

Я уже указал, что Солонович была связана и руководила молодежной группой, причем об этой группе знал только Солонович Алексей.

Как участники контр-революционной анархо-мистической организации мне известны Гориневский Г. В., Ляшук С. Р., Бем Д. А., Налимов В. В., Иоффе, Шаревский, Недович, Никитин, Коростелев и Назарова Е. Кроме того, мне известен Проферансов, но с ним лично я не знаком.

Вопрос: Вы не все рассказали о вашей работе и не назвали всех известных вам участников контр-революционной организации анархо-мистиков.

Ответ: Все, что я знал о работе, рассказал, и больше никто мне из анархистов-мистиков не известен.

Протокол записан правильно, мною лично прочитан, в чем и расписываюсь.

М. Назаров

Допросил: Опер. Уполномоченный 4 отд. ГУГБ лейтенант ГБ
Макаров

Сов. секретно

ЗАМ. НАЧ. УНКВД по ЗСК
Старшему майору ГБ
тов. УСПЕНСКОМУ

Рапорт

13 февраля с. г. в Новосибирск был доставлен из Колпашево арестованный анархист-мистик СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович и заключен под стражу в ДПЗ[31] прн УНКВД.

Очутившись в камере, Солонович начал дебоширить, бить двери и окна, о чем начальник ДПЗ тов. Гнусарев немедленно доложил и просил принять меры — призвать Солоновича к порядку.

Будучи вызван в кабинет Нач. Отдела для допроса, арестованный Солонович вместо ответа на поставленные вопросы сразу же начал ругать нас площадной бранью, дискредитировать ВКП(б) и органы Советской власти.

Несмотря на наши неоднократные предупреждения, арестованный Солонович не только не прекратил своих ругательств, но стал высказывать еще более резкие контр-революционные заявления, со-

[31] Дом предварительного заключения.

провождая их площадной бранью по нашему адресу как представителей НКВД.

Когда же арестованному Солонович было категорически предложено прекратить свои хулиганские действия и отвечать на вопросы, Солонович дошел в своей звериной ненависти до того, что схватил со стола массивную стеклянную пепельницу и бросил ее в тов. Попова, и лишь благодаря тому, что тов. Попов успел увернуться в сторону, пепельница пролетела мимо него, упала на пол и вдребезги разбилась.

В связи с тем, что арестованный Солонович и после этого продолжал хулиганить, он был отправлен обратно в камеру с предупреждением о том, что за свои действия он будет посажен в карцер.

Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД по ЗСК
Старш. лейтенант ГБ

Пом. Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД Попов
Старш. лейтенант ГБ

Горский

13 февраля 1937 г.
г. Новосибирск

«Утверждаю» Нач. Нарымского о/о НКВД Старш. лейтенант ГБ
Мартон

Постановление

1937 г. января 25 дня. Я, Опер. Уполномоченный 4 отделения — младший лейтенант ГБ Рябушкин, рассмотрев следственный материал по делу № ... и приняв во внимание, что гр-н СОЛОНОВИЧ А. А., 1887 г. рождения, уроженец Люблинской губернии, профессор-математик, не работающий, в 1930 г. за анархо-мистическую деятельность приговорен к 5-ти годам изолятора, по отбытии 3-х годов оставшийся срок заменен ссылкой и по отбытии — срок ссылки продлен еще на два года, по партийности — анархист с 1907 г., русский, подданства советского, на воинском учете не состоит,- достаточно изобличается в том, что, отбывая ссылку в Каргасоке, не прекратил своей контр-революционной анархистской деятельности и на протяжении ряда лет ведет контр-революционную работу, направленную на организацию анархо-мистических кружков с целью пропаганды своих идей и организации борьбы с существующим строем. В этих целях в 1933 г. создал из числа политссыльных анархистов нелегальный кружок — т. н. «Рабочей фракции», в течение 1933 г. и начале 1934 г. провел ряд нелегальных сборищ кружка, на которых изучалась анархо-мистическая теория, обсуждались вопросы налаживания связи с заграницей и организации широко разветвленной анархо-мистической организации для борьбы с Совластью. В 1934 и 1935 гг. снова создавал из числа политссыльных анархистов нелегальные анархо-мистические кружки, предлагал ряду политссыльных войти во «всесоюзный альянс анархистов» (лидером которого являлся он — Солоновнч), в задачу которого входит «борьба с государственностью, существующим строем и марксизмом как главной

опасностью, вплоть до организации вооруженного восстания». Предложил освобожденному из ссылки анархисту Багрянову и находящемуся сейчас вместе с ним (Солоновичем) в ссылке анархисту Мокринскому развернуть работу по организации контр-революционных анархистских формирований вне ссылки. В 1935—1936 гг. обработал и создал ядро контр-революционного анархистского кружка, в который втянул и привлек к контр-революционной работе свою сожительницу Болотову (адм. ссыльную)[32], анархиста Мокринского и Зильбера, адм. ссыльного Фролова (бывш. поп), с которыми систематически проводит занятия по изучению анархо-мистических теорий. Обрабатывал в контр-революционном анархическом духе местных жителей Чигошина[33], Пермякова и Третьякова и вел среди них контр-революционную агитацию против Советской власти. Систематически поддерживает связи с деятелями анархо-мистических формирований в Москве через свою жену Солонович Агнию и получает от них материальную поддержку. Систематически пишет анархо-мистические произведения с целью распространения этих рукописей в нелегальных кружках и переотправки их за границу, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 19, 58-2, 58-11-10 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. ст. 144 п. 5 и 158 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

Гр-ну СОЛОНОВИЧ Алексею Александровичу избрать мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда содержание под стражей в КПЗ Нарымского Окружного отдела НКВД.

Копией настоящего постановления сообщить Окрпрокурору — для сведения.

Опер. Уполномоч. 4 отдела УГБ
мл. лейтенант ГБ Рябушкин
«Согласен»: Нач. 4 отделения УГБ
мл. лейтенант Колесников

Постановление Солонович не подписал — «от подписи отказался».

Протокол

допроса обвиняемого СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича, произведенного в Нарымском Окружном Отделе НКВД

8 февраля 1937 г.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст. ст. 19, 58-2, 58-10-11 УК РСФСР в том, что Вы,

[32] В Анкете арестованного (протокол допроса от 26 января 1937 г.) А. А. Солонович называет Н. С. Болотову своей женой.

[33] В других материалах следственного дела эта фамилия пишется «Чичигошин».

находясь в ссылке в с. Каргасок Нарымского округа, на протяжении ряда лет вели контр-революционную работу по организации нелегальных анархо-мистических кружков с целью пропаганды своих идей и организации борьбы с существующим строем. В этих целях Вы обработали ссыльных анархистов Мокринского и Зильберга (правильно – Зильбера.— *Ж. Д.*), Бема, ссыльного Фролова и свою сожительницу Болотову, *которых ввели во «Всесоюзный Альянс Анархистов», лидером которого являетесь Вы.* Так же в обработке местных жителей Чичигошина, Пермякова и Третьякова в анархо-мистическом направлении и вели среди них контр-революционную агитацию против Соввласти; в том, что имели нелегальную связь с рядом ссыльных анархистов. Причем в целях связи использовали свою жену – Солонович Агнию и сожительницу Болотову, через них же имели связь с деятелями анархо-мистической организации в Москве и в том, что написали ряд контр-революционных анархо-мистических произведений, которые распространяли среди ссыльных.

Ответ: *Отвечать не желаю и показания давать не буду.*

Нач. Каргасокского Р/О НКВД
Лейтенант ГБ М. Галдилин

Присутствовали: Опер. Уполном. Окр. Отдела НКВД Младш. лейтенант ГБ (подпись неразборчива)

Опер. Уполном. Нарымского Окр. Отдела НКВД Младш. лейтенант ГБ (подпись неразборчива)

Подписывать следственные документы Солонович отказался, мотивируя это тем, что «допрос, а вместе с ним и протокол как документ есть насилие над личностью».

КРАЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСПРАВТРУДУЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПСИБКРАЙ

б-ца О. М. З. НКВД в г. Новосибирске

История болезни № 154

Поступил 23/II 1937 г. из ДПЗ НКВД следственный, ст. 58, срок..., СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, 49 лет.

Умер 4/III в 10 час. 50 мин. (Это записано в графе «выписан».— *Ж. Д.*).

Поступил из ДПЗ по поводу голодания (12-й день, как говорит больной)...

26/II состояние ухудшается...

28/II — резкое ухудшение; пульс нитевидный, тоны сердца очень глухие, резкая бледность покровов...

28/II назначается: молоко 500 г, масло 75 г, сахар 75 г, яйца 2 шт...

28/II приступили к искусственному питанию...

В пять часов вечера больному пытались ввести через нос питательную смесь, но больной так сильно сопротивлялся, что ничего из

этого не получилось. Такое активное сопротивление указывает, очевидно, что некоторый запас сил у него еще имеется.

Вечером, ввиду значительного ухудшения общего состояния и пульса, назначены сердечные...

1/III состояние вновь значительно ухудшилось, утром через нос питательная смесь, сердечные - по пульсу...

1/III — назначение: молоко 500 г, яиц 4 шт., сахар 150 г, бульон, масло 150 г...

Скончался 4/III в 10 час. 50 мин. при явлениях нарастающей слабости сердечной деятельности.

Врач: Рабинович

Следователю КОЛЕСНИКОВУ

арестованной БОЛОТОВОЙ Н.С.

Заявление

Объявляю сухую голодовку впредь до сообщения мне от прокурора или другого ответственного за это лица о прекращении вызовов меня на допросы до суда в связи с тем, что я *отказываюсь от показаний, пояснений и разъяснений и т. п. вне зависимости от того, кого это касается: других лиц или только меня.* Об отказе от дачи показаний, помимо моих заявлений в Колпашеве, мною было сообщено в письменном виде прокурору здесь 18 февраля 1937 г. От дальнейших объяснений по вопросу: «Почему я отказываюсь от показаний?» — также отказываюсь.

Кроме того, если, в связи с разрешением данного вопроса, я прекращу голодовку, то с условием предоставления мне соответствующего питания. Голодовку начинаю с сегодняшнего дня, т. е. с 21 февраля 1937 г.

21/II
1937 Н.С. БОЛОТОВА

На допросе 16 февраля 1937 г. Болотова отказалась признать, что Солонович А.А. обрабатывал ее в контр-революционном духе.

В ответе на этот вопрос она сказала: *... я еще до знакомства с Солоновичем по собственному убеждению целый ряд вопросов политики партии и Соввласти не разделяла и не разделяю сейчас.*

Вопрос: Признаете ли Вы, что Вы являетесь анархисткой?

Ответ: О своих политических убеждениях я говорить не желаю и предоставлять судить об этом следствию и вообще на вопросы следствия я отвечать не желаю, а также и не желаю подписывать этого протокола допроса.

От подписи протокола допроса Болотова отказалась.

Допросили: Нач. 4 отд. Нарымского О/о НКВД Мл. лейтенант ГБ Колесников

На допросе 11 марта 1937 г. Болотова виновной себя не признала.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что являетесь участницей контр-революционной анархистской группы, созданной вашим мужем Солоновичем, которая преследовала цели свержения Соввласти и установления анархистского строя. Признаете ли вы себя виновной в предъявленном вам обвинении?

Ответ: ... *не признаю и от дачи объяснений по существу предъявленных мне обвинений отказываюсь.*

Протокол допроса

обвиняемого ФРОЛОВА Василия Федоровича,[34]
произведенного в Нарымском Окружн.
Отделе НКВД

13 октября 1936 г.

Вопрос: Прорабатывали ли Вы рукописи, данные Вам Солоновичем?

Ответ: Рукописи, которые дал мне Солонович, я пытался несколько раз прочитать, но мои попытки не увенчались успехом. Начиная читать эти рукописи, я ничего в них не понимал и разобраться не мог, поэтому читать бросил, в результате так они и остались мною не прочитанными.

Вопрос: А вместе с Солоновичем прорабатывали эти рукописи?

Ответ: Всех рукописей не прорабатывали. Отрывок из рукописи «Душа и форма» Солонович нам один раз читал.

Вопрос: Кому это «вам» и когда читал, расскажите об этом подробно.

Ответ: Вследствие слабости памяти я точно не помню, но, кажется, весной нынешнего года. Я пришел к Солоновичу, у него там уже был политссыльный анархист Мокринский. Кто еще был, не помню. Солонович прочитал нам отрывок из своей рукописи «Душа и форма». После прочтения он спросил, понимаем ли мы прочитанное. Я ответил, что частично понимаю, но смутно. Объяснял ли нам Солонович смысл прочитанного — не помню.

Вопрос: Для какой цели прорабатывал с Вами свои рукописи Солонович?

Ответ: Я повторяю, что своих рукописей Солонович с нами не прорабатывал, он лишь только один раз читал мне и Мокринскому отрывок из рукописи «Душа и форма». Для какой цели он читал нам отрывок из своей рукописи, я рассказать не могу, но полагаю, что читал он для того, чтобы ознакомить нас со своим произведением.

Вопрос: Вы говорите неправду, Солонович специально собирал вас для проработки своих рукописей с целью изучения вами анар-

[34] Фролов — «административно-ссыльный старообрядческий поп» (из показаний обвиняемого Кондратьева Вас. Ив. на допросе 12 сентября 1936 г. в с. Каргасок). Сам Кондратьев руководил молитвенными собраниями.

хо-мистических теорий и пропаганды этих теорий в массах. Следствие требует от Вас правдивых показаний.

Ответ: Специально для проработки рукописей Солонович нас не собирал. Чтение отрывка из рукописи «Душа и форма» произошло случайно, т. е. я пришел к нему запросто как к соседу, а Мокринский жил у Солоновича на квартире ... он, Солонович, и прочитал нам свой отрывок. Я не отрицаю, что к Солоновичу я ходил часто, туда же к нему заходил и политссыльный анархист Бем Дм. Ал. Таким образом у Солоновича собирались: сам Солонович, его квартирант Мокринский, Бем и я. Временами между нами велись разговоры на политические темы. Я лично, являясь человеком любознательным, интересовался анархистскими теориями. Солонович охотно рассказывал цели и задачи анархистов, высказывал, как и всякий анархист, свое отрицательное отношение к власти; что именно он говорил, я не помню. Лично я считал, что Солонович, являясь анархистом, делился с нами своими убеждениями и только.

Вопрос: Признаете ли Вы, что обнаруженные у Вас рукописи Солоновича «Развитие сознания» и «Душа и форма» являются антисоветскими?

Ответ: Нет, не признаю. Содержание рукописи «Развитие сознания» я совершенно не знаю, так как этой рукописи я не прочитал. Правда, я пробовал ее читать, но ничего не поняв, бросил.

Из прочитанного нам Солоновичем отрывка из рукописи «Душа и форма» я ничего антисоветского не видел.

Вопрос: Предъявляется Вам рукопись «Растение и животное», обнаруженная у Вас при обыске, кому эта рукопись принадлежит?

Ответ: Эта рукопись принадлежит Солоновичу и дана мне им в числе других для прочтения.

Вопрос: Вы эту рукопись читали?

Ответ: Нет, не читал[35].

Вопрос: Признаете ли, что эта рукопись является антисоветской?

Ответ: С этой рукописью я не знаком и поэтому сказать, является ли она антисоветской, не могу.

Вопрос: Зачитывается Вам выдержка из рукописи:

> «Все время ведут в низших мирах добро и зло свою непреклонную борьбу, и мы сами — обитатели мира еше очень низкого, очень близкого к хаосу, мы сами, в которых проснулась искра самосознания, которые впервые осознали какую-то великую и мощную возможность гигантской свободы, мы сами, каждый для себя, должны выбрать свой путь — стоять ли на месте, опускаться ли вниз или подниматься к верхам! Нам нужно знать, что никакой подъем к верхам невозможен только для себя, ибо с момента возникновения человеческого сознания это как раз и было исчерпано для подъема и дальше можно подниматься, только поднимая других. Тот, кто признает

[35] Здесь кем-то поставлены карандашом: «?!».

только себя, он только с собой самим и останется; тот, кто не признает других, и является тем самым источником насилия и власти; тот идет вниз. И лишь тот, кто признает других за равных, лишь тот может подниматься.

Везде, где слышится голос власти, насилия и рабства, подчинения и обиды,—темные силы торжествуют. Там задерживается ход развития не только человечества, но и вообще всяких духовных существ. Строительство мирозданья и есть работа высших среди низших так, чтобы и их поднять до себя, сделать равными себе...

Такая работа может быть только в атмосфере любви, а не рабства и власти».

Признаете ли, что рукопись является антисоветской?

Ответ: Признаю, что эта рукопись является антиправительственной и направлена против власти.

Вопрос: Против какой власти?

Ответ: Против всякой власти, в том числе и против Сов. власти.

Вопрос: Признаете ли Вы, что в этой рукописи содержатся призывы к обработке массы народа против власти?

Ответ: Нет, не признаю. Таких призывов я в зачитанной мне выдержке не вижу.

Вопрос: Как Вы понимаете следующую трактовку Солоновича:

«Строительство мирозданья и есть работа высших среди низших так, чтобы их поднять до себя и сделать равными себе. Такая работа может быть только в атмосфере любви, а не рабства и власти. И чем ниже существо, тем труднее над ним работать и тем больше требуется мощи любви, чтобы суметь мудро воздействовать на него».

Что это, по-вашему,—призыв или еще что? Скажите, как Вы это понимаете?

Ответ: Призыва к обработке массы народа я в этом не вижу; я понимаю, что здесь идет речь об общем воспитании народа, безотносительно к политике.

Вопрос: Признаете ли Вы, что хранили контр-революционные рукописи анархо-мистического направления?

Ответ: Нет, не признаю. Я брал их как научные труды и затем их не прочитал.

Вопрос: Но сейчас признаете, что рукописи являются контр-революционными анархо-мистического направления?

Ответ: Признаю, что последняя часть рукописи под заглавием «Растение и животное» является антиправительственной и содержит в себе отрицание власти.

Протокол мною прочитан, ответы на вопросы записаны с моих слов правильно—Фролов.

Я, Фролов, добавляю, что рукопись «Растение и животное»

является антиправительственной в конечной части зачитанного отрывка — Фролов.

Допросил: Нач. СПО УГБ Колесников

Копия верна: Опер. Уполн. СПО Нарымского округа НКВД мл. лейт. ГБ (подпись неразборчива)

4. Обвинительное заключение

«Утверждаю» Гендин

Постановление

по Следственному Делу № 10719

1937 г. мая «———» дня, я — Опер. Уполномоченный 4 отдела ГУГБ лейтенант ГБ Макаров, рассмотрев имевшиеся в деле материалы на Солонович А. О., Шаревского И. И. и Назарова М. А. по обвинению их в активной контр-революционной анархистской деятельности, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10-11 УК РСФСР,

нашел:

Перечисленные выше лица были руководителями Московского филиала контр-революционной анархо-мистической организации, были непосредственно связаны с известным анархистом Солоновичем А. А., по заданию которого вели работу по созданию в Москве анархистских террористических групп. Принимая во внимание, что следствием не выявлены все связи Солонович, Шаревского и Назарова и не вскрыта полностью их террористическая деятельность, в то время как следствие в отношении остальных участников организации, проходивших по делу, закончено,

полагал бы:

Материалы на обвиняемых Солонович А. О., Шаревского И. И. и Назарова М. А. из следственного дела № 10719 выделить в самостоятельные дела для дальнейшего производства.

Опер. Уполномоч. 4 отдела ГУГБ
Лейтенант ГБ Макаров

«СОГЛАСЕН»
Нач. 4 отделения 4 отдела ГУГБ
Ст. лейтенант ГБ Аронсон

«Утверждаю»
Зам. нач. 4 отдела ГУГБ
старш. майор Госбезопасности (Гендин)

Обвинительное заключение

по след. делу № 10719

В 1930 году в г. Москве была ликвидирована контр-революционная анархистская организация, возглавляемая анархи-

стом Солоновичем Алексеем Александровичем, осужденным к заключению в тюрьму на пять лет. Указанная организация вследствие чрезвычайной ее конспиративности и построения по принципу отдельных групп полностью вскрыта не была и часть ее участников осталась на свободе.

Анархист Солонович Алексей Александрович, отбывая ссылку в Западно-Сибирском крае, в 1933 г. возобновил контр-революционную деятельность.

Через свою жену, активную анархистку Солонович Агнию Онисимовну, и анархиста Шаревского установил связь с оставшимися в Москве участниками анархистской организации, воссоздав из их числа две группы, контр-революционной деятельностью которых руководила Солонович А. О. и Шаревский.

По настоящему делу привлекаются активные участники этих групп контр-революционной анархистской организации *Гориневский Георгий Валентинович, Ляшук Сергей Романович, Налимов Василий Васильевич, Проферансов Георгий Николаевич, Брешков Игорь Сергеевич, Коростелев Борис Васильевич, Аренский Павел Антонович, Губерт-Поспелова Вера Васильевна, Болотова Антонина Онисимовна и Васильева Ефросинья Михайловна.*

Предварительным следствием установлено, что контр-революционная анархистская группа, возглавляемая Шаревским, в составе привлекаемых по настоящему делу Проферансова, Налимова и Брешкова, регулярно устраивала нелегальные собрания, на которых обсуждались вопросы практической работы. Основной деятельностью группы была подготовка кадров для борьбы с Советской властью, распространение анархистской идеологии, размножение анархистской и мистической литературы, а также отчисление материальных средств, необходимых для развертывания работы анархистской организации.

Участники группы были связаны с анархисткой Солонович Агнией, с которой и контактировали свою контр-революционную деятельность, получая от нее практические указания и советы, исходившие от руководителя организации Солоновича А.

Контр-революционная группа, возглавляемая Солонович А. О., состоящая из обвиняемых по настоящему делу анархистов: *Назарова М. А., Гориневского Г. В., Аренского П. А. и Болотовой А. О.*, устраивала нелегальные собрания, на которых участники группы подвергали контр-революционной критике политику Советской власти и приходили к единодушному мнению о необходимости свержения диктатуры пролетариата и установления анархистского строя.

Все участники группы в одно и то же время были членами мистической организации «Орден Тамплиеров» и назывались «рыцарями».

Основная целеустремленность «Ордена Тамплиеров» — это воспитание враждебных Советской власти кадров, готовых в любой момент выступить на борьбу с Советской властью.

Участники контр-революционной группы, входившие в состав

«Ордена Тамплиеров», в процессе своей практической деятельности вели вербовку новых лиц в состав организации.

Кроме того, участники группы принимали деятельное участие в работе нелегального «Черного креста», возглавляемого Солонович Агнией, в функции которого входил сбор материальных средств на развертывание нелегальной контр-революционной анархистской деятельности в СССР.

Ликвидированная в Москве контр-революционная анархистская организация была связана через обвиняемого *Гориневского* с анархо-мистической организацией в г. Ленинграде.

На основании изложенного обвиняются:

1. *Гориневский Георгий Валентинович,* 1892 г., уроженец г. Ленинграда, гражданин СССР, анархист, архитектор, до ареста работал в проектной мастерской Моссовета, до ареста проживал в г. Москве, 1-ый Щиповский пер., № 13/15, кв. 40,— в том, что:

а) *в 1929 г. вступил в контр-революционную анархо-мистическую организацию, в которой вел активную работу до момента ареста;*

б) *осуществлял руководство существовавшей в Ленинграде контр-революционной анархо-мистической группой, которую снабжал мистической литературой;*

в) *принимал деятельное участие на нелегальных собраниях организации, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.*

2. *Ляшук Сергей Романович,* 1889 г. р., уроженец г. Варшавы, гражданин СССР, анархист, доцент механико-машиностроительного института им. Баумана, ранее не судившийся, до ареста жил в г. Москве, ул. Володарского, д. 12, кв. 16 — в том, что:

а) с 1926 г. и до момента ареста входил в состав анархо-мистической организации и был непосредственно связан с Солонович Агнией;

б) присутствовал на нелегальных собраниях организации и принимал деятельное участие в обсуждении вопросов о дальнейшей контр-революционной деятельности, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

3. *Налимов Василий Васильевич,* 1910 г. р., уроженец г. Москвы, гражданин СССР, анархист, сын профессора, н. сотр. Центральной лаб. контрольно-измерительных приборов пищевой пром-сти, ранее не судимый, до ареста проживал: Рещиков пер., д. 8, кв. 16 — в том, что:

а) являлся активным участником контр-революционной анархо-мистической организации и входил в группу, возглавляемую анархистом Шаревским;

б) принимал активное участие на нелегальных собраниях группы, где и намечались планы контр-революционной работы и обсуждались формы борьбы с Советской властью;

в) будучи непосредственно связан с Солонович Агнией, передавал ей материальные средства, отчисляемые участниками группы,

т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал частично.

Изобличается показаниями Проферансова и Иоффе.

4. *Проферансов Георгий Николаевич*, 1911 г.р., уроженец г. Москвы, гражданин СССР, инженер «Водгео», анархист, ранее не судимый, до ареста проживал в г. Минск, Ново-Введенский пер., д. 9, кв. 5 — в том, что:

а) с 1930 г. входил в состав контр-революционной анархистской организации, возглавляемой Солонович А. О;

б) по приезде анархиста Шаревского установил с ним связь и вошел в состав молодежной контр-революционной группы, в которой и вел активную деятельность до момента ареста.

Виновным себя признал.

5. *Брешков Игорь Сергеевич*, 1913 г.р., уроженец Днепропетровской обл., гражданин СССР, анархист, преподаватель, в 1932 г. за контр-революционную деятельность осужден в ИТЛ на 3 года — в том, что:

а) после освобождения из лагеря, приехав в Москву, установил связь с анархистом Шаревским и вошел в состав организованной им контр-революционной группы,

б) принимал участие на собраниях группы, распространял анархистскую литературу и обрабатывал своих знакомых в анархистском направлении с целью привлечения их в группу, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-11, 58-10 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

6. *Коростелов Борис Васильевич*, 1889 г.р., уроженец Московской обл., сын полицейского чиновника, б/п, ст. инженер ЦАГИ, ранее не судимый — в том, что:

а) будучи связан с участниками контр-революционной анархистской организации Солонович А. О. и Назаровым М. А., был последним завербован в организацию;

б) присутствовал на собраниях группы и принимал участие в читке контр-революционных мистических материалов, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

7. *Аренский Павел Антонович*, 1887 г.р., уроженец Орловской губернии, б/п, литератор, ранее не судимый, до ареста проживал: г. Москва, ул. Огарева, д. 1/12, кв. 3 — в том, что:

а) являясь участником анархо-мистической организации, он после ареста ее руководителя Солоновича А. А. в 1930 г. продолжал поддерживать связи с анархо-мистиками до последнего времени и

б) проводил в области литературы и искусства антимарксистскую идеологию, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал.

8. *Губерт-Поспелова Вера Васильевна*, 1896 г.р., уроженка

г. Москвы, анархистка, гражданка СССР, образование высшее, техред. издательства «Советская энциклопедия», ранее не судима в том, что:

а) *в 1923 г. вошла в состав контр-революционной анархомистической группы и до последнего времени была связана с ее руководителем Солонович А. О. и*

б) *принимала деятельное участие в работе «Черного креста», являвшегося филиалом организации, т. е, в преступлении, предусмотренном* ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновной себя признала частично.

9. *Болотова Антонина Онисимовна,* 1885 г. р., уроженка г. Карачаева, б/п, бухгалтер Совета Жилкооперации НКПС, ранее не судимая — в том, что:

а) зная о контр-революционной деятельности Солонович А. О., оказывала ей содействие по вовлечению лиц в контр-революционную организацию, т. е., по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновной себя не признала.

10. *Васильева Ефросинья Михайловна,* 1885 г. р., уроженка Смоленской губернии, гражданка СССР, домохозяйка, б/п, ранее не судимая — в том, что:

а) будучи связана с участниками контр-революционной анархистской организации, присутствовала на нелегальных собраниях, устраиваемых у нее на квартире, где обсуждались вопросы контрреволюционной деятельности. т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 17, 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Виновной себя не признала.

Принимая во внимание, что следствием полностью установлена контр-революционная деятельность обвиняемых, проходящих по делу,—

Полагал бы:

Следственное дело № 10719 на Гориневского Г.В., Ляшука С. Р., Налимова В. В., Проферансова Г. Н., Брешкова И. С., Коростелева Б. В., Аренского П. А., Губерт-Поснелову В. В., Болотову А. О. и Васильеву Е. М.

- направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

Материалы на Солонович А. О., Шаревского И. И. и Назарова М. А. выделены в самостоятельное производство в связи с преданием их суду Военной Коллегии Верховного суда СССР.

Опер. Уполномоченный 4 отделения 4 отдела ГУГБ лейтенант ГБ Макаров

«Согласен» Нач. 4 отделения 4 отдела ГУГБ Ст. лейтенант ГБ Аронсон

Справка: Все арестованные по делу содержатся в Бутырской тюрьме,

за исключением Васильевой, находящейся на свободе под подписку о невыезде.

Опер. уполномоченный 4 отделения 4 отдела ГУГБ— Лейтенант Гос. Безопасности

Макаров

* * *

Как обвинительный материал звучит и допрос Д. А. Бема[36], занимающий 16 машинописных страниц. Допрос производился 5—7 мая 1937 г. в с. Каргасок Нарымского округа — месте ссылки. Ниже приводятся наиболее существенные выдержки из этого протокола:

Бем Д. А., 1880 г. р., уроженец г. Москвы, по профессии преподаватель, анархист с 1920 г., в 1930 г. осужден за принадлежность к контрреволюционной организации в Москве на 5 лет политизолятора. В 1931 г. для отбывания меры наказания выслан в Нарым, ссылку отбывал в с. Каргасок Нарымского округа.

Мне известно, что анархист Солонович А. А. отбывал ссылку в с. Каргасок Нарымского округа, вел работу по созданию анархомистической организации в Советском Союзе. Организация ставила своей целью свержение Советской власти и установление анархического строя.

В декабре месяце 1935 г. Солонович в своей квартире, беседуя со мной и ссыльным анархистом Мокринским М. С., выдвигал террор как необходимое средство в деле борьбы с Советской властью. Солонович возмущался нерешительностью зиновьевцев и троцкистов и неумением сохранить себя от провалов, говорил: «Террор должен быть массовым и одновременным. Нам нужно подготовить его так, чтобы одновременно уничтожить верхушку Кремля, тогда только можно добиться желаемых результатов».

В феврале месяце 1934 г. Солонович освобожденному из ссылки анархисту Шаревскому Иону (отчество не знаю) поручил организацию террористических групп в центре.

. . . . . .

И дальше Солонович сообщил мне, что в феврале месяце 1937 г. он освобожденному из ссылки анархисту Шаревскому поручил пробраться в Центр и приступить к подготовке террористических актов.

Агния Солонович являлась секретарем анархического «Черного креста». Она на протяжении всего времени непосредственно имела связи с Солоновичем, была в курсе всей работы нашей контрреволюционной организации и являлась главой этой организации, выполняла поручения по установлению организационных связей Солоновича А. А. с анархистами, проживающими в разных городах и находящимися в других колониях ссыльных. Ежегодно летом Солонович

[36] Бем, как и А. А. Солонович, проходил по другому – сибирскому делу анархистов-мистиков.

Агния приезжала к Солоновичу А. А., информировала его о месте нахождения анархистов, о состоянии анархистской работы, доставляла анархистскую литературу.

. . . . . .

В этот же раз Солонович Алексей в моем присутствии просил Агнию Солонович вывезти из Нарыма ряд его рукописей по анархизму, с целью переотправить их за границу для издания. Солонович Агния категорически от этого отказалась, заявив, что она не так глупа, чтобы брать такие вещи с собой.

. . . . . .

За время пребывания в ссылке в Каргасоке Солонович написал ряд теоретических произведений по анархо-мистицизму. Им написаны: «История русской литературы», «Развитие познания» и «О душе».

Все работы написаны в идеологическом направлении, содержат в себе резкие выпады против марксизма и существующего строя. Во всех работах особенно подчеркивается необходимость борьбы с существующим строем.

. . . . . .

Протокол мною прочитан, записано с моих слов правильно — Бем.

Допросили: Начальник Каргасокского Р/О НКВД, лейтенант ГБ Гладилин

Верно: Оперуполномоченный 2 отделения 4 отдела ГУГБ лейтенант ГБ Макаров.

Справка: 4/VI 1938 г. Бем приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

В доступном мне архивном материале есть еще краткие указания на аресты, произведенные в Ленинграде, Томске и Новосибирске. Укажу только двоих арестованных.

В Томске был арестован А. А. Синягин, ранее живший в Ленинграде,— талантливый ученый-геофизик, физик и историк. С большим интересом и сейчас читается его не опубликованная до сих пор работа Очерки русской истории, написанная с позиций анархического миропонимания. Только одна из глав этого труда — «Два христианства на Руси» — опубликована усилиями Василия Ивановича Абаева в его сборнике **Избранные труды: Религия, фольклор, литература** (Владикавказ: «Мир», 1990, 639 с.). А. А. Синягин был расстрелян 18 февраля 1938 г.

Два автора рассказывают о нем:

Абаев В. И. Кровавой нивы колосок, или горестные воспоминания о друге, удивительном человеке, большом ученом, попавшем в жернова этого страшного тридцать седьмого. **Человек и Право**, 1992, № 2, с. 6. Пичугин Л. Рыцари свободной мысли (по следам «Ордена Тамплиеров»). **Томский Вестник** (газета), 6 марта, 1993 г.

В Ленинграде по делу Синягина был арестован упоминавшийся выше ученый-востоковед Ю. К. Шуцкий. Приговор — высшая мера наказания.

5. Реабилитационный процесс

Он шел медленно, нудно и часто мучительно. Шаг за шагом мы, предательски осужденные, шли к поставленной цели. Новые факты не появлялись. Менялась только их интерпретация. Менялось что-то там — «Наверху». Только после смерти Отца всех народов страна начала выздоравливать от параноидального страха перед своим же народом: кругом враги народа, кругом террор, кругом шпионаж. Ловите их, истребляйте, уничтожайте! И теперь еще страна до конца не оправилась. Посмотрите, как до сих пор осложнен выезд за рубеж, как осложнена переписка.

А. Первая попытка

Она была наивной пробой. И все же шел 1947 год — казалось, после героической победы уже нечего бояться. Но психоз не логичен. Вот краткие относящиеся сюда документы.

«УТВЕРЖДАЮ»
Зам. нач. УМВД ПО СДС
подполковник Дымнов
27 января 1947 г.

Справка

По материалам, представляемым
в Особое Совещание при МВД СССР
на предмет снятия судимости
с гр-на Налимова В. В.

Налимов Василий Васильевич, 1910 г. р., уроженец г. Москвы,

гр-н СССР, по профессии научный работник, работает в должности ст. инженера Геологоразведочного управления Дальстроя МВД.

Судим 9-го июля 1937 г. Особым Совещанием при НКВД СССР за контр-революционную деятельность к пяти годам ИТЛ, считая срок с 22 октября 1936 г. Наказание отбывал в Севвостлаге НКВД, откуда освобожден 30 августа 1943 г. по отбытии срока наказания.

По освобождении из лагеря Налимов все время работает в системе Дальстроя МВД по вольному найму и по месту работы положительно характеризуется администрацией как хороший специалист и добросовестный, трудолюбивый работник[37].

Управление МВД по Дальстрою компрометирующими материалами в отношении Налимова не располагает.

Нач. 2 отд. 1 Спецотдела УМВД
по СДС — ст. лейтенант Лаврухин

«СОГЛАСЕН»
Нач. 1 Спецотд. УМВД по СДС — майор Володин
27 января 1947 г. г. Магадан.

Сов. секретно[38]

МХ-3 § 145
Отдел «А»
8 июля
20934

Нач. 1 Спецотдела УМВД по СДС
гор. Магадан, Хабаровского края

Препровождаем для объявления и исполнения выписки из протокола № 24 Особого Совещания при МГБ СССР от 21/VI-1947 г. об отказе в снятии судимости с Налимова В. В., проживающего в г. Магадан, Колымское шоссе, д. № 16, кв. 2.

Дату объявл. выписки сообщите нам.

Приложение: выписка в 1 экз.
Зам. нач. Отдела «А» МГБ СССР
полковник Титов

Зам. нач. 14 отделения
капитан Кирин

Б. Вторая попытка

Она опять не удалась, хотя и шел уже 1957 год. Вот последовавшее заключение.

---

[37] К Делу приложены еще две положительные характеристики, полученные непосредственно с места работы.

[38] Примечательно, что «совершенно секретным» является то, что предназначалось для сообщения мне. Это опять свидетельствует о постоянном страхе. Страх перед всем — даже перед сообщением об отказе, — но ведь его уже нельзя засекретить.

«Утверждаю»
Заместитель начальника следственного
управления КГБ при Совете Министров СССР
полковник Калместов

Заключение

г. Москва, 29 марта 1957 г.

Я, следователь 2 отделения Спецуправления КГБ при Совете Министров СССР капитан Захаров, рассмотрев архивно-следственное дело № 260273 по обвинению:

Гориневского Г. В., 1892 г. р. ... Ляшука С. Р., 1887 г. р. ... Налимова В. В., 1910 г. р. ... Проферансова Г. Н., 1911 г. р. ... Брешкова И. С., 1913 г. р. ... Коростелева Б. В., 1889 г. р. ... Губерт-Поспеловой В. В., 1896 г. р. ... и Васильевой Е. М., 1885 г. р. ... *Нашел*:

Указанные лица, за исключением Васильевой, арестованы НКВД СССР в 1936—1937 годах, в отношении Васильевой тогда же была избрана мера пресечения — подписка о невыезде.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 9 июля 1937 г. «за контрреволюционную деятельность» осуждены: Налимов, Брешков, Проферансов, Ляшук, Коростелев, Гориневский и Губерт-Поспелова к пяти годам, Васильева к трем годам лишения права проживания в 15-ти пунктах.

На предварительном следствии Налимов, Проферансов и Брешков обвинялись в том, что являлись до 1936 г. участниками антисоветской анархо-мистической группы, возглавлявшейся Шаревским, проводили антисоветскую деятельность.

Коростелев, Губерт-Поспелова, Гориневский и Ляшук обвинялись в принадлежности к антисоветской анархистской группе, возглавлявшейся анархисткой Солонович Агнией, на сборищах которой обсуждали вопросы свержения Советской власти.

Члены указанных анархистских групп одновременно входили в мистическую организацию «Орден Тамплиеров», целью которой являлось воспитание враждебных Советской власти кадров, а также принимали участие в работе «Черного креста», занимавшегося сбором средств для оказания помощи ссыльным анархистам.

Васильева обвиняется в том, что, будучи связана с участниками анархистской группы, знала об их нелегальных сборищах.

Брешков, Проферансов, Ляшук, Гориневский, Коростелев на предварительном следствии в предъявленном обвинении виновными себя признали. Губерт-Поспелова, не отрицая свое участие в организации «Орден Тамплиеров» и в работе «Черного креста», показала, что антисоветской деятельностью не занималась. Налимов виновным себя не признал, однако не отрицал факт хранения антисоветской литературы, а также сбор денежных средств для приобретения литературы и оказания помощи ссыльным анархистам. Васильева в предъявленном ей обвинении виновной себя не признала.

Антисоветская деятельность Налимова, Брешкова, Проферансо-

ва и Васильевой подтверждалась показаниями Иоффе И. И., а в отношении Брешкова — также показаниями свидетеля Жук Л. Г. (умерла).

В 1956 году от осужденных Ляшука, Налимова, Губерт-Поспеловой и Васильевой поступили жалобы с просьбой об их реабилитации.

В том же году жена Коростелева — Коростелева А. А. подала заявление с ходатайством о пересмотре дела ее мужа.

В процессе дополнительной проверки, произведенной по указанию Прокуратуры СССР, предъявленное обвинение Гориневскому, Ляшуку и другим подтвердилось.

Проверкой установлено, что в Москве до 1936 года существовали антисоветские анархистские организации «Орден Тамплиеров» и «Черный крест», возглавляемые Солонович Алексеем и Солонович Агнией (осуждена к высшей мере наказания).

Солонович Агния на допросе в октябре 1936 года показала, что она с 1919 года являлась секретарем «Всероссийского Черного креста», в задачу которого входил сбор денежных средств для оказания помощи репрессированным анархистам, причем часть средств поступала из Америки.

Анархист Бем (осужден к высшей мере наказания) на допросе в 1937 году показал, что ему известно от Солонович Алексея, что антисоветская организация должна строиться по принципу цепочки, путем создания мелких групп. Тогда же Бем заявил, что летом 1936 г. Солонович Агния ему сообщила о существовании в Москве контрреволюционной мистической группы, членами которой являлись Назаров (осужден к высшей мере наказания), а также осужденные по данному делу Губерт-Поспелова В. В. и Лящук С. Р.

Арестованный в 1936 г. Назаров М. А. на следствии признал, что в Москве существовала антисоветская анархистская организация, целью которой являлось свержение Советской власти.

Передопрошенный в 1956 г. свидетель Иоффе подтвердил, что Налимов, Проферансов, Брешков и Шаревский входили в антисоветскую анархистскую группу, участники которой считали политику коммунистической партии и советского правительства неправильной и на своих сборищах подвергали ее критике со своих анархистских позиций, читали анархистскую литературу, обсуждали организационные вопросы, собирали деньги для организации «Черный крест» и поддерживали связь с Солонович А.

На данном же допросе Иоффе заявил, что указанные сборища происходили на квартире у Проферансова, мать которого — Васильева Е. М. была осведомлена о связях, взглядах и деятельности группы.

Далее Иоффе показал, что летом 1934 года он совместно с Налимовым и Шаревским (осужденным к высшей мере наказания) по решению группы закопал антисоветскую анархистскую литературу с целью ее сохранения.

Брешков и Проферансов на следствии показали, что на почве общности контрреволюционных взглядов и враждебного отношения

к Советской власти они входили в антисоветскую группу. Практическая деятельность группы, как показал Проферансов, выражалась в проведении нелегальных сборищ, где обсуждалась программа группы и другие антисоветские вопросы, а также в отчислении определенного процента от зарплаты для оказания помощи ссыльным анархистам и для приобретения анархистской литературы [39].

Налимов, будучи вторично арестован в 1949 году, подтвердил свое участие в указанной анархистской антисоветской группе [40]. Хотя в настоящее время он изменил эти показания, однако не отрицает, что в 1934 году совместно с Иоффе закопал анархистскую литературу и участвовал в сборе денег для арестованных анархистов.

Передопрошена в 1957 году Губерт-Поспелова. Она признает свое участие в работе «Ордена Тамплиеров» и «Черного креста», хотя утверждает, что она якобы не считает их антисоветскими организациями.

На допросе в 1956 году Васильева показала, что к ее сыну Проферансову приходили Иоффе, Налимов, Шаревский, и она была знакома с Солонович Алексеем и его женой Агнией. При этом Васильева утверждает, что об антисоветской деятельности указанных лиц ей якобы не было известно. Однако, передопрошенный в 1956 году свидетель Иоффе факт осведомленности Васильевой об антисоветской деятельности своего сына и других — подтвердил.

Участие Коростелева в антисоветской группе, кроме личного признания, подтверждается показаниями арестованного по другому делу Назарова М. А. и его жены Назаровой Н. Н., допрошенной в качестве свидетеля по делу своего мужа.

Передопрошенные в 1956 году Гориневский и Ляшук, хотя и отказались от своих показаний, данных в 1937 году, однако не отрицают, что увлекались идеями анархизма, были знакомы с анархистами Назаровым и Солоновичем А. и на сборищах с указанными лица-

---

[39] Здесь возникает вопрос: где можно было покупать анархистскую литературу, если она считалась антисоветской, т. е. нелегальной?

[40] Здесь я действительно сдался. Передо мной, как я рассказал в главе XI, стояла дилемма — возможность снова получить лагерный срок как неисправившемуся (т.е. не осознавшему свою вину) или попасть в ссылку. Допрос велся сурово, я был в одиночке, чего при первом аресте не было.

Признав стандартную формулировку, почему-то очень важную для следствия, я получил «вечную ссылку». Мое признание не могло никому повредить — не было в живых уже ни А. О. Солонович, ни М. А. Назарова, ни И. И. Шаревского, ни Г. И. Проферансова.

И все же внутренне тягостное ощущение у меня осталось. Может быть, лучше было идти на риск, оказаться снова в лагере, вынести который теперь уже сил не было?

Сдаваться всегда непросто, даже когда борьба уже лишена смысла.

ми обсуждали политику Советской власти с анархистских позиций.

Ляшук кроме того заявил, что они читали анархистскую литературу и обсуждали другие вопросы деятельности анархистов.

В настоящее время, как показал Ляшук, он не отказывается от своих анархистских убеждений.

На основании изложенного

ПОЛАГАЛ БЫ:

жалобы Ляшука С. Р., Налимова В. В., Губерт-Поспеловой В. В., Васильевой Е. М., в которых они просят о реабилитации, а также жалобы жены Коростелева — Коростелевой А. А., ходатайствующей о пересмотре дела ее мужа, оставить без удовлетворения.

Следователь 2 отдела Следственного Управления КГБ при Совмине СССР капитан Захаров.

«СОГЛАСНЫ»:

Начальник 2 отдела Следственного Управления КГБ при Совмине СССР майор Конон.

Заместитель начальника 2 отдела Следственного Управления КГБ майор Зотов.

Я полностью привел здесь текст этого Заключения, так как в нем со всей отчетливостью раскрывается полная беспомощность обвинения.

Некоторые формулировки, такие как, скажем, чтение анархистской литературы или помощь заключенным, теперь звучат анекдотично. Ведь ни анархистская литература, ни «Черный крест» даже в те годы не были никем запрещены. Правда, они не соответствовали общему политическому настрою тех лет, но в год пересмотра дела это уже не было достаточным основанием для уголовного обвинения.

Меня передопрашивал следователь из новой когорты (одетый еще в форму морского офицера). Он сказал, что готов был бы поддержать мою просьбу о реабилитации, но этому мешали два обстоятельства: протокол передопроса свидетеля Иоффе, с одной стороны, и консерватизм начальства, еще остававшегося на своих местах.

Передопрос Иоффе — это стенограмма, занимающая 10 страниц машинописного текста. Ниже приводятся выдержки из этой стенограммы:

Иоффе Иосиф Исаевич, ур. г. Самарканда, по национальности еврей, член КПСС, работающий старшим научным сотрудником Института орга-

нических полупродуктов и красителей Министерства химической промышленности, *репрессирован не был.*

Осенью 1934 г. меня вызвали в ОГПУ и предложили сообщать об этой группе и связанных с ней лицах старшего поколения. После этого участники группы продолжали собираться, обсуждая вопросы анархизма, получали и в индивидуальном порядке читали анархистскую литературу, собирали деньги на организацию «Черный крест» (был установлен взнос).

. . . . . .

Как я уже показал, на сборищах группы обсуждались вопросы анархизма и политической жизни. Члены группы поочередно встречались с Агнией Солонович и еще каким-то анархистом, фамилию его я сейчас не помню. Вплоть до ареста Налимова, Шаревского, Проферансова на этих сборищах присутствовала А. Солонович *в тех немногочисленных случаях, когда собрания группы проводились у нее на квартире.*

. . . . . .

Группа, в которую входили Шаревский, Налимов, Проферансов и я, в основном считала нужным заниматься агитацией и *пропагандой анархизма, критикой мероприятий Советской власти.*

. . . . . .

Члены этой группы считали политику, проводимую партией и Советским правительством, неправильной с точки зрения их анархистских мировоззрений. Прежде всего это касалось вопросов свободы слова, печати, запрещения других политических партий и групп. Также часто осуждалась в разговорах и беседах политика чрезмерного вложения усилий на будущее строительство и созидание социалистического общества в ущерб, якобы, непосредственному повышению экономического благосостояния населения.

Налимов также разделял эту точку зрения группы, придерживаясь в последние годы пропагандистских взглядов с позиций анархо-мистического и философского мировоззрения.

Одним словом, Налимов по своим взглядам был анархист и придерживался изложенных выше позиций. Конкретных же его высказываний я за давностью времени не помню...

Если считать, [что] первоначальными членами группы являлись Шаревский, Налимов, Проферансов и я, то к числу привлеченных лиц следует отнести: Игоря Тарле[41], отчество не помню, который, как я указал, умер в 1934 году.

В группу был также привлечен и Брешков...

Была попытка привлечь к работе группы Белобжевского М... После ареста членов группы Белобжевский не был репрессирован и, на-

[41] Замечу здесь, что Тарле и Брешкова ввел в наш коллектив именно Иоффе. По-видимому, то же пытался он сделать и с Белобжевским. У Иоффе был талант на это. Но зачем это все делалось — чтобы потом репрессировать?

сколько мне помнится, я по заданию НКВД еще раз встречался с ним примерно в 1937—38 гг. После этого мне было дано задание с ним не встречаться.

. . . . . .

Я хотел бы подчеркнуть, что члены группы считали себя организационно оформленными, и они различали встречи, связанные с деятельностью ее, от чисто личных встреч.

.....

В последнее время перед арестом Налимов и Проферансов пришли к выводу, что их анархистские взгляды не находят поддержки, а потому никакой антисоветской деятельностью, кроме указанной выше, не занимались. Считаю *вероятным*, что Налимов и Проферансов в дальнейшем, убедившись в нереальности их взглядов, отошли бы от всяких попыток организационного оформления своих убеждений.

. . . . . .

В сентяюре 1934 года я был вызван в ОГПУ и с того времени систематически информировал Органы о всем происходящем в группе и связанных с нею лицах.

Дополнений больше не имею.

Допросил: Старший следователь 2 отдела Следуправления КГБ при Совмине СССР Капитан Кремлев

Следователь 2 отдела Следуправления КГБ Капитан Захаров

И все-таки реабилитационный процесс начался. Но был он почему-то селективным. Аренский П. А. вместе с Болотовой А. О. (сестрой Солонович А. О.) были реабилитированы, кажется, первыми: 29 апреля 1955 года. Назаров М. А., несмотря на суровый приговор, реабилитирован 8 октября 1957 года, т. е. практически в тот же год, когда я и многие другие получили отказ. Агния Онисимовна Солонович была реабилитирована 17 января 1958 года; на нашем положении тогда это тоже никак не отразилось. Здесь есть над чем подумать. Возможно, процесс реабилитации определялся какими-то прошлыми личными связями с высокостоящими лицами.

Ниже приводится заключение по материалам проверки следственного дела СОЛОНОВИЧ А. О.

«УТВЕРЖДАЮ»
Зам. Главного военного прокурора
Полковник юстиции Терехов

1 февраля 1958 г.

8р—3506056/013335

Секретно
Экз. № 1

в Военную Коллегию Верховного Суда СССР

Заключение

(в порядке ст. 378 УПК РСФСР)

по делу СОЛОНОВИЧ А. О.

4 января 1958 г. Г. Москва

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры майор юстиции Кучин, рассмотрев архивно-следственное дело № М-6346 по обвинению СОЛОНОВИЧ А. О., материалы проверки по этому делу и заявление сына осужденной гр-на Солоновича С. А. о реабилитации его матери,

Установил:

29 июля 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР была осуждена по ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества

> СОЛОНОВИЧ Агния Анисимовна (правильно — Онисимовна.— *Ж. Д.*) 1888 года рождения, уроженка г. Карачева бывшей Брянской губернии, гр-ка СССР, б/п, до ареста работала машинисткой в музее им. Кропоткина.

Судом СОЛОНОВИЧ признана виновной в том, что она являлась активной участницей антисоветской анархической террористической организации, возглавляла и руководила Московским филиалом этой организации, будучи организационно связана с террористом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, разделяла террористические установки контр-революционной организации и оказывала в этом направлении содействие анархисту ШАРЕВСКОМУ, направленному в Москву СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем для организации террористических актов над руководителями партии и правительства (л. д. 168).

Обвинение СОЛОНОВИЧ основано на приобщенных к делу показаниях арестованных по другим делам ЛЯШУКА С. Р., ГОРИНЕВСКОГО Г. В., НАЗАРОВА М. А., БЕМА Д. А., МОКРИНСКОГО М. С., ВОЛКОВА Г. П.[42], КОРОСТЕЛЕВА Б. В. и свидетелей

[42] В материалах дела Солонович А. О. имеется Справка по архивно-следственному делу № 530, где сказано, что Волкову Г. Г. было предъявлено обвинение в том, что он, «являясь секретным сотрудником органов НКВД, не принимал мер к выполнению даваемых ему заданий, чем ослаблял борьбу с контр-революционными элементами. Умышленно небрежно относился к поручениям. Находясь в г. Петропавловске по заданию НКВД Казахской ССР, занялся пьянством, тем самым дискредитировал себя и не мог в силу этого выполнять данные ему поручения» (л. д. 190). 25 июля 1935 г. Особое Совещание постановило заключить Волкова в ИТЛ сроком на три года.

ИВАНОВОЙ-НЕЧАЯННОЙ О. К. и ИОФФЕ И. И., данных ими на предварительном следствии.

Сама же СОЛОНОВИЧ ни на предварительном следствии, ни в суде виновной себя в предъявленном ей обвинении не признала и показала, что ни в какой контр-революционной организации она не состояла. ГОРИНЕВСКОГО, ЛЯШУКА и др. знает, но их показания о том, что она и ее муж были руководителями контр-революционной организации, не верны. Она анархистка, но ни в какой группе не состояла. Все те лица, которые изобличают ее, также являлись анархистами, но никаких собраний у них не было, хотя они и встречались. Организация «Черный крест», членом которой она состояла, помогала материально заключенным анархистам. Деньги для помощи анархистам, получались путем сборов как на территории СССР, так и из Америки (л. д. 167).

Дополнительной проверкой, проведенной по настоящему делу в порядке ст. ст. 373—377 УПК РСФСР, в связи с жалобой сына осужденной — гр-на СОЛОНОВИЧА С. А., установлено, что СОЛОНОВИЧ А. О. осуждена необоснованно и приговор в отношении ее подлежит отмене, а дело прекращено по следующим основаниям.

Показания ЛЯШУКА, ГОРИНЕВСКОГО, НАЗАРОВА, БЕМА, МОКРИНСКОГО, ВОЛКОВА о том, что они — СОЛОНОВИЧ Агния и СОЛОНОВИЧ Алексей — являлись участниками антисоветской анархистской организации, возглавлявшейся якобы СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, не могут служить доказательством по делу, так как ЛЯШУК и ГОРИНЕВСКИЙ на допросах в 1956 г., а БЕМ и МОКРИНСКИЙ при рассмотрении их дел в суде от своих так называемых «признательных» показаний об их участии в антисоветской анархистской организации отказались и показали, что хотя по своим убеждениям и являлись анархистами, однако антисоветской деятельностью не занимались и в антисоветских организациях не состояли (л. д. 215—222, 274—282).

НАЗАРОВ М. А., как установлено проверкой его дела, был осужден необоснованно, и дело в отношении него определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 октября 1957 г. прекращено за отсутствием состава преступления. Показания НАЗАРОВА о якобы его совместной с СОЛОНОВИЧ антисоветской деятельности не могут служить доказательством по делу еще и потому, что посмертной судебно-психиатрической экспертизой установлено, что он страдал хроническим психическим заболеванием и являлся невменяемым (л. д. 236).

Осмотром архивно-следственных дел по обвинению СОЛОНОВИЧА Алексея и ШАРЕВСКОГО Иона, с которыми, согласно приговору, СОЛОНОВИЧ Агния была связана по совместной преступной деятельности, установлено, что СОЛОНОВИЧ Алексей, будучи в 1937 году привлечен к уголовной ответственности по обвинению в руководстве антисоветской анархистской организацией, якобы существовавшей в Москве и Западно-Сибирском крае, виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал, в процессе предварите-

льного следствия объявил голодовку и умер. Привлеченные к уголовной ответственности по одному делу с СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, БЕМ Д. А., МОКРИНСКИЙ М. С.— в суде, а ЗИЛЬБЕРГ С. М. (правильно — ЗИЛЬБЕР. *Ж. Д.*), БОЛОТОВА Н. С., ПРОКОПЕНКО О. Х. и ФИСУН П. А.— на предварительном следствии и в суде виновными себя в антисоветской деятельности также не признали (л. д. 215 –224).

Не признал себя виновным и ШАРЕВСКИЙ, который в суде показал, что он является убежденным анархистом-коммунистом, однако в анархистской организации не состоял и СОЛОНОВИЧ террористических заданий ему не давал (л. д. 230—231).

В показаниях ИВАНОВОЙ-НЕЧАЯННОЙ О. К. указано, что СОЛОНОВИЧ Агния в ее присутствии допускала антисоветские высказывания. Однако СОЛОНОВИЧ на очной ставке эти показания категорически отрицала, заявляя, что бесед на политические темы она с ИВАНОВОЙ-НЕЧАЯННОЙ никогда не вела, несмотря на ее неоднократные попытки начинать такого рода разговоры (л. д. 136—140).

Передопросить ИВАНОВУ-НЕЧАЯННУЮ в процессе проверки дела не представилось возможным (л. д. 300—302).

Что касается подтвержденного в процессе проверки дела участия СОЛОНОВИЧ в организации «Черный крест», занимавшейся оказанием материальной помощи репрессированным анархистам, и ее участия в нелегальном религиозно-мистическом кружке «Орден Тамплиеров», то при проверке, в том числе и в соответствующих государственных архивах, данных об антисоветской деятельности названных организации и кружка, а также лично СОЛОНОВИЧ Агнии не установлено (л. д. 175—183, 274—293).

К тому же ни по обвинительному заключению, ни по приговору суда СОЛОНОВИЧ не вменялось в вину ее участие в «Черном кресте» и «Ордене Тамплиеров» (л. д. 161—168).

Таким образом, в процессе дополнительной проверки установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о том, что СОЛОНОВИЧ Агния была осуждена без достаточных к тому оснований.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Дело с материалами проверки внести на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР с предложением: приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 июля 1937 г. в отношении СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны по вновь открывшимся обстоятельствам отменить, а дело о ней прекратить за недоказанностью предъявленного ей обвинения, т. е. по п. «б» ст. 204 УПК РСФСР.

Приложение: Архивно-следственное дело № М-6346 с материалами проверки в I томе от н/вх. № 018315 и 2-й экземпляр заключения — адресату.

Военный прокурор отдела ГВП
Майор юстиции Кучин

«СОГЛАСЕН»:
Старший помощник Главного
военного прокурора
Полковник юстиции Артемьев

9 января 1958 г.

Далее следует ОПРЕДЕЛЕНИЕ Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 1958 г., где говорится:

> Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 июля 1937 г. в отношении СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о ней производством прекратить за недоказанностью обвинения.

И все. Лаконично сформулировано оправдание по делу, где были исписаны тысячи протокольных страниц и гремели выстрелы. Если бы они умели возвращать еще и отнятые жизни!

Они умели только отнимать и времени на это тратили... 20 минут!

Вот протокольная запись их работы под председательством Ульриха, «маленького лысого человека с розовым лицом и подстриженными усиками»... который «судил знаменитостей»[43].

ПРОТОКОЛ

**ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР**[44]

29 июля 1937 г. город Москва

Председательствующий: Армвоенюрист В. В. Ульрих
Члены: Корвоенюрист Л. Я. Плавнек
Диввоенюрист Я. П. Дмитриев
Секретарь: Военный юрист I ранга А. Ф. Костюшко

Заседание открыто в 14 час. 00 мин.

---

[43] **Боль и память** (сост. Б. С. Бурков, В. А. Мякушков). М.: Республика, 1993, с. 35.

[44] Протокол и следующий за ним приговор отпечатаны на бланках.

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Солонович Агнии Онисимовны в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил, что получил.

Подсудимый никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявила.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновной себя не признает. Ни в какой контр-революционной организации она не состояла. Гриневского (надо — Гориневского.— *В. Н.*), Ляшука и др. знает, но их показания в том, что она и ее муж были руководителями контрреволюционной организации, не верны. Она анархистка, но ни в какой группе не состояла. Все те люди, которые изобличают ее, также являются анархистами, но никаких собраний у них не было, хотя они все и встречались.

Организация «Черный крест», членом которой она состояла, помогала заключенным анархистам. Об арестованных анархистах она узнавала от родных арестованных. Деньги для помощи арестованным получала из-за границы - Америки. О террористических настроениях своего мужа ничего не знала.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором она сказать ничего не пожелала.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председатель огласил приговор.

В 14 час. 20 мин. заседание закрыто.

ПРИГОВОР[45]

Именем Союза Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда СССР

В составе:

---

[45] Приговор напечатан на бланке, который по своему оформлению и размерам букв в шапке является самым «торжественным» документом Дела. Слово «Приговор» напечатано не просто очень большими — огромными буквами, как бы олицетворяя собой Державу, относящуюся с пиететом именно к этому слову.

Председательствующего Армвоенюриста В. В. Ульрих

Членов: Корвоенюриста Л. Я. Плавнек
Диввоенюриста Я. П. Дмитриева

При секретаре Военном юристе I ранга А. Ф. Костюшко

В закрытом судебном заседании в городе Москве 29 июля 1937 г. рассмотрела дело по обвинению СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны, 1888 года рождения, служащей, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Солонович А. О. являлась активной участницей антисоветской анархо-террористической организации, возглавляла и руководила Московским филиалом этой организации; будучи организационно связана с анархистом Солоновичем Алексеем, она разделяла террористические установки контр-революционной организации и оказывала в этом направлении содействие анархисту Шаревскому, направленному Солоновичем Алексеем в Москву для организации террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советской власти.

Находя таким образом установленным виновность Солонович в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК, приговорила Солонович Агнию Онисимовну к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления УПК Союза от 1 декабря 1934 г. приводится в исполнение немедленно.

Председательствующий Армвоенюрист Ульрих
Члены: Корвоенюрист Плавнек
Диввоенюрист Дмитриев

* * *

В «расстрельных списках» Вечерней Москвы мы нашли фамилии А. О. Солонович (от 7/VI-92) и И. И. Шаревского (от 2/XI-92) и теперь знаем, где, может быть, покоится их прах — могила № 1 на Донском кладбище в Москве. Мир вам, дорогие! Наша память и наша надежда:

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца...[46]

[46] А. Фет. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1988, с. 110.

Теперь о реабилитации, коснувшейся меня.

Секретно
Экз. № 1

В Президиум Московского Городского Суда

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

по делу ЛЯШУКА и других[47]

Постановлением ОС при НКВД СССР от 9 июля 1937 г. за контрреволюционную деятельность ЛЯШУК С.Р., ГОРИНЕВСКИЙ Г.В., НАЛИМОВ В.В., ПРОФЕРАНСОВ Г.Н., БРЕШКОВ И.С., КОРОСТЕЛЕВ Б.В. и ГУБЕРТ-ПОСПЕЛОВА В.В. были заключены в ИТЛ сроком на 5 лет каждый.

Васильева Е.М. была лишена права проживания в 15 пунктах СССР сроком на 3 года.

Указанное постановление ОС в отношении всех перечисленных лиц подлежит отмене по следующим мотивам:

ЛЯШУК, ГОРИНЕВСКИЙ и другие обвинялись в принадлежности к контрреволюционным анархистским группам, руководителями которых были СОЛОНОВИЧ Агния, СОЛОНОВИЧ Алексей и ШАРЕВСКИЙ Ион, а также в активной контрреволюционной деятельности. а ВАСИЛЬЕВА — в недоносительстве об их контрреволюционной деятельности.

Совместно с ними по этому делу были осуждены АРЕНСКИЙ П.А. и БОЛОТОВА А.О., в отношении которых определением судебной коллегии по уголовному делу Верховного Суда СССР от 28 декабря 1955 г. дело производством прекращено.

Основанием к осуждению Ляшука и других послужили показания осужденных Брешкова, Проферансова, Ляшука, Коростелева и Гориневского, которые показали, что они являлись участниками контрреволюционной анархистской группы, устраивали сборища и обсуждали на них вопросы борьбы с Советским государством. Одновременно с этим читали анархистскую литературу и вели беседы на теософские и религиозные темы. Кроме того, состояли в анархистских организациях «Орден Тамплиеров» и «Черный крест», занимавшейся сбором средств для помощи репрессированным органами Советской власти анархистам.

В проведении контрреволюционной деятельности Ляшук, Гориневский и другие изобличались показаниями свидетелей Иоффе, Черкаева и Жука и осужденных по другим делам Бема, Назарова, Мокринского.

[47] Протест возник по ходатайству Ляшука, в не как естественное следствие реабилитации А.О. Солонович — главной фигуры по делу.

В поданных жалобах Ляшук, Губерт-Поспелова, Налимов, Васильева виновность свою в контрреволюционной деятельности отрицают, а Ляшук заявил, что признавался по принуждению. То же заявил и Гориневский при допросе его в 1956 г.

Коростелев при объявлении ему об окончании следствия также отказался от показаний и заявил, что он виноват только в недоносительстве.

Васильева хотя на следствии себя виновной не признала и отрицала вину своего сына Проферансова, однако также заявляет, что по отношению к ней допускались недозволенные меры воздействия.

Свидетель Черкаев на допросе в 1956 г. свои показания о Гориневском, данные им в 1937 г., не подтвердил.

Осужденные по другому делу Бем и Мокринский в Суде от своих показаний, в которых они изобличали в контрреволюционной деятельности себя и осужденных по настоящему делу лиц, отказались.

На следствии Ляшук, Брешков, Проферансов и другие, показывая о своей контрреволюционной деятельности, называли как организаторов и руководителей их антисоветской группы Шаревского, Солоновича Алексея, Солонович Агнию и Назарова. Однако материалами дополнительной проверки, проведенной по делу СОЛОНОВИЧ Агнии, установлено, что Солонович Агния и Назаров были осуждены необоснованно и дела в отношении их производством прекращены. (В отношении НАЗАРОВА — определение Военной Коллегии Верх. Суда СССР от 8 окт. 1957 г., а СОЛОНОВИЧ А. О. — 17 апр. 1958.)

Дело по обвинению Солонович Алексея до конца расследовано не было и прекращено за его смертью.

По его показаниям, а также по показаниям Шаревского, Ляшук и другие осужденные по настоящему делу не проходят.

Таким образом, контрреволюционная деятельность со стороны Ляшука и других не установлена, а показания свидетеля Иоффе, который представлял материалы о контрреволюционной деятельности осужденных по этому делу и по ряду дел, не подтвердились, а показания *Проферансова опровергнуты Васильевой.*

По делу следует считать установленным то, что осужденные разделяли анархистские идеи и при встречах между собой вели беседы на философско-теософские темы, в чем нет состава преступления.

При указанных обстоятельствах осуждение Ляшука, Гориневского и других является необоснованным, и, руководствуясь статьей 48 Закона об Основах уголовного судопроизводства СССР и Союзных республик,

ПРОШУ:

Постановление Особого Совещания при Народном Комиссариате Внутренних дел СССР от 9 июля 1937 г. в отношении ЛЯШУКА С. Р., ГОРИНЕВСКОГО Г. В., НАЛИМОВА В. В., ПРОФЕРАНСОВА Г. Н., БРЕШКОВА И. С., КОРОСТЕЛЕВА Б. В., ГУБЕРТ-ПОСПЕЛОВОЙ В. В. и ВАСИЛЬЕВОЙ Е. М. отменить и дело производством прекратить за недоказанностью обвинения.

Заместитель Генерального прокурора СССР
Государственный советник юстиции I класса А. Мишутин

Далее я получил две завершающих справки.

№ 5 ПС 205/10

16 мая 1960 г.

Справка

Дело по обвинению гр. Налимова Василия Васильевича, работавшего до ареста научным сотрудником Центральной лаборатории контрольно-измерительных приборов пищевой промышленности, пересмотрено Президиумом Московского городского суда 9 мая 1960 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 9 июля 1937 года отменено, а дело в отношении гр. Налимова Василия Васильевича, 1910 года рождения, прекращено за недоказанностью обвинения.

Председатель Московского Городского Суда Л. Громов.

№ 5 ПС 201/60

16 мая 1960 г.

Справка

Дело по обвинению гр. Налимова Василия Васильевича, работавшего до ареста заведующим спектральным отрядом Средне-Азиатского геофизического треста, пересмотрено Президиумом Московского городского суда 9 мая 1960 года.

Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 20 апреля 1949 года отменено, а дело в отношении гр. Налимова Василия Васильевича, 1910 года рождения, производством прекращено на основании статьи 4 п. 5 УПК РСФСР.

Председатель Московского Городского Суда Л. Громов.

6. Эпилог

Восточный отряд Ордена Тамплиеров оказался разгромленным. Он перестал существовать, по крайней мере в той форме, в которой он был задуман Карелиным. (Правда, мы ничего не знаем о тех, чьи имена на допросах все же не были упомянуты.)

Сейчас, вглядываясь в прошедшее, приходится признать, что слишком много участников движения не выдержали напряжения. Сдались. Оговорили других. Бросили тень на движение в целом. А клятву верности при посвящении давали все[48].

[48] Гориневский пытался найти объяснение случившемуся, хотя бы в личном плане. В своих Воспоминаниях, фрагменты которых опубликованы в журнале **Путь**, 1993, № 3, он пишет:

Ряд открытых процессов-инсценировок, имевших место все

Реабилитация очистила движение, и это уже само по себе удивительно. Но было уже поздно. Духовный потенциал, заданный Карелиным, кажется, исчерпался.

Существенным оказалось то, что ничто не дает устойчивости в борьбе — ни высокие степени посвящения, ни многолетний духовный опыт, ни братские связи. Что же может гарантировать от падения?

А если ничто, то как возможна какая-либо деятельность в тоталитарных режимах?

Сдаваться сразу же без борьбы? Нет. Никогда!

И вдруг я понял, что борьбу мы вели не столько со следователями, сколько с самими собой. Человек оказывается врагом себе самому. Внешний враг — это только провокация, только вызов на бой; а дальше все свершается внутри себя[49].

Пусть придет прощение!

Пусть прозвучат в веках имена тех, кто погиб в неравной борьбе!

последнее время в жизни нашего государства, и соответствующие намеки следователя создали у меня убежденность, что подготовляется спектакль, где придется фигурировать в качестве действующих лиц анархистам-мистикам, к которым принадлежал я и многие мои друзья... Ожидание открытого процесса было большой ошибкой с моей стороны, предопределившей мое поведение... Мне не хотелось, чтобы меня публично уличали в противоречиях, во лжи, и мне казалось, что правильнее выступить с открытым забралом начистоту... (с. 229)

Сомнения в правильности моего поведения мучили меня почти с самого начала, но сказанного на первых допросах вернуть было невозможно, и пришлось держаться неправильно выбранного курса ответов...

Тут очень сказалась одна черта моего характера, которую я не подозревал в себе, но которая не раз мне причиняла вред...

...Откуда явилась эта черта — не знаю! Черта эта заключалась в том, что я не всегда держался ранее принятого решения и мог в процессе беседы переменить решение себе во вред. Почему я это делал? Во всяком случае, не под влиянием страха, т. к. очень часто я ставил себя под больший удар, чем если бы я остался на прежней тактической позиции... Это было скорее «перемудрил». Это было иной раз желание резать правду, а не вилять на каких-то шатких позициях... (с. 230)

[49] Эта мысль прекрасно подтверждена в приведенных выше покаянных словах Гориневского.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО?

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,

Чем воздух — под ногой своей крылатой!

М. Цветаева [1]

Посмотрите — вот он
без страховки идет.
Чуть правее наклон —
упадет, пропадет!
Чуть левее наклон —
все равно не спасти...

В. Высоцкий [2]

Гражданское же мужество вырастает только из свободной ответственности свободного человека... Она опирается на того Бога, который требует свободного риска веры в ответственном поступке и обещает прощение и утешение тому, кто из-за этого стал грешником.

Д. Бонхёффер [3]

---

[1] М. Цветаева. «Да, вздохов обо мне»... В кн.: М. Цветаева. **Сочинения в двух томах.** М., 1984, с. 134.

[2] В. Высоцкий. Натянутый канат. В кн.: В. Высоцкий. **Четыре четверти пути.** М., 1988, с. 152.

[3] Д. Бонхёффер. **Сопротивление и покорность.** М.: Прогресс, 1994, с. 31.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Пролог 7

Преддверие: Фрагменты семейной хроники в дни революционного террора, когда новые смыслы жаждали крови 9

Часть I

Родители: Страницы из истории русской интеллигенции начала XX века 25

Глава I. **Непокорившийся: путь инородца в России. Профессор Василий Петрович Налимов в воспоминаниях сына** 27

1. Введение 27
2. Родина и характер 29
3. Становление этнографа. Экстерн и переход в другое сословие 31
4. Студенчество 35
5. Язычество против православия в понимании этнографа 41
6. В купеческом городе. Магистратура. Встреча с революцией 47
7. Близость к философскому анархизму . . . 53
8. Легенда о паме Шипичá. Народная магия . . 54
9. Возвращение в Москву. Профессорство . . . 61
10. Экспедиции 64
11. Общественная устремленность 65
12. Завершение этнографической деятельности . 66
13. Обращение к географической топонимии . . 68
14. Первый арест 70
15. Второй арест 72
16. Документально оформленное завершение . . 72
17. Завершающее слово: попытка понять свершившееся 77
18. Приложение: Протокол допроса по жалобе обвиняемого Василия Петровича Налимова . . 85

Список опубликованных работ проф. В. П. Налимова 90

Глава II **Подвижница. Врач Надежда Ивановна Тотубалина-Налимова в воспоминаниях сына. Немного о приволжском купечестве** 92

1. Реквием 92
2. Тихие дни прошлого 93
3. Торговый дом Тотубалиных 94

Часть II

Поиск пути 99

Глава III **Судьбинность. Связь личного пути с планетарной судьбой** 101
Преддверие личного пути 101

Глава IV **Детство и школьные годы** 106

1. Детство 106
2. Общеобразовательная школа 110
3. Спецкурсы 115
4. Проблески свободы в школе тех лет 120

Глава V **Предуниверситетское время и университет** 122

1. Год самообразования 122
2. Наконец, университет 124
3. Первый серьезный политический конфликт . . 128

Глава VI **Продолжение образовании. Встреча с физическим экспериментом** 134

Глава VII **В поисках смыслов. Встреча с радикальным инакомыслием** 140

1. Введение 140
2. Выдержки из тетрадей А. А. Солоновича . . . 143
3. Моя близость к идеям Солоновича и мои расхождения с ним 161

Часть III

По велению правящей партии 171

Глава VIII **Арест. Бутырская тюрьма. Большой этап** . . . 173

1. Они пришли 174
2. Допросы 175

3. Тюремные будни 179
4. Приговор 185
5. Сибирский тракт 187
6. Бухта Золотого Рога 188

Глава IX **Колыма лагерная** 192

1. Завод магаданский 192
2. Золотоносные прииски 194
3. Оротуканский завод горного оборудования . . 207

Глава X **Колыма после освобождения** 210

1. Заведующий лабораторией 210
2. Приезд жены 218

Глава XI **Постколымские скитания (и снова встреча с органами безопасности)** 223

1. Москва во мраке 223
2. Странствия по стране 228
3. Второй приговор. Вечная ссылка 233

Глава XII **Возвращение в Москву свободным** 240

1. В Институте научной информации АН СССР. Защита первой диссертации 240
2. Математика становится основной деятельностью 243
3. Неожиданная реабилитация 248

Часть IV

Попытка сказать свое слово 267

Глава XIII **Снова в Московском университете. Десять лет совместно с Андреем Николаевичем Колмогоровым** 269

1. Первая встреча 270
2. Организация Лаборатории 271
3. Зарисовка некоторых мыслей Андрея Николаевича 276
4. За кулисами сцены 287
5. Гибель Лаборатории 289

Глава XIV **На Биологическом факультете. В поисках нового миропонимания** 293

1. В плане историческом 293
2. Сегодняшний день 301

Часть V

Размышления о пройденном 303

Глава XV **Несколько слов об истории мистического анархизма в России** 305

1. Введение 305
2. Анархо-мистическое движение в России . . . 307
3. Масштабы движения 309
4. Жертвенность 310
5. Готовность российской интеллигенции к принятию нового мистического движения 311
6. Идейные предпосылки 312
7. Противостояние государственной власти и Православию 317
8. Несколько личностных характеристик. Расправа. 324
9. Занавес опустился 331

Глава XVI **Анализ репрессивной деятельности** 335

1. Следствие 335
2. Исправительно-трудовая система 340
3. Была ли у нас демократия? 342

Глава XVII **В защиту анархизма** 344

1. Введение 344
2. Насилие против ненасилия 345
3. Заключение: безвластие как идеал социальной праведности 352

Глава XVIII **Взгляд в будущее** 355

1. Непредсказуемость будущего 355
2. Торжество глупости 357
3. Философия зла 359
4. Долг философа 361

Глава XIX **Завершающее слово** 364

Приложение I Публикации автора 370

1. Статьи 370
2. Книги 372

Приложение II. (Розыскное дело. Копии некоторых документов) 374

1. Введение 374
2. Под ударом допросов 377
   А. Прямое нападение на меня 377
   Б. Позиция ближайших коллег 384
3. Разгром старших 392
4. Обвинительное заключение 426
5. Реабилитационный процесс 433
   А. Первая попытка 433
   Б. Вторая попытка 434
6. Эпилог 449

Гражданское мужество? 451

В. В. Налимов
КАНАТОХОДЕЦ

Редактор И. И. Блауберг. Художник А. Н. Дьячков. Художественный редактор В. К. Кузнецов. Технические редакторы С. Л. Рябинина, В. А. Юрченко. ИБ № 19897. ЛР № 060775 от 25.02.92. Сдано в набор 11.02.94. Подписано в печать 3.10.94. Формат 84 × $108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,94. Усл.кр.отт. 24,36. Уч.изд.л. 21,12. Тираж 5000 экз. С 456. Заказ № 153. Изд. № 49266.

А/О «Издательская группа «Прогресс».
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Комитета РФ по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

"Великое Знание динамично. Его надо раскрывать заново каждый раз. Мы — служители, выполняющие эту роль".